

НОАМ ХОМСКИЙ

НЕСОСТОЯТЕЛЬНЫЕ ШТАТЫ

Злоупотребление властью
и атака на демократию

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

THE AMERICAN EMPIRE PROJECT

NOAM CHOMSKY

AUTHOR OF *HEGEMONY OR SURVIVAL*

**FAILED
STATES**

The Abuse of Power and
the Assault on Democracy

НОАМ ХОМСКИЙ

НЕСОСТОЯТЕЛЬНЫЕ ШТАТЫ

Злоупотребление властью и атака на демократию

*Перевод с английского
Владимира Панова*

МОСКВА 2007

УДК 32(73)«19/20»
ББК 66.2(7Coe)
X76

Noam Chomsky
Failed States:
The Abuse of Power and the Assault on Democracy

Школа перевода В. Баканова

Публикация книги в серии «Точка зрения» не означает,
что издательство разделяет мнение автора по данному вопросу.
Мы всегда готовы предоставить слово его оппонентам.

Хомский, Ноам.

X76 Несостоятельные Штаты: злоупотребление властью и атака на демократию/Ноам Хомский; пер. с англ. Владимира Панова. — М.: СТОЛИЦА-ПРИНТ, 2007.— 480 с. — (Точка зрения).

ISBN 978-5-98132-123-8 (рус.)
ISBN 978-0-8050-7912-8 (англ.)

Соединенные Штаты неоднократно заявляли о своем праве на военное вмешательство в дела «несостоятельных государств» во всем мире. В своей долгожданной книге, ставшей продолжением международного бестселлера «Гегемония или борьба за выживание», Ноам Хомский утверждает обратное, доказывая, что у самих Соединенных Штатов обнаруживаются те же черты, что и у других несостоятельных государств, и поэтому США представляют собой все более серьезную опасность для собственного населения и мира в целом.

УДК 32(73)«19/20»
ББК 66.2(7Coe)

ISBN 978-5-98132-123-8(рус.)
ISBN 0-8050-7688-3 (англ.)

Copyright © 2007 by Aviva Chomsky, Diana Chomsky and Harry Chomsky
© В. Панов, перевод, 2007
© ООО «Издательство СТОЛИЦА-ПРИНТ», 2007

Предисловие

Выбор проблем, которым придается особое значение в ходе борьбы за благосостояние и права людей, является делом субъективным, и это естественно. Вместе с тем существует ряд трудностей, которые никак нельзя оставить без внимания, поскольку они самым непосредственным образом связаны с перспективами нашего благополучного выживания. Среди них следует назвать как минимум три: ядерную войну, экологическую катастрофу и то обстоятельство, что правительство самой могущественной мировой державы своими действиями увеличивает вероятность и того и другого. Отметим также, что речь идет именно о деятельности правительства, поскольку население страны, что естественно, с правительством не согласно. И здесь на первый план выходит проблема, которая должна серьезно беспокоить американцев и весь остальной мир: глубокая пропасть между общественным мнением и политикой государства. Она явилась одним из факторов, породивших опасения, что «американская «система», как единый механизм, испытывает серьезные трудности, и что она

избрала курс, ведущий к краху таких ее исторических ценностей, как равенство, свобода и подлинная демократия»⁽¹⁾.

Эта «система» постепенно приобретает черты «несостоятельного государства», если воспользоваться модным в последнее время термином, широко применяемым для обозначения стран, воспринимающихся в качестве потенциальной угрозы для нашей безопасности (например, Ирака) либо нуждающихся в нашей интервенции для спасения от грозных внутренних опасностей (например, Гаити). Хотя этот термин и признается «досадно неопределенным», некоторые характерные особенности несостоятельных государств все-таки можно указать. Одна из них – неспособность или нежелание защищать своих граждан от насилия, а в ряде случаев – даже от уничтожения. Другая особенность заключается в склонности подобных стран ставить себя выше внутригосударственного или международного права, откуда проистекает стремление к внешней агрессии и насилию. Если же такое государство имеет демократический строй, то оно страдает от острого «дефицита демократии», лишаяющего формальные демократические институты подлинно демократического смысла⁽²⁾.

Честно посмотреть на себя в зеркало – вот одна из самых главных и самых важных задач, стоящих перед каждым человеком. Если мы поступим таким образом, то легко сможем обнаружить черты «несостоятельного государства» в собственной стране. Признание подобной действительности безразлично для людей, которым не наплевать на судьбу их стран и будущих поколений. Я написал «страны» во множественном числе, поскольку могущество США простирается невероятно далеко, а вышеуказанные опасности не ограничены в пространстве или во времени.

Первая половина этой книги посвящена преимущественно угрозе всеобщего уничтожения, нараста-

ющей из-за действий государственной власти США, попирающей международное право. И это является предметом особого беспокойства для граждан сильнейшей мировой державы, как бы они ни оценивали сопряженные с этим опасности. Основной темой второй половины книги являются демократические институты – какими их воображает себе политическая элита, и как они действуют в реальности, содействуя «продвижению демократии» за рубежом и преобразуя ее внутри страны.

Рассматриваемые вопросы тесно переплетаются друг с другом сразу в нескольких контекстах. Чтобы избежать избыточных примечаний, при обсуждении данных проблем я буду опускать источники, если их можно легко найти в моих последних книгах ⁽³⁾.

Острый, пугающий и неизбежный выбор

Полвека назад, в июле 1955 года, Бертран Рассел и Альберт Эйнштейн опубликовали необычное послание людям, в котором попросили их взглянуть на себя «лишь как на членов биологического вида, имеющего замечательную историю и исчезновения которого никто из нас не желает». Перед миром встал «острый, пугающий и неизбежный выбор: погубим ли мы человечество, или же оно сможет отказаться от войны?»⁽¹⁾.

От войны мир не отказался – как раз наоборот. Сегодня держава, являющаяся глобальным гегемом, ведет боевые действия, когда пожелает, руководствуясь ничем не ограниченной доктриной «упреждающей самозащиты». Международное право, договоры и нормы – все это США, принимая весьма самоуверенный вид, безжалостно обрушивают на других, а для себя считают ни к чему не обязывающим. И это давно укоренившаяся практика, которую администрации Рейгана и Буша-второго лишь подняли на новые высоты⁽²⁾.

Принцип универсальности является одной из элементарнейших основ морали: мы должны руководствоваться теми же самыми – если не еще более жесткими – стандартами, которые применяем к другим. Для западной интеллектуальной среды особенно примечательным является частое пренебрежение этим принципом. А если же время от времени он и упоминается, то осуждается как нечто оскорбительное. Это особенно постыдно для тех, кто выставляет напоказ свое христианское благочестие и, следовательно, знаком с евангельским определением лицемерия⁽³⁾.

Обозреватели, опираясь исключительно на высокопарную риторику политического руководства, призывают нас отдавать должное искренним проповедям «ясной морали» и «идеализма», с которыми оно выступает. Вот один из бесчисленных примеров: известный ученый Филип Зеликоу заключает о «новом приоритете моральных принципов» в администрации Буша по «риторике администрации» и одному-единственному факту: предложению увеличить помощь развивающимся странам, пропорционально помощи, которую другие развитые страны оказывают, исходя из размеров своей экономической мощи⁽⁴⁾.

Риторика и в самом деле впечатляет. «Я всей душой предан этому начинанию», – заявил президент в марте 2002 года, основывая «Миллениум Челлендж Корпорэйшн», организацию, призванную финансировать борьбу с нищетой в развивающихся странах. В 2005 году, после того как администрация Буша урезала проект ее бюджета на несколько миллиардов долларов, корпорация удалила это высказывание со своего сайта. Как пишет экономист Джеффри Сакс, руководитель корпорации подал в отставку, «не добившись реализации программы и получив вместо обещанных вначале десяти миллиардов долларов ничтожные ассигнования». Буш не ответил и на призыв премьер-министра Тони Блэра вдвое увеличить

помощь Африке. Он, правда, выразил готовность присоединиться к предложению других промышленно развитых стран сократить долг африканских государств, но только в том случае, если и помощь будет урезана соответственно. Эти меры, как отмечает Сакс, «равносильны смертному приговору для более шести миллионов африканцев, которые будут ежегодно умирать от вполне излечимых болезней». Когда Джон Болтон, новый посол США в Организации Объединенных Наций, назначенный Бушем, приступил к работе в 2005 году, он сразу же потребовал исключить из документа по проблемам «нищеты, половой дискриминации, голода, начального образования, детской смертности, материнского здоровья, окружающей среды и болезней», который подготовили после длительных переговоров, «любые упоминания “задач развития тысячелетия”»⁽⁵⁾.

Риторика всегда бывает ободряющей, и нам предписано восторгаться искренностью людей, из чьих уст она исходит. И даже когда они действуют в духе, заставляющем вспомнить высказывание Алексиса де Токвиля о том, что Соединенные Штаты «сумели уничтожить расу индейцев... не нарушая в глазах целого мира ни единого основного принципа нравственности»⁽⁶⁾.

Современные политические доктрины часто называют «двойным стандартом». Этот термин неточен. Его можно гораздо точнее определить как «единственный стандарт», ясный и недвусмысленный, тот стандарт, который Адам Смит назвал «отвратительной максимой вершителей судеб человечества: все для нас, и ничего – для всех остальных». Со времен Смита изменилось многое, но эта отвратительная максима также в ходу⁽⁷⁾.

Этот единственный стандарт пустил столь глубокие корни, что его уже перестали осознавать. Возьмем «террор», самую злободневную проблему. Здесь стан-

дарт действует в чистом виде: акты их террора против нас и наших сателлитов – наивысшее зло, тогда как наших актов террора против них попросту не существует. А если они и существуют, то представляются полностью приемлемыми. Это хорошо иллюстрирует террористическая война Вашингтона против Никарагуа 80-х годов – случай недвусмысленно ясный для тех, кто убежден, что Международный суд и Совет Безопасности ООН (которые осудили США) имеют в подобных вопросах определенный вес. Государственный Департамент подтвердил, что вооруженные силы под руководством США, наносившие удары по Никарагуа с американских военных баз на территории Гондураса, получили разрешение атаковать «слабые цели», то есть незащищенные гражданские объекты. Протест «Американ Уотч» встретил жесткий отпор со стороны такого уважаемого представителя «левых», как Майкл Кинсли, редактор «Нью Рипаблик». Он терпеливо разъяснил: террористические атаки гражданских целей следует оценивать с прагматических позиций. «Разумная политика должна отвечать, с одной стороны, требованиям анализа стоимости и эффективности тех человеческих жертв и бедствий, на которые придется согласиться, и с другой стороны, вероятности развития демократии» – разумеется, такой, как ее определяют политические элиты США⁽⁸⁾.

Подобные допущения не оспариваются и едва ли вообще осознаются. В 2005 году пресса сообщила, что администрация Буша столкнулась с серьезной «дилеммой»: Венесуэла потребовала выдачи одного из самых отъявленных латиноамериканских террористов, Луиса Посады Каррилеса, которого обвиняли во взрыве самолета компании «Кубана», в результате чего погибли семьдесят три человека. Обвинения были обоснованными, однако существовала серьезная трудность. После того как Посада бежал из ве-

несуэльской тюрьмы, он был «нанят тайными агентами американских спецслужб, чтобы руководить из Сальвадора снабжением никарагуанских контраст» – то есть он сыграл важную роль в террористической войне, которую Вашингтон вел против Никарагуа. В этом и коренится дилемма. «Выдача его правосудию станет для тайных агентов, работающих за границей, тревожным сигналом о том, что они не могут рассчитывать на безоговорочную поддержку правительства США, и, кроме того, она может поставить ЦРУ в неловкое положение из-за публичных откровений бывшего агента». Нежелание усмотреть во всем этом небольшую проблему можно считать входным билетом в сообщество уважаемых интеллектуалов⁽⁹⁾.

В то самое время, когда Венесуэла обратилась к США с призывом о выдаче, Сенат и Палата Представителей США подавляющим большинством голосов приняли закон, согласно которому американская помощь не предоставлялась странам, ответившим отказом на запросы об экстрадиции (имеются в виду, разумеется, запросы США). Регулярные же отказы Вашингтона удовлетворить просьбы других стран об экстрадиции террористов проходили без каких-либо комментариев. Впрочем, были озвучены и некоторые опасения: теоретически этот закон мог оставить без помощи Израиль, который отказывался выдавать США человека, обвинявшегося «в совершении в 1997 году в Мериленде жестокого убийства, бежавшего в Израиль и заявившего о том, что по линии своего отца он является гражданином этой страны»⁽¹⁰⁾.

«Дилемма Посады», к счастью, была решена – по крайней мере, временно – в судебном порядке. Американские суды отклонили запрос Венесуэлы, нарушив американо-венесуэльский договор об экстрадиции. На следующий день глава ФБР Роберт Мюллер призвал Европу ускорить выдачу преступников США.

«Мы всегда стремимся сделать все возможное, чтобы убыстрить процесс экстрадиции, – заявил он. – Действенное, эффективное отправление правосудия мы считаем своим долгом перед жертвами терроризма». На иберо-американском саммите, который состоялся вскоре после этого, лидеры Испании и стран Латинской Америки «поддержали усилия Венесуэлы, направленные на экстрадицию Посады для проведения суда» за взрыв авиалайнера «Кубаны». Однако они отмежевались от своих слов после того, как американское посольство заявило протест против этой акции.

Впрочем, Вашингтон не только отказывает в выдаче террористов или игнорирует запросы об их экстрадиции. Для оправдания преступлений он использует и такое средство, как президентское помилование. Буш-первый помиловал Орlando Боша, известного международного террориста и пособника Посады, несмотря на протесты Министерства юстиции, которое заявляло, что Бош представляет собой угрозу национальной безопасности и должен быть депортирован. Бош спокойно живет в Соединенных Штатах, – может быть, в одном из тех мест, которые по-прежнему служат базами международного терроризма и где к нему присоединится и Посада⁽¹¹⁾.

При этом никто не допускает дикой мысли о том, что США следует подвергнуть бомбардировкам в соответствии с доктриной Буша-второго, гласящей, что «те, кто укрывает у себя террористов, так же виновны, как и сами террористы». Президент озвучил ее, когда афганское правительство запросило доказательства, прежде чем передавать США лиц, подозреваемых в терроризме (без достаточных на то оснований, как позже признал Роберт Мюллер). Грэм Эллисон, специалист по международным отношениям из Гарварда, пишет, что доктрина Буша уже стала «де-факто правилом международных отношений»: она отказывает в суверенитете «государствам, которые

предоставляют террористам убежище». Разумеется, это касается только некоторых государств – благодаря исключениям, предусмотренным «единственным стандартом»⁽¹²⁾.

Действие этого стандарта распространяется также на оружие и прочие средства разрушения. Расходы США на оборону приблизительно равны расходам на оборону всех государств мира, вместе взятых, тогда как на долю тридцати восьми североамериканских компаний (одна из них находится в Канаде) приходится свыше 60 % мирового объема торговли оружием. Более того, в средствах разрушения сильнейшую державу Земли мало что ограничивает. Рёвен Педатзур, известный израильский военный аналитик, пишет: «В эпоху единственной и безжалостной сверхдержавы, чье господство грозит переделать мир в соответствии с теми взглядами, которые она ему навязывает, ядерное оружие стало заманчивым средством ведения войн, даже против врагов, которые таким оружием не располагают»⁽¹³⁾.

Когда Макса Бута, ведущего научного сотрудника Совета по международным отношениям, спросили: «Почему США должны тратить огромные средства на оборону, а Китай – воздерживаться от этого?», он ответил просто: «Мы гарантируем безопасность в мире, защищаем своих союзников, держим открытыми важнейшие морские пути и ведем войну с террором, в то время как Китай угрожает другим странам и способен развязать гонку вооружений». (Подобные действия, конечно же, немыслимы для Соединенных Штатов.) Разумеется, только безумец, одержимый «теорией заговора», может утверждать, что США контролируют морские пути лишь для достижения своих внешнеполитических целей, а никак не для всеобщей пользы, и что значительная часть человечества считает Вашингтон (особенно с начала президентства Буша-второго) главной угрозой

безопасности в мире. Последние опросы общественного мнения показали, что Франция, наряду с Европой в целом и Китаем, «повсеместно воспринимается как страна с позитивным мировым влиянием», тогда как «странами, чье мировое влияние повсеместно воспринимается как негативное, являются США и Россия». Однако и этому есть простое объяснение. Буш на каждом шагу объясняет, что «Европа часто руководствуется алчностью» и «циничные европейцы» не могут уловить тот «элемент идеализма», который движет внешней политикой США. «Прошло двести лет, а Европа до сих пор не поняла, что именно руководит Америкой». Эту хромающую логику разделяют и другие. Особенно те, кто принадлежит к правительственным кругам, имеет внушительный опыт и потому заблуждается особенно глубоко. В число опрошенных стран, особенно негативно оценивающих роль США в мире, входит и Мексика⁽¹⁴⁾.

Всю степень нашей ответственности за сохранение – и усугубление – угроз, что нависли над нашим исчезающим биологическим видом, иллюстрируют ход и результаты пересмотра Договора о нераспространении ядерного оружия, к которому мы еще вернемся. Участники конференции по Договору были особенно озабочены намерением Вашингтона «отпустить ядерные тормоза» и тем самым «сделать большой и опасный шаг к превращению атомной бомбы в законное средство ведения войны». Едва ли потенциальные последствия пересмотра могли быть более угрожающими⁽¹⁵⁾.

Угроза тотального уничтожения

Опасность ядерной катастрофы, на которой заострили свое внимание Рассел и Эйнштейн, не является абстракцией. Нам уже приходилось оказываться на

границ атомной войны. Особую известность получил Карибский кризис октября 1962 года, когда, по мнению двух видных исследователей, мы буквально чудом не канули в «ядерное забвение». На прошедшей в 2002 году в Гаване конференции, посвященной этому событию, историк Артур Шлезингер, советник Кеннеди, назвал данный кризис «самым опасным моментом в истории человечества». Участники конференции узнали, что опасность была более страшной, чем они ее себе представляли. Они осознали, что «всего одно слово» отделяло их от первого применения ядерного оружия со времен Нагасаки, как сообщил Томас Блентон из Национального архива безопасности, который содействовал организации конференции. Он сослался на вмешательство Василия Архипова, командира советской подводной лодки, который отменил приказ использовать торпеды с ядерными зарядами, когда его соединение было атаковано американскими эсминцами. А ведь все это могло привести к ужасающим последствиям⁽¹⁶⁾.

Среди высокопоставленных авторов стратегического планирования, которые посетили памятную конференцию в Гаване, был Роберт Макнамара, министр обороны при Кеннеди. В 2005 году он вспоминал, что во время ракетного кризиса «мир был на волоске от ядерной катастрофы». Свои воспоминания Макнамара дополнил предостережением о «грядущем апокалипсисе», назвав нынешнюю политику Соединенных Штатов в области ядерных вооружений аморальной, незаконной, лишенной военной необходимости и чудовищно опасной. Эта политика подвергает «недопустимому риску как другие государства, так и наше собственное» (из-за «неприемлемо высокой» опасности «случайного или ложного запуска ядерных ракет» или атомной атаки террористов). Макнамара подтвердил следующие слова Уильяма Перри, министра обороны при Клинтоне: «Существует более чем

пятидесятипроцентная вероятность ядерного удара по целям в США в течение ближайшего десятилетия»⁽¹⁷⁾.

Как сообщает Грэм Эллисон, в сообществе экспертов, занимающихся национальной безопасностью, единодушно считают, что если расщепляемые материалы – важнейший компонент ядерного оружия – не будут должным образом оберегаться и храниться, то применение «грязной бомбы» неизбежно, а ядерный удар – весьма вероятен. Оценивая частичные успехи, которыми в начале девяностых увенчались инициативы сенаторов Сэма Нанна и Ричарда Лугара, Эллисон описывает, как администрация Буша свела на нет их достижения в первые же дни работы. Программы предотвращения «неизбежного ядерного удара» политические стратеги Буша отложили в сторону, поскольку сначала они направили свои усилия на подготовку страны к войне, а затем старались только ограничить масштабы катастрофы, которую вызвали в Ираке⁽¹⁸⁾.

В журнале американской Академии наук и искусств, который не склонен к преувеличениям, стратегические аналитики Джон Стейнбрунер и Нэнси Галлахер предупреждают, что военные программы администрации Буша и ее агрессивная позиция чреватy «ощутимой угрозой тотального уничтожения». Причины этого недвусмысленно просты. Стремление одного-единственного государства стать гарантом всеобщей безопасности, имея право развязывать войны по своему желанию и «отпустить ядерные тормоза» (Педатзур), порождает у других государств неуверенность. И обычно иные страны не оставляют подобное без ответа. Ужасающей силы технология, которая разрабатывается сейчас в рамках проводимой Рамсфельдом реорганизации вооруженных сил, «обязательно распространится по всему миру». В свете «состязаний в запугивании» замкнутый круг дей-

ствий и реакций на них порождает «нарастающую и, возможно, неконтролируемую опасность». Авторы предупреждают: если «политическая система Соединенных Штатов не признает существование этой опасности и не сможет трезво взглянуть на последствия, ее выживание в значительной степени окажется под вопросом»⁽¹⁹⁾.

Стейнбрунер и Галлахер выражают надежду, что эта угроза для американского народа и всего мира, порожденная США, встретит противодействие со стороны коалиции миролюбивых государств – во главе с Китаем! Если подобные соображения звучат в самом сердце истеблишмента, наше положение и, впрямь серьезно. В свою очередь, состояние американской демократии, в которой проблемы редко оказываются предметом широкого голосования или публичных дискуссий, не менее шокирующее и опасное. Здесь присутствует тот дефицит демократии, о котором говорилось в предисловии. Стейнбрунер и Галлахер поставили на Китай, поскольку на данный момент из всех ядерных держав он проводит наиболее сдержанную политику в области развертывания вооружений. Более того, в ООН Китай возглавил движение за использование космоса только в мирных целях, вступив в противостояние с США, которые, наряду с Израилем, блокируют любые шаги, направленные на сдерживание гонки космических вооружений.

17

Идея милитаризации космоса зародилась не в администрации Буша. Космическое командование при Клинтоне призвало «обеспечить господство в сфере внеземных военных операций для защиты интересов и достоинства США» так же, как раньше это делалось для армий и флотов. С этой целью Соединенные Штаты должны развивать «ударные средства космического базирования, допускающие использование высокоточного оружия в космосе, из космоса и через космическое пространство». Американские разведы-

вательные службы и Космическое командование убеждены в том, что подобные средства окажутся необходимыми, поскольку «глобализация мировой экономики» приведет к «углублению экономического расслоения» и «усугублению застоя в экономике, политической нестабильности и культурному отчуждению», что спровоцирует беспорядки и насилие в «неимущих странах», мишенью для которых станут США. Космическая программа укладывалась в рамки официально озвученной Клинтоном доктрины, согласно которой Соединенные Штаты вправе прибегать к «одностороннему использованию военной силы» для обеспечения «беспрепятственного доступа к ключевым рынкам, источникам энергии и стратегическим ресурсам»⁽²⁰⁾.

Более того, специалисты по стратегическому планированию порекомендовали Вашингтону объявить себя «способным к иррациональным действиям и возмездии в случае, если объекты его коренных интересов подвергнутся нападению», в том числе и на атомный удар по странам, не обладающим ядерным вооружением. По замечанию Стратегического командования, атомное оружие превосходит по своей ценности любое другое, поскольку «ядерный взрыв немедленно влечет за собой сильнейшие разрушения, и его воздействие едва ли может быть нейтрализовано с помощью паллиативных мер». Более того, «призрак атомного оружия неизменно возникает в ходе любого кризиса или конфликта», увеличивая диапазон воздействия обычных вооружений. Эта стратегическая доктрина, в свою очередь, тоже не нова. В частности, Гарольд Браун, министр обороны при Картере, призывал Конгресс финансировать развитие стратегического ядерного потенциала, так как, благодаря ему, «наши прочие силы превращаются в важные инструменты военной и политической мощи». И мы должны иметь возможность применять их в странах

третьего мира, поскольку «в основном по экономическим причинам» там «нарастает внутреннее беспокойство, а также туда проникает Советский Союз». Последнее обстоятельство являлось скорее предложением, чем причиной, что иногда признавали открыто⁽²¹⁾.

При администрации Буша ядерная угроза стала еще более серьезной. Стратегическое руководство расширило доктрину Клинтона от контроля за космосом для военных целей до «овладения» космосом, которое «сможет позволить немедленное применение сил в любой точке мира». В 2005 году высшее военное руководство США уведомило Конгресс, что Пентагон разрабатывает новое космическое оружие, которое, как пояснил генерал Джеймс Картрайт, глава Стратегического командования, поспособствует Соединенным Штатам нападать «очень быстро, при коротких сроках планирования и доставки вооружений и в любой точке земного шара». Благодаря высокоразвитым глобальным системам наблюдения и размещению в космосе смертоносного оружия, подобная политика делает объекты в любой части света уязвимыми. А это, в свою очередь, подвергает ответной угрозе американский народ⁽²²⁾.

Администрация Буша расширила диапазон вариантов первого ядерного удара, все активнее размыкая границы между применением обычных и атомных вооружений и тем самым, по замечанию военного аналитика Уильяма Аркина, увеличивая «риск использования ядерного оружия». Разрабатываемые сейчас системы вооружений способны «доставить обычный боевой заряд точно в цель через несколько минут после получения приказа на пуск», в соответствии с аэрокосмической доктриной, которая определяет превосходство в космосе как «свободу атаковать, а также предотвращать атаки». По замечанию Джона Пайка, специалиста по вооружениям, новые

программы позволят США «сокрушить противника где угодно за тридцать минут, без необходимости иметь поблизости авиабазу». И это является весомым преимуществом, учитывая недовольство населения различных стран сотнями американских баз, расположенных по всему миру и призванных обеспечивать глобальное господство Штатов. Стратегия национальной обороны, утвержденная Рамсфельдом 1 марта 2005 года, «позволяет нам применять силу в любой точке мира из защищенных оперативных баз», так как «на события важно влиять прежде, чем ситуация станет более опасной и менее управляемой», и в соответствии с доктриной превентивной войны. Как сообщил Конгрессу генерал Лэнс У. Лорд, глава Космического командования ВВС, разрабатываемые сейчас системы вооружений позволят США «доставлять обычный боевой заряд точно в цель через несколько минут после получения приказа на пуск». И, разумеется, ядерный боезаряд тоже⁽²³⁾.

Неудивительно, что подобные действия породили озабоченность, критику и ответные шаги. Высшие руководители военных и космических сил Европейского союза, Канады, Китая и России выступили с предупреждением: «Милитаризация космоса будет иметь непредвиденные последствия, как это было в случае с развязыванием гонки ядерных вооружений». Как и ожидалось, Россия отреагировала на активное расширение Бушем наступательного потенциала резким усилением собственных вооружений, а также ответила на просочившиеся из Пентагона сведения о милитаризации космоса заявлением о «возможности ответного применения силы при необходимости».

Системы «ракетной обороны» – а они повсеместно признаются оружием первого удара – представляют собой особую опасность для Китая. Если подобные программы окажутся сколько-нибудь успешными, Китай, скорее всего, начнет наращивание на-

ступательного потенциала, чтобы сохранить свои средства сдерживания. Китай уже разрабатывает ракеты увеличенной мощности с разделяющимися ядерными боеголовками, способные поразить Соединенные Штаты. Редактор азиатско-тихоокеанского издания ведущего военного еженедельника назвал эту политику «агрессивной обороной». В 2004 году на долю США приходилось 95 % мировых расходов на развитие космических вооружений, к разработке которых могут приступить и другие страны, если будут вынуждены к этому. А это значительно усилит опасность, угрожающую каждому на Земле⁽²⁴⁾.

Американские аналитики признают, что последние программы Пентагона «могут быть истолкованы как серьезный шаг к милитаризации космоса, сделанный США и что развертывание оружия космического базирования уже предусмотрено стратегией ВВС США». Они также признают, что подобные меры «в долгосрочной перспективе окажут негативное влияние на национальную безопасность Соединенных Штатов». Их китайские коллеги подчеркивают, что, хотя Вашингтон и заявляет о своих оборонительных намерениях, «для Китая и многих других стран создание подобных систем, способных атаковать военные и гражданские спутники и цели в любой точке мира, выглядит скорее как строительство космической станции «Звезда Смерти» из сериала «Звездные войны». Космические вооружения, в силу их уязвимости, воспринимаются как оружие первого удара, а не как средство самообороны. Таким образом, их развертывание может быть расценено как стремление США применять силу в международных отношениях». В ответ Китай и другие страны могут приступить к производству недорогого космического оружия, и таким образом, политика США «способна развязать гонку космических вооружений». Более того, «чтобы защититься от вероятной утраты сдержива-

ющего потенциала, Китай может приступить к наращиванию ядерных вооружений, что, в свою очередь, подтолкнет к аналогичным действиям Индию, а затем и Пакистан». Россия уже «пригрозила жестко ответить на развертывание любой страной космических вооружений, что способно положить конец и без того непрочному режиму нераспространения ядерного оружия»⁽²⁵⁾.

Пентагон между тем проводит внушающее беспокойство исследование силами ведущего научного консультанта по китайским вооруженным силам. Тот, проанализировав военные материалы на китайском языке и опросив их авторов, пришел к выводу, «потрясшему многих в Вашингтоне: Китай воспринимает США в качестве военного соперника». Таким образом, нам приходится отказаться от мысли, что Китай является «традиционно мирной страной», и признать, что китайцы, одержимые паранойей и заблуждениями, постепенно встают на стезю зла⁽²⁶⁾.

Майкл Макгуайр, бывший специалист НАТО по планированию, напоминает нам, что в 1986 году Михаил Горбачев, осознавая «ужасающую мощь» ядерного оружия, призвал к его полному уничтожению, и это предложение подорвало проводившуюся Рейганом милитаризацию космоса (программа «Звездные войны»). Макгуайр пишет: «Западная доктрина недвусмысленным образом основывалась на угрозе первого ядерного удара, который и сегодня является составной частью политики». Россия придерживалась аналогичной доктрины вплоть до 1994 года, когда перешла к противоположной концепции – политике «неприменения первой атомно-ядерного оружия». Однако позже Россия вернулась к старым взглядам и отказалась от призыва уничтожить ядерные арсеналы.

Это произошло в ответ на санкционированное Клинтонем расширение НАТО, нарушившее «безус-

ловное обещание» Вашингтона Горбачеву, что альянс не будет продвигаться на восток и присоединять бывших членов Варшавского Пакта. В ответ Горбачев соглашался на присутствие объединенной Германии в НАТО. Нарушение Клинтоном столь твердых обязательств стало серьезной угрозой для безопасности России и явилось «полной противоположностью «принципу исключения», на котором основывается концепция зон, свободных от ядерного оружия». Нарушенные американским президентом заверения объясняют, «почему НАТО сопротивлялась формальному признанию де-факто существующей безъядерной зоны, охватившей Центральную Европу от Арктики до Черного моря». Идея ее признания, продолжает Макгуайр, «была в середине 90-х годов подана Беларусью, Украиной и Россией, однако она шла вразрез с планами по расширению НАТО». Поддержка Вашингтоном предложения о создании безъядерной зоны в Средней Азии объясняется обратными соображениями. «Если эти бывшие советские республики объединятся с Россией в военный союз, статус зоны, свободной от ядерного оружия, лишит Москву возможности разместить на их территории атомные ракеты»⁽²⁷⁾.

«Грядущий апокалипсис»

Вероятность «грядущего апокалипсиса» нельзя оценить реалистически, однако для любого здравомыслящего человека она слишком высока, чтобы размышлять о ней как об абстракции. Хотя предаваться долгим рассуждениям на эту тему бессмысленно, реакция на «острый, пугающий и неизбежный выбор», о котором писали Рассел и Эйнштейн, является не бесполезной. Напротив, отреагировать следует незамедлительно, и особенно Соединенным Штатам. Ведь

Вашингтон, расширяющий свое военное влияние в мире, не имеющее аналогов в истории, принимает в этой гонке на уничтожение самое активное участие. «Возможность случайного, ошибочного или самовольного пуска ракет, очевидно, растет», – предостерегает бывший сенатор Сэм Нанн, сыгравший в США основную роль в ослаблении угрозы ядерной войны. «Мы имеем дело с ненужным риском. Мы можем устроить себе Армагеддон собственного изготовления», замечает Нанн, ведь сейчас «выживание Америки» нередко зависит от «точности российских систем оповещения, а также средств командования и управления».

Нанн имеет в виду резкое разрастание американских военных программ, смещающих стратегический баланс таким образом, что «повышается вероятность пуска российских ракет по сигналу систем оповещения без проверки истинности этого сигнала». Подобная угроза выглядит еще более внушительной, поскольку «российские системы раннего оповещения находятся в крайне ветхом состоянии. А это увеличивает вероятность отправки ложных сигналов о приближающихся ракетах». В настоящее время США полагаются на «систему ядерного запуска, отличающуюся высокой чувствительностью и легкостью выстреливания ракет. Она позволяет запускать ракеты за считанные минуты, и это вынуждает наших руководителей практически мгновенно решать – надо ли выпускать ракеты после получения сигнала о ядерном ударе. Это лишает командование времени, необходимого на сбор данных, обмен информацией, оценку общей перспективы, выявление ошибки и предотвращение катастрофического ошибочного пуска». Подобный риск нависает не только над Россией, но и над Китаем. По замечанию стратегического аналитика Брюса Блэра, «проблемы с ранним оповещением и контролем пусков еще более остро стоят перед

Пакистаном, Индией и другими странами, наращивающими ядерный потенциал»⁽²⁸⁾.

Серьезную озабоченность вызывает и вопрос, который обсуждался в технических изданиях задолго до одиннадцатого сентября. Вполне может быть, что рано или поздно ядерное оружие попадет в руки террористических группировок, которые смогут с убийственным эффектом использовать это средство массового поражения. Подобные перспективы выдвигают на первый план стратеги из администрации Буша, считающие терроризм столь высокоприоритетной проблемой. А ведь их агрессивный милитаризм уже привел не только к тому, что Россия существенно увеличила наступательный потенциал (в том числе количество смертоносных ядерных боеголовок и средств доставки). Российские военные еще и постоянно перемещают атомные ракеты по обширной территории страны, дабы противодействовать нарастающей угрозе со стороны США. Стратегам в Вашингтоне, конечно, известно, что чеченские сепаратисты, которым уже удавалось похитить радиоактивные материалы с атомных электростанций и заводов по переработке ядерных отходов, активно изучают «сеть железных дорог и специальные поезда, предназначенные для перевозки ядерных ракет по России»⁽²⁹⁾.

Блэр предупреждает, что «постоянное перемещение делает российские ракеты весьма уязвимыми, поскольку транспортировка ядерного оружия является ахиллесовой пятой его безопасности». По степени опасности подобная транспортировка сопоставима лишь с поддержанием стратегических ядерных сил в состоянии готовности к ускоренному пуску по тревоге. По подсчетам аналитика, ежедневно «многие сотни российских ядерных ракет перемещаются по территории страны». Похищение одной ракеты «может в конечном итоге обернуться катастрофой для целого американского города, однако это еще не худ-

ший сценарий в подобном ядерном противоборстве». Согласно более зловещему варианту, «захват готовой к запуску стратегической ракеты дальнего радиуса действия либо нескольких таких ракет, способных доставлять боеголовки к целям, удаленным на тысячи миль, легко обернется апокалипсисом для целых стран». Еще одна крупная угроза заключается в том, что хакеры-террористы могут проникнуть в сети военных коммуникаций и передать приказы на пуск ракетам, снаряженным сотнями ядерных боеголовок. И это не фантазия, в чем Пентагон имел возможность убедиться несколько лет назад, после того как в его охранных системах были выявлены серьезные дефекты. Из-за этого пусковым группам подводной лодки «Трайидент» потребовались новые инструкции. В других странах аналогичные системы еще менее надежны. Все это, пишет Блэр, готовит почву для «случайности, ждущей своего часа» – случайности, которая может обернуться апокалипсисом⁽³⁰⁾.

Опасность ядерной войны сознательно подогревается угрозами и применением силы. Это, в свою очередь, усиливает активность террористов, ведущих джихад. Подобный терроризм был порожден программами администрации Рейгана, в рамках которых организовывались, вооружались и обучались группы исламских боевиков. Не для защиты Афганистана, как это объявлялось, но исходя из типичных и неприглядных государственных соображений, имевших самые печальные последствия для измученного афганского народа. Администрация Рейгана также удовлетворенно смотрела на сползание Пакистана к радикальному исламу в период правления Мухаммеда Зия-уль-Хака, одного из многочисленных жестоких диктаторов, которых поддерживали нынешние высокопоставленные лица в Вашингтоне и их наставники. Рейган и его коллеги благосклонно взирали на то, как их союзник Пакистан разрабаты-

вает ядерное оружие, ежегодно пытаясь показать, что ничего подобного он не делает.

Администрация Клинтона едва уделяла внимание тому, как на ее глазах осуществлялась самая невероятная в мировой истории акция по контрабанде ядерных материалов. Ее проводил Абдул Кадир-хан, которого слишком поздно поставили на место и который, по словам Джеймса Уолша, исполнительного директора проекта «Управление атомом» Гарвардского университета, «за десять лет натворил больше вреда, чем любая страна за первые пятьдесят лет ядерной эпохи»⁽³¹⁾.

Агрессивный милитаризм Вашингтона – не единственный фактор, толкающий человечество к «грядущему апокалипсису», однако он безусловно значителен. Планы и политические меры нашего руководства носят разнообразный характер, уходя корнями в период правления Клинтона и предшествовавших ему президентов. И все-таки ядерная тематика вытеснена за пределы публичных дискуссий и не оказывает даже незначительного влияния на выбор, который делают избиратели. А это является еще одним доказательством и предвестием упадка действующей демократической системы.

Единственная угроза, хотя бы отдаленно сопоставимая с ядерным оружием, — это серьезная опасность экологической катастрофы. При подготовке саммита «большой восьмерки» в шотландском Гленнигсе в июле 2005 года академии наук стран-участниц, в том числе Национальная академия наук США, а также присоединившиеся к ним академии Китая, Индии и Бразилии, призвали руководителей богатых стран принять срочные меры для предотвращения этого потенциального бедствия. Их заявление гласило: «Научное понимание климатических изменений стало достаточно ясным, чтобы послужить основанием для неотложных действий. Всем государ-

ствам необходимо определиться с рентабельными мерами, которые могут быть приняты для существенного сокращения в долгосрочной перспективе совокупной мировой эмиссии парниковых газов». Газета «Файнэншл таймс» одобрила этот «громкий призыв к действию» в редакционной статье, попутно сожалея о следующем: «Впрочем, к этому существует одно препятствие, и оно, к сожалению, находится в Белом доме. Джордж У. Буш, президент США, настаивает, что мы еще не имеем достаточных данных об этом явлении, в буквальном смысле меняющем наш мир, несмотря на беспрецедентное заявление ученых из стран «большой восьмерки», прозвучавшее за месяц до саммита в Глениглсе». Вашингтону удалось затем «убрать письменные призывы к неотложным мерам по сдерживанию глобального потепления» и заглушить подстрекательские заявления («в нашем мире становится жарче»), поскольку «мистер Буш объявил, что потепление – вопрос слишком неопределенный, дабы он мог повлечь за собой что-либо, кроме добровольных мер». В результате, отметил редактор «Файнэншл таймс», все кончилось одними только «благонамеренными пересудами»⁽³²⁾.

Тот факт, что научные свидетельства по вопросу выживания были отмечены президентом Бушем, является обычным делом. В 2005 году на ежегодном собрании Американской ассоциации содействия развитию науки «ведущие американские климатологи... представили самые убедительные доказательства того, что причиной глобального потепления является деятельность человека». Они предсказали серьезное последствия климатических изменений, в частности опасное сокращение запасов воды в регионах, пользующихся водой из рек, питаемых таянием снега и ледников. Другие видные ученые представили на этом заседании свидетельства того, что размораживание ледниковых щитов Арктики и Гренландии

порождает изменения в балансе солености морской воды, а это приведет «к перекрытию пояса океанских течений, вроде Гольфстрима, переносящих тропическое тепло к полярным регионам». Одним из возможных последствий этого явится значительное понижение температуры в Европе. Вскоре климатологи сообщили о дальнейшем уменьшении ледяных покровов у полюсов. А значит, давно предсказываемое «действие обратной связи в этой системе начинает выходить на первый план» по мере того, как увеличивающиеся массы свободной ото льда воды начинают поглощать солнечное тепло, вместо того чтобы отражать его в космос. Это также усиливает серьезную угрозу глобального потепления. Представление «самых убедительных на данный момент доказательств», в частности предостережений «большой восьмерки», прошло в Соединенных Штатах почти незамеченным. Впрочем, в то же время немало внимания уделялось реализации Киотского протокола, регулирующего парниковые выбросы, ратифицировать который правительство самой влиятельной страны в мире отказалось⁽³³⁾.

Существенное замечание: отказалось именно правительство. Широко известное обстоятельство, что Штаты стали практически единственной страной, отклонившей Киотский протокол, будет считаться истиной, если не понимать под США американский народ, который всячески поддерживает Киотское соглашение. Большинство сторонников Буша не только выступают за Киотский протокол, но и ошибочно полагают, что президент с ними согласен. На выборах 2004 года избиратели были обмануты относительно позиций политических партий не потому, что не интересовались ими или не могли понять, а потому, что выборы тщательно планируются, чтобы достичь именно такого результата. И это проблема, к которой мы еще вернемся⁽³⁴⁾.

Разработчики стратегий для США и Великобритании отдавали себе отчет в том, что вторжение в Ирак, вероятнее всего, обернется усилением террора и распространением оружия массового поражения, как о том предупреждали многие аналитики и спецслужбы. В октябре 2002 года директор ЦРУ Джордж Тенет проинформировал Конгресс, что вторжение в Ирак может заставить Саддама Хусейна прибегнуть к помощи «исламских террористов для проведения удара оружием массового поражения по США». Совет национальной безопасности «предсказал, что руководимое США вторжение в Ирак усилит позиции исламистских политических кругов и обернется глубоким расслоением иракского общества, с тенденцией к бурным внутренним конфликтам». Эти опасения Совет подтвердил в декабре 2004 года, сообщив, что «иракский конфликт и другие возможные конфликты в будущем могут облегчить вербовку, устройство тренировочных баз, технические навыки и овладение иностранными языками для новой разновидности «профессиональных» террористов, воспринимающих само политическое насилие как свою главную цель». СНБ, кроме того, предсказал, что в результате вторжения новая глобальная сеть «разнородных групп исламских экстремистов» распространит операции повсеместно, чтобы защитить мусульманские страны от нападения «оккупантов-неверных», а Ирак заменит Афганистан в качестве учебной базы террористов. Доклад ЦРУ, сделанный в мае 2005 года, подтвердил, что «аналогично оккупированному СССР Афганистану двадцать лет назад или Боснии конца девяностых годов, Ирак, словно магнитом, притягивает исламских боевиков». По заключению ЦРУ, «Ирак может оказаться еще более эффективной учебной базой для исламских террористов, чем Афгани-

стан на заре существования «Аль-Каиды», потому что предоставляет реальные условия для обучения городским боям».

Через два года после вторжения этот вывод был подтвержден в ходе анализа «войны с террором», проведенного правительственной комиссией на высшем уровне. В этом анализе, в ходе которого пытались решить, «как бороться с появлением нового поколения террористов, обученных в Ираке за последние несколько лет», отмечено: «Высшие правительственные чиновники все больше внимания уделяют тому, что обозначается как «расползание» сотен или тысяч подготовленных в Ираке боевиков джихада в их родные страны Ближнего Востока и Западной Европы». «Это новая переменная в новом уравнении, – заявил бывший высокопоставленный сотрудник администрации Буша. – Если вы не знаете, что эти люди делают в Ираке, как вы собираетесь найти их в Стамбуле или Лондоне?»⁽³⁵⁾.

Не приходится сомневаться, что вторжение в Ирак «значительно усилило в мусульманском мире массовую привлекательность антидемократических радикалов, в частности, «Аль-Каиды» и прочих членов сети “Глобальный джихад Салафи”». Это лучше всего иллюстрирует пример Индонезии, государства с самым большим мусульманским населением в мире и, весьма вероятно, будущего очага террористического джихада. В 2000 году 75 % индонезийцев относились к американцам благожелательно. В 2001 году этот показатель сократился до 61 %, а после вторжения в Ирак упал до 15 %, причем 80 % индонезийцев заявили, что боятся нападения США. По сообщению Скотта Этрана, специалиста по террору и Индонезии, «подобные чувства совпадают со стремлением 80 % индонезийцев к тому, чтобы роль ислама в частной и государственной жизни возрастала. Кроме того, выросла терпимость к воинствующим радикалам и

разрослось стремление воспринимать любое неуважение к исламскому лидеру или стране как нападение на мусульманский мир в целом»⁽³⁶⁾.

Подобная угроза – не абстракция. Вскоре после взрывов в июле 2005 года в лондонском общественном транспорте, повлекших за собой человеческие жертвы, британский Королевский институт международных отношений («Чатем-Хаус») подготовил исследование, которое подтвердило характерные выводы спецслужб и независимых аналитиков. «Не приходится сомневаться в том, что вторжение в Ирак усилило сеть «Аль-Каиды» в отношении пропаганды, вербовки и сбора средств, обеспечив террористам прекрасную учебную базу». Это исследование показало, что «Великобритания подвергается особенному риску, поскольку она является ближайшим союзником Соединенных Штатов, задействовала свои вооруженные силы в военной кампании по свержению режима талибов в Афганистане и в иракской операции... а также играет роль «пассажира с заднего сиденья» американской политики». В своем анализе лондонских взрывов британская контрразведка MI-5 заключила, что «для целого ряда экстремистских группировок и отдельных лиц в Великобритании и Европе ключевым вопросом является Ирак, хотя у них есть широкий спектр и других общих дел». Те же, кто ездил в Ирак воевать, «могут позже вернуться в Великобританию и провести здесь теракты»⁽³⁷⁾.

Правительство Блэра в гневе отвергло эти очевидные факты. Однако позже их пришлось признать, когда один из подозреваемых в организации неудавшихся терактов, задержанный в Риме, заявил, что «на подготовку взрыва его вдохновило участие Великобритании в иракской войне». Он рассказал, что подозреваемые смотрели бесконечные телерепортажи, где показывали убитых горем иракских вдов и детей, а также мирных жителей, погибших в ходе

конфликта. Утверждается, что арестованный сообщил обвинителям: «После этого осталось чувство ненависти и убежденность в том, что необходимо подать сигнал – что-то сделать»⁽³⁸⁾.

Израильский научно-исследовательский центр и саудовские спецслужбы одновременно пришли к выводу, что подавляющее большинство иностранных боевиков в Ираке «ранее не являлись террористами», но «вступили на радикальный путь из-за войны как таковой». Вторжение побудило их ответить на «призывы защитить братьев-мусульман от «крестоносцев» и «неверных», которые устроили нападение на мусульманский регион и арабскую культуру». Как показало исследование, проведенное Центром стратегических и международных исследований (CSIS), «85 % саудовских боевиков, отправившихся в Ирак, не находились под наблюдением правительства, не были членами «Аль-Каиды» и не сочувствовали терроризму», но «стали радикалами почти исключительно из-за вторжения сил коалиции». Отчет подтверждает, что с начала войны Ирак превратился в один из международных центров вербовки и подготовки радикальных исламских террористов («нео-салафитов»). Значительное их число, скорее всего, возвратится в родные страны, перенося туда террористические навыки и радикальные убеждения, приобретая «популярность и доверие среди озлобленных и враждебно настроенных кругов мусульманского мира» и «распространяя терроризм и насилие».

Французская разведка, накопившая за долгие годы уникальный опыт, пришла к выводу, что «результатом войны в Ираке стала радикализация этих людей. Она подготовила некоторых из них к тому, чтобы оказывать поддержку терроризму. Ирак является прекрасным призывным пунктом», превращаясь в новую, «громадную территорию джихада, где людей готовят для ведения боев в их собственных стра-

нах», аналогичную тем, которые спецслужбы уже выявляли «в Афганистане, Боснии и Косово». По сообщению американских должностных лиц, Абу-Мусаб ас-Заркауи, руководитель иракской ячейки «Аль-Каиды», «вербует в ее ряды все больше и больше иракских боевиков», заменяющих иностранных наемников, на долю которых приходится «менее 10 % местных повстанцев». (Как полагает Центр стратегических и международных исследований, их, вероятно, всего 4 %)⁽³⁹⁾.

По данным Питера Бергена, специалиста по терроризму, президент Буш «прав относительно того, что Ирак является основным фронтом борьбы с терроризмом. Однако это фронт, который создали мы сами». По мере того как «война в Ираке увеличивала ряды террористов», сообщает Берген, «2003 год был отмечен пиком самых серьезных террористических актов за последние два десятилетия, а затем, в 2004 году, отмечался их поразительный, трехкратный рост». Отвечая Дональду Рамсфельду, который ищет «точную шкалу, которая покажет: выигрываем ли мы войну с террором или проигрываем ее», Берген предпологает, что «увеличение количества террористических актов в геометрической прогрессии является вполне адекватной измерительной шкалой»⁽⁴⁰⁾.

Изучение деятельности террористов-смертников также показывает, что «Ирак, судя по всему, играет в этом деле центральную роль – пропагандируя новые взгляды и превращаясь в эпицентр нарастающей волны терактов с участием смертников». В период с 1980 по 2003 год в мире было отмечено 315 терактов с участием террористов-смертников, причем первоначально большую их часть проводила светская группировка «Тигры освобождения Тамил-Илама». С начала военной операции США количество взрывов, проведенных смертниками в Ираке (где прежде их практически не наблюдалось) достигло четырехсот,

и это высокий показатель. Специалисты по терроризму сообщают, что «рассказы о смелости и героизме террористов-смертников в Ираке» побуждают к подражанию мусульманскую молодежь, принявшую доктрину джихада, согласно которой исламский мир подвергся нападению, и поэтому они должны подняться на его защиту. По заключению Даниеля Бен-джамина и Стивена Саймона, бывших сотрудников Совета по национальной безопасности и специалистов по борьбе с терроризмом, Буш «создал в Ираке новое прибежище для террористов, повышающее потенциал исламистского насилия против Европы и США», и это «катастрофическая политика». «Нас могут атаковать террористы, получившие подготовку в Ираке, или террористы, которых вдохновили, организовали и подготовили те, кто был в Ираке... Буш обеспечил их превосходной американской мишенью, попутно подхлестнув джихад и позволив боевикам получить опыт ведения войны в городе, что в несколько раз усиливает будущие угрозы для Соединенных Штатов»⁽⁴¹⁾.

Роберт Пейп, проведший наиболее полные исследования по террористам-смертникам, пишет, что «сегодняшняя «Аль-Каида» является порождением не столько исламского фундаментализма, сколько простой стратегической цели: понудить США и их западных союзников вывести вооруженные силы с Аравийского полуострова и из других мусульманских стран». Об этом же постоянно твердит бен Ладен. Серьезные аналитики уже указывали на то, что слова и поступки бен Ладена тесно связаны между собой. Боевики-джихадисты, организованные администрацией Рейгана и ее союзниками, после того как советские войска были выведены из Афганистана, завершили афганский этап своей террористической деятельности против России. (Впрочем, не до конца. Частично они продолжили ее в оккупированной му-

сульманской Чечне, где еще в XIX веке Россия творила ужасающие преступления. Повесть Толстого «Хаджи-Мурат» сегодня актуальна, как никогда.) А бен Ладен превратился во врага США в 1991 году, под влиянием оккупации самой священной арабской земли (Пентагон потом приводил этот факт в качестве причины для вывода американских военных баз из Саудовской Аравии), а также потому, что Вашингтон не позволил ему участвовать в нападении на светского врага – Саддама Хусейна. Боевики-джихадисты, кроме того, встали на сторону мусульман в ходе войны на Балканах (с одобрения и при помощи США) в то же самое время, когда в 1993 году они пытались взорвать Всемирный Торговый Центр. Более того, по предположениям одного индийского стратегического аналитика и одного бывшего американского правительственного чиновника, организаторы лондонских взрывов проходили подготовку в Боснии⁽⁴²⁾.

Фауаз Джергиз, автор наиболее обширного научного исследования, посвященного воинствующим исламистам, приходит к выводу: после одиннадцатого сентября «в мусульманском мире преобладало крайне враждебное отношение к «Аль-Каиде», в особенности среди сторонников джихада, считавших ее группой опасных фанатиков. Администрация Буша, не поняв, что противостояние «Аль-Каиде» с помощью «специальных мероприятий, направленных на поддержку организаций, противостоящих идеологиям насилия, таким как сеть бен Ладена», является «самым эффективным способом похоронить эту организацию», сделала именно то, на что надеялся бен Ладен: прибегла к насилию. Вторжение в Ирак обернулось широкой поддержкой фетвы, изданной каирским университетом Аль-Азхар, «старейшим религиозным высшим учебным заведением мусульманского мира». Фетва призвала «всех мусульман мира вести джихад против американской армии». Шейх Тан-

тави из Аль-Азхара, «один из первых мусульманских ученых, осудивших «Аль-Каиду» и часто критикуемый ультраконсервативным духовенством за прозападное реформаторство... постановил, что усилия по сдерживанию американского вторжения является долгом и обязанностью для правоверных». Достижения специалистов по стратегии из администрации Буша в сфере воодушевления исламского радикализма и терроризма выглядят впечатляюще⁽⁴³⁾.

Майкл Шейер, главный аналитик ЦРУ, с 1996 года следивший за действиями Усамы бен Ладена, пишет, что «бен Ладен точно указал Америке те причины, по которым он ведет с нами войну. Ни одна из них не имеет отношения ни к нашим личным и политическим свободам, ни к демократии, зато они напрямую обусловлены политикой США в мусульманском мире». Как отмечает Шейер, «вооруженные силы и политика США довершают радикализацию исламского мира, которой Усама бен Ладен не смог добиться с начала девяностых годов. В результате... есть все основания заключить, что Соединенные Штаты являются единственным незаменимым союзником бен Ладена». Джейсон Берк, который тщательно изучил «Аль-Каиду», приходит к аналогичному выводу. Он пишет: «Любое применение силы – это очередная маленькая победа бен Ладена», и оно создает «совершенно новое поколение террористов», стремящихся к «вселенской борьбе добра и зла». (Эта концепция является общей для бен Ладена и Буша.)⁽⁴⁴⁾

Подобная схема нам хорошо знакома. Вспомним еще одно недавнее происшествие: организованное США и Израилем в марте 2004 года политическое убийство почтенного параличного священника, шейха Ахмеда Ясина (а также нескольких случайных лиц) около мечети в Газе. В качестве немедленной мести оно повлекло за собой жестокое уничтожение в Фаллудже четырех американских сотрудников охранной

компании. Это, в свою очередь, спровоцировало вторжение морских пехотинцев, жертвами которого пали сотни человек, и породило волну насилия во всем Ираке. Впрочем, ничего загадочного в случившемся нет. До тех пор, пока врага нельзя сокрушить окончательно, насилие обычно порождает ответное насилие. Такая реакция на террор, как жестокость и разрушения, позволяет «террористическому авангарду» заручиться поддержкой широкого круга людей, отвергающего его методы, однако в значительной степени разделяющего обиды и тревоги. Подобная динамика хорошо знакома западным государственным деятелями послевоенной эпохи, а также их предшественникам эпохи империализма.

Оценивая то, что происходит в мире, можно заключить, что некоторые попытаются это проигнорировать. Людям, которые, по словам обозревателя «Нью-Йорк таймс» Томаса Фридмана, «лишь немногим менее презренны, чем террористы, и столь же заслуживают обличения», удобнее принимать героическую позу по отношению к «исламофашизму» и обвинять тех, кто «со снисходительностью» доискивается до предпосылок террора, стремясь противодействовать его угрозе. В достаточно обширную категорию этих достойных презрения лиц входят, в частности, видные специалисты по терроризму, а также сотрудники американской и других разведок. По вполне понятным причинам их позиция – очередной подарок бен Ладену⁽⁴⁵⁾.

Логика, которую некоторые предпочитают игнорировать, ясна и определена, и на нее опираются даже в серьезных журналах, поддерживающих агрессивный национализм в духе Буша: если противники «боятся несдерживаемого применения силы Америкой, они пожелают заполучить оружие террора и массового уничтожения и тем самым удержать агрессивную американскую тактику самозащиты. Бо-

лее того, история имперских мифов указывает, что общая стратегия упреждающей войны дает именно те результаты, каких Буш и Райс хотят избежать»⁽⁴⁶⁾. Подобный исход особенно вероятен, если стратегию дополняют «радикальные преобразования вооруженных сил» и доктрины, призывающие к использованию ядерного оружия первыми и утверждающие «право на одностороннее применение военной силы», а со времен Клинтона они весьма разрослись. /

Ирак и демократия свободного мира

Если мы желаем понять происходящее в мире, важно не допустить, чтобы наше недавнее прошлое было предано забвению. Соединенные Штаты и Великобритания провозгласили, будто необходимо вторгнуться в Ирак, поскольку он разрабатывал оружие массового поражения. Как заявил на пресс-конференции в марте 2003 года президент США, именно это было «единственным вопросом», спровоцировавшим вторжение. Буш, Блэр и их сторонники особо подчеркивали это. К тому же устранение угрозы от иракского оружия массового поражения стало единственным основанием для того, чтобы Конгресс уполномочил Буша прибегнуть к силе. Ответ на этот «единственный вопрос» был получен вскоре после вторжения, и Вашингтон неохотно с ним согласился. Но и в столь безрадостном положении идеологический аппарат отыскивал новые предлоги и оправдания, быстро превратившиеся едва ли не в догму. Итак, к войне нас подтолкнули благородные демократические идеи президента Буша, которые разделяет и его британский коллега⁽⁴⁷⁾.

Прошло немало времени после официального признания того, что первоначальные предлоги для вторжения оказались безосновательным, однако ведущие

политики продолжали давать им высокие оценки. В январе 2005 года лидер сенатского большинства Билл Фрист оправдал вторжение в Ирак на следующем основании: «Распространение опасного оружия должно быть остановлено. Террористические организации должны быть уничтожены». Судя по всему, те обстоятельства, что предлоги для войны официально опровергнуты, а вторжение обострило террористическую угрозу и ускорило распространение опасного оружия, уже не имеют значения⁽⁴⁸⁾.

Выступление Фриста проходило по знакомому сценарию. Джон Прадос, аналитик в области национальной безопасности и разведки, в своем тщательнейшем разборе документов называет «замысел Буша по убеждению Америки и всего мира в том, что война с Ираком является необходимой и неотложной», «ярким образцом бесчестности со стороны правительства... потребовавшим откровенно лживых публичных заявлений и неприкрытых манипуляций разведывательными данными». Лица, ответственные за стратегическое планирование, знали, что иракские программы по созданию оружия массового поражения «или еще зарождались, или уже умирали, или вообще не существовали – то есть факты явно противоречили тому, что президент постоянно твердил американцам». Для осуществления подобного обмана «подлинные данные разведки постоянно искажались, неверно трактовались либо игнорировались... в интересах вполне конкретного замысла и под вымышленными предложениями. И эта история в XXI веке для Америки, да и для всего мира, будет иметь невообразимые последствия». «Американцы были не просто одурачены шулерскими карточными трюками Джорджа Буша. Они были опозорены... Американцы не любят считать себя агрессорами, однако то, что произошло в Ираке, было именно неприкрытой агрессией»⁽⁴⁹⁾.

Свидетельства обмана продолжали накапливаться. В мае 2005 года в лондонскую «Таймс» попали несколько документов. Это так называемые «докладные записки для Даунинг-стрит». В одной из них сообщалось, что за две недели до начала войны генеральный атторней лорд Голдсмит, главный советник Блэра по правовым вопросам, указал: «Смена режима не может быть целью военной операции». Он писал: «Даже если Великобритания собирается ограничиться пресечением разработки оружия массового поражения, решать, имело ли место подобное нарушение обязательств, должен Совет [Безопасности ООН]», а не отдельные государства. Далее лорд Голдсмит добавил, что США «придерживаются совершенно другого мнения: они настаивают, что допущенные Ираком нарушения – это объективный факт, и лишь в качестве такового они могут оцениваться странами-членами Совета Безопасности. Однако мне не известно ни об одном государстве, которое поддержало бы эту точку зрения». Ему не пришлось добавлять, что под «странами-членами Совета Безопасности» подразумевался один только Вашингтон. Основной смысл вежливых фраз лорда Голдсмита сводился к тому, что Великобритания должна сделать хотя бы формальный жест уважения к международному праву, в отличие от Соединенных Штатов, которые, словно государство-изгой, освободили себя от подобных формальностей. Реакция на утечку докладных записок в обеих странах оказалась поучительной: в Англии эти откровения вызвали бурю возмущения, а в США на них обратили мало внимания⁽⁵⁰⁾.

Вскоре после того, как замечания лорда Голдсмита стали достоянием гласности, лондонская «Санди таймс» опубликовала официальные записи секретной встречи Блэра с его главными советниками, состоявшейся в июле 2002 года. Этот документ под-

твердил, что администрация Буша приняла решение напасть на Ирак задолго до того, как в октябре 2002 года «обманутый» Конгресс уполномочил ее прибегнуть к силе, а также до того, как ООН было предложено либо одобрить план Вашингтона, либо «остаться в стороне». По замечанию Тоби Доджа, британского ученого, специализирующегося на Ближнем Востоке, «эти документы доказывают... что для дела об оружии массового поражения было собрано недостаточно разведывательной информации и что оно было раздуто с использованием совершенно ложных доводов». Подобные откровения также были встречены в Англии крайне отрицательно, однако в США, судя по замечаниям в прессе, история интереса не вызвала. Через несколько недель, когда под давлением общественности случившееся было освещено во всех подробностях, тон комментариев по знакомой схеме сменился на противоположный: «Откуда взялась эта истерия сторонников «теории заговора» по поводу того, о чем мы всегда знали и о чем публично и недвусмысленно заявляли?»⁽⁵¹⁾

В докладной записке для Блэра лорд Голдсмит дал также следующий совет: учитывая, что «смена режима» путем вторжения явно нарушает закон, «необходимо создать условия, в которых мы могли бы законным образом поддержать военную операцию». Стремясь спровоцировать иракские власти на действия, которые можно представить в качестве повода к войне, Лондон и Вашингтон в мае 2002 года повторили бомбардировки объектов в Ираке, интенсивность которых резко возросла в сентябре. За девять месяцев, предшествовавших официальному началу войны в марте 2003 года, американские и британские самолеты совершили без малого 22 000 вылетов, поразив, по словам генерал-лейтенанта Майкла Мосли, командующего объединенными силами, 391 «тщательно выбранную цель». Эти бомбардировки, как

пояснил Мосли, «закладывали основу» для завоевания страны, устраняя потребность в продолжительных обстрелах иракских позиций. Ирак бурно протестовал против бомбардировок в ООН, однако это была не та реакция, на которую надеялись Лондон и Вашингтон. Когда повода для войны обеспечить не удалось, обе страны, ссылаясь на «единственный вопрос», все равно вторглись в Ирак⁽⁵²⁾.

По сообщению английского журналиста Эда Харримана, важнейшая из бомбардировок «довоенной войны» с Ираком, по всей видимости, была проведена 5 сентября 2002 года, когда американские и британские самолеты «сровняли с землей авиабазу Саддама «Эйч-3» (H-3), расположенную в западной иракской пустыне». Он отмечает, что «в ходе бомбардировки были уничтожены военные коммуникации, средства противовоздушной обороны и иракские самолеты», а это расчистило путь для предстоящего вторжения. Через два дня Тони Блэр отправился в Вашингтон, дабы нанести визит Бушу. На их совместной пресс-конференции Блэр описал «целый ряд попыток Ирака утаить оружие массового поражения и в течение нескольких лет замалчивать правду о нем». Хотя Блэр искренне посоветовал «водителю мотоцикла» прибегнуть к дипломатическим мерам, он уже прекрасно знал, что война скоро будет развязана. И все это время оба лидера предпринимали любые действия, чтобы примененное их государствами насилие избегало пристального внимания со стороны Парламента, Конгресса и общественности обеих стран⁽⁵³⁾.

Но самой важной частью докладных записок для Даунинг-стрит стал план «активных точечных мероприятий» против Ирака, составленный, чтобы сфабриковать предлог для вторжения, и приведенный в докладной записке от 23 июля 2002 года советника по внешней политике Мэттью Райкрофта британскому послу в США Дэвиду Мэннингу. Такти-

ка этого плана выдержала проверку временем. Еще специалисты по психологической войне из администрации Эйзенхауэра рекомендовали США «тайно инициировать действия на грани неповиновения и массовых выступлений, направленные... на то, чтобы спровоцировать открытую советскую интервенцию как в ГДР (Восточную Германию), так и в другие страны-сателлиты». Этот совет правительство США тайно приняло к исполнению после того, как массовые протесты рабочих в Восточном Берлине были подавлены с помощью советских танков. Другим примером подобной тактики является нападение Израиля на Ливан в начале 1982 года. Израильяне стремились спровоцировать ответные меры со стороны Организации Освобождения Палестины (ООП) и воспользоваться ими в качестве предлога для запланированного вторжения. Несмотря на то что создать благовидный предлог Израилю так и не удалось, в июне 1982 года он начал вторжение, дабы заблокировать дипломатические усилия ООП и обеспечить себе полный контроль над Западным берегом, попутно насадив в Ливане послушный режим. В другом аналогичном случае боевики Армии Освобождения Косова, которых поддерживало ЦРУ, в начале 1999 года совершали нападения на гражданские объекты в Косово, открыто заявляя, что надеются использовать жесткие ответные меры сербов, чтобы заручиться поддержкой западной общественности. Вполне возможно, что нынешние действия США на сирийской границе также запланированы в качестве провокации, которая послужит предлогом для нападения на одно из арабских государств, не подчиняющееся приказам из Вашингтона⁽⁵⁴⁾.

Расстановка приоритетов: террор и подлинные интересы

По традиции перед авторами стратегических доктрин встает задача: уберечь от внимательного изучения силовые ресурсы и тех, кто их использует, и, что еще более важно, отвлечь сторонних аналитиков от разумно составленных планов и подлинных интересов, которым эти планы служат. Вместо этого следует организовывать дискуссии вокруг благородных намерений и самообороны. В случае с Ираком такую роль сыграло освобождение страдающего иракского народа, а также защита Соединенных Штатов от террора. Необходимо отстаивать следующее положение: вторжение в Ирак началось бы даже в том случае, если бы мировым запасам энергетических ресурсов посчастливилось залегать в Центральной Африке. И как будто эта проблема недостаточно трудна, появляются еще и другие. В частности, надо утаивать то, какую роль сыграл Запад в злосчастной судьбе довоенного Ирака, а заодно и каковы мрачные последствия вторжения США и Великобритании во всем мире.

Возникают и другие трудности. Вот хотя бы одна, для начала: предсказывали, что вторжение усилит угрозы террора и распространения оружия массового поражения. Однако проявились совсем уж неожиданные аспекты этих угроз. Часто можно услышать, что заявления об иракском оружии массового поражения были быстро опровергнуты, после того как в ходе утомительных поисков никаких его следов найдено не было. Но это не совсем так. После вторжения в Ираке еще существовали хранилища оборудования, предназначенного для разработки оружия массового уничтожения – того, что было произведено в 80-х годах, благодаря помощи, оказанной США и Великобританией, и которая поступала к Саддаму даже после самых жестоких его злодеяний в ходе войны с

Ираном. Эта помощь включала в себя средства для разработки ракет и ядерного оружия, а также опасные штаммы сибирской язвы и других биотоксинов. В данном случае оказалась открыто проигнорирована Конвенция по биологическому и токсинному оружию, а это является серьезным нарушением международного права. Угроза, связанная с этими хранилищами, и была выдвинута в качестве одного из оснований для вторжения в Ирак⁽⁵⁵⁾.

Эти объекты контролировали инспекторы ООН, которых оккупационные войска освободили от обязанностей, оставив объекты без охраны. Непосредственным результатом случившегося стало методическое и тотальное мародерство. Инспекторы ООН все же продолжали свою работу, используя для этого спутниковые фотографии. К июню они обнаружили, что разграблено 109 объектов. Наиболее сильному грабежу подверглись объекты по производству ракет на твердом и жидком топливе, откуда было похищено до 85 % оборудования, наряду с биотоксинами и прочими материалами, которые можно использовать для создания биологического и химического оружия. Исчезло и высокоточное оборудование, играющее значительную роль в производстве деталей к ядерному и химическому оружию и ракетам. Один иорданский журналист получил от официальных лиц, работающих на границе Ирака и Иордании, информацию о том, что после победы американских и британских вооруженных сил эти радиоактивные материалы находились в каждом восьмом грузовике, въезжавшем в Иорданию и отправлявшемся в неизвестном направлении⁽⁵⁶⁾.

«Мы вляпались... в вещество», – сказал бы Рамсфельд.

Трудно передать всю иронию происходящего. Официальным оправданием вторжения была борьба против использования несуществующего оружия мас-

сового уничтожения. Это вторжение обеспечило террористов, поставленных под ружье США и их союзниками, средствами для производства подобного оружия, а именно оборудованием, которое США и прочие предоставляли Саддаму, нисколько не беспокоясь из-за его чудовищных преступлений. Благодаря этому оборудованию союзники смогли добиться поддержки вторжения, которое и свергло Саддама. В сходной ситуации иранское правительство сегодня производит ядерное оружие, используя ядерные материалы, поставлявшиеся Соединенными Штатами еще шахскому Ирану – как указывает Грэм Эллисон⁽⁵⁷⁾.

Впрочем, гражданские чиновники Пентагона и в самом деле позаботились, чтобы взять под охрану некоторые объекты: нефть и силовые министерства. В остальных же местах можно было беспрепятственно грабить и разрушать что угодно, в том числе и сокровища цивилизации, не подлежащие восстановлению. Через два года после вторжения Макгуайр Гибсон, президент Американского института научных исследований в Ираке, с грустью подтвердил, что «Ирак теряет свою культуру и достояние». К тому моменту было разрушено более половины национальных археологических памятников, среди которых крупнейшие памятники шумерской эпохи. «Американцы ничего не предпринимают», – добавил Гибсон, признавая, что определенная помощь была оказана итальянским и голландским контингентами. Ущерб, причиненный историческим памятникам, превзошел даже тотальное разграбление Национального музея, произошедшее после прибытия туда американских войск. Здесь было похищено от 15 до 20 тысяч экспонатов, и, судя по всему, безвозвратно. Возможно, что Рамсфельд, Вулфовиц и компания сумели даже нанести «непоправимый ущерб» иракским нефтяным полям. Для поддержки вторжения из этих полей «выкачивалось больше нефти, чем следует»,

что может привести к «необратимому снижению производства». Здесь уместно вспомнить уверенные предсказания, что бурно приветствуемое освобождение самоокупится благодаря резкому росту производства нефти⁽⁵⁸⁾.

Вторжение в Ирак является, вероятно, наиболее ярким примером того, как мало внимания стратеги из Вашингтона уделяют террористической угрозе и как много у них других приоритетов. Речь идет о введении новых санкций против сирийских властей в рамках «Акта об ответственности Сирии», который был почти единодушно принят Конгрессом и, будучи подписан президентом Бушем, в конце 2003 года обрел статус закона. Сирия находится в официальном списке государств, финансирующих терроризм, хотя Вашингтону известно, что уже много лет Дамаск не был замешан в террористических актах. Подлинную природу беспокойства Вашингтона связями Сирии с терроризмом приоткрыло предложение президента Клинтона: вычеркнуть это государство из списка стран, поддерживающих терроризм, в случае, если оно согласится на американо-израильские условия мира. Когда же Сирия принялась настаивать на возвращении территорий, захваченных Израилем, клинтоновский Государственный департамент оставил страну в списке пособников терроризма. Тем не менее, Сирия активно помогала Вашингтону, обеспечивая его важной разведывательной информацией об «Аль-Каиде» и прочих радикальных исламских группировках. Введение в действие «Акта об ответственности Сирии» лишило Вашингтон важного источника сведений о радикальном мусульманском терроризме. Вместе с тем такая цель, как получение разведывательных данных, не столь важна по сравнению с другой: установлением в Сирии режима, который примет американо-израильские требования. Если бы Сирию исключили из списка стран, поддер-

живающих терроризм, она стала бы первым государством, удостоившимся этого с 1982 года, когда администрация Рейгана вычеркнула оттуда Саддама, чтобы иметь возможность оказывать ему внушительную помощь совместно с Великобританией и другими странами. Это тоже кое-что говорит нам об отношении США к террору и государственным преступлениям⁽⁵⁹⁾.

Ключевым требованием «Акта об ответственности Сирии» является уважение суверенитета и территориальной целостности Ливана согласно резолюции №520 Совета Безопасности ООН. Сирия определенно нарушает резолюцию ООН тем, что держит в Ливане свои войска. Тем не менее, их присутствие Израиль и США с готовностью поддержали в 1976 году, когда им нужно было устроить резню палестинцам, а затем и в 1990 году, когда США сколачивали коалицию для поддержки будущей войны в Ираке. Все это обходилось молчанием, и Конгресс, вкупе со средствами массовой информации, также не спешит обращать внимание на то, что резолюция Совета Безопасности, принятая в 1982 году, была направлена против Израиля, единственной упомянутой в ней страны. В течение двадцати двух лет, на протяжении которых Израиль нарушал эту и другие резолюции Совета Безопасности в отношении Ливана, никто не призывал ни вводить санкции против него, ни сокращать громадные объемы ничем не ограниченной военной и экономической помощи, которую он получает. Как пишет Стивен Зунс, специалист по Ближнему Востоку, принцип, лежащий в основе этого, очевиден: «Суверенитет Ливана следует отстаивать только в том случае, если его нарушает оккупационная армия страны, противостоящей США. Но если эта страна является союзником США, подобное нарушение несущественно». Вот еще один пример «единственного стандарта», которым руководству-

ются, конечно, не только разработчики американской политики.

Следует между тем отметить: население США с перевесом два к одному поддерживает идею «Акта об ответственности Израиля», обвиняя его в создании оружия массового поражения и в нарушении прав человека на оккупированных территориях. Это соответствует и другим исследованиям общественного мнения, которые редко упоминаются, но все же имеют большое значение в демократическом обществе⁽⁶⁰⁾.

Многочисленные подтверждения того, насколько неприоритетной задачей является «война против террора», встречаются и за пределами Ближнего Востока. Одно из них – отношение администрации Буша к комиссии Конгресса по расследованию событий одиннадцатого сентября, созданной для выработки мер по предотвращению очередных террористических зверств. «На протяжении всего своего существования комиссия по одиннадцатому сентября постоянно вступала в столкновения с администрацией Буша, которая изначально противилась ее созданию. Особенные трудности вызывали такие вопросы, как доступ Комиссии к важным документам Белого дома и опросу свидетелей», – пишет Филип Шенон. Через год после того, как комиссия представила свой окончательный отчет, ее члены сформировали двухпартийный проект по общественному обсуждению событий одиннадцатого сентября, чтобы заставить правительство внедрить в жизнь рекомендации, направленные на предотвращение террористических актов. Эти рекомендации по преимуществу были проигнорированы. По словам Томаса Кина, председателя комиссии по одиннадцатому сентября, особенно тревожным выглядит то, что не было предпринято никаких серьезных шагов по защите материальной части ядерного вооружения. А ведь это является ключевым элементом программы предотв-

ращения актов атомного террора, которые аналитики разведки считают неизбежными без принятия подобных мер. Отчет, выпущенный через четыре года после терактов одиннадцатого сентября, показал, что в осуществлении восьми из четырнадцати рекомендаций комиссии по одиннадцатому сентября, направленных на пересмотр правительственных мероприятий по противодействию террористической угрозе, «администрация Буша добилась “минимального” либо “недостаточного” прогресса»⁽⁶¹⁾.

Незадолго до взрывов в лондонских автобусах и метро в июле 2005 года американский Сенат резко урезал финансирование мер безопасности на железнодорожном и другом общественном транспорте. Комиссия по одиннадцатому сентября призывала к выработке национальной стратегии безопасности на транспорте, однако, по словам Томаса Олифанта, обозревателя газеты «Бостон Глоуб», она осталась «в числе тех 50 % конкретных рекомендаций комиссии по одиннадцатому сентября, данных год назад, по которым Конгресс и Буш так и не начали действовать». Это явилось «одним из аспектов зловещего альянса между транспортной отраслью и правительством по уклонению от мероприятий, защищающих от самого катастрофического террора, который трудно себе вообразить». Ведь сокращение налогов для богатых является куда более важной вещью по сравнению с защитой населения от террористических актов.

Еще более зловещим примером пренебрежения к мерам безопасности, продолжает Олифант, выглядит успешная деятельность химической отрасли «и ее лоббистов в Белом доме по противостоянию жестким правилам, требующим усовершенствовать системы безопасности примерно на ста [химических] заводах по всей стране». Соответствующие усилия Конгресса, «вынуждающие к принятию разумных мер

защиты от таких катастроф, по сравнению с которыми поблекнет одиннадцатое сентября, не встретили ничего, кроме противодействия со стороны отрасли и президентской администрации». Как сообщает Олифант, сенатор Джозеф Байден «привел данные научно-исследовательской лаборатории ВМФ, согласно которым повреждения одного девятитонного товарного вагона с хлором хватит, чтобы за тридцать минут уничтожить сто тысяч человек в густонаселенном районе», но, «поскольку администрация Буша потворствовала своим приятелям в химических компаниях, никаких мер принято не было». Администрация даже пытается обойти решение суда, поддержавшее местный запрет на «перевозки особо опасных химических веществ из определенных зон в окрестностях федеральной столицы». «Все это показывает, насколько маловажной является защита от террористических актов по сравнению с обеспечением благосостояния корпораций»⁽⁶²⁾.

А вот аналогичный пример из другой области: перед отделом по контролю за иностранными активами Министерства финансов поставлена задача по расследованию подозрительных транзакций, что является одним из мероприятий программы «войны с террором». В апреле 2004 года отдел уведомил Конгресс, что из ста двадцати его сотрудников счета Усамы бен Ладена отслеживают четверо, тогда как поддержанием незаконного эмбарго против Кубы занимаются почти две дюжины. С 1990 по 2003 год отдел провел девятнадцать три расследования, связанных с терроризмом и повлекших за собой взысканий на сумму 9000 долларов, и одиннадцать тысяч расследований, связанных с Кубой и приведших к взысканиям на восемь миллионов долларов. Эти известия прошли в США незамеченными, хотя в государственных изданиях и прозвучали слова о том, что «пока Соединенные Штаты сталкиваются с реальной

угрозой террора на Ближнем Востоке и в других регионах, абсурдная и все более странная одержимость Кубой со стороны администрации является не просто позорной, но и опасно затмевающей реальность». Это слова сенатора Макса Бокуса, расследовавшего «злоупотребления средствами налогоплательщиков» в процессе наказания Кубы⁽⁶³⁾.

Подлинные приоритеты администрации Буша хорошо иллюстрирует и то, как она обошлась с публичным разоблачением агента ЦРУ Валери Плейм. Ее муж, Джозеф Уилсон, опубликовал неприятный отчет, разоблачающий обвинения администрации против Ирака, особенно в том, что Саддам закупал в Нигере «желтый кек» для программы по разработке оружия массового поражения. Отставные агенты ЦРУ уведомили Конгресс, что сообщество спецслужб понесло урон не только из-за утечки информации, но еще более из-за того, что вскрылась уловка президентской администрации. Это причинило «непоправимый ущерб доверию к нашим оперативным сотрудникам. Теперь им будет трудно убедить зарубежных агентов в том, что их безопасность является для нас вопросом первостепенной важности», – сказал Джим Марсинковски, бывший оперативный сотрудник ЦРУ. «Всякий раз, когда государственный аппарат, состоящий из патриотов прайм-тайма и фанатичных дурачков, демонстрирует свое невежество, низводя Валери Плейм до уровня простого конторского чиновника, обесценивает те или иные схемы прикрытия или играет в партийные игры с нашей национальной безопасностью, это причиняет стране только вред», – добавил Марсинковски, заявив, что подобная практика идет вразрез с предотвращением террористических атак⁽⁶⁴⁾.

Данный пример показывает, что защита страны также уступает по своей приоритетности поддержке жесткого контроля сверху донизу, напоминаю-

щего о тоталитарных корпоративных структурах. Команда Чейни-Рамсфельда, официальной вывеской которой является Буш, неизменно демонстрирует, как сильно она помешана на власти и дисциплине. По всей видимости, правящую клику приводит в ярость то, что ЦРУ обладает достаточной компетенцией и не горит особым желанием делиться «информацией», которая необходима для реализации ее планов в Ираке. Как показало одно исследование, проведенное на основе подробных бесед с высшими руководителями разведки и ее отставными сотрудниками, опрошенные описывают ничем не выдающегося Портера Госса как «стенобитное орудие». Они убеждены, что его назначение на пост директора ЦРУ преследует одну цель: привести ведомство в соответствие с требованиями исполнительной власти, не считаясь с реальной ситуацией. Судя по всему, основным показателем профессионализма Госса является его неколебимая верность Бушу. Сообщается, что из отвращения к нему десятки высокопоставленных сотрудников ЦРУ подали в отставку, что резко уменьшило компетентность этого деморализованного ведомства, в особенности по ближневосточным вопросам. Гремучая смесь из крайнего высокомерия, предельной некомпетентности и страсти к повиновению произвела катастрофические последствия, и вполне возможно, что она приведет к еще худшим результатам⁽⁶⁵⁾.

Ради своей одержимости пытками Буш и компания готовы пожертвовать «войной с террором». Чтобы похитить в Италии подозреваемого в терроризме и отправить его в Египет, – вероятно, для пыток, – администрация Буша сорвала расследование роли подозреваемого в «попытке создания сети для вербовки террористов, раскинувшей щупальца по всей Европе». Итальянские суды выдвинули тринадцать обвинений против оперативных сотрудников ЦРУ, а итальянская общественность негодовала. Аналогич-

ные жалобы на администрацию Буша, срывающую антитеррористические операции, выдвигали и другие европейские страны. Осуждение единственного человека, связанного с терактами одиннадцатого сентября, Мунира аль-Мотассадека, потерпело неудачу, поскольку чиновники из администрации Буша отказались представить немецким властям доказательства. Точно таким же образом «администрация Буша отказала испанским властям в разрешении допросить Рамзи бин аль-Шибха, главного из подозреваемых членов «Аль-Каиды», что могло бы поддержать идущий в Мадриде процесс против двух человек, обвиняемых в подготовке терактов [одиннадцатого сентября] 2001 года»⁽⁶⁶⁾.

Хотя поддержка союзников является важнейшим делом в «войне с террором», Вашингтон в очередной раз «создал напряженность в отношениях с ними», когда испанский суд выдал международные ордера на арест и экстрадицию американских солдат, обвиняемых в убийстве в Ираке испанского журналиста и украинского телеоператора, сообщает «Уолл-стрит джорнел». Испанцы пошли на эту меру «после того, как, по словам представителей суда, американские власти дважды оставляли без ответа просьбы разрешить ему допросить солдат». Пентагон никак не прокомментировал происходящее⁽⁶⁷⁾.

Похищение ЦРУ человека и отправка его в Египет заставили прессу заговорить о «культурных различиях» в методах ведения «войны с террором», практикующихся США и Европой, используя презрительное замечание Роберта Кагана о «европейцах с Венеры» и «американцах с Марса». Кроткие и мягкие европейцы верят в такие старомодные понятия, как уголовное право и закон. Жесткие и крутые американцы просто берутся за дело и быстро делают его, как в ковбойских фильмах. Обозревателям известно, – хотя они искусно обходят эту тему, – что жесткие и кру-

тые американцы почти не обращают внимания на право и закон, когда имеют дело с террористами. В самом деле, ведь эти террористы получают помилование от президента, несмотря на бурные протесты Министерства юстиции, стремящегося депортировать их по соображениям национальной безопасности (Орландо Бош); их привлекают к еще более жестокой террористической деятельности (Луис Посада Каррилес); защищают от постоянных запросов об экстрадиции, которые власти попросту игнорируют (Эммануэль Констан, убивший множество людей на Гаити); освобождают по суду (Посада). И это лишь несколько лиц, занимавшихся «полезным терроризмом»⁽⁶⁸⁾.

Надо сказать, что существует дополнительная категория людей, существование которой официальная доктрина исключает, – это американские террористы. Вся значительность западного государственного терроризма для западной культуры иллюстрирует назначение Джона Негропonte на новую должность директора разведывательной службы, отвечающего за антитеррористическую деятельность. В администрациях Рейгана и Буша он был послом в Гондурасе и управлял самым большим из всех отделений ЦРУ. И не потому, что Гондурас играл столь важную роль в мировой политике, а потому, что страна была главной базой для ведения международной террористической войны, за которую Вашингтон осудили Международный суд и Совет Безопасности ООН (в отсутствие американского «вето»). Назначение главного международного террориста на главную антитеррористическую должность мира практически не удостоилось комментариев. Равно как и тот факт, что в то же самое время Доре Марии Теллес, героине народной борьбы, в результате которой в Никарагуа был сброшен ужасный режим Сомосы, было отказано в визе и в праве преподавать в школе Гарвард Дивинити. Ее посчитали террористкой, по-

сколькo она помогала свергать тирана и убийцу множества людей, опиравшегося на поддержку США⁽⁶⁹⁾.

Оруэлл не знал бы, смеяться тут или плакать.

В 2005 году Майкл Линд величественно изрек: «Дебаты относительно легитимности терроризма завершены». Формальным окончанием этих дебатов стало мартовское заявление Генерального секретаря ООН Кофи Аннана, согласно которому «терроризмом считается любая акция, предполагающая убийство гражданских лиц, или некомбатантов, или причинение тяжкого вреда их здоровью, с целью запугивания населения или принуждения правительства или международной организации к совершению каких-либо действий или отказу от них». Как заключил Линд, после этого заявления «террористические акты против гражданских лиц, совершенные негосударственными группами или государствами, в любой стране мира должны однозначно рассматриваться как военные преступления». К счастью, на Западе это заявление Аннана можно комментировать не столь однозначно, благодаря тому, что для себя мы делаем исключение из основополагающего морального принципа – принципа универсальности⁽⁷⁰⁾.

Конечно, готовность авторов стратегии рискнуть усилением терроризма, что может возыметь чудовищные последствия, еще не означает, будто они станут приветствовать это. Просто предотвращение террористических актов является для них не столь приоритетной задачей по сравнению с серьезными геополитическими и стратегическими целями, – в частности, с контролем над «ключевыми энергетическими ресурсами мира», которые с 40-х годов признаются «источником стратегической мощи, имеющим громадное значение», а также «одним из величайших материальных достояний в истории человечества». Британцы, будучи на пике своего могущества,

прекрасно понимали это. В 1921 году, на заре нефтяной эры, Первый лорд Адмиралтейства сообщил технологам-нефтяникам: «Если мы закрепим за собой доступные мировые запасы нефти, то сможем делать все, что захотим». Понимая это не хуже, Соединенные Штаты поспешили вытеснить Великобританию из Венесуэлы, которая в 1928 году превратилась в ведущего мирового экспортера нефти, и сделали так, что распоряжаться ее нефтью стали американские компании. Чтобы добиться этой цели, Вашингтон «активно поддерживал злодейский и продажный режим Хуана Висенте Гомеса», заставив правительство страны отменить британские концессии (одновременно заявляя – и обеспечивая – права США на ближневосточную нефть, которой в то время распоряжались Великобритания и Франция)⁽⁷¹⁾.

Вскоре после вторжения в Ирак Збигнев Бжезинский, один из наиболее искушенных аналитиков и специалистов по стратегическому планированию, указал, что контроль Америки над ближневосточными производителями нефти «обеспечивает ей прямой, однако важнейший в политическом отношении рычаг воздействия на экономики Европы и Азии, которые также зависят от экспорта нефти из этого региона». Бжезинский лишь повторил выводы по данному вопросу ведущего специалиста по стратегии послевоенной эпохи Джорджа Кеннана, признававшего, что контроль над ресурсами региона Персидского залива обеспечит США «право вето» в отношении их промышленных соперников. Это разумный расчет, основанный на допущении, что выживание человечества – вещь не особенно существенная по сравнению с кратковременной властью и богатством. И в этом нет ничего нового. Подобные сюжеты в истории уже встречались. Различие заключается лишь в том, что сегодня на кон поставлено нечто несоизмеримо большее⁽⁷²⁾.

Если Соединенные Штаты смогут сохранить контроль над Ираком, который располагает вторыми по величине разведанными запасами нефти в мире и расположен в самом сердце региона с крупнейшими мировыми запасами энергоресурсов, это существенно усилит «стратегическую мощь» Вашингтона и силу его «важнейшего средства влияния» на основных соперников в том трехполюсном мире, который постепенно формируется последние тридцать лет. (Один полюс – это Северная Америка, где господствуют США, а два других – Европа и Северо-Восточная Азия, с которой связаны экономики Южной и Юго-Восточной Азии). Подобные соображения всегда занимали центральное место в стратегическом планировании послевоенной эпохи, а сегодня их роль стала еще более значительной, по мере того как основные союзники Америки постепенно начинают противодействовать ее доминированию. Причем из-за агрессивного милитаризма Буша делают это все активнее, как и предсказывалось⁽⁷³⁾.

Можно найти огромное количество примеров недальновидности США в их стремлении к власти и прибылям. Обратимся к другой области: в апреле 2005 года Конгресс принял энергетическую политику 2005 года, и если она вступит в силу, то будет разрешено бурить скважины в Национальном арктическом парке (ANWR), что истощит внутренние запасы нефти и в долгосрочной перспективе усилит зависимость страны от ее импорта. Вторя риторике Вашингтона (которую, очевидно, составляли нефтяные лоббисты), нефтяная отрасль приветствовала решение Конгресса как меру по «созданию рабочих мест и сокращению зависимости от иностранной нефти». На самом деле в долгосрочной перспективе эта зависимость лишь возросла, а «рабочие места» – не что иное, как хорошо знакомый технический термин, ставший эвфемизмом для почти ругательного слова

«прибыль». Представляется, что расходование нефтяных запасов Стратегического нефтяного резерва – это более рациональный способ использовать внутренние ресурсы. В отличие от бурения скважин в арктическом национальном парке, подобные действия не окажут губительного воздействия на окружающую среду и коренные народы Севера. Однако так отрасль не сможет получить прибыли, и на таких условиях энергетическую политику, конечно, нельзя будет навязать общественности⁽⁷⁴⁾.

Этот законопроект был принят вскоре после того, как корпорация «Эксон-Мобил» выпустила отчет «Энергетические перспективы: взгляд на 2030 год», в котором предсказывается, что пик производства нефти странами, не входящими в ОПЕК, придется на 2010 год. Прежде эта корпорация занимала более консервативные позиции в отношении прогнозов о пиках нефтедобычи. В перспективе этот отчет отменяет как нежизнеспособные такие альтернативы, как канадские нефтеносные пески, и не нашел никакой замены существенно возросшим объемам производства ОПЕК, в первую очередь на Ближнем Востоке. Если эти прогнозы точны, истощение внутренних запасов нефти обеспечит еще более тесную зависимость от ближневосточной нефти, чем предсказывалось. А это породит очередные интервенции, раздувание террора и усиленное подавление стремлений к демократии и суверенитету, которым Соединенные Штаты препятствуют уже не одно десятилетие и которым они продолжают препятствовать и в будущем⁽⁷⁵⁾.

Ближневосточная нефтедобыча – это в первую очередь Саудовская Аравия и – потенциально – Ирак, который представляется особенно ценной поживой не только из-за своих громадных запасов сырья, но и потому, что он остался единственным на Земле местом, где существуют обширнейшие нетронутые запасы нефти. Более того, их можно до-

бывать очень дешево, что сулит энергетическим корпорациям баснословные прибыли. Привилегированный доступ к этим запасам получают американские и британские компании, если вторжение увенчается успехом и Вашингтону удастся наладить эффективное управление страной. Впрочем, важнейшим вопросом послевоенной эпохи стал не столько доступ к ресурсам, сколько контроль над ними. Поэтому особое внимание к «важнейшим средствам влияния» в обозримом будущем продолжит оставаться нормой международной политики.

Одним из наиболее заметных свойств несостоятельных государств является следующее: они не защищают своих граждан от насилия – или даже от уничтожения, – либо их ответственные лица считают подобные задачи менее приоритетными по сравнению с приобретением власти и богатства в краткосрочной перспективе. Другой особенностью несостоятельных государств является следующая: это «государства-изгой», лидеры которых с пренебрежением относятся к международному праву и договорам. Подобные средства могут ограничивать кого угодно, но не «государство-изгоя». В следующей главе мы обратимся к этому «принципу самоосвобождения» от законов войны и прочих международных норм.

Государства- ИЗГОИ

В одной из своих последних работ Джон Роулс, крупнейший представитель американской политической и нравственной философии конца XX века, высказал ряд мыслей о международном сообществе, состоятельном в моральном отношении. Он выдвинул идею «Общечеловеческого закона», который, по убеждению Роулса, должен быть применим к «сообществу либеральных демократических народов» и к «сообществу добропорядочных народов» – то есть не либерально-демократических, но обладающих всем необходимым для того, чтобы быть включенными в справедливое международное сообщество. За пределами этого круга «упорядоченных государств», по словам Роулса, находятся «государства-изгой», которые отказываются соблюдать «Общечеловеческий закон». Этот закон включает в себя такие требования, как «соблюдение договоров и обязательств»; признание того, что «все страны равноправны и считаются сторонами соглашений, которыми они связаны»; отказ от применения силы «во всех случаях, кроме самообороны»; «уважение

и прочим принципам, которым с готовностью следуют все, кроме «государств-изгоев» и их сателлитов⁽¹⁾.

Мысль о том, что «все страны равноправны и являются сторонами соглашений, которыми они связаны», уже давно закреплена в международных правовых нормах, таких, как Женевская конвенция, впервые заключенная в 1864 году для защиты раненых в военное время и с тех пор расширенная дополнительными протоколами (в частности, 1949 и 1977 годов) и принципами Нюрнбергского трибунала, учрежденного для расследования военных преступлений нацистов в годы Второй мировой войны. Эти принципы были утверждены Комиссией по международному праву ООН в 1950 году. Статья 3 Нюрнбергских принципов недвусмысленно гласит: «Если человек, совершивший деяние, которое международное право квалифицирует как преступление, действовал в качестве главы государства или уполномоченного представителя правительства, это не освобождает его от ответственности согласно международному праву». Например, министр иностранных дел Германии был повешен за такое преступление, как участие в превентивной оккупации Норвегии⁽²⁾.

Более того, тяжкие нарушения Женевских конвенций во всех странах, подписавших их, считаются преступлениями, требующими экстрадиции, и эти страны обязаны «принимать любые законодательные меры, необходимые для эффективного осуществления наказания лиц, совершивших или приказавших совершить» подобные преступления. И кара за несоблюдение этого закона является достаточно серьезной. По крайней мере, она могла бы быть таковой, если бы кто-то осмелился бросить вызов «единственной и безжалостной сверхдержаве, чье господство грозит переделать мир в соответствии с теми взглядами, которые она навязывает»⁽³⁾.

В 2002 году Альберто Гонсалес, советник Белого дома, передал Бушу докладную записку о пытках, составленную отделом правовых консультаций Министерства юстиции. Сэнфорд Левинсон, специалист по конституционному праву, отмечает: «По заявлению отдела правовых консультаций, “для того, чтобы воздействие достигало уровня пытки, оно должно носить чрезвычайный характер... Физическая боль, достигающая уровня пытки, по силе должна быть эквивалентна боли, сопровождающей тяжелую физическую травму, например, отказ органа, нарушение функций тела или даже смерть”». Далее Левинсон заявляет, что, по мнению Джея Байби, возглавлявшего тогда отдел, «использование какого-либо менее сильного воздействия, чем эта сильнейшая боль, с технической точки зрения не будет являться пыткой. Это будет просто негуманным и унижительным обращением, которому юристы из администрации Буша, судя по всему, особенного значения не придавали»⁽⁴⁾.

Гонсалес, кроме того, посоветовал президенту Бушу благополучно аннулировать Женевские конвенции, которые хотя и являются «высшим законом страны» и фундаментом международного права, но содержат положения, определенные Гонсалесом как «вычурные» и «устаревшие». Аннулирование этих конвенций, заявил Бушу Гонсалес, «существенно снизит угрозу внутренних уголовных преследований в соответствии с «Законом о военных преступлениях». Этот закон, принятый в 1996 году, грозит суровыми наказаниями за «тяжкие нарушения» конвенций. Если подобное нарушение «повлекло за собой гибель жертвы», виновный приговаривается к смертной казни. Позже Гонсалес был назначен генеральным прокурором, и возможно, однажды он возгла-

вит и Верховный суд, если только окружение Буша не сочтет его «чрезмерно либеральным»⁽⁵⁾.

Постановления Министерства юстиции были всеместно осуждены. Сэнфорд Левинсон обвинил юридических советников президента «в продвижении, с согласия администрации Буша, идеи президентской власти, слишком напоминающей ту власть, которой [Карл] Шмит был готов наделить своего фюрера». Он упомянул «главного философа права нацистской Германии», не забыв и «настоящего серого кардинала администрации Буша». Впрочем, возможно, истинным «серым кардиналом» таких идей был еще Робеспьер, наставлявший французский Конвент, что якобинцы должны «смирять врагов свободы с помощью террора». Вместе с тем, как указывает Левинсон, основания для упомянутых постановлений были. Когда в 1994 году американский Сенат ратифицировал Конвенцию ООН о запрещении пыток и другого жестокого, бесчеловечного и унижительного обращения и наказаний, он дал определение пытки, которое Левинсон называет «дружественным к следователям» и которое было принято посредниками ООН. По всей видимости, именно это определение юридические советники президента использовали для оправдания пыток лиц, подвергнутых аресту в Гуантанамо, Ираке, Афганистане и в других местах. Джейсон Берк, британский журналист и специалист по терроризму, пишет, что Соединенные Штаты «совместно со своими главными союзниками» – с Великобританией, как можно предположить, – «содержат “невидимую” сеть тюрем и центров предварительного заключения, где с начала «войны с террором» бесследно исчезли тысячи подозреваемых». Они используют для этого и один из бывших советских объектов в Восточной Европе (Дана Прист). Судьба пропавших людей неизвестна, но ее нетрудно себе вообразить. Кроме того, неизвестное количество по-

дозреваемых было «переведено» в страны, где пытки им практически гарантированы⁽⁶⁾.

Профессор международного права Джордан Пауст в своем содержательном и уничтожающем анализе доктрин, разработанных Министерством юстиции Буша, пишет: «Никогда со времен нацизма столь большое количество юристов не было так недвусмысленно вовлечено в международные преступления, связанные с содержанием и допросами лиц, арестованных в военное время». Юристы занимались реализацией плана, который «возник в кругах администрации Буша в 2002 году... с целью подорвать традиционное, основывающееся на договорах международное право в вопросах содержания и допросов так называемых “террористов”, задержанных военнослужащих противника и тех, кто им пособничал». По замечанию Пауста, «план в целом и предоставляемые им полномочия будут иметь последствия уголовного характера», в том числе «нарушение законов войны, что является военным преступлением», и предполагают возможный заговор в высших кругах, покровительствующий совершению подобных преступлений. Докладная записка Гонсалеса от 2002 года, согласно Паусту, «свидетельствует о существовании беспринципного плана обойти сферу действия закона и действовать в нарушение Женевских соглашений, избегая при этом уголовного преследования». Точно так же меморандум, изданный Бушем 7 февраля 2002 года, «непосредственно уполномочивал и предписывал нарушать Женевские конвенции, то есть совершать военные преступления».

Оценивая последующие решения президента, Пауст обнаруживает в них нарушения Женевской конвенции и Устава Нюрнбергского трибунала, каждое из которых относится к военным преступлениям, – а также неприкрытые нарушения Конституции США. Он иронически высказывается о деятельности юри-

дических советников, в том числе весьма уважаемых профессоров-правоведов и прочих авторитетных юристов, «которые занимались явной фальсификацией и недвусмысленным обманом», искажая своими «планами» издавна существующие принципы права, а также постановления Верховного суда. Пауст не припомнит в американской истории прецедента совершения подобных преступлений «юристами из высших правительственных структур», включая президента и министра обороны Дональда Рамсфельда, которые приказывали принимать меры, «неприкрыто нарушающие законы ведения войны»⁽⁷⁾.

Две крупные международные правозащитные организации — «Хьюман Райтс Уотч» и «Международная амнистия» — активно утверждают принцип Устава Нюрнбергского трибунала об ответственности за преступления против мира и человечества на самом высоком уровне. Обращая внимание на скандал в Гуантанамо и на использование пыток напрямую либо через позорную практику «перевода в другую страну», «Хьюман Райтс Уотч» призвала начать уголовное преследование Дональда Рамсфельда и бывшего директора ЦРУ Джорджа Тенета, а также генералов Риккардо Санчеса (бывшего командующего вооруженными силами США в Ираке) и Джеффри Миллера (бывшего начальника лагеря военнопленных Гуантанамо). «Международная амнистия» призвала правительства всех стран мира провести уголовное расследование деятельности «высших должностных лиц США, вовлеченных в скандал с пытками», и в случае, если в ходе расследования обвинение подтвердится, «арестовать любое должностное лицо, которое появится на территории страны, и привлечь его к суду». Прецедентом для этого послужило преследование аргентинского диктатора Аугусто Пиночета в соответствии с требованиями международного гуманитарного

права. Общая реакция на эти заявления американской политической элиты была вполне предсказуемой, если учесть ее продуманные отказы от элементарнейших моральных норм вкупе с доктриной самоосвобождения от действия международного права и договоров⁽⁸⁾.

Впрочем, даже не располагая подробными сведениями о преступных мерах, введенных Бушем и его коллегами в Гуантанамо, мало кто усомнится, что там творятся вопиющие жестокости. Едва ли можно все-таки принимать торжественные заверения Кондолизы Райс относительно пыток и «переводов», которые она делала перед европейскими дипломатами. Почему бы для такого «перевода» избрать не Египет, а Швецию? Почему людей нужно держать в Гуантанамо, а не в нью-йоркской тюрьме? То оправдание, что в Нью-Йорке опасные террористы могут сбежать, не заслуживает внимания. По всей видимости, администрация Буша предпочла Гуантанамо, поскольку благодаря бюрократическому крючкотворству это место не подпадает под действие ни американского, ни международного права. Американская база в восточной части Кубы была захвачена силой в конце XIX века, а затем передана США в результате навязанного кубинцам «договора», согласно которому она может использоваться для бункеровки судов или как военно-морская база. С тех пор Гуантанамо приспособили и для других целей, в нарушение концессии, принятой оккупированной Кубой. Это и содержание под стражей беженцев с Гаити, что противоречит статье 9 Всемирной декларации прав человека, и нынешние пытки вкупе с прочими нарушениями международного права. Сохранение американской военной базы, кроме того, недвусмысленно служит такой цели, как подрыв кубинской экономики, лишая ее главного порта и возможностей для развития удаленных от моря районов.

Два авторитетных юриста непреднамеренно подтвердили оценку, которую Левинсон, Пауст и правозащитные организации дали администрации Буша, попытавшейся отменить еще одну международную конвенцию, оспорив исключительное право Международного Красного Креста определять статус военнопленных. Эта конвенция просто смехотворна, заявляют нам юристы Ли Кейси и Дэвид Ривкин, работавшие в Министерстве юстиции еще при Рейгане и Буше-первом. В пользу этого, в частности, приводится следующий довод: «Каждое государство вправе трактовать [международное право] самостоятельно – что и составляет смысл его суверенитета и самоуправления». Разумеется, «каждое государство» – это Соединенные Штаты Америки или их сателлиты, если Вашингтон решит наделить их подобными правами. Ведь Кейси и Ривкин не заключают, что и Саддам Хусейн имел право самостоятельно трактовать международное право, чтобы оно позволило ему оккупировать Кувейт, или что будущее демократическое правительство Ирака получит полномочия бомбардировать Израиль, чтобы положить конец его бесконечным нарушениям распоряжений Совета Безопасности ООН и Женевских конвенций. Вторая причина, по которой Красный Крест лишается подобного права, – это его разногласия с Вашингтоном. А потому организацию следует освободить от роли «беспристрастной международной организации». Что и требовалось доказать⁽⁹⁾.

Кейси и Ривкин могли бы добавить в свой список дисквалифицированных авторитетов и другие организации, например Организацию американских государств (ОАГ) или правительство Блэра, которое ведущий британский журнал о международных отношениях презрительно поименовал «оруженосцем рах америсана (американского миропорядка)». Ведь

Межамериканская комиссия по правам человека при ОАГ в марте 2002 года рекомендовала США «принять срочные меры и определить правовой статус лиц, содержащихся в заливе Гуантанамо, через решение компетентного Трибунала» – то есть Международного Красного Креста. Вашингтон отменил это требование на том основании, что следовать решениям комиссии его ничто не обязывает. Возможно, в ОАГ вспомнили об этом, когда через год там впервые проголосовали за исключение США из Межамериканской комиссии. Это «символический ответный шаг, демонстрирующий наше неприятие политики Соединенных Штатов», как заявил один из латиноамериканских дипломатов в Вашингтоне. Что же касается Великобритании, то правительство Блэра никак не отреагировало на то, что Британский апелляционный суд, сославшись на права, подтвержденные еще древними положениями Великой хартии вольностей, единогласно постановил: Фероз Абасси, британский подданный, которого держат в Гуантанамо без предъявления обвинения, содержится в «правовой черной дыре» вне законных оснований. Положения Великой хартии в итоге были частично признаны Верховным судом США при вынесении в июне 2004 году решения по делу «Расул и другие против Буша». По стандартам Кейси и Ривкина это, очевидно, дискредитирует и Верховный суд, но не Конгресс, который осенью 2005 года это решение отменил⁽¹⁰⁾.

Среди других учреждений, «дискредитированных» из-за осуждения действий США, можно назвать Международный суд по правам человека, после того как в 1986 году он вынес решение против Соединенных Штатов по иску Никарагуа, а также Совет Безопасности ООН, который подтвердил это судебное решение. Впрочем, правовое беззаконие Верховного суда не ограничивается одним только

решением по делу Никарагуа. В июле 2004 года он вынес рекомендательное постановление, согласно которому «разделительная стена», сооружаемая на Западном берегу, является нарушением международного права и что «все государства обязаны не признавать незаконно существующее положение, возникшее в результате сооружения стены, и не содействовать поддержанию ситуации, возникшей из-за строительства». Против решения возражал только судья от США Бергенталь, правда, в очень ограниченном смысле. Он согласился с тем, что «международное гуманитарное право, в том числе Четвертая Женевская конвенция, а также международные законы о правах человека, применимы к оккупированным палестинским территориям, и поэтому Израиль должен строго соблюдать их (sic)». Поскольку все израильские поселения на оккупированных территориях нарушают конвенцию, то «международное гуманитарное право ipso facto нарушают те участки стены, которые Израиль сооружает для защиты поселений» – то есть его нарушает большая часть стены. Таким образом, и судья Бергенталь, очевидно, тоже дискредитирован, хотя с Верховным судом самого Израиля пока все в порядке. Год спустя он постановил, что любой участок «разделительной стены» «должен предполагать необходимость защиты израильтян, живущих в Алфей-Менаше», на Западном берегу, а также «всех израильтян, живущих в поселениях на территории Иудеи и Самарии» (Западный берег), и защищать их права собственности⁽¹¹⁾.

Политические партии США с этим согласились. Решение Международного суда было подвергнуто жесткой критике подавляющим большинством обеих партий посредством резолюций Конгресса. В 2004 году кандидат в президенты от Демократической партии Джон Керри осуждал это решение суда с особым упорством. Его реакция, по замечанию Стивена

Зунса, явно отражает «нарастающее неприятие обеими партиями любых правовых ограничений деятельности Соединенных Штатов и их союзников за пределами страны, в особенности на Ближнем Востоке», и согласие в том, чтобы «любая попытка поднимать юридические проблемы, связанные с действиями оккупирующих государств, должна активно пресекаться». Конечно, если оккупирующие государства – не Соединенные Штаты и их сателлиты. Это основательно подкрепляется и другими доказательствами⁽¹²⁾.

На заявления о том, что «разделительная стена» служит задачам обеспечения безопасности, не стоит даже тратить время. Будь это так, она сооружалась бы на «зеленой линии» – международной границе, признанной всем миром, за исключением Израиля и США. (Штаты признавали эту линию вплоть до резкого изменения политического курса в 70-х годах, вызванного поддержкой Израиля, отказавшегося от политического урегулирования проблемы ради дальнейшей экспансии на оккупированные территории.) Если бы Израиль соорудил эту стену, чтобы защитить себя, он утвердил бы ее абсолютно безупречным образом, и Вашингтон не столкнулся бы с возражениями международного сообщества, на которые он мог бы ответить лишь своим «вето». Однако у «стены» есть один недостаток. Стена, сооруженная для защиты, не превратилась бы в важный шаг по присоединению к Израилю ценных палестинских земель и важнейших ресурсов, в первую очередь воды⁽¹³⁾. И она представляла бы собой неудобство не для палестинцев, а для израильтян, в том числе для незаконных поселенцев. Таким образом, этот вариант рассматривать не стоит – слово «безопасность» употребляется здесь в своем обычном для государственной политики и публичной риторики значении.

•

Военные преступления и преступления против человечества

Юридические советы Гонсалеса Бушу о том, как избежать преследования по «Закону о военных преступлениях», оказались актуальными вскоре после того, как были даны, причем из-за случая более серьезно, чем скандалы по поводу пыток. В ноябре 2004 года американские оккупационные войска начали второе крупное наступление на город Фаллуджу. В прессе немедленно появились сообщения о военных преступлениях, причем звучали они одобрительно. Наступление началось с бомбардировки, целью которой было изгнание из города всех, кроме взрослых мужчин; пытавшиеся бежать из Фаллуджи мужчины в возрасте от пятнадцати до сорока пяти лет из города не выпускались. Подобный план напоминал подготовку к бойне в Сребренице, за исключением того, что наступавшие сербы вывозили детей и женщин на грузовиках, вместо того, чтобы обращать их в бегство бомбардировками. Когда бомбардировочный налет был уже в разгаре, иракская журналистка Нермин аль-Муфти вела репортаж из этого «города минаретов, эхо с которых некогда отражалось от вод Евфрата, красивого и спокойного, с обилием влаги и бурной растительности... иракского летнего курорта, куда люди приезжали отдохнуть, поплавать в близлежащем озере Хаббания и поесть кебаба». Она описала судьбу жертв бомбардировок, в ходе которых гибли целые семьи, в том числе беременные женщины и дети, не сумевшие вместе со многими другими бежать, потому что наступавшие, самолеты которых вели бомбардировку, плотно окружили город и перекрыли ведущие из него дороги⁽¹⁴⁾.

Аль-Муфти спрашивала жителей города, были ли в Фаллудже иностранные боевики. Один мужчина сказал, что «слышал, будто в городе были арабские

боевики, но никого из них не видел». Потом он слышал, что они оставили город. «Независимо от того, чем эти боевики руководствовались, они обеспечили предлог для того, чтобы город был разгромлен, – продолжал он, – и у нас есть право на сопротивление». Другой мужчина сказал: «Среди нас были наши арабские братья, однако когда бомбардировка усилилась, мы попросили их уйти, и они ушли». После этого он спросил: «Почему Америка имеет право звать на помощь английскую, австралийскую и другие армии, а у нас такого права нет?»⁽¹⁵⁾.

Любопытно узнать, сколько раз этот вопрос поднимался в статьях и репортажах западной прессы. Или как долго этот вопрос задавала в 80-х годах советская пресса по поводу Афганистана. Как часто определения вроде «иностранные боевики» использовались для обозначения оккупационных армий? Как часто в репортажах и статьях журналисты избегали мыслить в единственно возможном ключе: хорошо ли идут дела у «наших» и каковы перспективы «наших успехов»? Едва ли есть необходимость изучать это. Подобная позиция прочна, как чугун. Немыслимо даже ставить вопрос об этом – он вызвал бы упреки в «пособничестве террору», обвинениях «Америки во всех мировых проблемах» и тому подобные, хорошо знакомые заявления.

После нескольких недель бомбардировок Соединенные Штаты приступили к наземной операции по взятию Фаллуджи. Она началась с захвата центральной больницы города. Как сообщила передовица «Нью-Йорк таймс», «обвешанные оружием солдаты выгнали пациентов и сотрудников больницы, приказали сесть или лечь на пол и связывали им руки за спиной». Сцена зафиксирована на соответствующей фотографии. Все это подавалось как достижение, заслуживающее одобрения. «В результате наступления удалось закрыть центральную больницу Фаллуд-

жи, откуда шел нескончаемый поток сообщений о жертвах среди мирного населения, которые офицеры называли пропагандой боевиков». Такое пропагандистское средство, определенно, является законной целью, особенно когда «дутые цифры потерь среди гражданского населения» (дутые, потому что так сказал наш президент) «обостряют протесты со стороны общественного мнения во всей стране, что увеличивает политические издержки конфликта». Слово «конфликт» – это обычный эвфемизм для обозначения американской агрессии, – например, когда на тех же самых страницах мы читаем, что «сейчас американцы в спешном порядке направляют инженеров на восстановление того, что было разрушено в ходе конфликта». Просто «конфликта», без всякой действующей силы, словно там прошел ураган⁽¹⁶⁾.

Некоторые важные документы остались неупомянутыми. Очевидно, потому, что и они тоже были сочтены «вычурными и устаревшими». Например, положение Женевской конвенции, согласно которому «стационарные учреждения и мобильные пункты медицинской службы ни в коем случае не подлежат атакам, но должны пользоваться уважением и защитой сторон конфликта». Таким образом, передовица одной из ведущих мировых газет бодро описывала военные преступления, за которые, по американским законам, высшее руководство страны может подвергнуться суровым наказаниям, вплоть до смертной казни, если бы пациенты, выброшенные из кроватей и закованные в наручники на полу, умерли в результате такого обращения. Однако случившееся не удостоилось ни запросов, ни размышлений. Те же самые официальные источники сообщали, что американские военные «добились решения практически всех поставленных задач с существенным опережением графика», поскольку «большая часть города представляла собой дымящиеся руины». Впрочем, успех

был неполным. Существовали скудные сведения о мертвых «штатских крысах», найденных то ли в их «норах», то ли на улицах – это «все еще неразгаданная загадка». В самом деле, американские солдаты «обнаружили на улицах Фаллуджи тело убитой женщины, но было неясно, гражданка это Ирака или иностранка». Крайне насущный вопрос, по всей видимости⁽¹⁷⁾.

Другая газетная передовица цитирует одного из старших офицеров морской пехоты, заявившего, что «взятие Фаллуджи должно быть увековечено в исторических трудах». Возможно, это и так. Тогда мы знаем, на каких именно страницах истории оно найдет себе место. Очевидно, Фаллуджа появится там рядом с Грозным, городом примерно того же размера, с фотографией Буша и Путина, проникновенно смотрящих в глаза друг другу. Те, кто восхваляет подобные вещи или хотя бы относится к ним с терпимостью, могут подыскать для взятия Фаллуджи страницы истории, которые им понравятся больше⁽¹⁸⁾.

Впрочем, не все сообщения прессы о штурме были одинаковы. Высокопоставленные американские чиновники жестко критиковали катарскую телесеть «Аль-Джазира» — самый влиятельный новостной канал арабского мира — за то, что там журналисты «делали акцент на жертвах среди мирного населения», появившихся в процессе разрушения Фаллуджи. Проблема независимых средств массовой информации была решена позже, когда этот телеканал, в ходе подготовки к свободным выборам, выдворили из Ирака⁽¹⁹⁾.

Если обратиться к другим источникам, помимо официальных американских, мы узнаем, что, «по описанию доктора Сами аль-Джумайли, американские самолеты разбомбили главный медицинский центр, в котором он работал», убив тридцать пять пациентов и двадцать четыре сотрудника. Его сообщение было подтверждено иракским репортером, работаю-

щим на «Рейтер» и Би-би-си, а также доктором Эйманом аль-Ани из центральной больницы Фаллуджи, сообщившим, что здание центра, куда он прибыл вскоре после его бомбардировки, обрушилось вместе с пациентами. По заявлению оккупационных войск, это сообщение было «безосновательным». Американские военные совершили еще одно тяжкое и еще более безнравственное нарушение международного гуманитарного права: они закрыли доступ в Фаллуджу для иракского Красного Полумесяца. Сэр Найджел Янг, директор британского Красного Креста, осудил данный акт как «имеющий громадные последствия». По его словам, это создает «опасный прецедент. Красный Полумесяц имел мандат на оказание помощи местному населению, которое страдало от тяжелейшего кризиса». Возможно, это добавочное преступление было реакцией на весьма необычное публичное заявление Международного Красного Креста, осудившего все воюющие стороны иракской войны за их «крайнее пренебрежение к человечности»⁽²⁰⁾.

По всей видимости, первым сообщением от человека, посетившего Фаллуджу по окончании операции, стали слова иракского врача Али Фадхиля, сказавшего, что он нашел город «совершенно разрушенным». Фаллуджа выглядела теперь «как город призраков». Фадхиль заметил на улицах тела нескольких убитых иракских боевиков; им было приказано покинуть город до начала штурма. По сообщению врачей, на момент начала наступления весь медицинский персонал был заперт в главной больнице и «связан» по приказу американцев. «Никто не имел права покинуть больницу, а в городе люди истекали кровью». Отношение оккупантов было подытожено в надписи, сделанной губной помадой на зеркале в разрушенном доме: «Драть в лоб весь Ирак и каждого иракца!» Бойцы иракской Национальной гвардии, которую захватчики использовали для осмотра до-

мов, совершили ряд исключительных по жестокости преступлений. Это были преимущественно «бедные шииты с юга... безработные и отчаявшиеся», и подобные поступки лишь «раздували пламя гражданской войны». Аккредитованные репортеры, прибывшие в город позже, видели, как «люди постепенно возвращаются в Фаллуджу», где они «попадали в покинутый край с островами зданий, расстрелянными из танков домами, оборванными линиями электропередач и изувеченными пальмами». Разрушенный город, где проживало 250 000 человек, «остался без электричества, водопровода, школ и торговли»; здесь действовал строгий комендантский час, и территория его была «занята большим количеством» оккупационных войск и местных вооруженных сил. Те немногие беженцы, которые отважились вернуться, чтобы жить под строгим надзором военных, нашли здесь «лужи нечистот на улицах, трупный запах в обуглившихся зданиях, отсутствие воды и электричества, долгие очереди и тщательные досмотры, проводимые американскими солдатами на пропускных пунктах, предупреждения о противопехотных минах и минах-ловушках, а также эпизодические перестрелки между солдатами и повстанцами»⁽²¹⁾.

Полгода спустя состоялся, по всей видимости, первый визит в Багдад международного наблюдателя, Джо Карра из «Группы христианских миротворцев», который имел опыт работы на оккупированных Израилем палестинских территориях. В Багдад он прибыл 28 мая и увидел до боли знакомую картину: многочасовые ожидания на немногочисленных пропускных пунктах, устроенных скорее для притеснения, чем ради безопасности; обычное сокращение производства в опустошенных районах, избежавших разрушения, где «из-за пропускных пунктов резко подскочили цены на продовольствие»; остановки карет скорой помощи, перевозящих больных, и прочие фор-

мы беспорядочной жестокости, знакомой по израильской прессе. В развалинах Фаллуджи, писал Карр, хуже, чем в Рафахе (сектор Газа), который практически стерт с лица земли израильским террором, пользуясь поддержкой США. Соединенные Штаты «сровняли с землей целые кварталы, и почти каждое третье здание повреждено или разрушено». После атаки уцелела всего одна больница для стационарных пациентов, однако доступ к ней затруднен оккупационными войсками, что стало причиной множества смертей в Фаллудже и сельских районах. Иногда в «выгоревший остов дома» набивались десятки людей. Всего четвертая часть семей, чьи дома были разрушены, получила какую-то компенсацию, которая обычно не достигала и половины затрат на материалы, необходимые, чтобы отстроить дом заново⁽²²⁾.

Специальный докладчик ООН из продовольственного комитета Жан Циглер обвинил американские и британские войска в Ираке «в таком нарушении международного права, как лишение гражданских лиц пищи и воды в осажденных городах в процессе вытеснения боевиков» из Фаллуджи и других городов, штурм которых проводился в последующие месяцы. Он сообщил международной прессе, что возглавленные США оккупационные войска «прекращали или ограничивали доставку пищи и воды, чтобы вынудить жителей покидать города перед штурмом, используя голод и жажду в качестве средства ведения войны против гражданского населения, что явилось грубым нарушением» Женевских конвенций. Американская публика в основном обошла эти известия стороной⁽²³⁾.

Но и помимо столь тяжких военных преступлений, как штурм Фаллуджи, можно найти более чем достаточно подтверждений приведенного ниже заключения профессора стратегии Военно-морского колледжа о том, что 2004 год «стал поистине годом ужасов и жестокостей для злополучного Ирака».

Ненависть к Соединенным Штатам, продолжает он, сейчас бушует в стране, подвергавшейся многолетним санкциям, которые и без того привели «к исчезновению иракского среднего класса, крушению системы светского образования, росту неграмотности, отчаянию и моральному разложению. Это способствовало религиозному возрождению в Ираке из-за того, что большое количество иракцев стало искать утешения в религии». Основные службы подверглись еще большей разрухе по сравнению с тем состоянием, в которое их ввергли санкции. «В больницах регулярно заканчиваются самые элементарные препараты... техника находится в ужасном состоянии, а десятки специалистов и опытных врачей покидают страну потому, что боятся стать жертвами насилия, или потому, что сыты по горло условиями работы, не отвечающими никаким стандартам». Между тем «с тех пор, как оккупационные силы во главе с США свергли господина Хусейна, религия постепенно начинает играть в политической жизни Ирака все большую роль», – сообщает «Уолл-стрит Джорнел». После вторжения «ни одно политическое решение, по словам правительственных чиновников, не принимается без молчаливого или явного одобрения» великого аятоллы Али аль-Систани, в то время как «ранее почти неизвестный молодой священнослужитель Муктада ас-Садр создал военно-политическое движение, к которому на юге страны и в беднейших кварталах Багдада примкнули десятки тысяч сторонников». Аналогичные тенденции наблюдаются и в суннитских районах.

Голосование по проекту иракской конституции осенью 2005 года превратилось в «битву мечетей», в ходе которой избиратели по большей части подчинялись религиозным эдиктам. Мало кто из иракцев вообще видел этот документ, поскольку правительство практически не распространяло его копии. По

замечанию «Уолл-стрит Джорнел», новая конституция «имеет гораздо больше исламских корней по сравнению с последней конституцией Ирака, принятой полвека назад, основанной на нормах [светского] французского гражданского права» и предоставлявшей женщинам «практически равные права» с мужчинами. Под воздействием американской оккупации все это ушло в прошлое⁽²⁴⁾.

Последствия многолетнего насилия и тяжелых ограничений со стороны Запада неизменно расстраивали интеллектуалов цивилизованного мира, которые, по словам Эдварда Люттуока, с удивлением обнаружили, что «подавляющее большинство иракцев, прилежных прихожан мечетей и в лучшем случае полуграмотных», просто не могли «поверить в то, что казалось им совершенно непонятным: что иностранцы бескорыстно жертвуют жизнями и богатством, чтобы помочь им». Доказывать же последний факт не требуется по определению⁽²⁵⁾.

Обозреватели сетовали на то, что Соединенные Штаты «превратились из страны, которая осуждала пытки и запрещала их использование, в страну, где они превратились в рутинную практику». Однако в действительности события развивались куда менее безобидным образом. Пытки, какими бы ужасными они ни были, едва ли могут соперничать по своей тяжести с военными преступлениями в Фаллудже и повсюду в Ираке или с общими последствиями американо-британского вторжения. Вот один пример, который в США быстро промелькнул и был тут же предан молчанию: результаты тщательного исследования, проведенного видными американскими и иракскими специалистами и опубликованного в октябре 2004 года в «Ланцете», ведущем мировом медицинском журнале. В ходе исследования, проводившегося с достаточно консервативными предположениями, был сделан вывод о том, что «количество по-

гибших в результате вторжения и оккупации Ирака составило, по всей видимости, около 100 000 человек, а возможно, и много больше». Согласно позднему пересмотру результатов исследования, проведенному в Швейцарии, непосредственным результатом боев или вооруженного насилия явилась гибель примерно 40 000 иракцев. Проведенное затем исследование иракской комиссии по подсчету убитых показало: сообщается о гибели 25 000 мирных лиц за первые два года оккупации, в том числе одного из каждых 500 жителей Багдада и одного из каждых 136 жителей Фаллуджи. Оккупационные силы во главе США убили 37 % из них, преступники – 36 %, «анти-оккупационные силы» – 9 %. На второй год оккупации количество погибших удвоилось. Большинство смертей было вызвано взрывными устройствами, две трети из которых составляют авиабомбы. Расчеты иракской комиссии по подсчету убитых основываются на сообщениях средств массовой информации, и, следовательно, они гарантированно ниже реальных цифр, хотя и без того шокируют⁽²⁶⁾.

Британский аналитик Милан Раи, оценивая эти отчеты наряду с исследованием «Условия жизни в Ираке», проведенным в апреле 2005 года Программой развития ООН, пришел к выводу, что приведенные цифры в основном непротиворечивы, а выявленное расхождение объясняется различиями конкретных предметов исследований и временными промежутками, которые они охватывают. Эти выводы в какой-то мере подкрепляются данными Пентагона, по оценкам которого 26 000 мирных иракцев и бойцов сил безопасности было убито и ранено мятежниками, начиная с января 2004 года. В отчете об исследовании Пентагона, опубликованном в «Нью-Йорк таймс», упоминаются и другие оценки, хотя там не отмечена самая важная из них – та, которую дал «Ланцет». Газета мимоходом заметила, что «не было представ-

лено сведений о том, сколько иракцев было убито оккупационными силами во главе с США». Эта статья в «Нью-Йорк таймс» появилась на следующий день после даты, которую международные активисты выбрали для поминовения всех погибших в Ираке, в первую годовщину публикации отчета в «Ланцете»⁽²⁷⁾.

Масштабы иракской катастрофы настолько громадны, что едва ли могут быть описаны. Журналисты по большей части пребывают в надежно укрепленной «зеленой зоне» Багдада или же путешествуют под внушительной охраной. Исключением на фоне этой характерной для прессы тенденции выглядят Роберт Фиск и Патрик Кокберн, которые подвергают себя крайнему риску, а также эпизодические выражения иракского общественного мнения. Одним из них является сообщение о полном ностальгии собрания европеизированной, образованной багдадской элиты, где дискуссия перекинулась на разграбление Багдада ханом Хулагу и на историю его ужасающих злодеяний. По замечанию одного профессора философии, «по сравнению с американцами, Хулагу был гуманистом», что вызвало смехи. Однако «большинство собравшихся, по всей видимости, старательно избегали проблем политики и насилия, которые преобладают в здешней повседневной жизни». Вместо этого они перешли к предпринимавшимся в прошлом попыткам создать национальную культуру, преодолевающую застарелые этнические и религиозные различия, к которым Ирак «сползает» сейчас, в период оккупации. Собравшиеся также обсудили гибель исторических сокровищ Ирака и человеческой цивилизации – трагедию, которой страна не знала со времен монгольских нашествий⁽²⁸⁾.

Другими последствиями вторжения стали сокращение среднего дохода иракцев с 255 долларов в 2003 году до 144 долларов в 2004 году, а также «существенная нехватка в сельской местности риса, сахара, мо-

лока и детского питания», о чем сообщила Международная продовольственная программа ООН. Члены этой программы еще до вторжения предупредили, что продублировать эффективную систему раздачи продовольствия, действовавшую при Саддаме Хусейне, будет невозможно. По сообщению иракских газет, в новых продуктах питания содержатся металлические опилки – это одно из последствий повальной коррупции, распространившейся при американо-британской оккупации. За шестнадцать месяцев оккупации Ирака количество случаев тяжелого недоедания удвоилось, достигнув уровня Бурунди и далеко опередив Гаити или Уганду. А это «означает, что около 400 000 иракских детей страдают от истощения – болезни, характеризующейся хроническим поносом и опасным дефицитом белков». И подобное происходит в стране, где сотни тысяч детей уже умерли в результате санкций, введенных по инициативе Великобритании и США. В мае 2005 года докладчик ООН Жан Циглер опубликовал отчет норвежского Института прикладных общественных наук. По его данным, относительно высокие показатели питания иракцев в 70–80-х годах, даже в период войны с Ираном, в десятилетие действия санкций стали резко сокращаться, а после вторжения 2003 года произошло дальнейшее, катастрофическое снижение этих показателей⁽²⁹⁾.

Между тем акты насилия против гражданского населения совершают не только оккупанты и мятежники. Как сообщают Энтони Шаид и Стив Файнару, «шиитские и курдские добровольческие формирования, которые часто действуют в составе сил безопасности иракского правительства, породили волну похищений, политических убийств и прочих акций устрашения, утверждая свой контроль над территориями Северного и Южного Ирака и усугубляя разделение страны по этническим и религиозным

принципам». Одним из показателей масштабов катастрофы является громадный поток беженцев, «которые спасаются от насилия и экономических бедствий»; с начала американского вторжения только в Сирию и Иорданию их перебралось свыше миллиона. Большинство из них «специалисты и умеренно настроенные светские лица, которые могли бы помочь в решении практических задач по нормализации жизни в стране»⁽³⁰⁾.

Исследование «Ланцета», сообщившее о вероятных ста тысячах жертв в Ираке к октябрю 2004 года, обросло в Англии достаточным количеством комментариев, чтобы вынудить правительство выступить со смущенным опровержением, однако в США оно прошло практически незамеченным. Эпизодические косвенные упоминания обычно описывают его как «противоречивый» отчет о том, что «вплоть до 100 000 иракцев» погибло в результате вторжения. Цифра в сто тысяч была принята как наиболее вероятная на основе весьма сдержанных допущений, поэтому было бы куда точнее охарактеризовать отчет как «сообщающий о минимум 100 000 случаев смерти». Хотя этот отчет был опубликован на пике президентской предвыборной кампании в США, видимо, никому из ведущих кандидатов не задавали на этот счет публичных вопросов⁽³¹⁾.

Подобная реакция отвечает общей тенденции для случаев, когда массовые зверства совершаются «не теми» силами. Яркий пример тому – войны в Индокитае. В единственном известном мне опросе, в котором респондентов просили оценить количество убитых вьетнамцев, средняя оценка составляла 100 000 – около 5 % от официальных данных. Подлинное же число жертв неизвестно, и оно вызывает не больший интерес, чем действительная цифра погибших от химического оружия, применявшегося США. По замечанию авторов опроса, это выглядит так, как

если бы студенты немецких колледжей оценили число жертв Холокоста в 300 000 человек; в этом случае можно было бы заключить, что в Германии не все благополучно. А правь Германия миром, это означало бы еще более серьезные проблемы⁽³²⁾.

Решение Вашингтона освободить себя от действия международного права в значительно большей степени, чем ранее, отчасти поддержали те, кто считался основными защитниками прав человека. В частности, Майкл Игнатъефф, председатель программы по правам человека Гарвардского университета, который одобрил нарушение Женевских конвенций и даже законов США, считая это, сообразно своим личным убеждениям, «наименьшим злом». Подобных оснований, по широкому убеждению, достаточно для поддержки «теории справедливой войны». Так, Майкл Уолцер в своих недавних воспоминаниях, получивших высокую оценку, называет Афганистан «триумфом теории справедливой войны», попутно относя к таким войнам и Косово, не приводя ни аргументов, ни свидетельств. И это также является «справедливым», поскольку потребует основательно искать «аргументы» для нетривиального предложения развязать «справедливую» или любую другую войну. Если, конечно, не принимать в расчет вездесущие «я думаю, что...» и «это кажется мне полностью оправданным».

Обитающие в студенческих кампусах противники того, что Уолцер называет справедливыми войнами Америки, по его словам, являются «пацифистами». Но «пацифизм – это плохой довод», потому что, по мнению того же автора, насилие иногда оправдывается законом. С этим вполне можно согласиться (и я соглашаюсь), однако «я думаю, что...» – едва ли весомый аргумент в тех реальных случаях, которые обсуждает Уолцер. Своих противников «слева» он никак не характеризует, за исключением Эдварда Сэда «и более умного и рассудительного Ри-

чарда Фолка», которые находят «оправдания» для террора; какие именно это оправдания, он нам не сообщает. Его «аргументация относительно войны» направлена преимущественно против «многочисленных левых», «некоторых критиков боевых действий», «распространенных пересудов», «леваков», «мастеров все упрощать» и так далее, с той же неопределенностью. И, как и положено, против арабов. Любопытное замечание от представителя доминирующей моральной и интеллектуальной культуры: безосновательное очернение неконкретных оппонентов считается законной практикой, в особенности среди тех, кто именует себя «порядочными левыми». Более того, эта практика в высшей степени похвальна, если им удастся делать правильные заключения⁽³³⁾.

«Держи вора!»

Ожидания стратегов из Пентагона относительно того, что они быстро завоюют Ирак и создадут там стабильный зависимый режим, были не так уж нереалистичны. Если бы не исключительная некомпетентность высоких гражданских чиновников Пентагона, это завоевание могло стать одним из самых легких в истории, даже без предварительных «точечных мероприятий» и прочих действий, направленных на то, чтобы лишить иракскую армию возможности или желания оказывать сопротивление. Страна была опустошена войной и санкциями и, как известно, располагала весьма ограниченным военным потенциалом и военными расходами даже по сравнению с соседними странами. Вторжение положило конец двум жестоким режимам, а Соединенные Штаты располагали громадными ресурсами для восстановления того, что было разрушено. Более того, любое потенциальное сопротивление получило бы лишь незначительную

внешнюю поддержку. Тем не менее, штатские чиновники Пентагона сумели организовать внушительное вооруженное сопротивление, а также широкое народное ненасильственное противодействие, попутно разделив страну на несколько частей. Примечательный факт: пытаясь поставить под контроль Ирак, стратеги из Вашингтона столкнулись с большим количеством проблем, чем было у России с ее сателлитами или у Германии в оккупированной Европе. Тогда зависимые страны по преимуществу управлялись собственными правительствами и органами безопасности, а регулирующая сила, поддерживающая марионеточные режимы, действовала опосредованно. Конечно, и там были отважные партизаны-антифашисты, однако они не могли продержаться без внешней поддержки, да и Германия вела войну⁽³⁴⁾.

Итак, невзирая на все свои необычайные преимущества, штатские руководители Пентагона добились «одного из самых примечательных в истории поражений», как небезосновательно отметил с места событий многоопытный ближневосточный корреспондент Патрик Кокберн.

Из двух губительных режимов, которым вторжение в Ирак положило конец, только одному – тирании Саддама – было позволено стать предметом для обсуждения. Но даже такая дискуссия была поставлена в весьма тесные рамки. Саддам уже не был тем фаворитом Америки, каким являлся до августа 1990 года и каким он снова стал в марте 91-го, когда Буш-первый позволил ему подавить восстание шиитов, угрожавшее Хусейну свержением. Результатом этой новой фазы сообщничества Буша и Саддама стали еще несколько десятков тысяч смертей⁽³⁵⁾.

Вторым губительным режимом был режим американо-британских санкций (из идеологических соображений названных «санкциями ООН», хотя общеизвестно, что ООН приняла их под давлением Аме-

рики). Однако эти санкции следует обсуждать особо, потому что они, очевидно, погубили больше людей, «чем все так называемое оружие массового поражения за всю историю», как подсчитали два пессимистически настроенных военных специалиста, — то есть как минимум несколько сотен тысяч человек. Анализируя обширную подборку доказательств, один из наиболее информированных американских корреспондентов пишет, что после «страшных лет санкций ООН... доходы населения упали до одной пятой части довоенных [1990 год], детская смертность выросла вдвое, и лишь немногие иракцы имели возможность пользоваться чистой водой». Более того, половина емкостей очистных канализационных сооружений, разрушенных вместе с источниками электроэнергии в ходе англо-американских бомбардировок 1991 года, по-прежнему не работала, что «привело к вспышкам эпидемий тифа и холеры». Система образования рухнула, уровень грамотности упал, и все большее количество иракцев довольствовалось «полуголодным пайком», обнаруживая симптомы, «обычно встречающиеся во время голода», что, по данным ЮНИСЕФ, привело к тройному увеличению уровня смертности к 2003 году⁽³⁶⁾.

Санкции погубили гражданское общество, усилили тирана и вынудили население рассматривать его как залог выживания, что, вполне возможно, спасло Саддама от участи других кровавых диктаторов, которых США и Великобритания поддерживали до последних дней их кровавого правления: Николае Чаушеску, Сухарто, Фердинанда Маркоса, Жана-Клода Дювалье по прозвищу «Бэби Док», Чон Ду Хвана и целой галереи прочих негодяев, к которой постоянно прибавляются новые имена. По этим причинам санкции встретили жесткую критику со стороны ведущих представителей иракской оппозиции. Камиль Махди писал, что Соединенные Штаты, «по сути,

опорочили и парализовали всякую оппозицию существующим властям», придав «дискредитированному и обреченному режиму новый жизненный импульс». Санкции, писал он, «применяются к Ираку так, будто это громадный лагерь беженцев, которому нужно немедленно обеспечить поддержку. Но иракцам в первую очередь нужна возможность для восстановления экономики, для возобновления реконструкции и развития. Это означает, что основной приоритет должны получить жизненно важные службы и инфраструктура, и кроме того, для подъема внутреннего производства необходимо запустить программу импорта». То есть сделать именно то, чему помешал введенный США режим санкций⁽³⁷⁾.

Те на Западе, кто знал Ирак лучше всего, – уважаемые международные дипломаты Дэнис Холлидей и Ханс фон Шпонек, осуществлявшие в стране программу ООН «Нефть в обмен на продовольствие», а также сотни наблюдателей, работавших в соседних странах, – предполагали, что если бы не губительный режим санкций, иракцы самостоятельно разобрались бы со своими трудностями. Холлидей в 1998 году в знак протеста подал в отставку, осудив санкции как «осуществление геноцида». По аналогичным причинам два года спустя подал в отставку и фон Шпонек. Рассуждения на тему того, что санкции только поддерживали тиранию Саддама Хусейна, были подкреплены послевоенными расследованиями США, показавшими, что иракское правительство буквально висело на волоске. Что же касается субъективных суждений на эту тему, то они особого интереса не представляют. Если бы народу дали возможность свергнуть диктаторский режим, ни одна внешняя сила не была бы вправе брать на себя эту задачу. Ведь в ином случае она неизбежно преследовала бы свои собственные цели, причем в нашем случае – с чудовищными результатами.

Фон Шпонек предположил, что Соединенные Штаты задерживали его отчеты в Совет Безопасности. Однако подобные меры оказались недостаточны, чтобы уберечь американский народ от мнений наиболее осведомленных европейских наблюдателей. Эти мнения, с их нежелательными выводами и неожиданными характеристиками, просто устранялись из прессы⁽³⁸⁾. Затем замалчивание, по-видимому, считали недостаточным средством для того, чтобы скрыть последствия санкций. Поэтому союз правительства и средств массовой информации прибегнул к известной тактике под названием «Держи вора». Когда вы запустили руки в чьи-то карманы, но вас поймали, кричите «Держи вора!» и энергично указывайте на другого, надеясь, что это отвлечет всеобщее внимание и позволит вам сбежать. В данном случае подобный прием был использован для возбуждения активного расследования предполагаемой коррупции в программе ООН «Нефть в обмен на продовольствие» с бурным сотрясением воздуха из-за недостающих двадцати миллиардов долларов, которые якобы присвоили иракцы. При этом следует отдавать себе отчет в том, что даже если впоследствии обвинения оказались несостоятельными, они, тем не менее, достигли своей цели: ликвидировали любую возможность того, что подлинно чудовищный скандал – то есть сами санкции и их последствия – снова выплывет на поверхность.

Осуществление приема «держи вора», хотя и представляется вопросом второстепенным, не лишено определенного интереса. Было быстро доказано, что хотя коррупция в рядах ООН никакого сомнения не вызывала, большая часть пропавших двадцати миллиардов приходилась на долю незаконных продаж нефти США их союзникам, Турции и Иордании. Согласно отчету Шарля А. Дюльфера, главного инспектора ООН по Ираку, львиная доля незаконных

транзакций регулировалась «межправительственными соглашениями» между Ираком и другими странами, преимущественно Иорданией («ключом к финансовому выживанию Ирака», как гласит отчет) и Турцией. Все эти транзакции осуществлялись вне программы ООН «Нефть в обмен на продовольствие», и все они были уполномочены Советом Безопасности (то есть Вашингтоном). Как сообщает Джой Гордон, исследователь из ООН, остальные транзакции проводились через комитет по санкциям, возглавляемый США, и таким образом немедленно наталкивались на американское «вето», которое никогда не применялось в отношении незаконных «откатов», но усердно налагалось на гуманитарные контракты. Любая серьезная контрабанда по морю могла осуществляться лишь с молчаливого согласия ВМФ США, который, по сути, и олицетворял многонациональные временные силы ООН в Персидском заливе.

В ходе единственного серьезного расследования программы «Нефть в обмен на продовольствие» Пауль Фолькер, возглавлявший это расследование возможных злоупотреблений, уполномоченное ООН, пришел к предварительному выводу: сомнительные денежные переводы «приближались к сумме 1,7 миллиарда долларов... которая была определена и Шарлем Дюльфером», – малая толика средств от продажи нефти Турции и Иордании, проводившейся под эгидой США. Единственной же неочевидной суммой, упомянутой в одном из многочисленных на шумевших отчетов о «крупном скандале в ООН», стали 419 миллионов долларов превышенной компенсации вооруженным силам Кувейта, что составляет примерно четверть от суммарной цифры в 1,7 миллиарда долларов, установленной Фолькером. Следующая крупная сумма, фигурирующая в отчетах, – 200 миллионов долларов незаконных прибылей, из которых 50 миллионов ушло к окружению Саддама, – была

выявлена в ходе расследования международной деловой прессы. Оно также пришло к выводу, что «самая крупная и дерзкая контрабандная операция в рамках программы «Нефть в обмен на продовольствие» проводилась с ведома американского правительства». О ней были извещены и американские, и британские власти, однако они игнорировали эти предупреждения, время от времени передававшиеся многонациональными временными силами ООН⁽³⁹⁾.

Расследования газеты «Файнэншл таймс» показали, что «администрации Клинтона и Буша не просто знали, что Ирак контрабандой продает нефть Иордании и Турции, но и оповещали Конгресс», которому рекомендовали «закрыть на это глаза». Причина тому была следующей: подобные незаконные продажи входили в число «национальных интересов», поскольку Иордания – это важный сателлит США, а поддержка Турции, которая давно является крупной базой Штатов, откуда они осуществляют контроль над регионом, обеспечивает «безопасность, процветание и прочие жизненно важные интересы»⁽⁴⁰⁾.

Каким бы ни был масштаб схем предвоенных «откатов», маловероятно, чтобы они приблизились к тем суммам, которые исчезли в процессе оккупации Ирака под американским руководством. Когда Временная коалиционная администрация сдавала свои полномочия, судьба 20 миллиардов долларов из иракских фондов, которые перешли в ее руки, – в том числе неизрасходованных фондов программы «Нефть в обмен на продовольствие» и 11 миллиардов долларов нефтяных прибылей Ирака, – так и осталась неизвестной. «Отсутствие прозрачности возбуждает интерес» к деятельности Временной администрации, как написала «Файнэншл таймс», приводя много тому примеров – например, расследования, которые доказывают, что три четверти контрактов, на общую сумму более чем в 5 миллиардов долларов, были заключены без вся-

ких предварительных конкурсов. Среди них «проект на 1,4 миллиарда [долларов] по восстановлению нефтяной инфраструктуры Ирака, переданный «Халлибертон», американской нефтяной компании, которую ранее возглавлял Дик Чейни, вице-президент США, без тендера на конкурентной основе, [в результате чего] «Халлибертон» стала крупнейшим получателем средств из иракских фондов». В ходе дальнейших расследований были выявлены планы техасских корпораций и «легендарных нефтяных дельцов» по отмене «ограничений, введенных программой ООН «Нефть в обмен на продовольствие»». Некоторые обвинения против них уже активно рассматриваются. Происходящее свидетельствует о том, что отдельные отрасли американского бизнеса – и не только они – погрязли в трясине коррупции⁽⁴¹⁾.

В одном из наиболее масштабных обзоров деятельности Временной администрации, проведенных СМИ, – в первую очередь на основе официальных американских данных аудита – Эд Харриман отмечает, что Рамсфельд и Пол Бремер «сделали все, чтобы за восстановление Ирака платила сама «освобожденная» страна». Временная коалиционная администрация Бремера «потратила до 20 миллиардов долларов иракских средств и только 300 миллионов – из американских фондов». Относительно «8,8 миллиарда долларов, прошедших через новое иракское правительство» под надзором Бремера, не осталось никакой отчетности. Объемы «выплат», полученных техасской компанией «Халлибертон» и ее дочерними компаниями, выглядели невероятными, однако коррупционная деятельность Временной администрации ими не ограничивалась. «Школы, больницы, водопроводы и электроснабжение, которым предполагалось развиваться благодаря денежным средствам [распределяемым Временной администрацией], лежат в руинах. Неизбежно напрашивается вывод о том,

что зарубежные подрядчики обеспечили себе внушительный приток наличности, заключив чудесные сделки в виде иракских контрактов». По словам Харримана, в годы правления Саддама и он сам, «и американская администрация сказочно наживались». В те годы «большая часть иракской нефти уходила на нефтяные заводы в Калифорнии, которые богатели на этом. Сегодня действует в целом та же система: нефть течет в Калифорнию, а иракское правительство безнаказанно расходует государственные прибыли». Стюарт Боуэн, специальный генерал-инспектор по восстановлению Ирака, обнаружил, что на само восстановление средств осталось мало, отчасти потому, что примерно 30 миллиардов долларов, захваченных оккупационными силами – вместе с фондами иракских нефтяных прибылей, – расходовались чиновниками Временной коалиционной администрации неправоммерно и, «возможно, мошеннически»⁽⁴²⁾.

Конечно, куда увлекательнее фактов коррупции выглядят бурные обсуждения вероятных происков России, судьба 160 тысяч долларов, необъяснимым образом попавших в руки чиновника ООН Бенона Севана, или сообщения о том, что Кофи Аннан беседовал (или не беседовал) на какой-то встрече с чиновником компании, где работает его сын. Как бы ни обстояли дела в реальности, напрашивается вывод о том, что ООН остро нуждается в реформах, направляемых США. Поэтому администрация Буша «сосредоточилась на программе ООН «Нефть в обмен на продовольствие», которая превратилась в рассадник коррупции и позволяла Саддаму получать миллионы от нефтяных прибылей, – выставляя ее примером того, каким серьезным реформам должна подвергнуться ООН, если она желает эффективно работать». Осуществление этой задачи стало «очередной трудностью», с которой столкнулся при своем назначении Джон Болтон, посол США в ООН⁽⁴³⁾.

Как сообщил Уоррен Хоуг, итоговый отчет комиссии Фолькера о коррупции в ООН выявил два следующих случая: Севан был обвинен в получении на банковский счет взятки как минимум в 147 тысяч долларов, а Александр Яковлев, российский чиновник ООН, ведавший снабжением программы, безуспешно вымогал взятку у ее подрядчика. За подобные деяния оба могли бы претендовать на младшие управленческие должности в «Халлибертон». «Отчет, кроме того, обвинял Совет Безопасности и его Комитет по санкциям» – то есть в первую очередь Вашингтон – «за снисхождение к контрабанде, ведшейся в обход программы «Нефть в обмен на продовольствие» и обогащавшей такие страны, как Турция, Иордания и Сирия». Масштабы коррупции иллюстрируют итоговые подсчеты: «[Саддам] Хусейн получил от программы, которой управляли Соединенные Штаты, 1,8 миллиарда долларов посредством взяток и завышения расходов». Почти все прибыли от завышения расходов были получены с благоволения Вашингтона, а взятки поступали преимущественно от американских корпораций. Комиссия предпочла не расследовать случай с примерно 9 миллиардами долларов прибылей от программы «Нефть в обмен на продовольствие» – они были переданы американским оккупационным властям и, по всей видимости, исчезли»⁽⁴⁴⁾.

Таким образом, итоговые результаты расследования Фолькера едва можно заметить. Впрочем, в свете идеологических установок его разоблачения являются «крупнейшим мошенничеством, известным истории», как заявили с наигранным возмущением редакторы «Уолл-стрит Джорнел». Они также присоединились к страстному призыву радикально реформировать ООН и тем самым покончить с ее растратами, злоупотреблениями и коррупцией – безусловно, существующими в организации и являющимися сферой ответственности заместителя генсека

ООН по управлению, который обычно является политическим назначенцем Вашингтона⁽⁴⁵⁾.

В своем последнем сборнике сведений о коррупции в бизнесе комиссия Фолькера назвала тысячи компаний, а также частных лиц, вовлеченных в незаконное завышение расходов и получение взяток – в том числе беглого финансиста Марка Рича, которому президент Клинтон, оставляя свою должность, даровал помилование. Комиссия также обвинила Совет Безопасности (то есть Соединенные Штаты) в неспособности контролировать коррупцию. «Даже несмотря на то, что мы смотрим на все это со стороны, происходящее буквально кричит вам: «Почему никто не информирует об этом?» Все это лишний раз доказывает то, что и так хорошо известно. ООН действительно нуждается в ряде основательных реформ», – заявил Фолькер. На его вопрос относительно «информаторов» ответил один из сотрудников комиссии. По его словам, то, что миллиарды нефтедолларов незаконно пошли «на укрепление экономик американских союзников, Иордании и Турции, несколько умерило стремление Совета Безопасности вмешаться и покончить с подобной практикой». Он также сказал: после таких огромных нелегальных перечислений «будете ли вы так строго смотреть на менее внушительные потоки нефти? Едва ли». Если выразиться понятнее, то Соединенные Штаты, которые бдительным образом контролируют программу, «сделали уступку» ввиду того, что сами сыграли основную роль в этом незаконном экспорте для Саддама и находились не в том положении, чтобы «информировать» о гораздо меньших суммах, выведивших на многие американские компании. Вне всякого сомнения, «в некоторых основательных реформах» нуждаются многие организации, однако «ключевой момент» заключается в том, что ООН, несмотря на свои изъяны, занимает среди них не первое место⁽⁴⁶⁾.

По заключениям, прозвучавшим в отчете Фолькера, большинство энергетических корпораций, занимавшихся «незаконным завышением нефтяных смет», стремится оставаться в тени, прибегая к услугам посредников. Большинство, но не все. «Одна нефтяная компания – «Тексако», входящая в «Шеврон», – к своему позору, удостоилась отчета в 623 страницы». Возможно, столь уникальная роль «Тексако» свидетельствует о торжестве идеальной справедливости, и не только потому, что компания имеет отношение к Техасу. В конце 30-х годов «Тексако», руководство которой было тогда открыто профашистским, в нарушение контракта и официальных распоряжений правительства США, перенаправляла генералу Франко поставки нефти, адресованные Испанской республике. А Государственный департамент притворялся, будто «не замечает», как отряды фашистов, занимавшие Испанию, получают от Соединенных Штатов один из важнейших товаров, который им не могли обеспечить ни нацистская Германия, ни фашистская Италия. Левой прессе удалось разоблачить этот факт, который впоследствии был признан официально. Аналогичным образом, когда Клинтон приступил к подрыву эмбарго в отношении кровавой террористической хунты на Гаити, именно «Тексако» получила разрешение нарушить распоряжение президента относительно запрета на поставки нефти, основного ресурса, необходимого для поддержки террора. Таким образом, «Тексако» и тут действовала привычным образом⁽⁴⁷⁾.

Хотя история со 150 тысячами долларов Севана не утихала несколько месяцев, лишь с трудом можно было разыскать ссылки на обращение, которое он в июле 1999 года сделал для Совета Безопасности. Он предупреждал, что «улучшение питания и здоровья иракского народа посредством принятия многопрофильных мер... было серьезно замедлено вследствие чрезмерного количества задержек с поставками ресур-

сов и оборудования для водоснабжения, канализации и энергетики». Возражениями США было запрещено большинство поставок, в том числе выключателей, розеток, оконных рам, керамической плитки и краски, аппаратов искусственного кровоснабжения и вентиляции легких, а также многих других товаров, «жизненно необходимых для благополучия иракского народа», по словам Кофи Аннана. Он же призвал Совет Безопасности ослабить санкции, которые «серьезно вредили эффективной реализации программы» по оказанию отчаянно необходимой гуманитарной помощи⁽⁴⁸⁾.

Американские санкции, введенные в одностороннем порядке, в дополнение к тем, которые наложила на Ирак ООН, превосходили по своим масштабам все прочие. Когда могущественные государства оказываются перед действием международных санкций, они просто обходят их с помощью той или иной уловки. Вспомним хотя бы обход США санкций ООН против Южной Африки при Рейгане, а также обход санкций организации американских государств против Гаити – при Буше-первом и Клинтоне. Тот, кто даст себе труд изучить эти истории, не удивится тому, что санкции США против Ирана иранские реформисты считают губительными для своего дела. Саид Хаджариан, один из наиболее влиятельных интеллектуалов Ирана, предупреждает: «Америка ищет любой предлог, будь то ядерная проблема, терроризм, права человека или ближневосточное урегулирование», чтобы оказывать давление на Иран, что часто «приводит к усилению милитаризации страны, а в такой обстановке демократия гибнет». Хаджариан, известный как «мозг реформистов», в 2000 году был ранен выстрелом мусульманского боевика в лицо, и хотя он постепенно поправляется, его случай «служит напоминанием о том, какую цену заплатили за реформы некоторые из иранцев». Он остается противником санкций, которые, по его словам, «причиняют

народу вред», губят демократию и реформы. Он также не признает сравнений с ЮАР, где обход санкций сторонниками Рейгана приветствовало черное большинство, несмотря на то что подобные меры шли ему во вред. Этот критерий, который постоянно оставляют без внимания, должен служить основным фактором при обсуждении правомерности санкций⁽⁴⁹⁾.

Ни для кого не секрет, почему Вашингтон стремится «использовать любой предлог» для введения санкций с тех пор, как иранцы имели смелость свергнуть жестокого тирана, пришедшего к власти благодаря перевороту 1953 года, организованному Великобританией и США и уничтожившему иранскую парламентскую систему. США нет никакой необходимости дожидаться предлогов, которые повергли бы в стыд и смущение любого честного наблюдателя.

«Самоосвобождение»

В одном из многочисленных возмущенных заявлений относительно определений пыток, данных специалистами Министерства юстиции, декан Харольд Кох из школы права Йельского университета, который в качестве помощника государственного секретаря доводил до международного сообщества отказ Вашингтона от любых форм пыток, заявил, что «утверждать, будто президент имеет конституционное право разрешать пытки – то же самое, что утверждать, будто он имеет конституционное право осуществлять геноцид». Впрочем, из практики последнего времени следует, что те же самые юридические советники, судя по всему, без особых затруднений заявляли, что президент действительно имеет подобное право⁽⁵⁰⁾.

Необычность конвенции о пытках заключается в том, что она была ратифицирована Сенатом, хотя и с поправками. Лишь немногие международные кон-

венции по правам человека в итоге ратифицируются, и эти немногие обычно сопровождаются ограничениями, которые делают их неприменимыми к Соединенным Штатам. Они становятся законами, «не вступающими в силу автоматически», либо ограничиваются статусом «исключений, договоренностей и деклараций». Это относится и к Конвенции о геноциде, которую Соединенные Штаты ратифицировали через сорок лет после того, как она была составлена, и с необычными ограничениями. Вопрос об этом был поднят в Международном суде в отношении бомбардировок Сербии НАТО в 1999 году. Когда для осуждения военных преступлений был создан международный трибунал, группа юристов-международников обратилась к нему с запросом о расследовании преступлений НАТО, совершенных в ходе бомбардировок Сербии, представив документальные свидетельства, собранные крупными международными правозащитными организациями, а также откровенные признания командования НАТО. В нарушение статута трибунала обвинители отклонили этот запрос, не проводя расследования, заявив, что они удовлетворены искренними уверениями НАТО. После этого Югославия подала иск в Международный суд, апеллируя к Конвенции о геноциде. Правительство США оправдалось на основании того, что оно само освобождает себя от обвинений в геноциде. Суд, придерживаясь своих статусов, был удовлетворен этим доводом⁽⁵¹⁾.

Существуют и другие примеры самоосвобождения США от основополагающих принципов международного права, не менее важные и актуальные в свете современных событий. Один из них – иск против США, поданный Никарагуа в Международный суд. Часть обвинений Никарагуа, которые представлял в суде Абрам Чейес, профессор школы права Гарвардского университета, бывший юридический советник Государственного департамента, была отклонена су-

дом на следующем основании: Соединенные Штаты, признав в 1946 году юрисдикцию Международного суда, сделали это с ограничением, исключавшим их преследование по многосторонним договорам, в том числе по Уставу ООН и Уставу ОАГ. Суд, таким образом, сузил рамки собственной юрисдикции до стандартных положений международного права и двустороннего договора между США и Никарагуа. Но даже на этих суженных основаниях суд обвинил Вашингтон в «незаконном применении силы», — выражаясь обыденным языком, в международном терроризме — и распорядился прекратить преступную деятельность, выплатив значительные репарации, которые существенно превышали размеры громадного долга, душившего Никарагуа. И тут мы возвращаемся к неутешительным последствиям этого случая. В этом отношении важно следующее: суд безошибочно признал факт самоосвобождения Соединенных Штатов от тех фундаментальных принципов, на которых держится мировой порядок и которые он сам разрабатывал и вводил в действие⁽⁵²⁾.

Можно также заключить, что Вашингтон уполномочил себя осуществлять не только агрессию, но и геноцид. Нюрнбергский трибунал определил агрессию следующим образом: «наиболее тяжкое международное преступление, отличающееся от прочих военных преступлений тем, что является сосредоточением зла, свойственного им всем». Например, это и зло от американо-британского вторжения, которое испытал на себе измученный Ирак. Упомянем здесь также Абу-Грейб, Фаллуджу и все прочее, что имело место в «годы ужасов и жестокостей для злополучного Ирака» после вторжения. И если, что вполне обоснованно, мы включим в это «концентрированное зло» злодеяния, сотворенные за пределами Ирака, картина получится еще более мрачной, приводя нас к «неизбежному вопросу».

Судья Роберт Джексон, главный обвинитель от США на Нюрнбергском трибунале, дал достаточно точное определение понятию «агрессия», которое было затем повторено в официальной резолюции Генеральной Ассамблеи ООН. Во вступительной речи Джексон предложил считать агрессором государство, которое первым совершает такие действия, как «оккупация своими вооруженными силами территории другого государства, с объявлением войны или без него», либо «снабжение и поддержка вооруженных формирований, созданных на территории другого государства, или отказ, несмотря на требования государства, подвергшегося вторжению, принять на своей собственной территории все меры, какие будут в его силах, для лишения этих формирований помощи или защиты». Война США против Никарагуа в точности соответствует второму условию, хотя, если счесть администрацию Рейгана невиновной в преднамеренной агрессии, ее можно счесть виновной в менее тяжком преступлении – международном терроризме беспрецедентного до того времени размаха.

Первому же условию соответствует американо-британское вторжение в Ирак, если только мы не примем особенно изобретательные формулировки «адвокатов защиты». К ним относится, например, такое предположение, выдвинутое одним уважаемым американским ученым-правоведом: Соединенные Штаты и Великобритания предприняли «истолкование в интересах международного сообщества» положений Устава ООН и, исполняя волю международного сообщества, взялись за миссию, которая была неявно возложена на них, поскольку они достаточно могущественны для ее выполнения. И неважно, что международное сообщество бурно протестовало – даже более чем бурно, если добавить сюда протесты отдельных людей, являющихся частью этого сообщества⁽⁵³⁾.

Можно сбросить со счетов и красноречивое замечание судьи Джексона на Нюрнбергском процессе о принципе универсальности: «Если определенные нарушения договоров являются преступлениями, то они являются преступлениями независимо от того, совершили ли их Соединенные Штаты или Германия, и мы не собираемся применять к другим те определения преступных деяний, которые не готовы применить по отношению к самим себе». Он, кроме того, говорил: «Мы не должны забывать, что документы, по которым мы судим этих обвиняемых, есть те же документы, по которым завтра история будет судить нас самих. Предложить обвиняемым чашу с ядом – значит поднести ее и к собственным губам». Телфорд Тейлор, главный консультант Джексона по военным преступлениям, пишет, что «это прекрасные слова, однако соответствовали ли устремлениям результаты?». Едва ли, и мне кажется, Тейлор считал именно так. На ранних этапах подготовки трибунала этот юрист уже озвучивал свое скептическое отношение к ключевому принципу Нюрнбергского процесса – преступному развязыванию агрессивной войны. Тейлор писал: «Данный этап процесса основывается на том, что выдвигается либо будет выдвинуто допущение, согласно которому планировать, начинать (а также проигрывать?) агрессивную войну является преступлением, подлежащим наказанию». Именно так и было заявлено на Нюрнбергском процессе. Однако принцип универсальности был быстро отброшен, и опасения Тейлора оказались полностью обоснованными⁽⁵⁴⁾.

Официальное объяснение предпринятого Вашингтоном самоосвобождения от действия закона в случае с Никарагуа, представленное Абрамом Софаером, юридическим советником Государственного департамента, вполне могло бы удостоиться одобрительного кивка Карла Шмита. Компетенция Международного суда была поставлена под сомнение на тех же

основаниях, что и в случае с Красным Крестом: он не соглашался с Вашингтоном. Соответственно, он явился «враждебным форумом», как обозначили это редакторы газеты «Нью-Йорк таймс», одобряя отказ Вашингтона следовать решениям суда. Соединенные Штаты, не признавшие постановления Международного суда, это оставили в блистательной изоляции, которую они больше не делили с достойным обществом Муаммара Каддафи и Энвера Ходжи, после того как Ливия и Албания признали окончательные решения суда. Софаер пояснил: в действительности предубежденность Международного суда распространяется и на весь мир в целом. Мировое большинство «часто противодействует Соединенным Штатам по важным международным вопросам», так что «мы должны сохранять возможность самостоятельных решений», а подобные прерогативы «подпадают преимущественно под внутреннюю юрисдикцию Соединенных Штатов, как ее определяют сами США». В данном случае речь идет о международном терроризме, который едва не уничтожил пострадавшую от него страну⁽⁵⁵⁾.

Те же фундаментальные принципы, которые преподал миру Софаер, Кондолиза Райс высказала перед мексиканцами в ходе своей поездки в марте 2005 года, призванной обеспечить соблюдение Мексикой обязательств по договору 1944 года о снабжении США водой. По сообщениям мексиканской прессы, это заключение Райс было единственным официальным итогом семичасового визита, хотя она высказывалась и по другому вопросу, интересовавшему мексиканцев: внезапному выходу США из Венской конвенции о консульских отношениях, после того как Международный суд вынес вердикты против США по пятидесяти одному делу мексиканцев. Они были приговорены к смерти после того, как Соединенные Штаты нарушили их право обращаться за консультациями к мексиканскому консульству. «Мы будем по-прежнему

му верить в важность консульских уведомлений», – заявила Райс. Но по ее словам, юрисдикция международного суда «оказалась неприменимой к Соединенным Штатам». Мексиканская пресса подвела этому краткий итог: «Райс сообщила мексиканцам... что они должны соблюдать договор о водоснабжении, а Соединенные Штаты в то же время могут запросто выйти из соглашения, если посчитают его «неприменимым». Подтверждение принудительного соблюдения столь противоположных подходов явилось одним из тех моментов, к которым и сводился визит Райс»⁽⁵⁶⁾.

Если смотреть шире, то все международное право сводится к тому, что представители власти имеют право устанавливать правила и нормы с согласия своих граждан. И ни никарагуанцы, ни мексиканцы, ни другие народы не нуждаются в том, чтобы для этого им в очередной раз сверху спускали указания. В нашей долгой истории таких распоряжений и без того достаточно.

Венскую конвенцию Соединенные Штаты предложили в 1963 году, а ратифицировали в 1969-м. Америка стала первой страной, которая успешно сослалась на нее в Международном суде, в иске против Ирана после захвата заложников в 1979 году. Международное право и решения суда – дело хорошее, но только когда они играют вам на руку. В остальных случаях они «неприменимы к Соединенным Штатам»⁽⁵⁷⁾.

Как поведал нам Джон Болтон, посол США в ООН, главная проблема Международного суда и мира в целом заключается в том, что они неверно трактуют международное право. Болтон, являясь одним из специалистов-правоведов президентской администрации, пишет, что «во всем остальном мире международное право и его «сковывающие» ограничения принимаются как должное». Однако к Соединенным Штатам подобные ограничения применяться не должны. Это вытекает из того обстоятельства, что «по-

стоянно растущая сила» международного права урезает свободу Вашингтона действовать по собственному усмотрению «и будет еще более резко ограничивать нас в будущем». Договоры являются для Соединенных Штатов не обязательствами «правового» характера, но в лучшем случае «политическими» соглашениями. Поэтому Вашингтон, вопреки чужим ошибочным мнениям, был в своем праве, когда отказывался платить долги по пошлинам ООН, оставшиеся от времен Рейгана, вплоть до 2001 года, когда он изменил курс, так как нуждался в международной поддержке. Действительно, в 1962 году Международный суд по инициативе Вашингтона постановил, что выплата пошлин ООН является обязательной для всех ее членов. Данное постановление распространялось на официальных врагов Америки и было вынесено прежде, чем Международный суд «дискредитировал себя» несогласием с Вашингтоном. И при этом неважно, что американская доля ооновских сборов всегда была ниже той, которая точно отражала бы масштабы американской экономической мощи⁽⁵⁸⁾.

Логика подобных явлений вполне проста и пребывает в полном согласии с тем, что Буш именует «новым мышлением в отношении законов войны», согласно которому международное право и договоры являются «частными оговариваемыми условиями». Их же более сильная сторона «может свободно применять или отбрасывать по собственному усмотрению». На них необходимо строго настаивать, чтобы обеспечить безопасную жизнь своим инвесторам, а если они ограничивают свободу Вашингтона прибегать к агрессии и прочим преступлениям, их следует счесть вычурными и старомодными⁽⁵⁹⁾.

Будет только справедливым добавить, что в данных аспектах администрация Буша действует в пределах одобряемого ею и достаточно узкого политического спектра. Впрочем, такое же «новое мышле-

ние» сформулировал на прямо противоположном фланге политического спектра Дин Ачесон, высокопоставленный государственный деятель и советник Кеннеди, наиболее видный из либеральных «мудрецов», которому приписывают честь создания современного миропорядка. В январе 1963 года, сразу же после Карибского ракетного кризиса, Ачесон пояснил Американскому обществу международного права: когда США отвечают на вызов, брошенный «их могуществу, положению и престижу», никаких «правовых проблем» при этом не возникает. Ачесон безусловно знал, что после того, как ракетный кризис разрешился, Кеннеди снова прибегнул к международным террористическим войнам, которые являются фактором, толкающим мир на грань катастрофы. Было бы трудно найти более прямолинейное провозглашение подобного «нового мышления», которое на протяжении всей истории являлось одной из прерогатив неоспоримо господствующей державы⁽⁶⁰⁾.

Закон как фундамент,
на котором зиждется выживание

Но вернемся к тому «неизбежному вопросу», который поставили Рассел и Эйнштейн. Еще одним видным стратегическим аналитиком, который присоединился к предупреждениям о ядерной катастрофе, стал Майкл Макгуайр. Он пишет, что в нынешней политической ситуации, управляемой по преимуществу Вашингтоном, «обмен ядерными ударами в конечном итоге неизбежен», и он определяется той «ужасающей логикой», которая должна быть знакомая каждому, кто озабочен судьбой нашего биологического вида. Макгуайр заявляет: «Если продолжат действовать текущие тенденции, то мы почти гарантированно застанем возврат к гонке ядерных вооружений, в

том числе межконтинентальных баллистических систем и систем космического базирования (наступательных и оборонительных), что вновь породит опасность неумышленного начала ядерной войны», и ее возможность «будет необычайно высокой». В качестве шага по снижению угрозы он призывает Великобританию отказаться от ненужного ядерного оружия, которое сегодня является не более чем «прозрачным занавесом нашей политической нищеты».

Однако важнейшие решения, как всем известно, – это те, что принимаются в Вашингтоне. Сравнивая два кризиса, которые в буквальном смысле поставили под угрозу наше выживание, Макгуайр заявляет следующее: «По сравнению со стоимостью предотвращения глобального потепления, стоимость уничтожения ядерного оружия окажется невелика. Катастрофические последствия мировой ядерной войны будут значительно превосходить последствия нарастающих климатических изменений, потому что ее итоги станут мгновенными, и смягчить их не удастся. Ирония ситуации заключается в том, что покончить с угрозой мировой ядерной войны – в нашей власти, тогда как избежать климатических изменений нельзя». Выражение «в нашей власти» относится по преимуществу к Соединенным Штатам⁽⁶¹⁾.

Непосредственной причиной озабоченности Макгуайра стали Договор о нераспространении ядерного оружия и очередная обзорная конференция по этому договору, запланированная на май 2005 года и проходящая раз в пять лет. Однако в более общем смысле угрозой выживанию является сам отказ считаться с действием закона.

Рассуждая о вторжении в Ирак, Макгуайр пишет: «Существовало множество доводов – политических, военных, правовых, этических и экономических, – с помощью которых еще до вторжения можно было заключить, что решение развязать войну против Ира-

ка явилось ошибочным изначально. Однако в долгосрочной перспективе самым важным является то, что эта операция (и обоснование, которое стало причиной ее начала) угрожает подорвать сам фундамент международных отношений. Это решение отмело в сторону столетие медленного, непостоянного и часто болезненного становления системы международных отношений, основанных на коллективной безопасности, многосторонней схеме принятия решений, коллективных действий, согласованных норм поведения и медленно крепнущего фундамента закона», который сейчас разрушает одно из самых могущественных государств мира, превратившее себя в «государство-изгой» и делающее угрожающие шаги в направлении «полной и окончательной гибели».

Успех усилий, способных «покончить с угрозой мировой ядерной войны», в значительной степени зависит от эффективности Договора о нераспространении ядерного оружия. Как пишет Макгуайр, Договор «традиционно рассматривается как пример необычайно удачного международного сотрудничества», однако на данный момент «он больше напоминает зуб мудрости, сгнивший до корней, или нарыв, который отравляет организм международной политики». Этот договор основывается на двух центральных соглашениях: пять государств, владеющих ядерным оружием (США, Великобритания, Россия, Франция и Китай), «в обмен на отказ от обладания ядерным оружием другими государствам, обещают, во-первых, обеспечить беспрепятственный доступ к ядерной энергии для использования ее в мирных целях и, во-вторых, содействие в ядерном разоружении». На обзорной конференции в мае 2005 года Вашингтон задался целью отозвать оба эти обещания. Как пишет Макгуайр, подобная позиция естественным образом подкрепляет следующую «циничную идею»: «Договор о нераспространении ядерного ору-

жия, какими бы соображениями он ни руководствовался изначально, превратился в удобный инструмент американской внешней политики»⁽⁶²⁾.

Показательным примером является призыв Вашингтона ужесточить статью 4 Договора, которая обеспечивает безъядерным государствам право производить урановое топливо для реакторов, от которых, благодаря уровню современных технологий, до ядерного оружия остается всего один шаг. Однако, чтобы любое подобное соглашение не превращалось в элементарный цинизм, оно должно обеспечивать «беспрепятственный доступ» к мирному использованию атома в соответствии с первоначальной договоренностью между ядерными и безъядерными государствами в рамках Договора о нераспространении. Одно разумное предложение в этом направлении было внесено лауреатом Нобелевской премии мира Мохаммедом эль-Барадеем, главой Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ). Эль-Барадей предложил, чтобы любое производство и обработка материалов, которые можно использовать в ядерном оружии, осуществлялись «исключительно на предприятиях, находящихся под международным контролем», и сопровождалась «гарантией получения материалов их законными будущими пользователями». Эль-Барадей заявлял, что это должно стать первым шагом к полному соблюдению резолюции ООН от 1993 года, призывающей к заключению Договора о прекращении производства расщепляющихся материалов (FISSBAN), который поможет «выявить и предать гласности все имеющиеся сейчас в наличии запасы расщепляемых материалов, а также послужит отправной точкой для дальнейшего сокращения ядерных вооружений». Франк Н. фон Хиппел, видный специалист по контролю над вооружениями из Принстонского университета, пишет: подобный призыв «остановить производство расщепляемых материа-

лов является основополагающим предложением по контролю ядерного вооружения», так как вводит ограничение для разрешенного к производству количества оружия. Вторым важнейшим шагом должно стать выполнение ядерными державами их обещания уничтожить атомное вооружение⁽⁶³⁾.

К сожалению, предложение эль-Барадея услышано не было. Политическое руководство США – конечно, в его нынешнем состоянии – никогда не согласится сделать этот первый шаг и тем самым покончить со своим беспрецедентным самоосвобождением от действия международного права и договорных обязательств. В то же время меры более общего характера, как мы видим, остаются не более чем словами, и ситуация не изменится до тех пор, пока не будет преодолен дефицит демократии в господствующей сверхдержаве мира. Таким образом, призыв Вашингтона ужесточить условия статьи 4 Договора весь остальной мир справедливо воспринимает как циничное намерение превратить Договор о нераспространении в то, что Макгуайр называет «удобным инструментом американской внешней политики».

Американские специалисты выдвигают и другие предложения, однако все они предполагают не более чем веру в благие намерения Вашингтона. Грэм Эллисон цитирует предложение эль-Барадея, ограничиваясь лишь первым его этапом, который он называет «непрактичным... и невыполнимым», – вежливый способ указать на то, что для Вашингтона оно неприемлемо. Вместо этого он выступает за систему, в основе которой лежит исключительно вера в то, что ядерные державы (то есть Соединенные Штаты) сами предоставят другим «беспрепятственный доступ» к ядерным производствам. Продуманное предложение, представленное Инициативой по обеспечению доступа к ядерному топливу и услугам (ANFSI), также предлагает «более прагматичный» подход по сравне-

нию с предложенным эль-Барадеем, так как признает, что предложение главы МАГАТЭ будет заблокировано из-за «расхождения с национальными интересами» – очередное косвенное указание на отказ США. Инициатива ANFSI призывает обеспечить гарантии «национального и экономического характера», усиленные «твердыми международными гарантиями» под контролем МАГАТЭ и Совета Безопасности ООН – то есть под контролем государства-изгоя, которое не признает авторитета этих организаций и считает, что эти «гарантии» находятся исключительно в его ведении. Исследование Инициативы ANFSI, как и проект Эллисона, не поясняет, почему другие государства должны доверять Соединенным Штатам в том, что они по своему произволу не примут единоличных мер по прекращению поставок или откажутся от возможности опережающего ядерного удара по безъядерным государствам и этим как минимум уменьшат потребность последних в средствах сдерживания. Последняя потребность, впрочем, не исчезнет, пока ядерные державы не выполнят свою часть обязательств по Договору о нераспространении⁽⁶⁴⁾.

Скупое освещение средствами массовой информации пятилетней обзорной конференции по Договору о нераспространении в значительной степени соответствовало программе, подготовленной Вашингтоном. По поводу открытия конференции «Нью-Йорк таймс» написала, что она должна «дать надежду на то, что будут залатаны огромные дыры в Договоре, которые Иран и Северная Корея, по заявлению Соединенных Штатов, использовали для разработки ядерного оружия». На приложенной к статье карте были выделены Тегеран и Пхеньян с заголовком: «Заявления из Тегерана и Пхеньяна подрывают надежды на нераспространение». То есть они подрывают программу Вашингтона, которую не поддерживают ни в мире, ни в кругах видных стратегических

аналитиков. В отчете было мимоходом отмечено, что Вашингтон намеревается «провести работу в ООН и избежать вовлечения США в широкую дискуссию о том, насколько они соблюдают собственные обязательства по Договору о нераспространении». Было также сказано, что в данный момент администрация Буша в одностороннем порядке отвергает некоторые из тринадцати шагов, направленных на ядерное разоружение и единогласно одобренных всеми участниками Договора в 2000 году – и это еще слишком сдержанная формулировка. Впрочем, подобные соображения основываются вовсе не на тех надеждах, которые «должна была» воплотить в жизнь конференция. Отчет о вступительном заседании, представленный в «Нью-Йорк таймс», сосредотачивается почти исключительно на требовании Вашингтона к Ирану «демонтировать «оборудование и мощности», развернутые за последние два десятилетия для производства ядерных материалов». «И американские чиновники, и чиновники из МАГАТЭ заявили, что обеспокоены тем, как по мере приближения июньских выборов в Иране может набрать силу широкое политическое стремление к возобновлению ядерной программы», – добавляет «Нью-Йорк таймс»⁽⁶⁵⁾.

Здесь употреблены небезынтересные формулировки, в том числе частично раскрывающие страх администрации Буша перед демократией. (Отсюда и стремление свести к нулю выражение общественного мнения на выборах.) Фраза «за последние два десятилетия» тоже весьма показательна. Выбранный временной промежуток позволяет обходить следующий неудобный факт: та политика, которую Вашингтон сейчас осуждает, и те «огромные дыры в Договоре», которые конференция «должна была» закрыть, – это та политика и те дыры, которые США поддерживали, когда с 1953 по 1979 год у власти в Иране стоял шах. Сегодня стандартным является следующее заяв-

ление: Иран не нуждается в ядерной энергии, поэтому он, очевидно, разрабатывает тайную программу по производству атомного оружия. «Для такого производителя нефти, как Иран, ядерная энергия – это пустая трата ресурсов», – объясняет Генри Киссинджер. Когда же у власти находился шах, Киссинджер, в качестве госсекретаря, утверждал, что «развитие ядерной энергетики позволит обеспечить растущие потребности иранской экономики и сохранить оставшиеся запасы нефти для экспорта или для использования в нефтехимии». Вашингтон помогал реализовывать ядерные усилия Ирана, и Чейни, Вулфовиц и Рамсфельд тоже играли в этом значительную роль. Американские университеты (и в их числе, например, мой Массачусетский технологический институт), несмотря на протесты подавляющего большинства студентов занимались подготовкой иранских инженеро-ядерщиков – без сомнения, с одобрения Вашингтона, если не по его инициативе. Когда Киссинджера спросили, почему его мнение так изменилось, он ответил с подкупающей искренностью: до 1979 года «они были нашими союзниками и поэтому тогда по-настоящему нуждались в ядерной энергии»⁽⁶⁶⁾.

Возможно, на сей раз мнение Вашингтона по поводу иранской ядерной программы оказалось справедливыми. Как отмечают многие аналитики, было бы удивительно, если бы дело обстояло иначе. Израильский военный историк Мартин Ван Кревельд, подтверждая вывод о том, что вторжение в Ирак, как это повсеместно предсказывалось, усугубило угрозу распространения ядерного оружия, пишет: «Мир стал свидетелем того, как Соединенные Штаты напали на Ирак. И, как оказалось, без причины. Теперь иранцы были бы просто сумасшедшими, если бы не попытались создать ядерное оружие». Вашингтон приложил все усилия, чтобы убедить Иран в необходимости развития средств ядерного сдерживания не только втор-

жением в Ирак, но и укреплением наступательных вооружений своего сателлита Израиля, который располагает сотнями ядерных ракет, а также более передовыми и многочисленными военно-воздушными и бронетанковыми силами по сравнению с любой страной НАТО, кроме США. Начиная с первых месяцев 2004 года Соединенные Штаты поставляют Израилю крупнейшую в истории партию современных реактивных бомбардировщиков. Эти самолеты, которым создали самую широкую рекламу как потенциальному средству бомбардировок Ирана, оснащены неизвестным «специальным вооружением» и бомбами глубокого проникновения⁽⁶⁷⁾.

По всей видимости, то, что Вашингтон бряцает оружием, еще не является признаком надвигающейся войны. Чтобы провозглашать нападение за несколько лет до него, особого смысла нет. Цель, очевидно, заключается в том, чтобы спровоцировать иранское руководство на принятие жестких репрессивных политических мер. Такие меры способны разжечь внутри страны беспорядки и, возможно, настолько ослабить Иран, что Соединенные Штаты смогут угрожать ему военным вторжением. Эти мероприятия поддержат действия Вашингтона по оказанию давления на иранских союзников, дабы оставить Иран в изоляции. И такого эффекта США уже начинают достигать. Ряд крупных европейских компаний, вроде «Тиссен-Крупп», и британский нефтяной гигант «Би-Пи» уже вывели из Ирана крупные инвестиции, опасаясь санкций американского правительства и прочих последствий «деятельности, угрожающей США». Кроме того, сообщается, что давление со стороны Соединенных Штатов нарушило планы Японии приступить к разработке огромного нефтяного месторождения в Иране⁽⁶⁸⁾. Но и у Ирана есть варианты ответных мер, которые могут отразиться и на гораздо более глобальных тенденциях меж-

дународных отношений. К этой теме мы еще вернемся в послесловии.

Макгуайр оценивает причины, по которым Иран может подозреваться в разработке средств ядерного сдерживания, – в свете враждебных действий и угроз Вашингтона, и того, что Иран практически окружен главной мировой сверхдержавой и ее сателлитами, а также другими государствами, располагающими атомным оружием. Если бы логика и основные положения морали что-то значили, американское и британское правительства, а также те, кто поддерживает их доктрину «упреждающей самообороны», должны были бы призывать Иран разрабатывать ядерные средства сдерживания. Возможность того, что Иран развяжет ядерную войну, крайне маловероятна, если только он не решит устроить себе мгновенное самоубийство. И, разумеется, Иран сталкивается с американскими и израильскими угрозами, которые значительно более серьезны, неотвратимы и афишированы, чем те, с которыми могут столкнуться Вашингтон или Лондон. Конечно, каждый здравомыслящий человек надеется, что найдут способ предотвратить создание иранского ядерного оружия. Если бы такая цель была поставлена, стоило бы отнестись к предложениям эль-Барадея серьезно и снизить – а не повысить – угрозы, которые, по американским и британским стандартам, дают Ирану право создавать средства ядерного уращения. Отмечают, что аналогичные соображения действуют и в случае с Северной Кореей. По словам южнокорейского президента Ро Му Хена, «Северная Корея открыто заявляет, что ядерное оружие является средством сдерживания, защищающим ее от внешней агрессии. В данном конкретном случае тот факт, что доводы Северной Кореи в значительной степени обоснованны, является истинным и неопровержимым»⁽⁶⁹⁾.

Другие действия Соединенных Штатов произвели аналогичный эффект. По наблюдению политолога

Джона Мирсхаймера, решимость Индии создать ядерное оружие «укрепилась» благодаря войне в Персидском заливе 1991 года и бомбардировкам Сербии 1999 года. «Если бы кто-то из противников США имел ядерное оружие, они едва ли начали бы войну» – вот урок, который «пошел Индии впрок». А ведь есть все основания думать, что в обоих случаях существовали варианты мирного решения, особенно в 1999 году. Одобрение индийской программы создания ядерного оружия, выраженное Бушем, стало очередным шагом, подорвавшим Договор о нераспространении. Как указывает эксперт по вопросам национальной безопасности Лоренс Корб, в ответ на открытое одобрение Бушем нарушения индусами Договора «Индию даже не попытались принудить к остановке производства расщепляемых материалов для выпуска ядерных ракет». Как считает аналитик, этот шаг был весьма опасен. Впрочем, он никого не удивил, поскольку «в последние пять лет администрация Буша продемонстрировала, что она не считает, будто Договор о нераспространении следует поддерживать», и даже выражает «пренебрежение к нему, направляя на обзорную конференцию по Договору чиновника низкого ранга из Государственного департамента»⁽⁷⁰⁾.

Основная причина, по которой Договор о нераспространении терпит сейчас крах, несмотря на повышенное внимание к Ирану и Северной Корее, заключается в том, что ядерные державы не выполняют свои обязательства по статье 4, требующей от них «добросовестно» уничтожить ядерные арсеналы. Это требование обесценилось в еще большей степени в 1996 году, после единогласного решения Международного суда о том, что ядерные державы по закону обязаны «прийти к соглашению в ходе переговоров, ведущих к ядерному разоружению во всех его аспектах, под строгим и эффективным международным контролем». Пока они отказываются от соглашения, едва ли эту дого-

воренность удастся поддерживать. Эль-Барадей утверждает очевидное, когда подчеркивает, что «нежелание одной стороны выполнять обязательства порождает нежелание и у остальных». Соединенные Штаты пошли впереди всех в отказе от обязательств по статье 4, а при Буше стали единственным государством, откровенно отвергнувшим единогласное решение конференции 2000 года о «недвусмысленном движении ядерных держав к полному уничтожению их ядерных арсеналов» наряду с тринадцатью шагами, предложенными для осуществления этой цели. Хотя свои обязательства не выполнила ни одна ядерная держава, на данный момент у администрации Буша дела обстоят хуже всех, и в откровенном неприятии статьи 4 она стоит особняком. На обзорной конференции 2005 года администрация Буша подчеркнула, что «Соединенные Штаты соблюдают баланс между обязательствами по статье 4 и обязательствами по обеспечению собственной безопасности и безопасности тех, кто от нас зависит». На закрытии конференции представитель американской миссии в ООН Ричард Гренелл зашел так далеко, что заявил, будто «Договор требует сокращения... но не уничтожения оружия» – что является очевидной ложью⁽⁷¹⁾.

Действия США имеют еще больше значения, чем их заявления – например, планы по разработке новых ядерного вооружения и официальная политика, основанная на «такой кардинальной предпосылке, как неограниченные возможности США по использованию ядерных сил». Эта политика, в случае ее претворения в жизнь, эффективно положит конец Договору о нераспространении. Он прекратит свое существование, если только Соединенные Штаты не признают, что «нормальный режим нераспространения зависит от соблюдения обязательства по ядерному разоружению, а также обязательства отказаться от создания ядерного оружия». Как подчеркивают Макгуайр, Макна-

мара и другие, еще одной существенной частью Договора о нераспространении была решимость ядерных держав разработать и соблюдать дополнительные договоры. Это Договор о всеобщем запрещении ядерных испытаний, отклоненный Сенатом в 1999 году и снятый Бушем с повестки дня; Договор о противоракетной обороне, который Буш отверг; и – наверное, самое важное – контролируемый Договор о прекращении производства расщепляющихся материалов, который, по словам Томаса Грэхема, специального представителя президента Клинтона по контролю за вооружениями, запретит пополнять «очередными ядерными бомбами обширные ядерные арсеналы», уже существующие в мире. В июле 2004 года Вашингтон заявил, что не примет контролируемый Договор о прекращении производства расщепляющихся материалов на том основании, что эффективное осуществление договора «потребуется столь всеобъемлющего режима инспекций, что это подвергнет риску ключевые интересы национальной безопасности государств, подписавших его». Тем не менее, в ноябре Комитет по разоружению при ООН проголосовал за контролируемый Договор о прекращении производства расщепляющихся материалов. Решение было принято 147 голосами «за» и одним «против» при двух воздержавшихся. Это были Израиль, механически принимающий сторону США, и Великобритания, которая заявила, что воздержалась, потому что резолюция «расколола международное сообщество в то время, когда главной целью должен стать прогресс», – то есть расколола его в соотношении 147 к одному⁽⁷²⁾.

Несколько дней спустя Генеральная Ассамблея ООН снова подтвердила «важность и безотлагательность предотвращения гонки вооружений в космосе и готовность всех государств внести свой вклад в достижение этой общей цели», призвав «страны, и в особенности обладающие внушительным космичес-

ким потенциалом, активно содействовать задачам мирного использования космического пространства и предотвращения космической гонки вооружения, воздерживаясь от противодействия этим задачам». Резолюция была принята 178 голосами «за», в отсутствии голосов «против» при четырех воздержавшихся (США, Израиль, Гаити и Палау)⁽⁷³⁾.

Неудивительно, что конференция 2005 года по Договору о нераспространении закончилась полным провалом. В качестве основных виновников были названы Иран и Египет. Иран обвинялся в том, что настаивал на своем праве осуществлять, в рамках Договора о нераспространении, программы, которые Вашингтон поддерживал в годы шахского режима, а Египет – в том, что настаивал на обсуждении конференцией вопроса о ядерном оружии Израиля, хотя было известно, что США запретят любые дискуссии, касающиеся его главного сателлита. Не был рассмотрен следующий подтекст ситуации: Египет призывал придерживаться соглашений обзорной конференции по Договору о нераспространении 1995 года. На ней он и прочие арабские государства получили заверения в том, что «будет уделено внимание исключительно положению Израиля, являющегося де-факто ядерной державой, которая не подписала Договор о нераспространении ядерного оружия и отвергла меры безопасности МАГАТЭ». Это соглашение было одним из условий «резолуции по Ближнему Востоку», которая стала неотъемлемой частью итогового «пакета решений» – «соглашения, достигнутого на обзорной конференции 1995 года». Однако «через пару лет Соединенные Штаты стали настаивать на том, что эта резолюция касалась только дискуссий 1995 года, и отказались приступать к ее осуществлению... что является ярким примером недобросовестности» Вашингтона. Было сочтено, что выступление с подобным вопросом явилось, со стороны

Египта, безответственностью. Аналогичным образом Египет, а не Вашингтон, виноват в том, что он продолжает привлекать внимание к резолюции Совета Безопасности ООН, которая «призывает Израиль немедленно привести свои ядерные объекты в соответствие с требованиями безопасности Международного агентства по атомной энергии»⁽⁷⁴⁾.

Хотя освещение провалившейся обзорной конференции 2005 года по Договору о нераспространении в общем и целом соответствовало американским установкам, настойчивый читатель мог узнать и больше. Как сообщило агентство «Ассошиэйтед Пресс», «Соединенные Штаты сопротивлялись любому упоминанию их обязательств от 1995 и 2000 годов», что разозлило многих делегатов, в том числе главу канадской делегации Пола Мартина. Он подчеркнул в речи на конференции, что, «если правительства будут просто игнорировать или опровергать свои обязательства каждый раз, когда это окажется удобным, мы никогда не создадим доктрины международного сотрудничества и не добьемся уверенности в сфере безопасности». Как отметила газета «Бостон Глоуб», слова Мартина были «едва завуалированной критикой Вашингтона». По закрытии обзорной конференции бывший президент Джимми Картер также обвинял США как «основного виновника крушения Договора о нераспространении. Хотя американские лидеры и заявляют, что защищают мир от угрозы распространения ядерного оружия в Ираке, Ливии, Иране и Северной Корее, они не только отказались соблюдать ограничения, действующие согласно Договору, но и утвердили планы испытаний и разработок нового оружия, в том числе противоракет для борьбы с баллистическими ракетами, бомб глубокого проникновения («убийцы бункеров») и, вероятно, некоторых видов «малых» бомб. США, кроме того, отказались от своих прошлых обещаний и теперь угрожают на-

несением ядерного удара первыми по безъядерным государствам»⁽⁷⁵⁾.

В том же ключе пишет и Робин Кук, министр иностранных дел в правительстве Тони Блэра, подавший в отставку в знак протеста против ввода войск в Ирак. По его словам, Великобритании удавалось обеспечить вполне достойное выполнение обязательств по обзорной конференции 2000 года Договора о нераспространении. Однако ее позиции «были скомпрометированы отождествлением нас с администрацией Буша и нашей готовностью лоббировать ее позиции», согласно которым «обязательства по Договору о нераспространении являются обязательными для других государств, но произвольными для Соединенных Штатов». Обычный стандарт. Соответственно, «в ходе заседаний» Вашингтон чувствовал себя достаточно свободно, чтобы разрабатывать планы создания нового ядерного оружия, «предназначенного не для оборонительной, а для наступательной войны», что противоречит обязательствам, «которые США дали на прошлой конференции»⁽⁷⁶⁾.

В канун майской конференции 2005 года Томас Грэхем, специальный представитель Клинтона по контролю за вооружениями, предостерег: «Никогда еще Договор о нераспространении не казался таким слабым, а будущее – столь неопределенным». Он предположил, что, если Договор постигнет крах, «мир ядерного кошмара» может превратиться в реальность. Грэхем, как и другие аналитики, признал, что главной угрозой для Договора является политика американского правительства, хотя и прочие ядерные державы разделяют с ним эту ответственность. Очевидно, Договор о нераспространении еще не совсем обречен, однако майская конференция 2005 года нанесла ему чувствительный удар⁽⁷⁷⁾.

Итак, идя по стопам наших руководителей, мы движемся к «Армагеддону собственного изготовления».

Незаконная ЛЕГИТИМНОСТЬ

Чудовищные преступления XX века породили целенаправленные усилия по спасению человечества от проклятия войн. Слово «спасение» – ни в коей мере не гипербола. Начиная с 1945 года было ясно, что вероятность «полной и окончательной гибели» превысила предел, который захотел бы выносить любой разумный человек. Усилия по прекращению войн привели к широкому признанию принципов, на основе которых должны действовать государства, и сформулированных в Уставе ООН, являющимся в США «высшим законом страны». Устав ООН провозглашает готовность подписавших его сторон «избавить грядущие поколения от бедствий войны, дважды в нашей жизни принесшей человечеству невыразимое горе». Всем подписавшим было известно, что «бедствия войны» угрожали не просто «невыразимым горем», но полным уничтожением человечества, хотя они и не упоминали об этом. Слова «атомный» и «ядерный» в Уставе не упоминаются.

Послевоенный консенсус относительно применения силы был подкреплён представленным в декаб-

ре 2004 года отчетом Комиссии ООН высокого уровня по переменам, угрозам и вызовам, в которую входили многие видные деятели, в том числе Brent Скау-крофт, советник Буша-первого по национальной безопасности, немало прослуживший в военном аппарате и структурах безопасности. Комиссия прочно закрепила принципы Устава: применение силы законно лишь в том случае, если оно санкционируется Советом Безопасности ООН либо статьей 51 Устава, которая утверждает «права на индивидуальную или коллективную самооборону, если произойдет вооруженное нападение на члена организации, до тех пор, пока Совет Безопасности не примет мер, необходимых для поддержания международного мира и безопасности». Обычно статья 51 трактуется достаточно широко, с целью разрешить применение силы, если «необходимость в самозащите» является, согласно классической фразе Дэниела Уэбстера, «острой, чрезвычайной и не оставляющей ни выбора средств, ни времени на размышление». Любое другое применение силы является военным преступлением, то есть «тягчайшим международным преступлением», как сказано в Уставе Нюрнбергского трибунала. По заключению Комиссии, «статья 51 в своем давно утвердившемся смысле не требует ни расширения, ни ограничения» и «не нуждается ни в переписывании, ни в новой интерпретации»⁽¹⁾.

Всемирный саммит ООН сентября 2005 года подтвердил, что «соответствующие положения Устава достаточны для применения их ко всему спектру угроз международному миру и безопасности», и, в частности, повторил, что «Совет Безопасности облечен властью разрешать насильственные действия в целях поддержания и восстановления международного мира и стабильности... действуя в соответствии с целями и принципами Устава». Саммит, кроме того, подтвердил «нашу ответственность в осуществлении,

в необходимых и уместных случаях, помощи государствам по укреплению их потенциала защиты населения от геноцида, военных преступлений, этнических чисток и преступлений против человечества, а также помощи государствам, находящимся в тяжелом предкризисном или предконфликтном состоянии». Саммит не признал ни за одной отдельно взятой страной либо региональным альянсом «права на интервенцию», будь то по причинам гуманитарного или иного характера⁽²⁾.

Далее, декабрьский отчет 2004 года Комиссии ООН гласит: «Тем, кто спешит делать свои собственные выводы относительно статьи 51, будет дан следующий ответ: в мире, полном осязаемых потенциальных угроз, риск мировому порядку и нормам невмешательства, на которых он по-прежнему основывается, слишком велик, чтобы провозглашать законность любых превентивных мер, предпринимаемых в одностороннем порядке, в отличие от коллективных мероприятий. Позволить подобное одному государству означает позволить это всем»⁽³⁾.

Принцип универсальности

Комиссия ООН выдвигает принцип универсальности, который является, вероятно, наиболее элементарным среди всех принципов морали. Однако интеллектуальные, моральные и политические элитарные культуры большинства могущественных государств отменяют этот принцип, вновь возрождая перспективу последней и окончательной катастрофы, о которой предупреждают ведущие аналитики.

Формально послевоенный консенсус относительно принципов, регулирующих применение силы, по-прежнему действует. Вместе с тем можно наблюдать столь обличающую и тревожную картину, как сме-

щение спектра мнений, касающихся этого вопроса, в западных политических элитах. Хотя указанный консенсус обычно не отвергается открыто (впрочем, иногда и это имеет место), гораздо чаще его игнорируют, считают крайностью, не годящейся для обсуждения, либо оттесняют в сферу публичных дискуссий и предвыборной политической борьбы.

В последние годы прошлого тысячелетия этот отход от послевоенного консенсуса был принудительно поставлен в центр внимания, когда по всему политическому спектру звучали шумные похвалы внешней политике Клинтона, которая вступила в «стадию проявления благородства», осененная «блеском праведности», и породила «глубокую идеологическую пропасть между идеалистическими стремлениями Нового Света покончить с проявлениями бесчеловечности и фаталистическими воззрениями Старого Света на нескончаемость конфликтов». Ведь впервые в истории «просвещенные страны» возглавляет такое государство – «движимый идеализмом Новый Свет», придерживающийся «принципов и ценностей», руководствующийся в своих действиях «альтруизмом» и «нравственным порывом». Потому подобное государство и вправе прибегать к силе всегда, когда его лидеры считают уместным. Прочитированные выше отрывки – лишь небольшая часть обширного потока красноречия, причем здесь представлены только голоса уважаемых либералов. После нескольких лет подобных упражнений в самовосхвалении – вероятно, не имевших исторических прецедентов, – произошло несколько событий, проиллюстрировавших эти утверждения. Наиболее значимым из них была бомбардировка Сербии силами НАТО в 1999 году. Именно в отношении этой акции впервые была пущена в оборот следующая фраза: «незаконно, но легитимно»⁽⁴⁾.

Судя по всему, обсуждение статьи 51 Комиссией ООН высокого уровня породило как восторженную

поддержку использования силы со стороны западных интеллектуалов (они определили его как легитимное), так и лобовой отпор доктрине «упреждающей самозащиты» Буша, которая в сентябре 2002 года была подчеркнута в стратегии национальной безопасности США. Таким образом, дискуссия в Комиссии приобретает необычайную значимость, несмотря на то что она подтверждает позицию мира, лежащего за пределами того, что Запад именуется «международным сообществом» – имея в виду в первую очередь себя. Возьмем, например, декларацию Южного саммита 2000 года, мероприятия самого высокого уровня из тех, что когда-либо устраивались бывшим Движением неприсоединения, страны которого насчитывают 80 % мирового населения. В декларации было отвергнуто «так называемое «право» на интервенцию по гуманитарным причинам» – безусловно, из-за недавних натовских бомбардировок Сербии. Эту декларацию, в которой был также дан подробный и тонкий анализ неолиберальной глобализации, в США проигнорировали, если не считать отдельных насмешек над ней. И такова типичная реакция на хныканье той части мира, которую олицетворяют недочеловеки, если воспользоваться выражением историка дипломатии Марка Кертиса, которое он употребил в последнем томе своей хроники преступлений Великобритании послевоенного периода (по понятным причинам оставленной без внимания)⁽⁵⁾.

Доктрина «упреждающей самозащиты» Буша была разработана «высокопоставленным американским должностным лицом», предположительно Кондолизой Райс, пояснившей, что эта фраза означает «право Соединенных Штатов атаковать страну, которая, по мнению США, готовится напасть на них первой». Формулировка удивления не вызывает, учитывая вывод Райс о том, что юрисдикция Международного суда «оказалась неприемлемой для Соединенных

Штатов» и что Штаты в целом не подлежат действию «международного права и норм». Подобные взгляды отражают обширный спектр воззрений политической элиты, но не мнение широкой общественности. Значительное большинство американцев продолжает считать, что государство вправе применить силу только в случае, «если существуют очевидные признаки того, что страна подвергается недвусмысленной угрозе нападения». Таким образом, это же значительное большинство не признает согласия республиканцев и демократов в отношении «упреждающей самозащиты» (которая иногда ошибочно называется «упреждающей войной») и соглашается с повсеместно порицаемыми Южным саммитом и Комиссией ООН. Другой, уже упоминавшийся, пример – Киотский протокол. Можно привести и множество подобных примеров по вопросам, которые напрямую связаны с состоянием американской демократии, и к чему мы еще вернемся в шестой главе⁽⁶⁾.

Положения Устава ООН были впоследствии развиты Нюрнбергским трибуналом. Последовавшие за этим определения Токийского трибунала были куда более суровыми. Хотя провозглашенные ими принципы имели большое значение, оба трибунала продемонстрировали существенные недостатки: они основывались на отказе от принципа универсальности. Для того чтобы осудить потерпевших поражение военных преступников, необходимо было ввести определения «военного преступления» и «преступления против человечества». Как это делалось, пояснил Телфорд Тейлор, главный судья по военным преступлениям и выдающийся юрист и историк в области международного права: «Поскольку в ужасную игру под названием «разрушение городов» играли обе стороны – причем союзники делали это куда более эффективно – оснований преследовать за подобное немцев и японцев не было... Союзники, равно как и

страны Оси, применяли бомбардировку с воздуха столь широко и безжалостно, что ни в Нюрнберге, ни в Токио вопрос об этом в ходе судебных процессов не поднимался».

Действующее определение «преступления» таково: преступление – деяние, которое совершаете вы, но никак не мы. Это подчеркивается тем фактом, что с нацистских военных преступников снимались обвинения, если защита могла доказать, что их американские и британские противники поступали точно так же. Например, трибунал оправдал адмирала Карла Деница, обвинявшегося в «нарушении международных законов ведения подводной войны», на основании показаний британского Адмиралтейства, а также американского адмирала Честер Нимитца, согласно которым Великобритания и США с первых же дней войны совершали такие же преступления⁽⁷⁾.

Тейлор поясняет: «Наказание врага – в особенности побежденного врага – за преступления, которые творило и государство, выдвигающее обвинение, было бы столь же тяжкой несправедливостью, как и дискредитация законов как таковых». Это верно, однако действующее определение также компрометирует законы как таковые. Следующие трибуналы были дискредитированы все тем же нравственным дефектом: упомянем уже обсуждавшийся выше пример трибунала по бывшей Югославии, а также куда более впечатляющие примеры самоосвобождения Вашингтона от действия международного права и фундаментального принципа универсальности.

Соответствие практики теории – условие понятное. Давайте взглянем лишь на последствия такого шага, как признание привилегированными и могущественными государствами принципа универсальности – хотя бы на время. Если у Соединенных Штатов есть право «упреждающей самозащиты» в отношении терроризма или тех, кто, по мнению США,

может атаковать первым, тогда у Кубы, Никарагуа и множества других стран тем более есть право проводить террористические акты на территории Соединенных Штатов. Ведь американцы принимали участие – часто неопровержимо доказанное – в серьезных террористических нападениях на эти страны. И конечно, перед лицом открыто озвучиваемых угроз подобным правом мог бы пользоваться и Иран. Подобные заявления, разумеется, звучат вызывающе, и защитников у них не найдется.

Столь же вызывающие выводы можно сделать и относительно прошлых преступлений. Как показало расследование, проведенное вскоре после террористических актов одиннадцатого сентября группой уважаемых британских журналистов, «Усама бен Ладен и «Талибан» за два месяца до терактов в Нью-Йорке и Вашингтоне слышали об угрозе военного удара со стороны Америки». Это «говорит о возможности того, что бен Ладен, вовсе не собиравшийся устраивать неожиданные теракты во Всемирном Торговом Центре (Нью-Йорк) и в Пентагоне (Вашингтон), нанес упреждающий удар в ответ на то, что он воспринимал как угрозу со стороны США». По стандартам Америки и Великобритании, это должно являться вполне легитимной упреждающей самозащитой. Конечно, и такая идея кажется немыслимой⁽⁸⁾.

Точно так же никто не станет утверждать, будто Япония воспользовалась своим законным правом на упреждающую самозащиту, когда разбомбила военные базы на Гавайях и Филиппинах, практически являвшихся американскими колониями, несмотря на то что японцы знали, что с конвейеров «Боинга» сходят «летающие крепости» Б-17, и могли прочесть в американской прессе о том, что эти самолеты способны сжечь дотла Токио, «город с домами из рисовой бумаги и дерева». Представленный в ноябре 1940 года план «бомбардировок Токио и других крупных

городов» был восторженно принят госсекретарем Корделлом Халлом. Франклин Делано Рузвельт был «просто восхищен» этой идеей, которую так наглядно изложил разработавший этот план генерал ВВС Клэр Ли Шенно: «Выжечь промышленное сердце империи, забросив зажигательными бомбами Хонсю и Кюсю, застроенные бамбуковыми муравейниками». К июлю 1941 года армейская авиация перебрасывала с этой целью Б-17 на Дальний Восток, переместив в этот регион половину всех тяжелых бомбардировщиков с атлантических морских путей. Как пояснил 15 ноября 1940 года на закрытом брифинге для прессы генерал Джордж Маршалл, эти самолеты могут быть использованы, чтобы «сжечь бумажные города Японии», добавив, что «относительно бомбардировок гражданского населения не будет никаких колебаний». Четыре дня спустя главный корреспондент «Нью-Йорк таймс» Артур Крок, предположительно основываясь на сведениях с брифинга Маршалла, сообщил о планах США бомбить Японию с авиабаз в Сибири и на Филиппинах, куда ВВС перебрасывало зажигательные бомбы, предназначенные для гражданских объектов. Из расшифрованных сообщений Вашингтону было известно, что о переброске Б-17 в Японию знали⁽⁹⁾.

Все это обеспечивает куда более веское обоснование для упреждающей самозащиты по сравнению с тем, которое сфабриковали Буш, Блэр и их коллеги. Нет никакой нужды говорить, как именно выглядел бы их случай, если бы были применены элементарные моральные принципы.

Внутреннее и международное право не являются формальными системами аксиом. Существует пространство для их истолкования, однако общий смысл и следствия представляются вполне ясными. Как указывают специалисты по международному праву Говард Фрил и Ричард Фолк, «международное пра-

во задает ясные и обязательные стандарты в отношении применения силы и развязывания войны, которые должны соблюдаться всеми государствами». Если же «в исключительных обстоятельствах» допускается отклонение от этих норм, «на государство, претендующее на подобное исключение, налагается тяжкое бремя доказательства». В добропорядочном обществе подобная установка должна восприниматься как очевидная. Судя по всему, и среди американского народа в целом она воспринимается именно так, хотя это являет разительный контраст с мнением элиты, среди которой подобная идея практически не озвучивается. Фрил и Фолк дополняют обширное документальное подкрепление данного вывода подробным анализом «настойчивого нежелания [со стороны газеты «Нью-Йорк таймс»] признавать доводы международно-правового характера», не допускающих ни развязывание войн, ни способы ведения войн американскими политическими лидерами за те сорок лет, что рассматривают авторы.

Они доказывают, что «Нью-Йорк таймс» «яростно обвиняет противников США на международной арене, замышляющих агрессивные войны или совершающих враждебные акты по отношению к американским гражданам», в нарушении международного права, однако не обращает внимания на подобные же действия, предпринимаемые Соединенными Штатами. В частности, они приводят следующий пример: в семидесяти передовицах газеты, опубликованных в процессе подготовки иракской войны, выражения «Устав ООН» и «международное право» не употреблялись ни разу, причем их отсутствие было практически полным и в колонках редакционных обозревателей, и в прочих статьях. Авторы выбрали «Нью-Йорк таймс» лишь в силу исключительной влияния этой газеты, хотя, как показывают исследования, поведение ее в данном случае вполне типично⁽¹⁰⁾.

То, что Национальная стратегия безопасности администрации Буша делает акцент на праве Вашингтона прибегать к силе в одностороннем порядке, едва ли является новшеством. Например, перед выборами 2000 года Кондолиза Райс в своей статье в «Форин Аффферс» осудила «неразмышляющую увлеченность... такими понятиями, как международное право и нормы, и убежденность в том, что лишь поддержка множества государств – или тем более организаций, таких как ООН, – является необходимым условием легитимного использования силы». Райс поясняет: правительству Соединенных Штатов нет необходимости ни прибегать к «иллюзорным нормам» действий международного характера, ни «придерживаться всех международных конвенций и соглашений, которые кому-то придет в голову предложить». Если не считать сателлитов и союзников США, то все государства, разумеется, должны соблюдать эти нормы, сообразуясь с интерпретацией Соединенных Штатов. Иначе пусть пеняют на себя⁽¹¹⁾.

Подобная позиция давно превратилась в стандарт, даже на либеральном крае узкого политического спектра США, от «мудрецов, присутствовавших при сотворении мира»*, и до доктрины Клинтона, согласно которой Соединенные Штаты имеют право прибегать «к применению силы в одностороннем порядке» для обеспечения «беспрепятственного доступа к ключевым рынкам, источникам энергии и стратегическим ресурсам». Доктрина Клинтона, если воспринимать ее буквально, отличалась еще большим экспансионизмом, чем стратегия национальной безопасности Буша от 2002 года, которая вызвала страх и беспокойство во всем мире и немедленно удостоилась резкой отповеди из самого сердца внешнеполитичес-

* Имеются в виду американские политики Дин Ачесон и Пол Нитце. (Здесь и далее прим. перев.)

кого истеблишмента. В частности, в качестве ответа на Национальную стратегию безопасности в «Форин Афферс» прозвучало предостережение: «новая большая имперская стратегия» Буша поставила США и весь мир перед рядом серьезных угроз.

Более экспансионистская доктрина Клинтона, напротив, прошла практически незамеченной. Причину этого объяснила Мадлен Олбрайт, госсекретарь США при Клинтоне, заметившая, что у каждого президента имеется «про запас» стратегия, напоминающая доктрину Буша, однако глупо выставлять ее на всеобщее обозрение и реализовывать таким образом, что это приводит в ярость даже союзников. Немного такта здесь бы не повредило. Не следует делать заявлений в следующей форме: «Не существует никакой Организации Объединенных Наций. Есть лишь международное сообщество, которое в отдельных случаях будет идти за единственной оставшейся в мире настоящей силой – то есть за Соединенными Штатами, – когда это нам выгодно и когда мы можем заставить других идти с нами в ногу». Хотя, с другой стороны, форма выбрана удачно. Ведь эти слова принадлежат Джону Болтону, послу США в ООН. Пусть его стиль и отличается особенной агрессивностью, Болтон лишь шел по стопам президента Буша и госсекретаря Пауэлла, которые поучали ООН: она может сыграть «важную роль», если примет планы США и Великобритании по вторжению в Ирак. В ином случае она превратится в клуб для дебатов⁽¹²⁾.

Кондолиза Райс, подкрепляя вывод, который прозвучал при назначении Болтона, заявила всему миру, что «исторически сложилось так, что в числе наших лучших послов были те, чей голос звучал особенно громко – например, послы Джин Киркпатрик и Дэниел Патрик Мойнихен». Нет необходимости обсуждать роль, которую сыграла в ООН Киркпатрик, а вот пример Мойнихена более интересен, поскольку изве-

стность он получил как одинокий и ревностный защитник нерушимости международного права, в особенности когда он работал послом в ООН, решительно осуждая Иди Амина и защищая Израиль, для чего в Нью-Йорке тогда требовалась настоящая смелость. «Мойнихен заслуживает глубокой признательности за его деятельность в ООН», – писал Джейкоб Вейсберг в типичном панегирике, развивая начатые ранее тем же журналом восхваления верности Мойнихена международному праву⁽¹³⁾.

Но ни здесь, ни в других местах не упоминается самый значительный вклад дипломата в защиту международного права в качестве посла в ООН. Никто не обращается к тем его успехам, о которых Мойнихен с гордостью вспоминает в мемуарах: он считает ООН «крайне неэффективной во всех принятых мерах» по предотвращению вторжения Индонезии в Восточный Тимор, в процессе которого, как он мимоходом отмечает, за несколько месяцев было убито 60 000 человек (случай, возможно, наиболее близкий к геноциду за всю послевоенную историю). Все это имело место благодаря щедрой дипломатической, военной и экономической поддержке Соединенных Штатов, к которым, по мере эскалации насилия в 1978 году, примкнула сначала Великобритания, а затем и Франция, и другие страны, чтобы получить от сотрудничества с агрессорами все возможные выгоды. Наконец, под сильным международным и внутренним давлением, Клинтон в середине сентября 1999 года известил индонезийских генералов, что игра окончена. Те немедленно вывели войска, с блистательной ясностью продемонстрировав, на ком именно лежит ответственность за преступления прошедшей четверти века, в которые Мойнихен внес замечательный вклад, о чем сам и заявляет⁽¹⁴⁾. А предпочтения Райс убедительно показывают, с чем именно Болтон должен прийти в ООН.

Генри Киссинджер назвал доктрину Буша «революционной», разрушающей оставшуюся от XVII века вестфальскую систему международного порядка (среди сильных держав) и возникшее в дальнейшем международное право. Он одобрил эту доктрину, хотя и со стандартными оговорками относительно стиля и манер. Кроме того, он добавил одно существенное ограничение. Эту доктрину, по словам Киссинджера, не следует «универсализировать»: право прибегать к силе по своему усмотрению – то есть право становиться «государством-изгоем» – следует закрепить исключительно за Соединенными Штатами и, возможно, передавать его американским сателлитам. Киссинджер, как обычно, заслуживает признания за честность, а также за понимание здравости суждений. Его нисколько не тревожит, что он стремится заручиться правами, в которых отказывает другим, – правами, способными в данном случае оказаться смертоносными⁽¹⁵⁾.

Оценка Киссинджера в очередной раз подтвердилась в 2004 году, когда в прессе появились сообщения о публикации аудиозаписей его бесед с Никсоном. Там, в частности, звучали указания, которые Никсон давал Киссинджеру, чтобы тот распорядился о бомбардировках Камбоджи. И звучали они следующим образом: «Крупномасштабная бомбардировочная операция в Камбодже. Пусть все, что летает, бомбит все, что движется». Непросто будет отыскать в архивах какого-либо государства подобный призыв к совершению чудовищных военных преступлений, едва ли не к геноциду. Насколько я установил, никаких комментариев и реакции в связи с этим не было, несмотря на то что ужасные последствия этих приказов давно известны⁽¹⁶⁾.

Давайте вернемся к трибуналу по бывшей Югославии, на котором Милошевичу инкриминировался геноцид. Обвинения ограничивались преступлениями,

совершенными в Косово. Они почти исключительно охватывали действия, последовавшие за натовскими бомбардировками, которые, как предугадывали командование НАТО и администрация Клинтона, в качестве ответа вызвали исключительно жестокие меры. Очевидно, в силу того, что обвинения по Косово выглядели столь неоднозначно, впоследствии к ним прибавили и Боснию, а именно обвинения в геноциде в Сребренице. Здесь тоже возникает несколько вопросов, хотя бы потому, что после этих событий Милошевич воспринимался Соединенными Штатами и их союзниками в качестве партнера по дипломатическому урегулированию. Далее возникает еще одна проблема: самое тщательное расследование резни в Сребренице, проведенное голландским правительством, пришло к выводу, что Милошевич не имел к ней никакого отношения и что, по словам голландского ученого, возглавлявшего команду специалистов из разведслужб, «он был очень огорчен, когда узнал об этой бойне». Это исследование говорит и о том, что правительство в Белграде и сам Милошевич «выразили недоверие» СМИ, когда узнали о казнях⁽¹⁷⁾.

Предположим, что мы приняли господствующее на Западе мнение, согласно которому столь неприятные факты никакого значения не имеют. Но даже в этом случае обвинение столкнулось со значительными трудностями, пытаясь обосновать обвинение в геноциде. А теперь предположим, что кто-то разыскал документ, где Милошевич приказывает сербским военно-воздушным силам сровнять Боснию или Косово с землей со словами: «Пусть все, что летает, бомбит все, что движется». Обвинители были бы вне себя от радости, суд был бы окончен, а Милошевич получил бы несколько пожизненных заключений за организацию геноцида – или даже смертный приговор, если бы трибунал руководствовался американс-

ким законодательством. Но верх, как всегда, одержало возведенное в принцип самоосвобождение от основ морали.

Право применения силы: прецеденты

Отношение к применению силы, господствовавшее среди политической элиты, получило небезынтересное освещение в научной литературе. Джон Льюис Гэддис из Йельского университета, ведущий американский историк, опубликовал первую книгу, в которой исследуются исторические корни доктрины «упреждающей самозащиты» администрации Буша. (Эту доктрину Гэддис в целом поддерживает со стандартными оговорками относительно стиля, тактических недочетов и возможности перенапряжения сил.) В научных кругах книга была встречена благожелательно «и имела такую популярность в Белом доме, что Гэддис был приглашен туда на дискуссию»⁽¹⁸⁾.

Историк прослеживает доктрину Буша вплоть до одного из интеллектуальных кумиров президента, великого стратега Джона Куинси Адамса. «Нью-Йорк таймс», анализируя исследование, пишет, что Гэддис «предполагает, будто концепция борьбы Буша с терроризмом уходит корнями в высокую, идеалистическую традицию Джона Куинси Адамса и Вудро Вильсона». Редкие упоминания Гэддисом Вильсона строятся вокруг американской интервенции в Мексику и страны Карибского бассейна, якобы в порядке защиты от Германии. Что бы ни думали относительно обоснованности подобных предлогов, ужасающие преступления Вильсона, совершенные в процессе этих интервенций, в особенности на Гаити, являются любопытной – хотя и обычной – иллюстрацией его «высокого» идеализма. Пример Адамса, главной фигуры повествования Гэддиса, гораздо теснее свя-

зан с основным тезисом о корнях господствующей доктрины. Мне кажется, это реалистичный тезис, имеющий большое значение как для понимания прошлого, так и для оценки того, что ждет нас впереди.

Адамс, будучи государственным секретарем при президенте Джеймсе Монро, утвердил «высокую, идеалистическую традицию» своим обоснованием захвата Флориды, принадлежавшей Испании, генералом Эндрю Джексоном в ходе первой войны с семинолами 1818 года. Эта война, утверждал Адамс, оправдана как самооборона. Гэддис соглашается с тем, что это завоевание было обусловлено законными соображениями безопасности. По его версии, после того как британцы в 1814 году разорили Вашингтон, Адамс понял, что стране угрожает опасность, и утвердил принцип, который всегда лежал в основе американского политического мышления: «Путем к безопасности, как мы заключаем, является экспансия». Руководствуясь этим неизменным американским принципом, Соединенные Штаты завоевали Флориду, а теперь Буш распространяет данную доктрину на весь мир. Гэддис достаточно правдоподобно заключает: когда Буш предупредил, что «американцы должны быть «готовы действовать первыми, если это необходимо для защиты нашей свободы и наших жизней», это явилось отголоском старой традиции, а не основанием новой». Буш только вновь утверждает принципы, который президенты США, от Адамса до Вудро Вильсона, «всегда понимали... очень хорошо». Предшественники Буша, поясняет Гэддис, признавали, что США грозит опасность со стороны «несостоятельных государств». Возникает опасный вакуум власти, который Соединенные Штаты следовало заполнять, чтобы обеспечить свою безопасность, начиная с Флориды в 1818 году и заканчивая Ираком в 2003 году.

Гэддис указывает на научные источники, в основном на публикации историка Уильяма Эрла Уикса,

однако опускает то, о чем в них говорится. Если изучить пропущенную информацию, можно многое узнать о прецедентах нынешних доктрин и нынешнего согласия, которое их увенчало. Уикс приводит злоеущие и подробные описания того, что творил Джексон в ходе «неприкрытых убийств и грабежей, известных под именем первой войны с семинолами», которая была очередным этапом его проекта по «изгнанию или уничтожению американских индейцев юго-востока», стартовавшего еще до разорения Вашингтона в 1814 году. И не взятие Вашингтона вдохновило великую стратегию Адамса. Более того, он не слишком беспокоился из-за него, даже когда вел переговоры, заключая мирный договор, которым закончилась эта война⁽¹⁹⁾.

Флорида представляла собой проблему из-за того, что она еще не вошла в состав расширяющейся «американской империи» (так ее называли отцы-основатели), и одновременно из-за того, что была «прибежищем индейцев и беглых рабов... спасавшихся там от гнева Джексона или от рабства». Индейцы совершили нападение, а Джексон и Адамс воспользовались им в качестве предлога. После того как американская армия выгнала группу семинолов с ее земель, убив нескольких из них и спалив дотла деревню, племя отомстило, напав на военное судно снабжения. Воспользовавшись этой возможностью, Джексон «развязал кампанию террора, разорения и запугивания», разрушая деревни и «источники пропитания, в целенаправленной попытке уморить индейские племена голодом». Таким образом и развивались события, побудив Адамса одобрить стремление Джексона основать во Флориде «доминион республики на отвратительном фундаменте насилия и кровопролития». Эти слова испанского посла, по выражению Уикса, являются «невероятно точным описанием» позиции Адамса. Он «постоянно лгал, искажал и

скрывал истину о целях и действиях американской внешней политики перед Конгрессом и народом», грубо нарушая провозглашенные им принципы морали, «открыто отстаивая вытеснение индейцев, рабство и применение военной силы без одобрения Конгресса».

Преступления Джексона и Адамса «оказались лишь вступлением к войне на уничтожение» против семинолов, в ходе которой остатки племени либо бежали на запад, чтобы позже еще раз встретить ту же судьбу, «либо были перебиты, либо нашли убежище среди обширных болот Флориды». Сегодня, замечает Уикс, «семинолы сохранились в общественном сознании лишь в качестве эмблемы Университета штата Флориды» – это одновременно и давно знакомый пример, и «невероятно точное» определение того, как мы пользуемся свободой и как насмешливо осуждаем тех, кто отказывается честно взглянуть на собственное постыдное прошлое.

Как утверждает Уикс, Адамс сознавал «абсурдность» своих оправданий, однако считал – как он сам об этом говорил – «что лучше ошибиться, проявляя силу, чем проявляя слабость». Говорить «правдивее самой истины», как позже назвал то же убеждение Дин Ачесон. Как пишет Уикс, описания и отчеты, предоставлявшиеся Адамсом, «являют собой пример масштабного искажения причин и следствий завоевания Флориды Джексоном, напоминая историкам о том, что не следует искать истину в официальных комментариях к событиям». В свете текущих событий это здравый совет. В другом месте Уикс отмечает, что допущенные Адамсом искажения были преданы огласке в отчете специального сенатского комитета, который расследовал войну с семинолами и заключил, что Джексон, при поддержке Адамса, единолично убедившего Монро одобрить преступления генерала, «нанес ущерб облику всей нации». «Однако лишь немногие американцы заметили эти обли-

чения», – пишет Уикс. «Дерзкая защита Адамсом Джексона сместила акценты с международного права и сомнений относительно конституционности на священные заклинания о «правоте» американцев в борьбе с «неправыми» испанцами, индейцами и англичанами»⁽²⁰⁾.

Уикс подчеркивает один важный момент: поощряя преступления Джексона, Адамс, нарушив конституцию, передал право объявления войны от Конгресса к исполнительной ветви власти. Заняв эту позицию, он оказался в изоляции. Редактор бумаг этого политика пишет, что президент Монро и все члены его кабинета, за исключением Адамса, «придерживались мнения, что Джексон «действовал не просто без распоряжений, но вопреки им. Что он начал войну с Испанией, которой нельзя найти оправдания и которая, не будь она дезавуирована администрацией, вызвала бы недоверие страны к администрации», – предсказание, которое быстро оказалось опровергнутым»⁽²¹⁾.

Ближе к концу своей жизни Адамс решительно осудил эту узурпацию полномочий Конгресса по объявлению войны. В письме от 1847 года, адресованном другому ярому критику Мексиканской войны, он охарактеризовал послание президента Полка об объявлении войны как «явное и вопиющее искажение истины», сожалея, что «теперь появился следующий необратимый прецедент: стоит президенту Соединенных Штатов только сообщить о ведении войны... и война, по существу, оказывается объявленной». По словам Уикса, Адамс наконец-то признал, что «опасность свободе и республиканскому строю» обусловлена тем, что он грубо нарушил конституцию, однако, «судя по всему, собственную роль в установлении этого прецедента он не признал». Впрочем, данный принцип сохранил силу, не особенно беспокоя «исконных конституционалистов», которые гордятся тем, что строго придерживаются устремлений создателей конститу-

ции. И этот принцип продолжает губить свободу и демократию, не говоря уже о судьбах жертв войн, развязанных исполнительной властью.

Уикс указывает на то, что Адамс, кроме того, ввел в оборот «президентскую «имперскую риторику», чтобы с ее помощью добиваться поддержки своей политики общественностью (а также Конгрессом)». Подобная риторика, «давний и важный аспект американской дипломатии, который наследовался и совершенствовался поколениями американских государственных деятелей, в основе своей не изменившись за долгое время», покоится на трех столпах. Это «признание исключительных моральных достоинств Соединенных Штатов; утверждение о том, что освобождение всего мира является их миссией», которая должна осуществляться через распространение американских идеалов и «американского образа жизни»; неизменная «вера в божественную предопределенность судьбы Америки». Такая теологическая основа низводит политические проблемы до выбора между добром и злом, тем самым сводя на нет взвешенную полемику и не признавая существование угроз демократии.

Вопрос о защите от Великобритании, единственного противника, опасного для Америки – или, точнее, сдерживавшего ее, – даже не был поднят. Британский министр Кастлри так хотел укрепить англо-американские отношения, что даже не обратил внимания на убийство Джексоном двух невиновных британских подданных, которое Адамс оправдывал в качестве «благотворного и действенного средства устрашения и примера». Уикс полагает, что Адамс хорошо помнил слова своего любимого историка Тацита: «Вскрывшееся преступление не оставляет другого прибежища, кроме наглости».

Целью дипломатии Адамса была не безопасность, хотя бы в каком-то смысле слова, а территориальная экспансия. Из-за военного могущества Великобрита-

нии было невозможно завоевать Канаду, а также Кубу, которая, как предсказывал Адамс, по закону «политического притяжения» упадет в руки Соединенным Штатам, подобно тому, как «яблоку, сорванному со своей яблони бурей, остается лишь пасть на землю». К концу столетия законы политического притяжения изменились, как и предвидел Адамс. Сдерживание со стороны Британии было преодолено, и в 1898 году Соединенные Штаты сумели организовать интервенцию на Кубу. Предлогом было освобождение этого острова от испанцев. Однако в реальности США стремились воспрепятствовать освобождению Кубы и превратить ее «практически в колонию», каковой она и оставалась до 1959 года⁽²²⁾.

Демократы из окружения Джексона немало потрудились, чтобы изменить законы политического притяжения – эти вопросы обсуждаются в работе Томаса Хиеталы, другом научном труде, который цитирует Гэддис. Здесь он опять пропускает нечто поучительное. Хиетала описывает, как коллеги Джексона старались заполучить монополию на хлопок, который в экономиках промышленных стран играл тогда приблизительно ту же роль, какую сегодня играет нефть. Как отметил президент Тайлер, после аннексии Техаса в 1845 году и завоевания почти половины Мексики, «практически обеспечив себе монополию на хлопок», Соединенные Штаты приобрели «большой вес в мировой политике, чем могли бы им дать сколь угодно сильные армии и сколь угодно многочисленные флоты». Далее он заявил, что монополия на хлопок «теперь обеспечена и повергает другие государства к нашим стопам... Эмбарго на один-единственный год причинит Европе больше страданий, чем пятидесятилетняя война. Я сомневаюсь, что Великобритания сможет избежать потрясения». А секретарь Казначейства при президенте Полке сообщил Конгрессу, что завоевания «гарантиру-

ют управление мировой торговлей». Эта же монополия сломила сопротивление Великобритании, позволив захватить территорию Орегон, право на которую было даровано Америке по божьей воле. Так заявил Конгрессу Адамс, слова которого перекликались с убеждением, уже тогда практически превратившимся в клише⁽²³⁾.

Вероятно, будет небезынтересно отметить, что аннексия Техаса подчинялась, в сущности, той же логике, которая приписывалась Саддаму Хусейну, когда тот оккупировал Кувейт. Но, разумеется, внешне между этими случаями масса различий. Притязания Ирака на Кувейт имели глубокие корни, простираясь до того времени, когда Великобритания установила иракские границы, чтобы обеспечить собственное, а не турецкое, господство над нефтью севера страны и чтобы ее колония — Кувейт, эффективно перекрывала Ираку выход к морю. Более того, Саддам Хусейн не подражал демократам круга Джексона, выражая опасение, что независимые соседние государства угрожают рабству в Ираке, и он, очевидно, не ссылаясь на божественное провидение — по крайней мере, с таким красноречием. Насколько мне известно, властители умов Ирака не призывали захватить «жалкий, бессильный Кувейт» для выполнения «великой задачи по заселению Ближнего Востока благородным иракским народом» и не заявляли, что «могучий иракский народ, который подчинил себе большую часть региона, со всей очевидностью должен подчинить себе и остальное, а также Аравийский полуостров. С течением же времени будет не так уж важно, в каких обстоятельствах и какими методами это было сделано». (Я цитирую здесь слова Уолта Уитмена и Ральфа Уолдо Эмерсона относительно Мексики и территории Орегон, соответствующим образом изменив названия). И никто не допускал и мысли, что Саддам Хусейн в самых не-

обузданных мечтаниях надеялся заполучить контроль над всем миром хотя бы в незначительной степени, по сравнению с устремлениями демократов из круга Джексона, – неизменно из соображений самозащиты и по воле божьей.

Если вставить в повествование Гэддиса эти и другие поучительные пропуски, картина, нарисованная им с опорой на научные источники, в значительной степени поддерживает его выводы о происхождении доктрины Буша и ее осуществлении, от Адамса и «вильсоновского идеализма» до дня сегодняшнего. Что же касается расширения указанных прецедентов до масштабов целого мира, то тут люди могут делать собственные выводы. И они их делают. Страх перед США, а часто и ненависть к ним, достигают беспрецедентного размаха, значительно усиливая террористическую угрозу и вероятность «окончательной гибели». Современная, приспособленная к космическому веку доктрина Адамса, согласно которой «экспансия... есть путь к безопасности», действует так же, как и раньше.

Нормативная революция

Как было показано выше, существует целый спектр четко сформулированных мнений относительно применения военной силы. На одном фланге находятся сторонники послевоенного соглашения, сформулированного в Уставе ООН, вновь утвержденного на Южном саммите и недавно подтвержденного Комиссией по переменам, угрозам и вызовам ООН, а также Всемирным саммитом ООН год спустя. Оставшаяся часть спектра, стремящаяся к другому флангу с его «международным либерализмом», в общем и целом принимает принцип, согласно которому Соединенные Штаты пользуются уникальным освобождением от дей-

ствия международного права и юрисдикции, а соответственно, уполномочены принимать по своему желанию любые меры, чтобы ответить на вызов их «могуществу, положению и престижу», дабы обеспечить себе «беспрепятственный доступ к ключевым рынкам, источникам энергии и стратегическим ресурсам». Однако я должен еще раз подчеркнуть, что американская общественность с достаточной убежденностью поддерживает послевоенный консенсус, который практически изгнан и из политической системы страны, и из публичных дискуссий.

На краю этого спектра мы находим и более сложные мнения об использовании силы. Одно из наиболее значительных суждений выражено в исследовании, проведенном Независимой международной комиссией по расследованию войны в Косово, которую возглавлял видный южноафриканский юрист Ричард Голдстоун. Комиссия выдержала шквал жесткой критики от официальных кругов, связанных с бомбардировками НАТО Сербии в 1999 году, и все-таки заключила, что бомбардировки были «незаконными, но легитимными». «Они были незаконными, поскольку не получили одобрения Совета Безопасности ООН, однако были легитимными, поскольку все дипломатические средства были исчерпаны и не существовало никаких других способов остановить убийства и зверства в Косово». Голдстоун предположил, что в свете отчета комиссии Устав ООН, возможно, нуждается в пересмотре. (В декабре 2004 года Комиссией высокого уровня этот вывод был немедленно отвергнут.) Интервенция НАТО, пояснил Голдстоун, «имеет слишком большое значение в качестве прецедента», чтобы отбрасывать ее как «отклонение от нормы». Скорее, «возникло изменение сути государственного суверенитета перед лицом глобализации и убежденности большинства стран мира в том, что права человека стали делом международного сообщества». Голдсто-

ун также подчеркивает необходимость «объективного анализа нарушения прав человека»⁽²⁴⁾.

Последнее замечание является полезным советом. Один из вопросов, которым можно задаться в ходе этого объективного анализа, таков: действительно ли «большинство стран мира» одобрило решение Соединенных Штатов, Великобритании и ряда их союзников о бомбардировке Сербии? Обзор мировой прессы и официальных заявлений, мягко говоря, не очень располагает к поддержке этого вывода. Более того, бомбардировки Сербии были решительно осуждены за пределами стран НАТО, что осталось незамеченным в США. Маловероятно, будто решение самопровозглашенных «просвещенных государств» освободить себя от действия Устава ООН и принципов Нюрнбергского трибунала, удостоилось бы одобрения подавляющего большинства населения земного шара. Другой вопрос, который может быть задан в ходе анализа: действительно ли в Косово были «исчерпаны все дипломатические средства»? Этот вывод также нелегко доказать. Когда НАТО приняло решение о бомбардировках, на рассмотрении находились два дипломатических варианта: предложение НАТО и предложение Сербии (последнее было скрыто от американской общественности и, возможно, от западной общественности в целом). После семидесяти восьми дней бомбардировок стороны достигли компромисса (хотя НАТО его немедленно нарушило), и таким образом оказывается, что дипломатические средства все же существовали.

Третий вопрос: действительно ли «не существовало никаких других способов остановить убийства и зверства в Косово», как утверждает независимая комиссия? (Этот вопрос, очевидно, является очень важным.) Здесь объективный анализ оказывается на удивление простым. Существуют обширные документальные подтверждения, доступные в безупречных

западных источниках (в том числе в нескольких сборниках Государственного департамента), которые были опубликованы для обоснования войны, в дополнение к подробным отчетам Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) и НАТО, наблюдателей международной миссии ОБСЕ по контролю в Косово и обширному расследованию, проведенному британским парламентом. Все они приходят к одному выводу: убийства и зверства не предшествовали бомбардировкам, а явились их следствием, что было подтверждено также и обвинением Милошевича. Это едва ли могло стать сюрпризом. Генерал НАТО Уэсли Кларк, едва начались бомбардировки, предсказывал вспышку насилия, причем довольно открыто. Из других источников, кроме того, следует, что администрация Клинтона тоже предвидела преступления, последовавшие за бомбардировками, и Кларк в своих мемуарах подтверждает это еще более обстоятельно. Трудно представить себе, чтобы другие руководители НАТО были информированы хуже него⁽²⁵⁾.

В обширной литературе по данному вопросу, от журналистской до научной, все эти документы почти единодушно игнорируются, а хронология ставится с ног на голову. В других местах мне также встречались отчеты, оставлявшие угнетающее впечатление, и я не буду приводить их здесь, за исключением лишь нескольких актуальных примеров того, как ради поддержки позиции власти последовательно осуществляется фабрикация сведений, а нежелательные факты систематически отменяются независимо от надежности их источника.

Так, бывший министр обороны США Фрэнк Карлуччи пишет, что НАТО приступило к бомбардировкам после того, как «Милошевич начал осуществлять операцию по этнической чистке» и другие жестокие мероприятия. Здесь имеет место типичное искаже-

ние хронологии; естественно предположить, что жестокости, о которых идет речь, были предсказуемым следствием бомбардировок, а не их причиной. Историк Нилл Фергюсон безосновательно заявляет, что «для интервенции существовало правдоподобное основание – предотвращение геноцида». Дэвид Рифф приводит следующее, как он считает, доказательство: «Согласно сведениям, поступившим от сотрудников немецких спецслужб и от греческих дипломатов... белградское правительство намеревалось депортировать большое количество албанцев Косово (обычно называлась цифра в 350 000 человек)». Даже если неназванные источники Риффа действительно существуют, в их сведениях нет никакого смысла. Необязательно ссылаться на неизвестных «сотрудников спецслужб и дипломатов», чтобы выяснить, что у Белграда имелись планы на случай непредвиденных обстоятельств по депортации косовских албанцев. Было бы удивительно, если бы таких планов у него не имелось, равно как и у других стран, в том числе и у «просвещенных государств». Западная интеллектуальная культура предстает перед нами в весьма необычном свете, когда люди всерьез воспринимают кого-то, кто намеревается такими доводами оправдать осуществление агрессии собственной страной, в результате которой имела место насильственная депортация примерно 800 000 косовских албанцев, а также другие жестокости. По ту сторону Атлантики Карлхайнц Камп из Фонда Аденауэра критикует заседание Комиссии высокого уровня ООН в декабре 2004 года, поскольку она отказала НАТО в праве применить силу в нарушение Устава ООН. Он приводит один, и вполне стандартный, пример – бомбардировки НАТО Сербии, которые, как безосновательно утверждает Камп, были предприняты, поскольку «в НАТО сочли более приоритетной задачей защиту прав человека, а не соблюдение Устава

ООН». То есть военный блок стал сбрасывать бомбы, ожидая, что тем самым возникнет повод к массовым нарушениям прав человека, что в действительности и произошло⁽²⁶⁾.

Некоторые примеры отдают низкопробной комедией. С целью продемонстрировать снобистский «антиамериканизм», господствующий за пределами Америки, обозреватель Джейме Трауб приводит пример драматурга Гарольда Пинтера, нобелевского лауреата 2005 года, «с такими крайними политическими взглядами, что их почти невозможно спародировать». В качестве подтверждения приводится негодование Пинтера по поводу «натовской воздушной войны 1999 года в Косово», которую, если верить Траубу, он охарактеризовал как «преступный акт... направленный на усиление “американского господства в Европе”». Всем здравомыслящим людям, разъясняет Трауб, известно, что «бомбардировки явились, по существу, последним доводом против зверской кампании этнических чисток Слободана Милошевича». Пока в фаворе у европейских интеллектуалов столь безумные идеи, продолжает Трауб, в нашей более трезвой интеллектуальной культуре «трудно вообразить себе кого-то, за исключением Ноама Хомски и Гора Видала, кто не поперхнулся бы от желчности Пинтера».

На самом деле таких людей нетрудно себе вообразить. Например, таков единственный известный мне американский автор, действительно занявший позицию «настолько крайнюю, что ее невозможно спародировать». Это уважаемый академический военный историк Эндрю Бачевич, автор широко известной книги, в которой он отрицает гипотетический гуманитарный предлог для Косовской войны или интервенции в Боснию, заявляя, что они были предприняты «исключительно для сплочения НАТО и усиления веры в могущество Америки», а также для «поддержания американского господства в Европе».

Среди тех, кто «не поперхнулся», есть и люди, недовольные пропагандой, вульгарной до такой степени, что в свое время ею брезговали даже отчеты ежедневной прессы. Эти люди дали себе труд ознакомиться с обширными массивами официальной информации о хронологии бомбардировок и этнических чисток (из нее можно убедительно заключить, что истина являет собой нечто противоположное гневным сетованиям Трауба). Хотя факты говорят сами за себя, они, разумеется, ничего не значат в силу причин, которые столь верно указывает Трауб: «Непримиримого идеолога невозможно переубедить – равно как и непримиримого боевика джихада»⁽²⁷⁾.

Судья Голдстоун поступил необычно, поскольку он признал факты. Он сказал: «Непосредственным результатом бомбардировок явилось то, что из Косово в соседние страны бежал почти миллион человек, и почти 500 000 человек было перемещено в пределах самого Косово – ужасная катастрофа для народа края», усугубленная и тяжкими преступлениями, которые творились после начала западной оккупации. Оценивая последствия бомбардировок (предсказанные заранее), судья Голдстоун добавил, что «сторонники войны могли утешаться тем, что операция «Подкова» – сербский план этнических чисток, направленных против косовских албанцев, – была начата еще до бомбардировок». Впрочем, это слабое утешение. Обширные документальные свидетельства западных источников не обнаруживают существенного изменения в методах сербов до того момента, как было объявлено о бомбардировках и были отозваны наблюдатели. Из них же становится ясно, что основные жестокости, в том числе выселение албанцев, начали твориться позже. Что касается операции «Подкова», то Уэсли Кларк через несколько недель после бомбардировок сообщил, что ничего о ней не знал. Эта операция стала достоянием гласности бла-

годаря странам НАТО после того, как все увидели шокирующие подробности бомбардировок, и уже давно была разоблачена как фальшивка, сфабрикованная спецслужбами. Даже странно, что о ней по-прежнему продолжают упоминать в научных работах и средствах массовой информации, поскольку и необходимости для ее фабрикации не было. Как и говорилось, едва ли можно сомневаться в том, что у Сербии имелись подобные планы на случай столь непредвиденных обстоятельств, как вторжение НАТО, подобно тому, как Израиль наверняка располагает аналогичными планами для экстренных случаев относительно палестинского населения. Что же касается американских планов для непредвиденных ситуаций, то те из них, о которых нам известно, повергают в тяжелый шок, и трудно предполагать, что и другие планы будут отличаться мягкостью⁽²⁸⁾.

Косово было скверным местом и до натовских бомбардировок – хотя, к сожалению, не по международным стандартам. По данным западных источников, в год, предшествующий вторжению, все стороны конфликта потеряли там убитыми около 2000 человек. Многие были уничтожены боевиками Армии освобождения Косово (АОК), которые из Албании напали на сербов, стремясь, как они открыто заявляли, спровоцировать жесткие ответные меры. А это позволило бы склонить Запад к поддержке их дела. Британское правительство сделало примечательное заявление: вплоть до января 1999 года большинство из 2000 убитых составляли жертвы АОК. Западные же источники сообщают, что никаких существенных изменений в этом отношении не происходило до тех пор, пока НАТО не объявило о войне и не развязало ее. В одном из немногих серьезных научных исследований, вообще уделивших внимание подобным вопросам, приводятся следующие подсчеты: из 2000 человек сербами было убито 500. Это тщательное и

взвешенное исследование провел Николас Уилер, который поддерживает бомбардировки НАТО на том основании, что, если бы блок не начал бомбежки, это грозило бы еще худшими жестокостями. Тот факт, что подобные аргументы – сильнейшие из всех, что может дать серьезный анализ, многое говорит нам о решении начать бомбардировки. В особенности если вспомнить, что существовали и дипломатические варианты⁽²⁹⁾.

Вероятно, следует упомянуть поразительные оправдания бомбардировок, которые измышляют некоторые их сторонники, хотя американские и британские власти их и не поддерживают. Например, нападение НАТО было вызвано преступлениями в Сребренице или в Боснии в целом. Предположим, что этот аргумент следует воспринять всерьез. В таком случае легко показать, что те же гуманисты должны еще более яростно настаивать на бомбардировках Лондона и Вашингтона. Вот одна из наиболее объективных причин: когда в начале 1999 года вокруг Косово начали греметь боевые барабаны, нарастала волна преступлений, творимых Индонезией в Восточном Тиморе. В начале 1999 года сотворенные там злодеяния превзошли все, о чем когда-либо сообщалось из Косово, даже не принимая во внимание тот факт, что это была незаконно оккупированная территория. Более того, индонезийские военные открыто заявляли: если на августовском референдуме население Тимора не признает его аннексию Индонезией, его ждет куда более прискорбная участь. И свое слово они сдержали. Уже первые преступления в Восточном Тиморе выходят далеко за пределы того, что творилось в Сребренице или было обоснованно приписано Сербии. А что самое главное, США и Великобритания (а также Франция и другие страны) все время поддерживали эти преступления, стоявшие на грани настоящего геноцида. В их числе были и звер-

ства, творившиеся в августе—сентябре 1999 года и вызвавшие, наконец, протест достаточно бурный, чтобы вынудить Клинтона «отозвать псов». Из этого можно немедленно сделать соответствующий вывод, который обличает потрясающую безнравственность изображения Сребреницы как предлога для бомбардировок.

Подлинные причины этой войны не являются тайной за семью печатями. Если не считать предсказуемых – а потому бессмысленных – заявлений относительно гуманных намерений и обычных фальсификаций хронологии, основные причины войны были указаны Клинтон, Блэром и прочими, а затем вновь подтверждены министром обороны Уильямом Коэном и генералом Кларком в его мемуарах: обеспечение «престижа НАТО», то есть Соединенных Штатов. Это точка зрения, которую Эндрю Бачевич лишь довел до крайности. Тем не менее, бомбардировка Сербии «вошла в историю как победа военной мощи, задействованной во имя либерального гуманизма», как с одобрением – причем очень точно – написала либеральная «Бостон Глоуб». Когда история пишется по заказу власти, доказательства и здравый смысл не требуются⁽³⁰⁾.

Косово явилось одним из двух достижений, которые задним числом выдвигали в качестве доказательств того, что впервые в истории государства мира проявили верность «принципам и ценностям» под руководством «благородных альтруистов» (англо-американских наставников) и что Устав ООН необходимо пересмотреть, дабы обеспечить возможность «гуманитарной интервенции». Вторым примером был Восточный Тимор, и это исключительно жестокий пример. То, что к нему апеллируют, несколько не стыдясь, является замечательной характеристикой западной интеллектуальной культуры. Этот вопрос широко освещен в литературе, поэтому

я обойду его стороной, вместе с рядом других проблем, заслуживающих обсуждения, но, по моему мнению, приводящих к тем же самым заключениям.

Впрочем, следует отметить, что войну в Ираке также оправдывают как «незаконную, но легитимную». Ряд правоведов, занимавших эту позицию, отказались от нее после того, как были опровергнуты поводы для войны; они заключили, что «вторжение было и незаконным, и нелегитимным» (Энн-Мэри Слотер, декан Школы Вудро Вильсона Принстонского университета, президент Американского общества международного права)⁽³¹⁾.

Сегодня можно найти не так много вопросов, которые были бы важнее, чем вопрос правомерности применения силы. Без сомнения, каждый может представить себе, и даже найти в истории, случаи подлинно «гуманитарных» интервенций. Однако тяжкое бремя доказательства существует всегда. Поэтому, анализируя исторические факты, мы должны задуматься. В частности, мы можем вспомнить наблюдения, сделанные в одном крупном научном исследовании гуманитарных интервенций. Его автор нашел три таких интервенции, имевших место между пактом Бриана-Келлога 1928 года, поставившим войны вне закона, и подписанием Устава ООН в 1945 году. Это интервенция Японии в Маньчжурию и Северный Китай, вторжение Муссолини в Эфиопию и захват Гитлером ряда районов Чехословакии. Конечно, автор не считает их настоящими интервенциями с гуманитарными целями. Скорее, их пытались выставить в этом качестве, подкрепляя доказательствами, которые, какими бы преувеличенными они ни казались, воспринимались Соединенными Штатами и Великобританией неоднозначно, а иногда удостоивались их поддержки⁽³²⁾.

Если расследовать события, можно установить также подлинные причины «незаконной, но легитим-

ной» интервенции, хотя самый яркий из представленных примеров на данный момент выглядит идеологически неоднозначным. Кроме того, он подкрепляет следующее взвешенное решение Международного суда, постановившего в 1949 году, что «суд может рассматривать мнимое право на интервенцию исключительно как проявление политики силы, подобное тем, которые в прошлом становились причиной наиболее тяжких нарушений права и которым, несмотря на все недостатки международной организации, нет места в международном праве... Исходя из природы вещей, интервенция будет оставаться средством, используемым самыми сильными государствами, и может легко привести к невозможности отправления правосудия как такового»⁽³³⁾.

Расследование весьма определенно указывает на то, что государственный террор и прочие виды угроз и применения силы нередко приводили к многочисленным страданиям и разрушениям, а иногда ставили весь мир на грань катастрофы. То, с какой легкостью интеллектуальная среда игнорирует эти факты, повергает в шок. Подобные наблюдения – будучи слишком хорошо подкрепленными – вновь ставят нас перед лицом угрозы, о которой Рассел и Эйнштейн писали пятьдесят лет назад и игнорировать которую смертельно опасно.

Продвижение демократии за рубежом

«Продвижение демократии является для администрации Джорджа Буша главной задачей и в отношении борьбы с терроризмом, и в рамках общей стратегии». Так начинается самая обширная научная статья о «корнях доктрины Буша». Подобное заявление неудивительно. К 2005 году оно уже практически превратилось в ритуальную фразу. В гуманитарной среде мы постоянно встречаем убеждение, согласно которому демократия может быть навязана извне, что и является «причиной, стоящей за американской интервенцией в Ираке», и выдвигается в качестве «возможной новой основы для устремлений американской внешней политики во всем мире». Иногда эта установка даже усиливается. Заявляют, что «продвижение демократии за рубежом» всегда являлось основной целью американской внешней политики с тех пор, как Вудро Вильсон поддержал его «мощным элементом идеализма»; при Рональде Рейгане оно обрело «особенную рельефность», а затем с «беспрецедентной настойчивостью» его стал продвигать Буш-вто-

рой. Среди журналистов и обозревателей это утверждение уже стало самоочевидной банальностью⁽¹⁾.

Когда утверждение, имеющее такую значимость, принимается всеми практически единодушно, это порождает закономерную реакцию – изучить накопленные доводы, как подкрепляющие, так и опровергающие данное положение. Характер этих доводов, в известной мере, является критерием эффективного действия демократии. Дело можно довести до крайности: стоит только подобным заявлениям прозвучать в Северной Корее, никто не станет утруждать себя поисками доказательств: достаточно того, что это провозгласил «любимый вождь». Однако в демократической культуре необходимо предоставлять весомые доказательства, а также серьезные доводы, опровергающие возможные контраргументы. Мы еще вернемся к этим вопросам применительно к доктрине Буша. Но давайте начнем с размышлений по поводу актуальной подоплеки событий.

Разобраться в социальных отношениях – нелегкая задача. В некоторых аспектах подобная задача сложнее, чем естественнонаучные изыскания. Мать-природа не снабжает нас готовыми ответами на все вопросы, но, по крайней мере, она не чинит особенных препятствий для поиска ответов. Что же касается социальных отношений, то здесь такие препятствия являются нормой. Поэтому необходимо разрушать ложные построения, воздвигаемые идеологическими системами, которые пользуются целым набором подобных средств, естественным образом связанных с механизмами концентрации власти.

Иногда видные общественные деятели бывают так добры, что сами предлагают нам определенную помощь в решении этой задачи. В 1981 году Сэмюель Хантингтон, профессор государственного управления из Гарвардского университета, объяснил, как работает механизм советской угрозы. «Вам может потре-

боваться внушить необходимость» интервенции или другой военной акции «таким образом, чтобы создать ложное впечатление, будто это делается в рамках борьбы с Советским Союзом. Именно это Соединенные Штаты неизменно и делают, начиная с доктрины Трумэна». Исходя из подобного подхода, через несколько лет он предупредил, что «публичная политика Михаила Горбачева может стать такой же угрозой американским интересам в Европе, как и танки Леонида Брежнева»⁽²⁾.

Чтобы облегчить задачу «навязывания товара», идеологические системы обычно изображают своего нынешнего врага как воплощение зла уже по самой его природе. Иногда подобная характеристика справедлива, однако преступления редко дают основания потребовать применения силовых мер против намеченного противника. Одним из многочисленных доказательств этого является то, с какой легкостью одно и то же государство, недавно бывшее другом и союзником (и совершавшее чудовищные преступления, остававшиеся без внимания), превращалось затем в воплощение самого страшного зла, которое необходимо уничтожить (за те же самые преступления).

Недавним примером тому является Саддам Хусейн. Страстные обличения ужасающих преступлений Саддама, побудивших Соединенные Штаты наказать иракский народ, обошлись без такого уточнения: «преступления, совершенные с нашей помощью, поскольку нам нет дела до зверств, помогающих достигать наших целей». Как уже отмечалось, преступный режим подлежал наказанию, когда Саддам за свои преступления был привлечен к суду. Первый процесс разбирал злодеяния, которые Хусейн совершил в 1982 году – в том самом году, когда администрация Рейгана исключила Ирак из списка государств, поддерживающих терроризм. Благодаря этому кровавый тиран мог получать военную и прочую

помощь, поступавшую к нему до тех пор, пока он не совершил первое действительно тяжкое преступление: послушался приказов США в августе 1990 года (или, возможно, просто их не понял). Эти факты едва ли были неизвестными, однако, говоря словами Оруэлла, они нарушили «всеобщее молчаливое соглашение: говорить о данном конкретном факте “не следует”»⁽³⁾.

«Принцип собственной исключительности»

В замечании Хантингтона делается широкое обобщение, которое, впрочем, не является исчерпывающим. Необходимо создавать ложное представление не только о нынешних «больших шайтанах», но также и о собственном статусе исключительности и благородства. В частности, агрессию и террор следует изображать как самозащиту, представляя их деяниями, посредством которых воплощаются самые высокие идеи. Так, японский император Хирохито не открыл ничего нового, когда в речи, произнесенной им в августе 1945 года по поводу собственного отречения, заявил: «Мы объявили войну Америке и Великобритании, исходя из нашего искреннего желания обеспечить самосохранение Японии и стабилизацию положения в Восточной Азии, и мы были далеки от мысли посягать на суверенитет других государств или стремиться к территориальным приобретениям». Сомневаться в искренности императора не приходится: японские вторжения в Маньчжурию и Северный Китай сопровождала еще более возвышенная риторика, присутствовавшая даже в официальных внутренних документах. История международных преступлений изобилует подобными заявлениями. В 1935 году, когда уже сгущались темные тучи нацизма, Мартин Хайдеггер объявил, что Германия сейчас должна предупредить «угрозу всемирной

тьмы», наступающей из-за немецких границ. Германия же защищает «высшую из возможностей для существования человечества, утвержденную еще греками», от «бурного натиска, который уничтожает все подряд и губит любые импульсы духа, сотворившего наш мир». Германия, с ее «новыми духовными энергиями», пробужденными нацистским строем, теперь наконец-то способна «осуществить свою историческую миссию» по спасению мира от «гибели», которую несут «равнодушные массы», особенно в Соединенных Штатах и России⁽⁴⁾.

Подобная патология поражает даже личностей, обладающих высочайшим интеллектом и нравственной цельностью. Джон Стюарт Милль в пору совершения Великобританией тягчайших преступлений в Индии и Китае – о которых ему было прекрасно известно – написал классическое эссе о гуманитарной интервенции, в котором призывал Британию осуществлять ее самым активным образом. В частности, чтобы покорить еще больше индийских земель и еще энергичнее контролировать производство опиума, необходимого для принудительного открытия китайских рынков и покрытия расходов, понесенных империей. Он утверждал: Британия должна идти этим путем, невзирая на то, что ей «будет мешать зловие» отсталых европейцев, неспособных осознать, что Англия явилась «мировым новшеством», государством-ангелом, действующим исключительно «на благо другим», не желающим «никакой своекорыстной выгоды», страной, «беспорочной и заслуживающей одобрения» во всем, что она делает. Англия, разъясняя Милль, бескорыстно взвалила на себя задачу принести мир и справедливость целому свету, тогда как «плоды своих трудов она по-братски делит со всем человечеством» – и в частности, с «варварами», которых она покорила и разгромила для их же собственного блага. Так что нет никакой нужды

останавливаться на «цивилизаторской миссии» Франции и многочисленных аналогичных идеях⁽⁵⁾.

К знаменитой «американской исключительности» следует относиться с определенным скепсисом»; подобный образ справедливой исключительности, очевидно, универсален. Практически универсально и то, что просвещенные классы возлагают на себя ответственность с подобающей торжественностью убеждать всех в искренности высоких принципов, провозглашенных государственными лидерами. Провозглашение это не подкрепляется никакими доводами, за исключением самих деклараций, и часто оказывается, что действия лидеров сплошь и рядом опровергают их же благородные идеи. Здесь мы сталкиваемся с озадачивающим парадоксом, который Соединенные Штаты чудесным образом разрешают, декларируя внезапную «перемену курса», — событие, которое происходит раз в несколько лет и упраздняет ставшую неуместной историю в ходе нашего движения к славному будущему. При этом постоянно звучит следующий лейтмотив: решимость нести страдающему миру справедливость и свободу заявила о себе в качестве движущей силы «продвижения демократии».

Однако всегда находятся упрямы, которые ставят под сомнение официальные заявления. Некоторые из них даже идут так далеко, как Адам Смит, который находил малопригодными уверения Англии в ее благородных намерениях. Смит считал, что «главные творцы» мировой политики — «наши торговцы и промышленники» — стремились сделать так, чтобы их собственные интересы «соблюдались самым тщательным образом», какими бы «плачевными» последствиями это ни оборачивалось для других. В частности, для жертв их «чудовищной несправедливости» в Индии и других странах, и даже для населения самой Англии. Таким образом, Смит попадает в число сторонников «теории заговора», людей,

которые обращают внимание на исторические факты и документальные свидетельства, на властные структуры своего государства и на те интересы, которые обслуживают творцы политики. Они избегают бездумного восхищения по поводу заявлений о гуманных намерениях, например деклараций о распространении демократии, справедливости и свободы. И их пагубное влияние приходится сдерживать: в государствах, где в ходу насилие, – с помощью силы, а в более свободных обществах – другими средствами⁽⁶⁾.

Как создаются ложные впечатления

В годы «холодной войны» для того, чтобы обеспечить поддержку американцами государственных переворотов, террора и массовых убийств, существовало такое доступное основание, как «защита от коммунистической агрессии». Однако в 80-х годах его ресурс начал истощаться. Согласно одному скрупулезному подсчету, в 1979 году Советский Союз оказывал влияние всего на 6 % населения и 5 % мирового валового внутреннего продукта за пределами своих границ⁽⁷⁾. И даже если не вдаваться в детали, положение дел в целом было таково, что игнорировать его становилось труднее. Существовали также и внутренние проблемы, в частности, цивилизующее влияние политических активистов 60-х годов, которое имело множество последствий – например, усилившееся нежелание народа мириться с применением силы, о чем политическому руководству было хорошо известно (это очевидно из просочившихся документов и прочих источников). Задача по «созданию ложного впечатления, что все это делается в рамках борьбы с Советским Союзом», наталкивалась на ряд препятствий.

Система связей с общественностью администрации Рейгана стремилась разрешить проблему с по-

мощью бурных деклараций об «империи зла», раскинувшей повсюду свои щупальца и грозящей вот-вот задушить нас, – упрощенная версия провозглашенного Кеннеди «единого и безжалостного заговора» по завоеванию мира. Однако теперь потребовались новые средства. Последователи Рейгана провозгласили всемирную кампанию по уничтожению «гибельной чумы терроризма» (Рональд Рейган), и в особенности международного терроризма, пользовавшегося государственной поддержкой, «чумы, которую распространяют злобные противники самой цивилизации, стремящиеся вернуть варварство в современную эпоху» (Джордж Шульц). Официальный перечень государств, поддерживающих терроризм, был утвержден Конгрессом в 1979 году и занял видное место в политике и пропаганде, предполагая непростую задачу отбора кандидатов, о чем и рассказывалось выше.

Когда же появилась более острая угроза американским интересам, в лице публичной политики Горбачева, о чем предостерегал Хантингтон, а привычные политические предлоги стали рушиться, «вакуум был быстро заполнен “войной с наркотиками”» в Латинской Америке, традиционной области прямого или косвенного применения насилия со стороны США. Впоследствии это явление было названо «наркотерроризмом», что позволяло использовать возможности, предоставленные терактами одиннадцатого сентября. К концу тысячелетия «общий размер американской военной и полицейской помощи в этом полушарии превысил размеры экономической и социальной помощи». Как указывают аналитики, подобное стало «новым явлением» – «даже в разгар «холодной войны» экономическая помощь по своим размерам значительно превосходила военную»⁽⁸⁾.

Вполне предсказуемо, что политические шаги по «укреплению вооруженных сил за счет гражданских ведомств... обострили проблемы прав человека и

породили масштабные социальные конфликты и даже политическую нестабильность». С 2002 по 2003 год количество южноамериканских подразделений, проходивших обучение по программам армии США, возросло более чем на 50 %. Американское армейское Южное командование (Southcom) сейчас использует в Латинской Америке больше персонала, чем все основные гражданские федеральные агентства, вместе взятые, сосредоточившись на «радикальном популизме» и уличных бандах, которые были объявлены главными опасностями. Полиция проходит обучение тактике легкой пехоты. Подготовку иностранных военнослужащих Государственный департамент передал в ведение Пентагона, что освободило ее от такой подоплеки, как соблюдение демократии и прав человека, а заодно от надзора со стороны Конгресса⁽⁹⁾.

В сентябре 1989 года, когда Берлинская стена уже готова была рухнуть, Буш-первый, в рамках широко-масштабной компании, которую вели правительственные средства массовой информации, провозгласил «борьбу с наркотиками». Она была развернута как раз вовремя, чтобы оправдать вторжение в Панаму, организованное для захвата одного головореза, которого осудили во Флориде за преступления, совершенные, когда он работал на ЦРУ (и, кстати сказать, убил неизвестное количество людей, организуя взрывы в трущобных районах. По словам жертв, погибших были тысячи). «Война с наркотиками» имела и важные внутренние последствия. Как и «война с преступностью», она в значительной степени была направлена на то, чтобы с помощью запугивания добиться от американцев покорности; одновременно принимались внутривнутриполитические меры, обеспечивавшие невероятное обогащение государства за счет большинства населения.

В 1994 году Клинтон расширил категорию «террористических государств», в число которых теперь

вошли «государства-изгой»⁽¹⁰⁾. Через несколько лет политический лексикон обогатился новым термином: появились «несостоятельные государства», от которых мы должны защищаться и которые нам время от времени следует опустошать ради их собственного блага. Потом появилась «ось зла». Ее мы должны уничтожить в процессе самообороны, следуя воле Бога, которую он внушил своему смиренному слуге, и попутно обострять угрозы террора, распространения ядерного оружия и, возможно, «грядущего апокалипсиса».

Подобная риторика, однако, неизменно упиралась в трудности. Основная проблема заключается в том, что вышеуказанные категории недопустимо широки при любой разумной интерпретации терминов, и это указывает на то, что Соединенные Штаты скорее стремятся лишь оправдать собственные действия, как того и требует верное следование их доктрине. Трудно не признать долю истины в словах историка Арно Майера, который вслед за терактами одиннадцатого сентября заключил: начиная с 1947 года «Америка активнее остальных стран применяла “возведенный в приоритет государственный террор”» и совершила бесчисленное количество прочих «действий, присущих “изгоям”», причинявших громадный вред, — «неизменно во имя демократии, свободы и справедливости»⁽¹¹⁾.

Само понятие «государств-изгоев» проблематично не в меньшей степени. К концу правления Клинтона было очевидно, что сами Соединенные Штаты для большинства государств мира «превращались в сверхдержаву-изгоя», что они рассматривались как «наибольшая отдельно взятая внешняя угроза их обществам» и что «в глазах подавляющей части населения мира основным государством-изгоем являлись как раз сами США». После того как к власти пришел Буш, господствующее направление научной

общественности уже не просто излагало точку зрения всего мира, но провозгласило как данность, что Соединенные Штаты «развили в себе множество тех самых особенностей «государств-изгоев», против которых они... вели борьбу». Подобные трудности неизменно маячили где-то поблизости, хотя идеологические организации и старались держать их под контролем⁽¹²⁾.

Ведение «войны с наркотиками», которая «заполняла вакуум», оставленный исчезновением традиционных политических предлогов, также породило ряд проблем. Одна из них заключалась в том, что наиболее недорогие и гуманные меры (профилактика и лечение) неизменно отбрасывались в пользу мер радикальных – усиления репрессивных действий в стране и осуществления насилия за ее пределами. (Последнее если и повлияло на стоимость наркотиков [и, следовательно, на их употребление], то самым незначительным образом.) Другая проблема – это причинно-следственная связь между степенью американского насилия за рубежом и наркоторговлей, которая была научно доказана и которая очевидна даже по сообщениям ежедневной прессы. Недавно эта связь вновь заявила о себе в Афганистане. Однако здесь полезно вспомнить и о том, что ни один наркотрафик и рядом не стоял с той наркоторговлей, которую в XIX веке осуществляла Великобритания и которая была оплотом империи⁽¹³⁾.

Аналогичные проблемы возникают и относительно категории «несостоятельных государств». Этот термин, равно как и «террористическое государство» и «государство-изгой», отличается «досадной размытостью», так что его можно трактовать слишком противоречиво. И потому необходимо фабриковать доказательства с исключительным тщанием, чтобы выбросить из данной категории Соединенные Штаты, одновременно включив в нее государства, кото-

рые следует объявить несостоятельными. Возьмем Гаити, прототип «несостоятельного государства». Стандартная версия, которая встречается в большей части научных источников и – почти всегда – в средствах массовой информации, такова: интервенция, предпринятая Клинтон в 1994 году с целью «восстановить демократию», к сожалению, «привела не к демократии, но к политическому хаосу, возобновлению репрессий и разладу в отношениях США и Гаити». Стандартным в этом случае является и пропуск важных фактов, а именно тех, которые свидетельствуют: устроенное Клинтон вторжение было очередным шагом, предпринятым Вашингтоном для ниспровержения демократии в Гаити, что и обернулось хаосом и репрессиям, которые были предсказаны сразу же⁽¹⁴⁾.

Категория «несостоятельных государств» неизменно упоминалась в процессе «нормативной революции», о которой самопровозглашенные «просвещенные государства» возвестили в 90-х годах. Она наделяла их правом использования силы якобы для защиты населения государств (определенных особо) с помощью потенциально «незаконных, но легитимных» мер. Пока основная тематика политических дискуссий перемещалась от «гуманитарных интервенций» к «войне с террором», в очередной раз объявленной после одиннадцатого сентября, понятие «несостоятельное государство» стало трактоваться шире, чтобы оно могло охватывать такие государства, как Ирак, якобы угрожавший Соединенным Штатам оружием массового поражения и международным терроризмом. В научных кругах, с одобрением прослеживающих исторические корни доктрины Буша, понятие «несостоятельное государство» также было расширено. Теперь оно предполагало и «вакуумы власти», которые Соединенные Штаты были вынуждены заполнять во имя собственной безопас-

ности, подобно тому, как в свое время американцы «рубят лес и индейцев, чтобы придать более правильную форму границам страны»⁽¹⁵⁾.

При таком расширенном словоупотреблении «несостоятельным государствам» необязательно быть слабыми. Ирак рассматривался в качестве несостоятельного государства, которое угрожало безопасности США, не потому, что был слаб. Как пишет один авторитет юриспруденции, «агрессивное, деспотическое, тираническое или тоталитарное государство должно с полным правом рассматриваться как «несостоятельное» – по крайней мере, согласно нормам и стандартам современного международного права». И подобный подход вполне оправдан. Гитлеровская Германия и сталинская Россия едва ли были слабыми, однако они достойны ярлыка несостоятельных государств на том же основании, что и любые другие государства-банкроты. Даже в самой узкой трактовке «несостоятельные государства» характеризуются неспособностью обеспечить безопасность населения, гарантировать его права внутри страны и за границей или поддерживать деятельность демократических институтов (ни в коем случае не формальных). Это понятие, безусловно, должно включать в себя и «государства-изгои», отрицающие нормы, и организации международного сообщества, скрупулезно создававшиеся долгие годы, преимущественно по американским инициативам. Здесь опять-таки возникают знакомые трудности: эта категория охватывает слишком многие государства, чтобы быть идеологически приемлемой⁽¹⁶⁾.

Господствующая мировая держава сознательно прибегает для характеристики «государств-изгоев» к таким политическим шагам, которые подвергают американцев серьезной угрозе и подрывают существующий демократический строй. В ключевых аспектах своей политики Вашингтон с гордостью заявляет о

том, что он, по сути, перенял основные особенности «государств-изгоев» и «несостоятельных государств». Он практически ничего не делает, чтобы хоть как-то замаскировать «трения между всем миром, который по-прежнему стремится к справедливой и жизнеспособной системе международного права, и единственной сверхдержавой, которую не волнует, что ее ставят на одну доску с Бирмой, Китаем, Ираком и Северной Кореей... в отношении ее приверженности к абсолютистской концепции суверенитета, оставшейся от XVII века», для себя. Понятие же суверенитета других стран она отвергает как некий старомодный вздор⁽¹⁷⁾.

Обширные документальные и исторические свидетельства с лихвой снабжают доказательствами тезис Хантингтона о создании ложных впечатлений, который, впрочем, очень удобен для обоснования паранойи, заблуждений и ошибок «холодной войны». В американских документах и прочих стандартных источниках мы находим пример за примером, показывающий нам, что продвижение господствующих внутренних интересов Америки было тщательно спланировано. Как заключает историк Чарльз Бергквист, оценивая доводы, выдвинутые в поддержку интервенций в Латинской Америке, «чтобы защитить... веру в либеральную демократию», аналитики должны «искажать... доказательства и превращать разумную последовательность политики США (защита интересов капитализма) в нечто иррациональное (необоснованный страх перед коммунизмом)». Тот же самый принцип регулярно действовал и в других странах⁽¹⁸⁾.

«Рациональная последовательность»

В общем и целом в ходе анализа можно установить, что подлинным врагом Соединенных Штатов уже

давно являются независимые национальные движения. В особенности когда они грозят превратиться в «заразительный пример», если воспользоваться определением, которое Генри Киссинджер дал чилийскому демократическому социализму. Этот вирус, как он опасался, был способен заразить даже такие далекие страны, как государства Южной Европы (этим опасением он поделился с Леонидом Брежневым). Источник «заразы», таким образом, следовало подавить, что и было сделано во вторник 11 сентября 1973 года – эту дату называют «первым одиннадцатого сентября Латинской Америки». Изучив последствия обоих дней 11 сентября для пострадавших от них народов и других стран, а также реакции на них, мы сможем очень многое узнать о главном предмете этой книги – о нас самих⁽¹⁹⁾.

Одиннадцатого сентября 1973 года, после того как США годами подрывали чилийскую демократию, поддерживали терроризм и «повергали экономику в шок», войска генерала Аугусто Пиночета атаковали дворец чилийского президента. Сальвадор Альенде, избранный чилийцами президент, погиб во дворце, предположительно покончив с собой, поскольку не хотел сдаваться силам, уничтожившим старейшую и наиболее яркую демократию Латинской Америки и установившим режим, державшийся на пытках и репрессиях. Основным оружием режима была тайная полиция DINA, которую военная разведка США сравнивала с КГБ и гестапо. Вашингтон между тем активно поддержал насильственные действия и террор Пиночета, сыграв немаловажную роль в его первоначальном триумфе⁽²⁰⁾.

Официальный список жертв этого одиннадцатого сентября составил 3200 человек. Действительное же количество погибших примерно вдвое больше. Если считать по соответствующему проценту населения, то для США это составило бы 50 000 или

100 000 погибших. Официальное расследование, проведенное тридцать лет спустя, отыскало свидетельства 30 000 случаев применения пыток. В пересчете для Америки это составило бы около 700 000 случаев. Вскоре Пиночет приступил к объединению других военных диктатур Латинской Америки, поддерживаемых США, в рамках международной программы государственного терроризма, которая носила название «Операция «Кондор»». Эта операция обернулась безжалостными убийствами и пытками во всем регионе и расширилась настолько, что включила в себя террористические операции в Европе и Соединенных Штатах. Пока творились столь чудовищные преступления, и еще долгое время впоследствии, Пиночет пользовался глубоким уважением – в частности, уважением Рональда Рейгана и Маргарет Тэтчер. (Впрочем, его весьма почитали и в других странах.) Однако с убийством в 1976 году в Вашингтоне, округ Колумбия, видного чилийского дипломата Орlando Летельера, Пиночет зашел слишком далеко. Операцию «Кондор» пришлось сворачивать. Но яд продолжал распространяться. Впереди были еще худшие зверства в Аргентине, а также организация государственного терроризма в Центральной Америке усилиями тогдашних чиновников в Вашингтоне и их непосредственных наставников⁽²¹⁾.

После одиннадцатого сентября 2001 года было единодушно признано, что мир необратимо изменился. Но не после первого одиннадцатого сентября. Те, кто наслаждается богатством, свободой и привилегиями, могут спросить себя: «А как бы изменился мир, если бы старейшая демократия в Западном полушарии была уничтожена в ходе военного переворота, ее президент – убит, свыше 50 000 человек – погибли, а 700 000 – подверглись пыткам, с сопутствующим распространением морового поветрия террора по всему континенту и за его пределами?» Мож-

но также спросить, как следует относиться к людям, которые участвовали в подобных акциях или шумно одобряли их, или к тем, кто сбрасывал их со счетов как нечто преходящее.

Страх перед независимыми национальными движениями способен привести к впечатляющим последствиям. Это хорошо иллюстрирует то, что сенатор Бокус называет «абсурдной и все более странной одержимостью Кубой со стороны администрации», которая, как мы уже видели, при Клинтоне и Буше-втором возобладала над угрозой террора. Возможно, эта одержимость и странна, но с точки зрения творцов политики она отнюдь не абсурдна. Основные причины ее изложены в докладных записках периода Кеннеди—Джонсона. Стратеги из Государственного департамента предупреждали: «само существование» режима Кастро является «успешным сопротивлением» американской политике, которая осуществляется 150 лет; угрозу здесь представляют не русские, а недопустимое сопротивление хозяину полушария, во многом напоминающее столь же преступное успешное сопротивление Ирана в 1979 году или отказ Сирии выполнить требования Клинтона. К июню 1960 года Адольф Берль, долгое время являвшийся советником президента и входивший в «мозговой трест» Франклина Делано Рузвельта, предупредил: «Это конец доктрины Монро». Дикость и фанатизм нападения на Кубу в самом деле были достойны удивления — настолько, что в 1993 году Военный колледж армии США предостерегал от «врожденного эмоционального накала», который движет творцами американской политики, видящими в Кастро «воплощение зла, достойное наказания за сопротивление Соединенным Штатам, а также за другие предосудительные действия».

Когда после крушения Советского Союза Куба оказалась в крайне тяжелом положении, по инициативе

либералов из Демократической партии наказания для кубинского народа были ужесточены. Автор предложенных в 1992 году мер по ужесточению блокады (Роберт Торричелли, член Палаты Представителей от штата Нью-Джерси, впоследствии сенатор) заявил: «Я планирую разорить Кубу». Подобное наказание для кубинского народа было легитимным: его утвердила еще администрация Эйзенхауэра. «Ответственность за режим несет кубинский народ», – провозгласил в марте 1960 года помощник государственного секретаря Дуглас Диллон, так что Соединенные Штаты могли подвергнуть кубинцев экономическому удушению. Эйзенхауэр одобрил экономические санкции, рассчитывая, что, «если кубинцы проголодаются, они вышвырнут Кастро вон». Кеннеди соглашался с тем, что эмбарго ускорит падение Фиделя Кастро в результате «усиливающихся лишений среди кубинцев». Наряду с расширением эмбарго Кеннеди предпринял крупную террористическую кампанию, нацеленную на то, чтобы принести на Кубу «все земные кошмары». Такая цель стояла перед Робертом Кеннеди, который, согласно его биографу Артуру Шлезингеру, руководил операцией. Этот замысел в апреле 1960 года подытожил заместитель госсекретаря Лестер Меллори: Кастро будет смещен «благодаря разочарованию и неприязни, основанных на недовольстве экономическим положением и трудностями. Поэтому следует прибегнуть ко всем возможным средствам, чтобы ослабить экономическое положение Кубы и тем самым вызвать голод, отчаяние и свержение правительства»⁽²²⁾.

Американские лидеры не могли вытерпеть «отказа Кубы подчиниться Соединенным Штатам», эту реакцию «народа, все еще убежденного в том, что он имеет право на самоопределение и национальный суверенитет», – пишет латиноамериканский ученый Луис Перес, подытоживая сорок лет террора и эко-

номической войны. В его словах отражены принципы, которые пустили прочные корни, обладают внутренней цельностью и достаточно ясны для жертв. Однако интеллектуальная среда страны, применившей санкции, их практически не замечает.

Дело было не только в «успешном сопротивлении» Кубы, побудившем администрацию Кеннеди покарать население «преступного» государства. Существовал еще и страх того, что Куба окажется очередным «заразительным примером», подобно Чили и многим другим странам, где были свергнуты правительства и устраивались акты агрессии и террора. Независимость Кубы могла воодушевить и остальных, зараженных «идеей Кастро взять все дела в свои руки», — предупреждал вступавшего в должность президента Кеннеди Артур Шлезингер, советник по Латинской Америке. Президент Эйзенхауэр уже выражал опасения, что Кастро «стал пользоваться большим престижем в Латинской Америке». А это означало, что «правительства других стран не могут оказывать ему слишком сильное сопротивление, поскольку ввиду возможных действий толпы, к которой и апеллирует демагогия Кастро, в их собственных странах их положение достаточно шаткое». Как заключил Шлезингер, опасность усиливается, когда «распределение земли и прочих видов национального богатства в значительной степени отвечает интересам имущих классов... а бедные и обездоленные, воодушевленные примером кубинской революции, требуют обеспечить им возможности для достойного образа жизни». Если бы идея «взять все дела в свои руки» распространилась за пределы Кубы, могла бы вскрыться система американского господства.

С этим выводом соглашалась и британская разведка, опиравшаяся на свой богатый опыт борьбы с непокорными. В июне 1961 года Объединенный комитет разведывательных служб предупредил, что

«движение Кастро сохраняет большую привлекательность. Если в конечном итоге кубинской революции удастся прийти к установлению прочного режима, который, очевидно, будет отвечать устремлениям угнетенных классов, возникнет серьезный риск того, что это вдохновит аналогичные революции в других странах Латинской Америки». Подобные угрозы, опасные и стабильные, являются головной болью для политиков, посвятивших себя «продвижению демократии». Сегодня они вновь заявили о себе в Венесуэле и, более того, в значительной части Латинской Америки⁽²³⁾.

Беспокойство по поводу «вирусов» и тех «заразных болезней», которые они способны возбуждать, является постоянной проблемой для великих держав. Так, трезвомыслящие государственные мужи Европы опасались, что вирус американской революции может поразить цивилизованный миропорядок. Когда же в 1804 году Гаити стала первой свободной страной в Западном полушарии после жестокой борьбы с объединенными силами цивилизации – Англии, Франции и Соединенных Штатов – реакция была куда более яростной. Освобождение Гаити выглядело особенно пугающим для его северного рабовладельческого соседа, который отказывался признавать эту страну вплоть до 1862 года, когда США также признали и Либерию. (Обе страны рассматривались как возможные убежища для освободившихся рабов). Впоследствии Соединенные Штаты приняли эстафету у Франции, став главным мучителем Гаити, которым они и остаются вплоть до настоящего времени⁽²⁴⁾.

Аналогичные опасения высказывались и насчет самого страшного вируса из всех, после того как в октябре 1917 года Россия освободилась от Запада. Президент Вильсон и британский премьер-министр опасались, что вирус большевизма может заразить другие страны, даже Соединенные Штаты и Англию. Эти опасения дожили до 60-х годов, когда в советской эко-

номике начался застой – в основном по причине раздутых военных программ, запущенных в ответ на наращивание Кеннеди военной мощи и (на его отказ рассматривать предложения по радикальному сокращению наступательных вооружений российского премьера Никиты Хрущева. (Последний явно надеялся избежать гонки вооружений, способной подорвать менее мощную советскую экономику). То, что в военном (и, разумеется, в экономическом) отношении Советский Союз был слабее, понимали обе стороны.

Проблему, лежавшую в основе «холодной войны», ✓
точно описал один из наиболее уважаемых представителей изучавших ее научных кругов – Джон Льюис Гэддис. Он вполне правдоподобно называет в качестве даты ее начала 1917–1918 годы. По его мнению, немедленно предпринятая в 1918 году Антантой интервенция имела благие намерения: Вудро Вильсон «в первую очередь» руководствовался страстным желанием «обеспечить самоопределение России» – то есть, насильственно утвердить правителей, которых выбрали мы. В полном согласии с этой справедливой идеей Соединенные Штаты убежденно способствовали самоопределению Вьетнама и Центральной Америки, а Кремль – самоопределению Афганистана и Восточной Европы. Подобные явления, провозглашаемые стоящими у власти «визионерами», случались на протяжении всей истории⁽²⁵⁾. L

По мнению Гэддиса, интервенция Запада в 1918 году в действительности была самообороной, какой в значительной степени было и освобождение Флориды Джексоном и Адамсом, защищавшимися от беглых негров и от индейцев, не ведавших закона. Запад предпринял ее «в ответ на масштабную и потенциально далеко идущую интервенцию нового советского правительства в международных отношениях, касающихся не только Запада, но и практически всех стран мира», а именно, «угрозу мировой ре-

волюции, сформулированную максимально категоричным образом и ставившую под удар само выживание капиталистического строя». Соответственно, уже в 1918 году «безопасность Соединенных Штатов находилась под угрозой». Гэддис критикует советских историков, рассматривающих западную интервенцию как «шокирующую и жестокую или даже как нарушение норм правовых отношений, которые должны существовать между государствами». По его мнению, подобный подход абсурден. «Здесь нет места неопределенности», так что нет смысла жаловаться на западную интервенцию, если из-за изменения социального строя в России и провозглашения революционных намерений «Западу был брошен самый серьезный вызов столетия».

После Второй мировой войны, продолжает Гэддис, агрессия со стороны России приняла еще более опасные формы: с «ростом успехов коммунистических партий в Западной Европе, в Восточном Средиземноморье и Китае» возникли новые и оправданные подозрения «относительно действий Советского Союза», хотя популярность компартий «росла преимущественно благодаря тому, что они эффективно оказывали сопротивление странам Оси». Привлекательность антифашистского Сопротивления побудила Соединенные Штаты и Великобританию действовать быстро и подчас жестоко, дабы свести на нет его достижения, в особенности на севере Италии, где рабочие установили контроль над заводами, обеспечив успешные ростки нового, самоуправляющегося общества. Первый меморандум Совета национальной безопасности, изданный в 1947 году, рассматривал возможность военного вторжения в Италию, если к власти там законным путем придут коммунисты, – в 1954 году эта позиция была подкреплена меморандумом Совета национальной безопасности № 5411/2. Подрыв итальянской демократии активно осуществлял-

ся, по меньшей мере, вплоть до 70-х годов. Более широкой задачей, возникавшей на освобожденных территориях, было ослабление рабочего движения и левых с одновременным восстановлением значительной части традиционных политических и экономических структур и нередко – с реставрацией власти фашистских коллаборационистов. Инициативы по подрыву демократии действовали долгие годы, в особенности в Южной Европе. Значительные усилия были также направлены на то, чтобы предотвратить угрозу развития подлинной демократии в Японии⁽²⁶⁾.

В послевоенные годы, по мере того как Соединенные Штаты стали главной сверхдержавой мира, вытеснив с этой роли Великобританию, «страх инфекций», свойственный Вашингтону, распространился еще шире. В рамках доктрины Трумэна немедленно возникла теория «домино-вируса», дабы оправдать массовые убийства в Греции и восстановление там традиционного строя, в том числе и с участием нацистских коллаборационистов. По тем же причинам Вашингтон в 1967 году поддержал приход к власти первого послевоенного фашистского правительства Европы в Греции, оказывая ему поддержку до тех пор, пока в 1974 году диктатура не была свергнута. Эта же идея неизменно использовалась для того, чтобы оправдывать свержение парламентских режимов и установление кровавых режимов на большей части земного шара с целью гарантировать «стабильность» и контроль над ключевыми ресурсами (в случае с Грецией 40-х годов это была ближневосточная нефть).

В 1948 году Джордж Кеннан, глава отдела политического планирования Государственного департамента, предупредил, что, если Индонезия окажется во власти «коммунизма», он сможет превратиться в «инфекцию, которая будет распространяться на запад» по всей Южной Азии. По этим причинам, продолжал Кеннан, «проблема Индонезии является важ-

нейшей из текущих проблем в ходе нашей борьбы с Кремлем». (Только эта борьба была слабо связана с индонезийской ситуацией, если не считать такой задачи, как создание ложного впечатления.) Угроза «коммунистической Индонезии» оказалась достаточно опасной для администрации Эйзенхауэра, чтобы та поддержала военное восстание, в первую очередь из страха перед демократией: партия, которую в научных кругах именовали «партией бедных», получила слишком широкую политическую поддержку, чтобы можно было сохранять спокойствие. Демократическая угроза не была ликвидирована вплоть до 1965 года, когда Сухарто совершил переворот, вслед за чем немедленно последовали массовые убийства, и в результате был установлен один из наиболее жестоких режимов конца XX столетия. Сухарто оставался «нашим человеком», как отзывалась о нем администрация Клинтона, до тех пор, пока не совершил первое настоящее преступление: промедлил с выполнением распоряжений МВФ и утратил контроль над населением. На этом этапе госсекретарь Мадлен Олбрайт сообщила ему, что настало время «перехода к демократии», хотя некоторые, например давний сторонник Сухарто Пол Вулфовиц, продолжали испытывать к нему расположение⁽²⁷⁾.

В эту же схему укладываются войны в Индокитае. Для них подыскивались оправдания, однако «защита от коммунистической агрессии» была истолкована довольно широко. Пока Франция стремилась вернуть свою бывшую колонию, необходимо было объявлять, что она спасает Вьетнам от вьетнамской же агрессии. В этой связи Лестер Пирсон, канадский лауреат Нобелевской премии мира, заявил, что внешнюю угрозу для Вьетнама составляют «русские колониальные власти», хотя никаких русских здесь и близко не было. Зато все видели десятки тысяч французских солдат, вооруженных США. Объединенный комитет началь-

ников штабов США определил, что агрессия в Юго-Восточной Азии должна включать в себя «невооруженную агрессию, т.е. политическую войну или свержение власти». Адлай Стивенсон и Джон Кеннеди бранили «внутреннюю агрессию», а также «нападение изнутри... которым манипулировали с севера». Под севером они понимали северную часть Вьетнама, разделенного США, сорвавшими международное соглашение 1954 года об объединении страны и о выборах (которые, как признали Соединенные Штаты, закончились бы не так, как надо)⁽²⁸⁾.

В январе 1963 года, после сообщений о военных успехах, Кеннеди сообщил стране, что «острие агрессии на юге Вьетнама притупилось». Его доверенный советник, историк Артур Шлезингер, описывал 1962-й как «неплохой» год, когда «была сдержана агрессия во Вьетнаме». Именно в 1962 году Кеннеди направил на бомбардировку Вьетнама ВВС США, разрешил применение напалма и ведение химической войны с целью уничтожения посевов, а также растительности, укрывавшей местное сопротивление. Тогда же были развернуты программы по высылке миллионов жителей Южного Вьетнама в места, являющиеся практически концентрационными лагерями, где они могли быть «защищены» от партизан, которых якобы поддерживали. Из своих собственных основных источников администрация президента узнала, что крупные провинции на юге переходили под контроль местных формирований, поднявшихся на борьбу после жестоких репрессий, развязанных США на территории южновьетнамского государства-сателлита, тогда как северная часть страны участвовала в сопротивлении неохотно.

Публичные документы и докладные записки, появившиеся вплоть до убийства Кеннеди в ноябре 1963 года, не содержат и намека на то, что он собирался отступить от своих намерений, согласно ко-

торым США должны были вести войну до тех пор, пока не будет одержана победа над силами, «нападавшими изнутри». После того как в конце 60-х годов эта война стала крайне непопулярной, в особенности после наступательной операции вьетнамцев «Тет», политическая элита начала настраиваться против военных действий, и авторы мемуаров в корне пересмотрели свои описания. Вкупе с другими деятелями они стали выступать с «воспоминаниями», поддерживающими более идеологически приемлемую точку зрения, согласно которой Кеннеди и прочие были тайными сторонниками мира. Весьма и весьма тайными. Никаких достоверных подтверждений в документах на этот счет не содержится⁽²⁹⁾.

Недавние усилия по созданию образа Кеннеди как скрытого миротворца позволили отыскать несколько обрывочных свидетельств, интересных своими выводами: в них дается подспудное определение «миротворца» как человека, который настаивает на гарантированной победе до вывода войск, что и было неизменной позицией Кеннеди. Одним из редких примеров нетривиальных новых свидетельств, отысканных благодаря этим усилиям, являются следующие инструкции Белого дома Джону Кеннету Гэлбрейту, послу в Индии, который должен был сообщить индийскому министру иностранных дел М. Дж. Десаи, что «если Ханой примет меры по сдерживанию партизанских акций, то мыотреагируем [sic!] соответственно», а когда «Ханой полностью свернет эти акции, мы выведем войска на обычных основаниях»⁽³⁰⁾. Короче говоря, если Ханой каким-то образом отыщет способ свернуть восстание местного населения против созданного США террористического государства, то Соединенные Штаты оставят государство-сателлит там, где оно есть, и будут наслаждаться победой. В 80-х годах Кремль был бы счастлив принять такое предложение в Афганистане.

Подлинные причины нападения США на Индокитай традиционны. Вашингтон опасался, что независимость Вьетнама, подобно вирусу, передастся другим странам, вероятно, даже богатой ресурсами Индонезии, и в итоге побудит Японию примириться с независимой материковой Азией, превратившись в ее промышленный центр («супер-домино», как назвал это историк Джон Дауэр, специализирующийся на азиатской тематике). По существу, это могло бы привести к созданию того самого «Нового Порядка», который Япония стремилась утвердить своими завоеваниями 30-х годов. Однако Соединенные Штаты не собирались проигрывать тихоокеанскую фазу Второй мировой войны вскоре после того, как одержали военную победу. Согласно довоенным дипломатическим документам, США не выдвигали никаких фундаментальных возражений против японского «Нового Порядка», если они сохраняли за собой свободный доступ в регион. После войны амбиции Вашингтона обрели гораздо больший размах, и он намеревался создать для Японии «нечто вроде империи на юге», как назвал это Джордж Кеннан – кое-что, похожее на «Новый Порядок», но уже в рамках международной системы, в которой доминировали США, и, следовательно, приемлемое. Прочие «отделы» региона, как это определил аппарат Кеннана, должны были гарантировать Великобритании доступ к ресурсам ее бывших азиатских колоний, облегчить действие схем «трехсторонней торговли», которым предстояло стать основой послевоенной реконструкции Европы, а также создания рынков и инвестиционных возможностей для американских корпораций, выходявших тогда на международную сцену. Все эти планы мог сорвать вьетнамский вирус, если бы ему не был поставлен заслон⁽³¹⁾.

Верный способ победить вирус – уничтожить его, а заодно обеспечить профилактические прививки тем,

кого он рискует заразить. В данном случае вирус был уничтожен посредством опустошения Индокитая. Затем более обширным территориям была сделана прививка – с помощью установления жестких военных диктатур в странах, подверженных «инфекции». Индонезию защитили от вируса в ходе «невероятных массовых убийств» 1965 года, которые «Нью-Йорк таймс» восторженно назвала «проблеском света в Азии». Подобная реакция отразила нескрываемую радость Запада по поводу уничтожения сотен тысяч людей, преимущественно безземельных крестьян, и ликвидации единственной массовой политической организации – Коммунистической партии Индонезии. Страна открылась для западной эксплуатации благодаря преступлениям, которые ЦРУ сравнивало со злодеяниями Гитлера, Сталина и Мао⁽³²⁾.

Логика, лежавшая в основе войн в Индокитае, была ясно выражена Макджорджем Банди, советником по национальной безопасности Кеннеди и Джонсона. Он задним числом отметил, что начиная с 1965 года, когда Индонезия получила свою «прививку», «наши усилия» во Вьетнаме были «чрезмерными»⁽³³⁾. К концу 60-х годов американское деловое сообщество наконец осознало, что вести войну дальше бессмысленно. К тому времени она причиняла ущерб американской экономике, так как антивоенное движение вынуждало Вашингтон прибегать к дорогостоящей политике «пушек и масла», вместо того чтобы объявить общенациональную мобилизацию, которая могла бы благотворно подействовать на экономику, как это было в ходе народной Второй мировой войны. Изменения во мнениях элиты и в политике правительства соответствовали друг другу.

Политические круги единогласно описывают итог войны как «поражение Америки», что будет верным, если говорить о наиболее грандиозных целях: Соединенным Штатам не удалось создать государства-са-

теллиты в Индокитае, а «уважение» к американской мощи понесло значительный ущерб. Однако что касается основных военных задач, то США одержали победу, чего и можно было ожидать, учитывая громадное неравенство в средствах уничтожения.

Версия «теории домино», предназначенная для общественности, утверждала, что Хо Ши Мин завоеует Юго-Восточную Азию, Никарагуа подчинит себе Центральную Америку, а после этого в Техас ворвутся орды дикарей, по пятам которых туда войдут русские. Когда эта версия выполнила свою задачу по созданию ложного впечатления в стране, она была осуждена всеми как «наивная ошибка». Однако вариант «теории домино», предназначенный для внутреннего употребления, никогда не отвергался, поскольку был правдоподобен. Успешное независимое развитие страны и ее движение к демократическому строю, оставшись без американского контроля, способны произвести «эффект домино», воодушевив другие страны с аналогичными проблемами пойти тем же путем, подрывая тем самым глобальную систему доминирования США. Вот почему было необходимо внушать необходимость интервенции, создавая ложное впечатление, что это делается в рамках борьбы с Советским Союзом – или с Китаем, или с китайско-советским альянсом, или с «гуннами»-немцами (предлог, которым Вудро Вильсон воспользовался для вторжения на Гаити и в Доминиканскую Республику), или с наркоторговцами, или кого там еще удастся выдумать. Документальный материал по этим вопросам весьма обширен и отличается замечательным единообразием.

Подобные ложные впечатления обычно ложатся в основу не только публичных дискурсов, но и работы спецслужб. Вероятно, наиболее яркий пример этого – значительно более важный, чем на шумевший случай с Ираком, – описан в журнале «Пентагон

Пейперс». Когда Вашингтон решил поддержать попытки Франции отвоевать Вьетнам, разведка получила приказ продемонстрировать, что сопротивление Хо Ши Мина является всего лишь орудием России или Китая (или их обоих). Приложив немало усилий, спецслужбы смогли лишь установить, что Ханой, по всей видимости, оказался единственным местом в регионе, где подобных контактов установлено не было. Это восприняли как доказательство того, что Хо Ши Мин является настолько верной марионеткой, что получил «исключительные полномочия», не имея никакой необходимости в распоряжении. Американская разведка была так основательно подвержена идеологическому влиянию, что в течение двух десятилетий, вплоть до 1968 года, она не смогла даже принять в расчет возможность того, что Северный Вьетнам мог преследовать национальные интересы, а не верно служить своим хозяевам, — что мало кто оспаривает, когда речь заходит о Ханое. Южновьетнамское же сопротивление («Народный фронт освобождения») просто не принималось в расчет, за исключением тех случаев, когда надо было сослаться на его внушительный вид⁽³⁴⁾.

«Неоспоримое могущество»

До Второй мировой войны Соединенные Штаты хотя и были страной с богатейшей экономикой мира, крупной силой в международной политике они отнюдь не являлись. Влияние США простиралось на их собственный регион, с прорывами в тихоокеанскую зону, да к 20-м годам Америка уже прилагала усилия, чтобы получить долю богатейших энергетических ресурсов Ближнего Востока. Однако еще до вступления Соединенных Штатов в войну, специалисты по стратегическому планированию и внешнеполитические

советники решили, что в новой международной системе США должны «располагать неоспоримым могуществом» и обеспечить «ограничение любых стремлений к суверенитету» стран, способных вмешаться в ее планы. Кроме того, они разработали «единую политику достижения Соединенными Штатами военного и экономического превосходства» на «Великом Пространстве», которое должно было включать в себя как минимум Западное полушарие, бывшую Британскую империю и Дальний Восток. Пока шла война и становилось ясно, что «советская военная мощь... сокрушила гитлеровской рейх», планы «Великого Пространства» стали охватывать максимально возможную часть Евразии⁽³⁵⁾. С тех пор мир претерпел многочисленные драматические изменения, однако основополагающее продолжение этого политического курса, с тактическим приспособлением к текущим обстоятельствам, не менее примечательно и для будущего имеет далеко идущие последствия.

В годы Второй мировой войны, когда Россия выдержала, а затем и отразила натиск фашистов, Иосиф Сталин стал союзником США, дорогим «дядей Джо». Историк Омер Бартов пишет: «Трудно переоценить значение следующего факта: хотя сталинский режим действительно был преступным и презренным, без Красной Армии и принесенных ею страшных кровавых жертв вермахт не был бы побежден, и нацизм утвердился бы в Европе на многие поколения»⁽³⁶⁾. Уоррен Кимболл, специалист по Рузвельту, заключает: «Когда оценка военной ситуации показала, что Красная Армия способна победить Гитлера в войне на суше, помощь Советскому Союзу превратилась для президента в приоритет» на том основании, что армия русских способна стереть Германию в порошок, а это позволило бы не задействовать американских солдат в сухопутной войне. Как говорил в частных беседах Рузвельт, его стратегия заключалась в том,

чтобы Соединенные Штаты оставались в резерве. Тем не менее, «Рузвельт рассматривал программу помощи России скорее как акт доброй воли, а не как поддержку ведения войны Россией», — добавляет Кимболл. По его подсчетам, объем ленд-лиза составил около 10 % от советского производства, так что эта помощь была хотя и важной, однако в более обширных планах Рузвельта играла второстепенную роль.

По заключению Гэддиса, план Рузвельта, так и оставшийся без изменений, заключался в том, что войну в Европе «должны вести по преимуществу союзники США, чтобы американские потери были сведены к минимуму». Под «союзниками» имелись в виду в основном русские. На каждого погибшего в бою американского солдата «приходилось шестьдесят погибших русских». С этим было связано и другое намерение, по преимуществу достигнутое: на Тихом океане Соединенные Штаты должны обеспечить себе безраздельное господство без какого-либо вмешательства союзников, и даже без участия «основных жертв японской агрессии»⁽³⁷⁾.

Гарри Трумэн на ранних этапах войны придерживался простой точки зрения: «Если мы увидим, что Германия побеждает, мы должны помочь России, а если будет побеждать Россия, мы должны помогать Германии, и пусть как можно больше немцев и русских перебьют друг друга». Политолог Тимоти Кроуфорд называет это «ключевой стратегией затягивания войны». Однако взгляд Трумэна на войну, несмотря на общий прагматизм, был окрашен его искренним восхищением и расположением к «старика Джо». Президент считал его «порядочным человеком, который не может делать то, что хочет», потому что, как он заявил в 1948 году, Сталин был «пленником Политбюро». Трумэн прекратил высказывать подобные взгляды публично, когда советники убедили его в том, что так он совершает «губительную

ошибку». Но в частных беседах он продолжал называть «старика Джо» «прямым» и «честным», «похожим на Тома Пендергаста больше, чем кто-либо, кого я знаю». (Трумэн имел в виду босса из штата Миссури, который положил начало его политической карьере.) Став президентом, Трумэн был убежден, что может находить с Гираном общий язык, пока в 85 случаях из 100 все складывалось так, как хотели Соединенные Штаты⁽³⁸⁾.

Те же, кто разрабатывал военные планы, смотрели на ситуацию куда более сдержанно. В частности, англичане считали, что военный союз Запада и СССР с самого начала был «отклонением от нормы». Уже с первых месяцев 1944 года западные военные разведки «обозначали Советов как очередного врага» и утаивали от русских важные сведения о немецких войсках, в то же время получая «замечательно подробную и точную» информацию о вооруженных силах русских. К концу 1944 года взаимодействие разведок Запада и России прекратилось почти полностью, а британская и американская разведки стали собирать сведения для проведения воздушных ударов по России. Фельдмаршал сэр Алан Брук, возглавлявший во время войны Генеральный штаб Британской империи, всегда питал отвращение к народу, который он называл «полуазиатским», столь же отсталому, по его мнению, как и японские «желтые рабы-карлики», вызывавшие сходное отвращение у сэра Александра Кадогена, одного из руководителей британского министерства иностранных дел. В 1943 году Брук пришел к выводу, что после войны СССР «неизбежно превратится в главную угрозу», поэтому необходимо «поставить Германию на ноги, постепенно восстановить ее и ввести в Федерацию Западной Европы», хотя «под эгидой «священного союза» между Англией, Россией и Америкой» проводить подобную политику будет трудно. По наблюдению Ричарда

Олдрича, Брук и его заместитель, генерал Генри Пунэлл, «как и Гарри Трумэн в Вашингтоне», «с радостью наблюдали, как Германия и Россия яростно схлестнулись друг с другом». В конце 1944 года британские военные приступили к разработке военных планов для предполагаемого нападения на Россию, которые включали в себя вооружение Германии. Английская разведка, кроме того, получила «циркулирующие в Вашингтоне «сверхсекретные» сведения о том, что Советский Союз воспринимается как очередной враг»⁽³⁹⁾.

В мае 1945 года, когда закончилась война с Германией, Черчилль приказал составить военные планы для «операции «Немыслимое»». «Сформулированная им цель заключалась в «уничтожении России»», — пишет Олдрич. Эти планы, рассекреченные только в 1999 году, предполагали «внезапное нападение сотен тысяч британских и американских солдат в союзе со ста тысячами перевооруженных немецких солдат», в то время как Королевские ВВС «должны были ударить по советским городам со своих баз в Северной Европе». Вскоре в эту комбинацию было добавлено и ядерное оружие. Ранее же Кадоген негодовал по поводу того, что «русскими овладела почти маниакальная подозрительность», и требуется «бесконечное терпение», чтобы продолжать строить отношения с ними «так, как если бы мы считали их разумными людьми»⁽⁴⁰⁾.

Подобная дилемма настойчиво заявляет о себе всякий раз, когда кто-то пытается договариваться с недочеловеками. Через тридцать лет после того, как были совершены зверства, на которые Роберт Макнамара отдал приказ, он все еще ломает себе голову, почему это южновьетнамское сопротивление не хотело сложить оружие и влиться в «независимый, свободный от коммунизма Южный Вьетнам», последовав примеру Индонезии, «изменившей курс», когда

там «было убито 300 000 или больше членов компартии... и когда страна перешла под контроль независимых националистов во главе с Сухарто»⁽⁴¹⁾.

Как же вьетнамцы могли не оценить достоинства блестящего будущего, которое определял для них Макнамара? Возможно, ответ на этот вопрос дал Генри Киссинджер, глубокомысленно заключивший, что «серьезнейшей проблемой современного международного порядка» является отнюдь не голод и не война, но «отличие философской позиции» Запада, «глубоко преданного идее, утверждающей, что реальный мир является для наблюдателя внешним», от позиции остального мира, который по-прежнему убежден, что «реальный мир почти целиком является для наблюдателя внутренним». Возможно, именно поэтому вьетнамцы и не дали разумного ответа на наши попытки бомбами загнать их за стол переговоров, за которым мы предлагали им разделить участь индонезийской компартии. Русские же, продолжает Киссинджер, попали в затруднение, оказавшись по обе стороны этой пропасти между философскими подходами. С ними особенно трудно находить общий язык, вследствие их заблуждения, «согласно которому «объективные факторы», такие как социальная структура, экономические процессы и, самое главное, классовая борьба, важнее, чем личные убеждения государственных деятелей». Поэтому они и не «принимают проявления доброй воли за чистую монету», как это делаем мы⁽⁴²⁾.

Через несколько лет после Второй мировой войны оценки Великобритании стали претерпевать изменения. В 1951 году глава военно-морской разведки вице-адмирал Эрик Лонгли-Кук, уходя в отставку, уведомил «узкий круг лиц о том, что русские с их невозмутимостью превратились в фактор стабильности международной системы» и стремятся достичь своих целей с помощью «психологических или эконо-

номических средств, но не с помощью «широкомасштабного военного нападения»». Он предположил, что «основная угроза стратегической стабильности и, более того, самому выживанию Соединенного Королевства исходит от Америки», которая готовится «развязать войну с Советским Союзом», и если Соединенные Штаты выйдут из нее невредимыми, то Великобритания может оказаться уничтоженной»⁽⁴³⁾. И если об этих страхах стало бы известно, они лишь ужесточили бы риторику постановления № 68 Совета национальной безопасности. Этот документ, подготовленный в 1950 году, вскоре после начала Корейской войны, считается одной из основ современного миропорядка и широко цитируется в научной литературе. При этом основное его содержание по преимуществу игнорируется, в том числе разрозненные сведения о слабости советской военной машины по сравнению с западной, а также примечательное риторическое обрамление этого документа⁽⁴⁴⁾. Проект постановления СНБ № 68 составлял Пол Нитце под руководством Дина Ачесона – это два «мудреца», уважаемые за здравомыслие и тщательность, с которыми они закладывали основы нового миропорядка. Они противопоставляют «фундаментальные основы рабовладельческого государства» «основополагающим целям» Соединенных Штатов. «Неукоснительная цель» и изначальное «вынужденное стремление» рабовладельческого государства заключаются в том, чтобы «приобрести абсолютную власть над всем остальным миром», повсюду свергая любые формы правления и разрушая «структуру общества». Разительный контраст этому абсолютному злу являет собой наше исключительное совершенство. «Фундаментальная цель» Соединенных Штатов заключается в том, чтобы повсеместно обеспечить «достоинство и ценность отдельной личности». Руководителями страны движут «бескорыстные и конструктивные

побуждения, а также отсутствие своекорыстия в наших международных отношениях» – качества, особенно ярко проявляющиеся в тех традиционных сферах американского влияния, что пользуются привилегией «наших давних начинаний по созданию, а теперь и развитию системы отношений обеих Америк». Поэтому к югу от американской границы так восхищаются могуществом Соединенных Штатов.

Риторика Добра и Зла, которую спичрайтеры Буша явно позаимствовали из античных эпосов и детских сказок, выглядит довольно бледно, если сравнивать ее с произведением двух «мудрецов, присутствовавших при сотворении мира», из администрации Трумэна.

Преемственность курса, основополагающая для этой политики, была продемонстрирована еще раз, когда рухнул Советский Союз, благодаря чему появились как новые возможности, так и новые потребности по созданию ложных впечатлений. Давление на Кубу было усилено, но с иными формулировками. Подавить Кубу, а заодно прибегнуть к американскому государственному террору, требовалось теперь не для защиты от русских, а из-за искренней приверженности Вашингтона идее демократии. Внезапная смена предлогов не потребовала особых размышлений и прошла практически незамеченной. (Как мы сами могли убедиться, США строго придерживались этой схемы и в 2003 году, когда исчезли предлоги для вторжения в Ирак.) Вторжение Буша в Панаму, имевшее место непосредственно после падения Берлинской стены в 1989 году, стало лишь очередным из тех событий, которыми богата история региона. Впрочем, оно тоже свидетельствовало о произошедших изменениях. На одно из них указал Эллиот Абрамс, бывший чиновник рейгановского Госдепартамента, заметивший, что «Буш, по всей видимости, обнаруживает большее желание использовать силу»,

потому что сейчас можно почти не бояться, что русские отреагируют на это. В Панаме также потребовались новые предлоги: на сей раз не русская угроза, а наркоторговля, которую ведет Норвега, долгое время бывший орудием ЦРУ, но постепенно терявший охоту к сотрудничеству. (Этот довод был украшен парочкой сказок про угрозы американцам.) В августе 1990 года, когда Саддам Хусейн вторгся в Кувейт, Соединенные Штаты и Великобритания решили, что могут свободно высадить в пустыне Саудовской Аравии громадные экспедиционные силы в рамках подготовки к вторжению в январе 1991 года, которое уже не сдерживалось соперничеством сверхдержав⁽⁴⁵⁾.

Ссылаться на «холодную войну» теперь было невозможно, так что потребовалось переформулировать предлоги и для интервенции, и для создания в Америке милитаризованного государственного капитализма. Бюджет Пентагона, представленный в Конгресс через несколько месяцев после падения Берлинской стены, остался по преимуществу без изменений, однако для него подготовили новое риторическое оформление, пущенное в оборот в марте 1990 года в Национальной стратегии безопасности. В качестве одного из приоритетов была названа поддержка передовых отраслей промышленности традиционными методами, что являлось грубым нарушением доктрин свободного рынка, которые США навязывали другим. Национальная стратегия безопасности призывала к укреплению «оборонной промышленной базы» (по сути дела, высокотехнологичной промышленности), стимулируя «инвестиции в новые мощности и оборудование, а также в научно-исследовательские разработки». Как и в былые времена, расходы и риски начальных этапов развития были возложены на общество, тогда как полученные прибыли распределялись между частными лицами. Это разновидность государственного социализма для богатых, в значи-

тельной мере образующего основу развитой американской экономики, особенно со времен Второй мировой войны. (Впрочем, подобные прецеденты встречались в развитых экономиках еще на заре промышленной революции⁽⁴⁶⁾.) В последние несколько десятилетий Пентагону урезали объемы научно-исследовательских фондов, тогда как поддержка Национального института здоровья и прочих «структур здравоохранения» государственного сектора была усилена, по мере того как передовой край экономики будущего стал смещаться от электронных отраслей к биотехнологическим. Алан Гринспен, уже долгое время являющийся председателем Федеральной резервной системы, и прочие идеологи могут сколько угодно восхвалять чудеса «предпринимательской инициативы», «потребительского выбора» и «свободной торговли», однако люди, которые распределяют государственные средства на развитие экономики, и те, кто получает от их решений прибыль, лучше знают, в чем тут дело⁽⁴⁷⁾.

Иногда приходится слышать, что скрытое развитие высокотехнологичных отраслей под маской «обороны» является начинанием, весьма полезным для общества. Но те, кто не разделяет презрения к демократии, могут спросить себя: а какие решения принял бы народ, будь он информирован о реально существующих возможностях и имей он право выбирать между ними? Вероятно, люди предпочли бы увеличить социальные расходы на здравоохранение, образование, приличное жилье, сохранение окружающей среды для будущих поколений, а также на поддержку ООН, международного права и дипломатии, — именно об этом регулярно свидетельствуют опросы общественного мнения. Нам же остается только гадать, поскольку страх перед демократией не допускает ни проникновения общественности на политическую арену, ни даже оповещения о том, что делается от ее имени.

Оправдание поддержки развивающегося государственного сектора экономики по окончании «холодной войны» пришлось пересмотреть в силу появления ряда непредвиденных обстоятельств. Поскольку опасность русской агрессии служить причиной уже не могла, в этой роли выступило «ускорение технологического совершенствования в конфликтах, идущих в странах третьего мира», которое «будет предъявлять серьезные требования к нашей армии» и «продолжает угрожать интересам США», даже при отсутствии «предпосылки в виде соперничества сверхдержав». Аналогичный пересмотр потребовался и для другой функции Пентагона: обеспечения глобальной «стабильности» (эвфемизм для подчинения). Администрация разъяснила: в «новую эру», пришедшую вслед за «холодной войной», «наша военная мощь, как мы предвидим, по-прежнему будет оставаться основой международного баланса, но при этом действовать не столь заметно и другими способами. По нашему мнению, возрастает вероятность того, что необходимость применения вооруженных сил окажется связана не с Советским Союзом, а со странами третьего мира, где могут потребоваться новые возможности и подходы». На самом же деле то были в основном старые подходы с новыми предлогами, которые возникали из новых возможностей. «Мы ожидаем, что в будущем угрозы американским интересам, не связанные с Советским Союзом, потребуют к себе еще больше внимания». В действительности, им уделялось примерно столько же внимания, но с учетом изменившихся обстоятельств, как на словах, так и на деле. Мы должны располагать средствами «для укрепления уже развернутых передовых соединений или для проекции нашей мощи на регионы, в которых у нас нет постоянного присутствия». В особенности это является необходимым для Ближнего Востока, поскольку «свободный

мир зависит от энергетических ресурсов этого стратегического региона», где в «создании угрозы нашим интересам», требующей открытого военного вмешательства, «нельзя обвинять Кремль» (хотя десятилетиями США выдвигали прямо противоположные предлоги, теперь списанные за ненадобностью). Подобный внезапный пересмотр позиции не вызвал никаких комментариев. В то время среди угроз, не связанных с Советским Союзом, Саддам Хусейн не фигурировал. Напротив, он считался одним из лучших друзей и союзников, получая щедрую помощь и поддержку⁽⁴⁸⁾.

Политической элите вторило и военное руководство, делавшее упор на том, что с окончанием «холодной войны» политика безопасности не претерпевает существенных изменений. «Надо сказать, что в большинстве кризисов, с которыми нам приходилось иметь дело после окончания Второй мировой войны, Советский Союз непосредственного участия не принимал», — очень верно заметил в мае 1990 года генерал морской пехоты А.М. Грэй. Как и прежде, сохранялись такие проблемы, как «мятежи по причине нарастающего в неразвитых странах недовольства от постоянно увеличивающегося разрыва между бедными и богатыми государствами», способные «подвергать опасности региональную стабильность и ограничивать наш доступ к ключевым экономическим и военным ресурсам», от которых Соединенные Штаты и их союзники продолжают «зависеть во все большей степени». Таким образом, нам следует «поддерживать в наших действующих военных структурах возможность убедительной проекции военной силы при достаточной гибкости, необходимой для реакции на конфликты с широким спектром насильственных действий в любой точке земного шара», чтобы обеспечивать беспрепятственный доступ как к «развивающимся рынкам всего мира», так и к «ресурсам,

необходимым для того, чтобы поддерживать наши производственные запросы»⁽⁴⁹⁾.

Эта основополагающая концепция оставалась в силе и десятилетие спустя. В новом тысячелетии прогнозы разведывательных служб ожидают «глобализации» (в стандартном идеологическом значении этого слова), в рамках которой данной курс будет продолжен. «Его эволюция будет сложной, отмеченной хронической финансовой нестабильностью и углубляющимися экономическими различиями». Это принесет с собой «углубление экономического застоя, политическую нестабильность и культурное отчуждение», что станет почвой для «этнического, идеологического и культурного экстремизма, а также насилия, которое часто его сопровождает», причем это насилие будет по большей части направлено против Соединенных Штатов. Новые данные разведки от 2004 года позволяют ожидать «осознания противоречий и факторов нестабильности глобализованного мира, что приобретут еще большую остроту, чем сегодня», по мере того, как «будет углубляться пропасть между теми странами, которые выигрывают от глобализации,.. и теми неразвитыми странами или регионами, которые останутся за бортом». Эти «регионы» будут огромными, даже в государствах, ставших витринами «глобализации»⁽⁵⁰⁾.

Прогнозы спецслужб за 2004 год предупреждают также, что «на протяжении следующих пятнадцати лет всевозрастающая роль этнических проблем, как старых, так и новых», будет «способна расколоть мировую общественность и создать препятствия для американского руководства» в таких сферах, как «окружающая среда и изменения климата, частная жизнь, клонирование и биотехнологии, права человека, международное право, регулирующее конфликты, и роль межгосударственных институтов». Соединенные Штаты «все чаще будут вынуждены вести

борьбу с мировым общественным мнением, которое резко изменилось после окончания “холодной войны”», – замаскированный намек на тот факт, что администрация Буша-второго добилась того, что Соединенные Штаты стали существенно больше бояться, а часто и ненавидеть⁽⁵¹⁾.

Замечания Хаддингтона относительно потребности создавать ложные впечатления, дабы управлять населением страны, иллюстрируют истину, которая должна восприниматься как самоочевидная: любой здравомыслящий наблюдатель обязан отвергнуть заявления американского руководства о его добрых намерениях. Подобные заявления – универсальное и предсказуемое средство, поэтому они являются практически бессодержательными. Наихудшие злодеи – Гитлер, Сталин, японские фашисты, Сухарто и Саддам Хусейн – выступали с убедительными и красноречивыми заверениями относительно своих благородных целей. То же самое можно сказать обо всех «институтах мира» и о «фондах развития демократии». Если мы отнесемся к этому серьезно, нам следует задаться вопросом о делах тех, кто провозглашает подобное, не обращая внимания на их слова. Это элементарное наблюдение, которое легло в основу массы литературных произведений, от Паскаля до Замятина и Оруэлла.

«Примкнувшие к демократизации»

Памятуя обо всем вышесказанном, давайте вернемся к Ираку и возродившейся страсти к «продвижению демократии», которая провозглашается центральной идеей «великой стратегии» Буша.

Министр иностранных дел Ирана, приветствуя иракские выборы января 2005 года, объявил, что Иран «поддерживает желание иракского народа со-

здать демократическое правительство, процветать в едином государстве и стремиться к мирным взаимоотношениям с соседними странами». То есть иранцы желают видеть полностью независимый Ирак в стабильном и мирном регионе среди демократических государств. Трезвомыслящие наблюдатели отнеслись бы к стремлению Ирана содействовать демократии с должным скепсисом. В то же время, когда с подобными заявлениями выступают Буш, Блэр, Райс и их сторонники, они должны восприниматься как истинные.

В еще большей степени это относится к мотивам подобных высказываний, которые не так-то просто проигнорировать. Наиболее явственный мотив время от времени, хотя и очень редко, все же называется. Так, Огастес Ричард Нортон, специалист по Ближнему Востоку, пишет, что, «когда фантазии относительно иракского оружия массового поражения были развенчаны, администрация Буша чаще стала делать упор на демократические преобразования в Ираке, и научные круги тут же примкнули к сторонникам демократизации». Разумеется, пока эти фантазии не развенчали, стандартные благочестивые фразы о демократических преобразованиях периодически произносили, впрочем, не выходя за рамки обычной для них бессодержательной формы. В документах, которые изучил Джон Прадос, среди предлогов для вторжения в Ирак, такие термины, как «демократия», не упоминались вообще⁽⁵²⁾.

Проще говоря, когда американские и британские лидеры убеждали нас оценить искренность их красноречивых заверений о внезапном обращении к «демократическим преобразованиям», они одновременно показали нам, что являются отпетыми лжецами, поскольку ввергли свои страны в войну из-за «одного-единственного вопроса»: откажется ли Саддам от своих программ по созданию оружия массового поражения? К августу 2003 года, когда от их сказок не

осталось и следа, пресса сообщала, что «по мере того, как продолжающиеся поиски противозаконного оружия в Ираке остаются безуспешными, администрация Буша начинает делать акцент на другом доводе в пользу войны с Саддамом Хусейном: Ирак должен стать «фундаментом» ближневосточных преобразований, что должно снизить террористическую угрозу Соединенным Штатам» или, скорее, усилить террористическую угрозу, что и случилось, как предсказывали даже американские спецслужбы⁽⁵³⁾.

Достоверность этого «нового довода» опровергается одной только хронологией событий. Тем не менее, довод быстро превратился в божественное откровение. После послания нашего президента на тему «Свобода Ирака и Ближнего Востока» 6 ноября 2003 года в честь двадцатой годовщины «Национального фонда развития демократии», искренность лидера США никому сомнению не подверг. «Один-единственный вопрос» поглотила «дырка в памяти», а его место заняла «мессианская миссия» Буша «нести демократию на Ближний Восток» в процессе «войны, которая является, вероятно, самой идеалистической войной современности», как назвал ее Пол Вулфовиц, «главнокомандующий идеалистов»⁽⁵⁴⁾.

Потратив немало усилий, я сумел найти в средствах массовой информации и комментариях интеллектуальных кругов лишь редчайшие отклонения от этой позиции. Хотя все же есть критики, предупреждающие, что нам не удастся следовать «благородной» и «бескорыстной» концепции. Возможно, она обходится слишком дорого, а возможно, облагодетельствованные нами люди оказались слишком отсталыми, чтобы воспользоваться плодами наших забот. Некоторые скептики соглашаются с мнением профессора права Нью-Йоркского университета Ноа Фелдмана, на которого была возложена задача по обучению иракцев демократии и подготовке их кон-

ституции (против их воли), однако с предупреждением: «Если вы продвинетесь слишком далеко (то есть так далеко, как хочется иракцам), могут быть избраны не те люди». В общем и целом, поясняет Дэвид Брукс, «по замечанию Ноа Фелдмана... на Ближнем Востоке люди не всегда поступают разумно», несмотря на британскую, а затем и нашу терпеливую опеку»⁽⁵⁵⁾.

Эти свидетельства Брукса и Фелдмана, характеризующие население Ближнего Востока, появились после того, как президент Буш официально озвучил свое мессианское предназначение на праздновании годовщины «Национального фонда развития демократии». Опрос общественного мнения, проводимый институтом Гэллапа в Багдаде, дал респондентам возможность присоединиться к «примкнувшим к демократизации» западным интеллектуалам, но некоторые, а именно 99 %, этого не сделали. На вопрос, почему, по их мнению, Соединенные Штаты вторглись в Ирак, 1 % респондентов ответил, что их целью было принести демократию, а 5 % сказали, чтобы «помочь иракскому народу». Большинство остальных опрошенных посчитали, что цель американцев заключалась в контроле над иракскими ресурсами и в преобразовании Ближнего Востока, согласно интересам США и Израиля. Перед нами та самая «теория заговора», которую так поносят разумные граждане Запада, убежденные, что Вашингтон и Лондон с таким же рвением стремились бы к «освобождению Ирака», если бы предметом его экспорта оказалась вдруг не нефть, а салат-латук и пикули⁽⁵⁶⁾.

Неразумность и отсталость населения Ближнего Востока была в очередной раз продемонстрирована в сентябре 2005 года, когда Белый дом отправил туда Карен Хьюз, специалиста по связям с общественностью, чтобы та разъяснила людям, что они не понимают, как Вашингтон стремится сделать их богаты-

ми и свободными. Однако ее настойчивый «материнский» апломб в общественной дипломатии принес не слишком много пользы. Как поясняла пресса, вместо «взвешенных аргументов она пользовалась короткими фразами-командами. В американских кампаниях подобные посылы, повторяемые без конца, могут произвести эффект, потому что любое заявление, сделанное кандидатом в президенты, оказывается в новостях на первом месте. А если этот прием не работает, следует потратиться на всепроникающую рекламу. Но в живой, постоянно меняющейся обстановке этого региона миссис Хьюз и близко не подошла к тому эффекту, который оказывают влиятельные средства массовой информации». Короче говоря, отрывистые фразы, использование усиливающего эффекта СМИ и насыщенная реклама неэффективны для примитивного народа, полагающего, что демократия подразумевает взвешенные аргументы и живые дискуссии. По всей видимости, усвоить этот урок непросто. Через несколько недель в ходе дебатов в Американском университете в Бейруте Джульетт Вюрр, сотрудник по связям с общественностью посольства США в Ливане, объясняла, что Соединенные Штаты стремятся «быть близкими к людям, чтобы достичь своих политических целей», с помощью «четырех «О»: обмен, обязательства, образование и облечение полномочиями». Разумеется, в Бейруте, с его давно возникшей, особенно «живой и постоянно меняющейся обстановкой», подобный подход увенчался крахом. Задача «продвижения демократии», определенно, не из легких⁽⁵⁷⁾.

Впрочем, Ричард Нортон несколько несправедлив по отношению к научным кругам. Некоторые ученые все-таки признали, что лишь после того, как на «один-единственный вопрос» был дан неверный ответ, президент Джордж Буш и премьер-министр Тони Блэр завели страстные разговоры о важности экспорта «демократии и свободы» в Ирак и на Ближний

Восток, в качестве «оправдания войны задним числом», которое нельзя воспринимать всерьез. Однако за пределами научных кругов – и, как правило, в их пределах тоже – наблюдение Нортон выглядит удручающе точным⁽⁵⁸⁾.

Если же отвлечься от хронологии и взглянуть на поведение «миссионеров» незадолго до того, как изменились их доводы, поверить им будет непросто. Деяния Буша и Блэра, направленные на то, чтобы избежать опасности демократии, когда в 2002 году они готовились к вторжению в Ирак, уже были рассмотрены. Если проигнорировать этот весьма важный пример, то будет трудно вспомнить столь же явно выраженное презрение к демократии, которое продемонстрировал Дональд Рамсфельд, сравнивший в ходе подготовки к вторжению старую Европу и новую Европу. Его сравнение было охотно подхвачено обозревателями и политическими кругами. Критерии различия были четкими, ясными и в высшей степени поучительными. Один из них затрагивал действующее понятие демократии: в странах, входивших в старую Европу, правительства занимали по поводу войны ту же позицию, что и большинство населения, тогда как в новой Европе правительства ставили себя выше даже подавляющего большинства населения и получали приказы из Кроуфорда, штат Техас. Поэтому старая Европа достойна порицания, а новая Европа должна превозноситься в качестве надежды демократии и просвещения⁽⁵⁹⁾.

Наиболее достойными представителями новой Европы оказались прославленные демократические деятели – Сильвио Берлускони и Хосе Мария Аснар. Берлускони был удостоен визита в Белый дом, в знак признания того, что войну, которую он одобрил, не приняли 80 % населения Италии. (А может быть, и за то, что он перестроил итальянскую судебную систему так, чтобы избежать обвинений в коррупции.)

Аснар же получил еще более высокую награду. Он был приглашен участвовать в саммите Буша и Блэра на Азорских островах, где было возведено о вторжении в Ирак, вскоре после того, как опросы общественного мнения в Испании показали: Аснара, одобрявшего войну, поддержали всего 2 % испанцев⁽⁶⁰⁾.

Своего пика выражение ненависти к демократии достигло, когда турецкое правительство, ко всеобщему удивлению, решило действительно исполнить волю 95 % населения и не разрешило Вашингтону развернуть в Турции фронт против Ирака. В американской прессе турок резко осуждали за отсутствие «основных черт демократии». Колин Пауэлл объявил, что за неисполнение этого правильного приказа Турция будет сурово наказана. Но дальше всех пошел Пол Вулфовиц. Он отчитал турецких военных за то, что они не убедили правительство последовать приказу из Вашингтона, и потребовал, чтобы военное руководство принесло извинение и признало: «Мы допустили ошибку», проигнорировав тем самым практически единодушное решение общественности. «Давайте посмотрим, как мы можем помочь американцам всеми возможными средствами» – вот что должны были сказать турецкие военные, продемонстрировав понимание демократии. Неудивительно, что Вулфовица называют «главнокомандующим идеалистов», единственным недостатком которого, вероятно, является то, что он «чрезмерно идеалистичен, – его страстная защита благородных целей иракской войны может взять верх над благоразумием и прагматизмом, которыми обычно руководствуются военные стратеги»⁽⁶¹⁾.

Пресса политической элиты дает Вулфовицу весьма поучительную оценку. «Его страсть – это развитие демократии», – объявляет Себастьян Моллаби в «Вашингтон пост». Эндрю Боллс, автор другого восторженного материала, пишет в «Файнэншл таймс»,

что «продвижение демократии стало одним из наиболее последовательных мотивов его карьеры». Никаких подтверждений этому не приводится, за исключением того имиджа, который Вулфовиц создал себе сам. Превознося квалификацию Вулфовица, когда в 2005 году тот стал новым главой Всемирного банка, Моллаби пишет, что «такой его приоритет, как проблемы развития, уходит корнями в те времена, когда он был послан в Индонезии, в которой необычайно высокий уровень нищеты соседствовал с государственным вмешательством в экономику». Опыт, приобретенный Вулфовицем в Индонезии, оказался особенно важным благодаря достигнутому в Вашингтоне «новому консенсусу» относительно того, что «основная задача бедных стран... – бороться с коррупцией, которая является барьером для частных инвестиций, и утверждать власть закона»⁽⁶²⁾.

Здесь многое поможет понять, что же происходило на самом деле. Как пишет Джеффри Уинтерс, ученый, специализирующийся на Индонезии, основным достижением Вулфовица в экономической области на посту посла стала «подготовка условий» для «краха индонезийской экономики режима Сухарто в 1997 году, трагедии, которая погрузила в беспросветную нищету десятки миллионов человек». Наиболее важной инициативой Вулфовица явилось финансирование «одной из самых безжалостных отмен регулирования банковского сектора», что привело к экономической катастрофе и повальной нищете. Между тем фаворит Вулфовица Сухарто заработал «сомнительный титул одного из самых коррумпированных лидеров в новейшей истории»; «человека, который выигрывает всегда, как назвала его британская организация «Транспэрэнси Интернэшнл»; политика, скопившего состояние, «составляющее, по подсчетам, от пятнадцати до тридцати пяти миллиардов долларов США». Здесь он значительно обогнал занима-

ющего второе место филиппинского диктатора Фердинанда Маркоса и Мобуту Сесе-Секо из Конго с его третьим местом, которые также присутствуют в галерее правящих негодяев, опекаемых администрациями, где работал Вулфовиц. Дополнительный авторитет в области развития Вулфовиц заработал, став архитектором послевоенного восстановления Ирака, которое, как предупреждала «Транспэрэнси Интернэшнл», может стать «крупнейшим коррупционным скандалом в истории, если не будут приняты скорейшие меры по пресечению взяточничества»⁽⁶³⁾. Меры приняты не были, и предсказание, как мы уже убедились, благополучно продолжает сбываться. «Вулфи», как ласково именует его Джордж Буш, определенно обладает впечатляющим профессионализмом, позволяющим ему достичь нового консенсуса в деле борьбы с коррупцией и содействия экономическому развитию.

Послужной список индонезийского периода в области прав человека и демократии у «главнокомандующего идеалистов» выглядит еще хуже, продолжает Уинтерс. «В компании «Лексис-Нексис» изучили все упоминания Вулфовица в прессе, когда он был послом, и не выявили ни одной цитаты, в которой он затрагивал бы права человека или демократию в Индонезии. Напротив, он неизменно оправдывал режим Сухарто, переводя внимание на бизнес, инвестиции и стабильность на местах и в регионе, которым содействовал правивший железной рукой диктатор». Вулфовиц не просто вмешался, чтобы «осадить австралийских журналистов, которые обратили внимание на убийства и истязания, творимые американским союзником в Юго-Восточной Азии. Он еще и прочел австралийским журналистам лекцию о том, как нужно обращаться с неприятными вопросами... их значение надо принижать или игнорировать их». За свое «трусливое поведение он удостоился редкост-

ной отповеди от главы австралийского правительства». Вулфовиц был «отдельно раскритикован австралийским премьер-министром Бобом Хоуком за его комментарии»⁽⁶⁴⁾.

Когда Вулфовица выдвинули кандидатом на пост президента Всемирного банка, это немедленно «вызвало осуждение со стороны индонезийских правозащитников». Как заявил глава индонезийской Национальной комиссии по правам человека, «из всех американских послов он считался наиболее близким к Сухарто и его семье и имеющим на него наибольшее влияние. Однако он никогда не выказывал интереса к проблемам демократизации или к правам человека», и даже ни разу не побывал в офисе комиссии. «Кроме того, я не слышал, чтобы он публично упоминал о коррупции», – добавил глава комиссии. Другие правозащитники и борцы с коррупцией также сообщили, что «не помнят, чтобы он хоть раз высказался о злоупотреблениях» режима, и что «мистер Вулфовиц никогда не был на их стороне». Напротив, они заявили, что Вулфовиц «на протяжении 90-х годов оставался защитником режима Сухарто», – то есть даже после того, когда сами индонезийцы свергли этого убийцу, истязателя и грабителя международного масштаба⁽⁶⁵⁾.

История «одержимости» Вулфовица правами человека и демократией восходит к началу его карьеры в рейгановском Государственном департаменте и без особенных изменений продолжается в настоящее время. Ученый Джозеф Невинс, специалист по Индонезии, пишет, что на протяжении всей своей карьеры посла, а также впоследствии Вулфовиц «отстаивал политические меры, подрывавшие демократию и соблюдение прав человека на этом обширном архипелаге», поддерживая вопиющие зверства, которые индонезийская армия творила в оккупированном Восточном Тиморе. В начале 1999 года, пишет Не-

винс, «когда дело шло к тому, что Индонезия может покинуть Восточный Тимор, Вулфовиц возражал против политики США, в рамках которой предлагался такой сценарий. Прибегая к риторике, давно использовавшейся Джакартой, он предсказывал, что если Индонезия выведет войска, племенные и клановые раздоры в Восточном Тиморе приведут к тому, что там вспыхнет гражданская война. По его словам, только индонезийская армия и предотвращала подобный исход. В это же самое время отмечалась эскалация жестокостей, творимых армией, которая в финальном пароксизме насилия практически уничтожила то немногое, что еще оставалось от истерзанной страны». «Правозащитные группы сообщают о продолжающемся насилии, чинимом военными, особенно в провинции Асах и Западном Папуа», – продолжает Невинс.

Индонезийское военное и политическое руководство избавлялось от ответственности за преступления в Восточном Тиморе, организуя неправомочные суды, которые обличались правозащитными организациями, но западными сообщниками лидеров Индонезии воспринимались спокойно. Посетив Джакарту в январе 2005 года, Вулфовиц призвал увеличить масштабы американской военной помощи, которая за последние сорок лет стала настоящим бедствием и для индонезийцев, и для других народов, находившихся в пределах досягаемости индонезийской армии. «Гуманитарным предлогом» для миссии Вулфовица стала, как пишет Невинс, помощь пострадавшим от цунами, однако ее «истинное значение заключается в усилиях по укреплению связей между США и кровавой индонезийской военщиной, – и эту роль Вулфовиц играл уже давно»⁽⁶⁶⁾.

Буш и его сподвижники продолжали реализовывать президентскую миссию по демократизации и в тех областях, где США традиционно доминировали.

В 2002 году они поддержали военный переворот по свержению законно избранного правительства Венесуэлы во главе с Уго Чавесом. Однако им пришлось тихо ускользнуть оттуда перед лицом всеобщего осуждения в Латинской Америке, где демократию, не в пример Вашингтону, не считают чем-то «вычурным» и «устаревшим». После того как в результате народного восстания правительство вернуло себе власть, Вашингтон приступил к его свержению под маской «поддержки демократии» – хорошо знакомый сценарий. Так, лишив Венесуэлу права участвовать в операциях против наркоторговли, якобы за отказ от содействия борьбе США с наркотиками в регионе, Вашингтон «приказал отменить сокращение размеров американской иностранной помощи, обычно сопровождающей «лишение полномочий», чтобы можно было продолжать поддерживать демократические группировки Венесуэлы, противодействующие левому президенту Чавесу»⁽⁶⁷⁾.

Эта идея вызывает интерес. Хотя нельзя ставить под сомнение право Вашингтона поддерживать венесуэльские группировки, противодействующие Чавесу, вероятно, многие бы удивленно подняли брови, если бы Иран принялся финансировать оппозиционные Бушу организации в Соединенных Штатах. И особенно, если бы он взялся за это, поддержав военный переворот с целью свержения правительства. Кроме того, предположение, что «демократическими» являются и определенные группы, поддерживающие Чавеса, по всей видимости, считается логически невозможным. Это доказывает тот факт, что сам Вашингтон находится в оппозиции к правительству. И похоже, совершенно неважно, что Чавес раз за разом выигрывал выборы и референдумы, контролировавшиеся наблюдателями, несмотря на тотальную и жесткую враждебность СМИ, что рейтинги его популярности выше 80 %. Не имеет значения и то, что

в 2004 году «Латинобарометро», крупнейшая латиноамериканская организация по соцопросам, установила: хотя по всей Латинской Америке уровень удовлетворенности демократией продолжает свое злоещее снижение (как ни странно, то же самое утверждают неолиберальные программы, подрывающие действующие демократии), было найдено три исключения. И одним из них стала Венесуэла, где процент людей, поддерживающих демократию, с 1997 по 2004 год вырос с 64 до 74. По показателям доверия избранному правительству эта страна лидирует во всей Латинской Америке⁽⁶⁸⁾.

Большинство населения США, напротив, убеждено, что общественность слабо влияет на принимаемые правительством решения, и лишь немногие верят, что Конгресс «согласится принять решения, которые предпочтет большинство американцев». На шкале, располагающей государства от совершенно недемократических до полностью демократических, американские граждане помещают свое правительство позади Великобритании, Швеции и Канады⁽⁶⁹⁾.

Еще одним подтверждением антидемократического характера сторонников Чавеса в Венесуэле является его выступление на саммите ООН в сентябре 2005 года, где он «сорвал самые шумные аплодисменты среди всех мировых лидеров за яростные нападки на то, что он называл американским капитализмом и милитаризмом». Эта вызывающая характеристика США как капиталистического и милитаристского государства показывает, что Чавес «взял на себя роль «плохого мальчишки» в кругу руководителей стран мира». Если же взглянуть за пределы информационной завесы, то в ведущем ирландском журнале американцы могут прочитать, что пишет латиноамериканский корреспондент-ветеран Хью О'Шонесси. Это поможет понять, почему Чавесу, избегавшему жалоб в стиле Буша («почему это весь мир

ненавидит нас, когда мы такие хорошие»), удалось сорвать такие аплодисменты.

“В Венесуэле, где нефтяная экономика десятилетиями порождала роскошную элиту сверхбогачей, четверть всего населения — моложе 15 лет — голодает, а 60 % людей старше 59 лет вообще не получают никаких доходов. Менее одной пятой части населения пользуется социальными гарантиями. Только теперь, когда в 1998 году президентом был избран бывший полковник десантных войск Чавес, медицина стала чем-то осязаемым для нищенствующего большинства населения в богатом, но глубоко разделенном — и почти не функционирующем — обществе. С тех пор как он пришел к власти в результате демократических выборов и приступил к преобразованиям сектора здравоохранения и социального обеспечения, который так плохо обслуживал массу населения, наметился медленный прогресс. И по крайней мере, этот прогресс осязаем — не в последнюю очередь потому, что Венесуэла объединилась с Кубой в рамках общей стратегии здравоохранения, благодаря которой в страну приехали около 20 000 кубинских врачей и прочих специалистов в сфере здравоохранения. Они стали расселяться по стране, от Каракаса до самых отдаленных уголков, где отказываются работать венесуэльские врачи”. «Операция “Чудо”» послужила примером для стран Карибского бассейна, оказав, по всей видимости, серьезное воздействие на бедствующие массы⁽⁷⁰⁾.

В марте 2004 года распространяющие демократию миссионеры обеспокоились из-за того, что выборы в Сальвадоре могут закончиться не так, как нужно, и предупредили: стоит сальвадорцам сделать неверный выбор, одним из последствий этого будет перекрытие «главной экономической артерии» страны и прекращение денежной помощи от США, альфы и омеги сальвадорского «экономического чуда». В ответ на

избирательное освещение прессой столь наглой позиции Томас Уокер, один из ведущих ученых, специализирующихся на Центральной Америке, разослал газетам всей страны ответную публицистическую статью, в которой описал, как в обстановке американского господства проходили «свободные выборы», которым пели хвалу Чейни, Рамсфельд и другие. Эти выборы, напоминает Уокер, «осуществлялись в условиях поощряемого государством террора, унесшего жизни десятков тысяч ни в чем не повинных граждан, в изувеченном гражданском обществе и при полностью подавленных оппозиционных СМИ». Более того, кандидаты выдвигались «из узкого политического спектра, от центристов до крайне правых»; за неучастие в голосовании угрожали наказывать смертью, а голосовать следовало при помощи последовательно пронумерованных, хорошо различимых бюллетеней, которые «опускали в прозрачные пластиковые урны, позади которых стояли вооруженные солдаты. Урны были настолько прозрачны, что бюллетени можно было прочитать, даже когда они были надлежащим образом сложены»⁽⁷¹⁾.

Разумеется, такой рассказ никуда не годился – статья была отвергнута. Уокера это несколько не удивило. Он является также автором крупных научных исследований по Никарагуа, и на протяжении 1980-х годов, когда никарагуанские новости были особенно актуальными, он ежегодно отсылал в «Нью-Йорк таймс» по несколько ответов на редакционные статьи. Ни одно из его замечаний не увидело свет. Обзор редакционных статей и ответов на них в либеральной американской прессе в моменты пикового напряжения ситуации в Никарагуа показал уже знакомый раскол между «ястребами войны» и «голубями мира» в соотношении пятьдесят на пятьдесят, что подтверждало сбалансированность и открытость свободной прессы. Сторонники войны призывали усиливать удары по

международному терроризму. Сторонники мира возражали, что насилие не приносит результатов, и поэтому Соединенные Штаты должны найти другие средства, чтобы убедить никарагуанцев следовать «по пути Центральной Америки» и принять «региональные стандарты» фаворитов Вашингтона, Сальвадора и Гватемалы, которые тогда были склонны к жесточайшему государственному террору. Уокер и специалисты по Латинской Америке обычно не попадали в круг участников полемики, и их полностью игнорировали – иногда самым удивительным образом.

Вот один пример, также связанный с «продвижением демократии». Выборы 1984 года в Никарагуа дали идеологически неприемлемые результаты: там победили сандинисты, и потому этих выборов как бы вообще не было. И это при том, что они прошли под пристальным наблюдением и в целом были признаны состоявшимися, в том числе и враждебно настроенными обозревателями и делегацией специалистов по Никарагуа, направленных туда профессиональной ассоциацией латиноамериканских ученых, которым, впрочем, не дали высказаться. Среди наблюдателей был Хосе Фигуэрес из Коста-Рики, который также подал свой голос за то, что выборы 1984 года были, по латиноамериканским нормам, справедливыми, но его тоже проигнорировали. Являясь убежденным антикоммунистом и противником сандинистов, а также будучи активным сторонником Вашингтона и инвестиций американских корпораций, он все-таки считал, что никарагуанцам следует предоставить решать их проблемы самостоятельно. Соответственно, главной фигуре центральноамериканской демократии перекрыли доступ к прессе на все те годы, пока Рейган вел в регионе террористические войны, или, как это излагается в более приглядном виде, в годы последовательного «продвижения демократии». Как мы уже замечали, это часто применяемая практика⁽⁷²⁾.

Восхваляя пример Сальвадора, проводники демократии из администрации Буша не стали упоминать об одном важном последствии рейгановской «войны с террором». По некоторым подсчетам, в Ираке частные охранные фирмы, которые являются вторым по величине элементом «сообщества, с готовностью помогающего США, привлекают к работе резервы хорошо подготовленных бойцов», которые почти на 70 % состоят из граждан Сальвадора. Обученные убийцы из заведенной Рейганом машины государственного терроризма могут заработать своим ремеслом в Ираке больше, чем все сальвадорцы, оставшиеся у себя в стране⁽⁷³⁾.

Те же самые схемы используются как в традиционных областях американского господства в Западном полушарии, так и во вновь приобретенных сферах влияния в Центральной Азии. После массовых убийств мая 2005 года в Узбекистане «американские официальные лица заняли явно промежуточную позицию, заявив, что они «глубоко обеспокоены» убийствами, и одновременно выразили тревогу относительно антиправительственного насилия. Официальные лица Великобритании, Франции и Евросоюза заняли более определенную позицию, осудив применение жестоких карательных мер, и призвали допустить в страну международных наблюдателей для проведения расследования». Вашингтон предпочел не заметить даже не слишком жесткие европейские порицания, зато достаточно открыто поддержал правившего тогда Ислама Каримова, тирана, который, по свидетельству бывшего британского посла Крэйга Мюррея, любил забавляться тем, что убивал диссидентов, варя их живыми. За столь неблагоразумные свидетельства Мюррей был отозван в Лондон (не говоря уже о том, что Каримова он называл «человеком Джорджа Буша в Центральной Азии»). Высшие сотрудники администрации Буша высказывались о

Каримове одобрительно и поддерживали его «целиком и полностью», поскольку Узбекистан располагает внушительными запасами нефти и газа. В телеграммах, отправленных в Лондон в 2002 и 2003 годах, Мюррей писал: «США преуменьшают нарушения прав человека в Узбекистане. Это опасная политика: усиление репрессий в сочетании с нищетой будет способствовать развитию исламского терроризма». И еще: «В Ташкенте считают, что целью политики США является не демократия и не свобода. Она строится вокруг нефти, газа и гегемонии. В Узбекистане Соединенные Штаты добиваются своих целей, поддерживая жестокую диктатуру».

По словам Мюррея, Государственный департамент дал благоприятную оценку ситуации с правами человека в Узбекистане, чтобы можно было беспрепятственно оказать ему помощь размером в сотни миллионов долларов. В секретном письме от 18 марта 2003 года, когда Буш и Блэр начинали войну в Ираке, Мюррей писал: «В прошлом году США оказали помощь Узбекистану в размере половины миллиарда долларов, что составило четверть всей оказываемой Америкой военной помощи. Буш и Пауэлл неизменно хвалят Каримова как друга и союзника. Однако его режим держит в заключении как минимум несколько тысяч политических заключенных; это однопартийное государство, где нет свободы слова, свободы печати, свободы передвижения, свободы собраний и свободы вероисповедания. К тысячам людей здесь систематически применяются ужасные пытки. Подавляющая часть населения живет в условиях, которые ничем не отличаются от средневекового крепостничества»⁽⁷⁴⁾.

Впрочем, самому Каримову казалось, что его поддерживают с недостаточным энтузиазмом. Недовольный этим, он вынудил Вашингтон переместить свои авиабазы к соседним тиранам. «США пытаются за-

маскировать это отступление с помощью дымовой завесы запоздалых сожалений относительно нарушений прав человека в Узбекистане», – писал Мюррей. «Внезапно выяснилось, что один из их самых обхаживаемых союзников – просто ужас! – оказался злодеем-диктатором. (Помните Саддама?)». Как выяснилось, диктатор предпочел ухаживаниям западных союзников стиль российского президента Владимира Путина, хотя и не совсем отвернулся от Запада. «Из всех западных министров наиболее частым гостем в Узбекистане является модный немецкий министр иностранных дел Йошка Фишер, безоговорочно поддерживающий режим», бывший радикал 60-х годов⁽⁷⁵⁾.

Вплоть до момента, когда Каримов отвесил пощечину Вашингтону, повсеместно считалось, что Соединенные Штаты могут «спасти этот умирающий диктаторский режим», – пишет Дэвид Уолл из Королевского института международных отношений. Он также отмечает «усиление финансирования узбекского правительства» Вашингтоном и тот факт, что, «по сообщениям находящихся в Узбекистане независимых обозревателей, масштабы присутствия США в стране вдвое больше, чем признает Вашингтон». В то же самое время «госсекретарь Кондолиза Райс подписала документ, возобновляющий военную помощь соседнему Казахстану по причинам, связанным с национальной безопасностью, хотя Госдепартамент и признавал, что эта страна сделала «множество шагов назад» в отношении прав человека». Вашингтон «продолжит «активное содействие», несмотря на явления, которые Райс охарактеризовала как многочисленные недавние признаки регресса со стороны Казахстана». При этом положение, с которого начался этот регресс, тоже было незавидным. Американская военная помощь «укрепляет демократию», сообщила Райс, прибегая к риторике, которая знакома так же хорошо, как и ее мрачный смысл⁽⁷⁶⁾.

На открытии в соседнем Азербайджане нефтепровода, по которому каспийская нефть пойдет в обход России и Ирана, американский министр энергетики зачитал звучное послание от президента Буша: «По мере того как Азербайджан углубляет демократические и рыночные реформы, этот нефтепровод будет содействовать сбалансированному экономическому росту, послужив фундаментом процветающего и справедливого общества, утверждающего дело свободы». За несколько дней до этого «Нью-Йорк таймс» написала, что «азербайджанская полиция избивала демократических демонстрантов дубинками, когда оппозиционные партии, скандируя слова «свободные выборы», нарушили запрет правительства на выражение протеста против президента Ильхама Алиева» – союзника США, который только что выиграл «в высшей степени подозрительные выборы и занял место своего отца, бывшего советского бонзы». Нечто похожее происходит и в Туркменистане, который «Хьюман Райтс Уотч» называет «одной из наиболее репрессивных стран в мире»⁽⁷⁷⁾.

«В регионе военных баз, энергоресурсов и соперничества больших держав следование идеалам требует терпения», – поясняет «Нью-Йорк таймс». Поэтому Вашингтону придется умерить свой пыл по защите демократии и прав человека⁽⁷⁸⁾.

У имперских держав и их сателлитов есть все основания настаивать на том, что нам следует забыть о прошлом и двигаться вперед: знакомый призыв к «перемене курса» звучит каждые несколько лет. Однако все, кто счел за лучшее разобраться в том, что происходит в мире – в том числе и страны-жертвы, – должны признать, что история преподает нам множество важных уроков. «Все это немаловажно, – пишут двое ученых в «Форин Аффферс», – потому что национальная историческая память – или историческая амнезия – может иметь конкретные политичес-

кие последствия. То, как государства и общества используют опыт своего прошлого, влияет на их развитие». Мы хорошо это понимаем, и по понятным причинам нас весьма беспокоит, когда обвинение в исторической амнезии выдвигается против соперников. Например, в США сейчас обсуждают, почему российская «национальная историческая память» отказывается признавать преступления большевиков. Глубокая озабоченность регулярно выражается и по поводу того, что Япония весьма неохотно признает прошлые злодеяния. Здесь можно вспомнить и другие аналогичные случаи, тщательные отобранные по тем же самым четким критериям⁽⁷⁹⁾.

Сохранение апологетами «исторической памяти» ее непорочности имеет не меньшее значение для неизменных победителей, государств, которых могут призывать к ответу только их собственные граждане. Это особенно верно в случаях, когда действующие мотивы и методы уходят корнями в прошлое. Те, кто ~~хочет~~ понять современный мир, должны будут разобраться в действиях Великобритании, когда она для собственного удобства создавала современный Ирак, обеспечивая его зависимое положение. Им следует пристально рассмотреть британские методы, действовавшие вплоть до 1958 года, пока не был свергнут режим, который Британия установила и поддерживала. Не стоит также упускать из виду заключение, сделанное в июле того года Форин Оффис. Согласно ему, в управляемом Великобританией Ираке «богатство и власть по-прежнему сконцентрированы в руках горстки богатых землевладельцев и племенных шейхов, сосредоточившихся вокруг двора, правящего страной с помощью жестокостей и репрессий»⁽⁸⁰⁾.

Свержение в 1958 году Абдул-Каримом Касимом поддерживавшегося Великобританией режима пробило первую брешь в англо-американском совладении крупнейшим мировым регионом энергоресурсов.

Соединенные Штаты и Соединенное Королевство отреагировали немедленно, предприняв военные акции в Ливане и Иордании. Они располагали секретными планами, намереваясь в случае необходимости прибегнуть к силе, чтобы гарантировать, что вирус независимого национализма не перекинется на другие страны – «безжалостно вмешаться», по их словам, откуда бы ни исходила угроза их господству. Это планирование сыграло важную роль в войне 1991 года⁽⁸¹⁾.

Беспокойство относительно режима Касима усиливалось оценками непосредственных наблюдателей из Британской империи. Чиновник британской корпорации, контролировавшей иракскую нефть, уведомил Форин Оффис о том, что цели Касима выходили далеко за пределы «политической независимости, достоинства и единства страны в братском сотрудничестве с другими арабскими народами». Он хотел также «увеличить и распределить национальное богатство... основать новое общество и новую демократию, а также, используя сильный, демократический арабский Ирак в качестве средства для освобождения и возвышения других арабских и афро-азиатских народов, содействовать крушению «империализма», под которым он в основном понимал британское влияние в отсталых странах»⁽⁸²⁾.

Как будто одно это не было достаточно зловещим признаком, существовали опасения, что Касим примет предложенные Гамалем Абделем Насером «планы использования саудовских нефтедолларов для повсеместного повышения стандартов жизни бедных арабов». Насер тоже выглядел достаточно скверно: «диктатор-экспансионист гитлеровского склада», властолюбивый монстр, чья «Философия революции» практически неотличима от «Майн Кампф», как осуждающе выразился госсекретарь Даллес. Насер «пользуется поддержкой и восхищением арабов во всем регионе», как взволнованно заметил президент

Эйзенхауэр, предупреждая, что египетский лидер собирается «завладеть ближневосточной нефтью и обеспечить себе прибыли и власть с целью уничтожения западного мира». Эйзенхауэр убедил Конгресс в том, что переворот в Ираке и беспорядки в Ливане и Иордании были «спровоцированы Насером под руководством Кремля». По сообщениям разведки, «народное мнение в арабском мире, даже в таких странах, как Саудовская Аравия и Кувейт, в целом одобряет переворот в Ираке и враждебно относится к интервенции США и Великобритании. Поэтому существует реальная возможность распространения вируса революции» даже на тирании, поддерживаемые США и контролирующие львиную долю мировых энергоресурсов, и возможно, даже на Ливию, другую важную страну-производителя нефти, которой тогда твердо руководил диктатор, удовлетворявший Америку. Вашингтон тешил себя мыслью, что Касим может стать противовесом для «коммунизма». Однако едва ли его антикоммунизм пережил 1961 год, когда Касим принял решение «вывести свыше 99,5 % концессионных территорий» из-под многонационального контроля, который распространялся как на разведанные запасы нефти, так и на районы вероятных нефтяных полей, которые пока не были открыты, но предположительно считались громадными⁽⁸³⁾.

Вирус явно представлял опасность, и его следовало уничтожить. В 1963 году это и было сделано. По свидетельству бывшего члена Совета национальной безопасности Роджера Морриса, подтверждаемого другими источниками, «Центральное разведывательное управление под контролем президента Джона Кеннеди самостоятельно осуществило смену режима в Багдаде, которой содействовал Саддам Хусейн» и партия «Баас». «Мы определенно остались в выигрыше», – сообщил Кеннеди Роберт Коумер, сотрудник Совета национальной безопасности». За этим

последовали обычные чудовищные жестокости, в том числе массовые убийства «людей, заподозренных в коммунизме, и прочих левых», с использованием списков, предоставленных ЦРУ. Все это во многом напоминало Гватемалу 1954 года и Индонезию через два года после свержения Касима в Ираке. «Баасовцы систематически и в больших количествах истребляли образованную элиту Ирака», продолжает Моррис, в том числе «сотни докторов, учителей, техников, юристов и прочих специалистов, а также военных и политических деятелей». За этим последовали и другие преступления, рассказывать о которых здесь нет необходимости. И все же им активно содействовали Лондон, Вашингтон и другие доброжелатели. Возвращаясь к этой истории накануне англо-американского вторжения в Ирак в 2003 году, Моррис пронизательно заметил: «Если даже новая война должна в изобилии принести многочисленные опасности и нестабильность, то ли еще будет, когда наступит мир». Подобные предостережения от осведомленных аналитиков, похоже, звучали с разных сторон, однако Рамсфельд, Вулфовиц и их коллеги к ним не прислушивались⁽⁸⁴⁾.

Примечательно, что страх перед иракской демократией не уменьшился, даже когда в 1990 году Саддам перешел в разряд врагов. В последующие месяцы и на протяжении первой войны демократическая оппозиция в Ираке не только подавлялась Вашингтоном, но и игнорировалась средствами массовой информации⁽⁸⁵⁾.

Давайте представим, что принята конвенция, обещающая неприятное прошлое на полное забвение и пренебрегающая недвусмысленными уроками этого прошлого как чем-то устаревшим и неактуальным. А мы вошли в удобное состояние «исторической амнезии», которую распространяем и на своих врагов. Давайте представим себе, что в Вашингтоне и Лон-

доне произошло чудесное обращение, о котором часто говорили и раньше, но на этот раз в действительности: Соединенные Штаты будут развивать (или, по меньшей мере, терпеть) умеренно независимый и суверенный Ирак, забыв о том, как давно они противодействуют подобным вещам то тут то там. Даже в этом случае трезвомыслящий наблюдатель придет к выводу, что заявления министра иностранных дел Ирана заслуживают больше доверия, чем те, что звучат из Лондона и Вашингтона. Иран способен ужиться с более или менее демократическим и суверенным Ираком. Трудно представить себе, как смогут примириться с ним Вашингтон и Лондон.

Посмотрим, какой политический курс Ирак, вероятнее всего, изберет. Возможно, иракцы и не питают особой любви к Ирану, однако противоречиям и конфликтам они предпочтут добрососедские отношения с могущественным соседом и, вероятнее всего, присоединятся к усилиям по интеграции Ирана в регион, предпринимавшимся задолго до англо-американского вторжения. Более того, шиитское религиозное и политическое руководство Ирака тесно связано с Ираном. Успех шиитов в Ираке уже подстегивает стремление к свободе и демократии среди угнетаемого шиитского населения Саудовской Аравии, и эти тенденции только усилились бы, получи Ирак определенный суверенитет. Шииты Саудовской Аравии стремятся к освобождению долгое время; они подверглись беспощадным репрессиям, когда в начале 80-х попытались свергнуть жестокую монархию, поддерживаемую США. «Они убеждены, что Усама бен Ладен и ему подобные положили начало важному делу, – сообщает «Нью-Йорк таймс», – и королевская семья сейчас раздумывает о том, как бы ограничить экстремизм ваххабитов, которых она когда-то поощряла, но которые сегодня стремятся свергнуть саудовскую монархию». Впервые «шииты востока

Саудовской Аравии, единственной части королевства, где они составляют большинство, готовы добиться хотя бы небольшой политической власти». Кроме того, именно в этом регионе находится большая часть нефтяных запасов Саудовской Аравии⁽⁸⁶⁾.

В результате может возникнуть управляемый широким альянсом Ирака, Ирана и нефтеносных районов Саудовской Аравии, независимый от Вашингтона и контролирующий львиную долю мировых энергоресурсов. Это и есть едва ли не самый страшный ночной кошмар Вашингтона. Но может получиться еще хуже. Нельзя отрицать и возможность того, что такой независимый блок может, по примеру Ирана, приступить к разработке крупных энергетических проектов совместно с Китаем и Индией, или даже объединившись с Азиатским союзом энергетической безопасности и с Шанхайской организацией сотрудничества. Этот блок, кроме того, может перейти на «корзину валют» для формирования цен на нефть, вместо того чтобы использовать только доллар США, – шаг, который окажет сильное воздействие на американскую и мировую экономику. Возникнет и дополнительная проблема: если Соединенные Штаты не смогут контролировать Ирак, то ничто не сможет гарантировать, что те, кто управляет громадными нефтяными ресурсами Ирака, создадут режим особого благоприятствования для привилегированных энергетических корпораций⁽⁸⁷⁾.

Даже та весьма ограниченная степень суверенитета, которой после январских выборов 2005 года пользуется иракское правительство, позволяет предугадывать возможные варианты развития событий. В ходе официального визита в Тегеран иракский министр обороны вместе с его иранским коллегой объявил о «новой главе» в отношениях стран, предполагающей военное сотрудничество и помощь Ирана в обучении и перевооружении иракской армии. Уволь-

нение иракцами военных советников из американской коалиции – тоже шаг, который, по всей видимости, застал Вашингтон врасплох. Иракский министр отмел беспокойство США по поводу вмешательства Ирана в дела региона, заявив: «Никто не может диктовать Ираку, как ему строить отношения с другими странами».

Между тем «некогда отличавшийся свободой нравов порт Басра» на дальнем юге страны, недалеко от иранской границы, «постепенно превращается в маленькую теократию под управлением шиитов», – сообщает Эдвард Вонг. «Укрепление связей с Ираном очевидно. На улицах, и даже на здании провинциальной администрации, расклеены плакаты с аятоллой Рухоллой Хомейни, лидером иранской революции 1979 года. Во время июньских выборов в Иране иранское правительство открыло в центре города избирательные участки для своих сограждан. Губернатор с готовностью ведет переговоры о покупке в Иране электроэнергии, поскольку американцы не смогли обеспечить ее в достаточном количестве». Провинциальным советом управляют священнослужители, близкие к противостоящему оккупации движению «Садр» и к Высшему совету исламской революции, крупной шиитской группировке, сформированной сосланными в Иран шиитами. Высший совет, кроме того, управляет ополчением «Бадр», контролирующим большую часть южного региона страны и традиционно имеющим тесные связи с Ираном, где это ополчение формировалось и обучалось. Возвратившись из поездки в Ирак, глава Высшего совета исламской революции Абдул Азиз аль-Хаким одобрил предложение о закупке электричества в Иране и призвал крепить связи с «великой исламской республикой, которая относится к Ираку с большим уважением»⁽⁸⁸⁾.

Как пишет Питер Гэлбрейт, «невероятная ирония заключается в том, что Соединенным Штатам, кото-

рые, помимо прочего, вторглись в Ирак, чтобы содействовать распространению на Ближнем Востоке либеральной демократии, предстоит сыграть решающую роль в создании второго на их счету шиитского исламского государства»⁽⁸⁹⁾. Действительно, это было бы невероятной иронией, а точнее, невероятной глупостью, если бы целью вторжения на самом деле было «содействие распространению на Ближнем Востоке либеральной демократии» хоть в каком-то смысле. Однако такой предлог является очередной причиной для скепсиса, поскольку он совершенно не подкрепляется доказательствами, если не считать своевременных заявлений политических лидеров. Зато он же опровергается изобилием опровергающих доводов, ряд которых был приведен. Дополнительным поводом для скепсиса является то, что независимый Ирак – или арабский Ирак, если страна распадется на части, – может постараться вернуть себе главенствующую роль в арабском мире и благодаря этому перевооружится для борьбы с региональным противником, Израилем, разработав ядерные средства сдерживания.

Следовательно, мы должны поверить в то, что Соединенные Штаты будут спокойно стоять в стороне и смотреть, как над Израилем, основным американским сателлитом в регионе, нависает серьезная угроза, как из-под американского контроля уходят крупнейшие в мире запасы энергоресурсов, оказываясь во власти мусульманского блока, и как свергают саудовскую королевскую семью, которая давно сотрудничает с США, подавляя арабский светский национализм? Те, кто восторженно «примкнул к демократизации», предполагают, что Вашингтон будет тактично наблюдать за этим не столь уж невероятным развитием событий. Впрочем, подобные перспективы сегодня представляются весьма отдаленными⁽⁹⁰⁾.

Это лишь некоторые из множества причин, которые заставят трезвомыслящего наблюдателя разделять скепсис иранцев насчет внезапного и своевременного обращения США к мессианским задачам. Поэтому он вполне может согласиться и с выводом, что среди трудностей, давно уже стоящих на пути ближневосточных демократических преобразований, сегодня, как и ранее, «главным препятствием является то, что единственная сверхдержава мира в действительности не хочет этого, несмотря на благонамеренную неоконсервативную риторику»⁽⁹¹⁾.

Кроме того, именно эти причины, в числе многих других, объясняют, почему сравнение Ирака с Вьетнамом является столь ошибочным. Во Вьетнаме вашингтонские стратеги смогли достичь главных военных целей, уничтожив «вирус» и «сделав прививку» региону, после чего вывели войска, не препятствуя торжеству суверенитета на руинах. В Ираке же сложилась качественно иная ситуация. Ирак нельзя разрушить и оставить. Он слишком ценен, так что подлинный его суверенитет и даже ограниченная демократия будут слишком опасны, чтобы на них можно было легко согласиться. Ирак, если это вообще возможно, должен удерживаться под контролем – если не теми способами, которые намечали авторы стратегии Буша, то какими-нибудь другими. По тем же причинам многочисленные предложения «стратегии выхода» звучат довольно нелепо. Советы авторам стратегии, конечно, не нужны, так как простую программу выхода они могли бы разработать и сами. И нет сомнения в том, что они хотят вывести войска, но не раньше, чем прочно утвердятся государство-сателлит – это предпочтительный вариант для завоевателей, позволяющий оставить здесь военные базы на случай будущих осложнений.

Обсуждая подобные вопросы, следует помнить о нескольких фундаментальных принципах. Особенно

важным является то, что оккупационные войска не имеют прав, а только обязанности. И главная их обязанность – как можно быстрее и оперативнее удалиться, причем условия их ухода должны по преимуществу определяться населением оккупированной страны. Войска не вправе оставаться в стране без выраженной народной поддержки их присутствия. Если эти принципы не соблюдаются, то предложения «стратегии выхода» являются скорее демонстрацией имперской воли, чем проявлением обеспокоенности о жертвах оккупации. Как мы увидим, подавляющее большинство иракского народа, если судить по доступным на данный момент сведениям, высказывается за вывод войск⁽⁹²⁾. Более того, вскоре после вторжения значительное большинство населения США высказалось за то, что возглавить сотрудничество с иракцами в деле обеспечения подлинного суверенитета Ирака, а также восстановления экономики и поддержания порядка в стране должна ООН, а не Вашингтонская администрация.

Это могло бы стать вполне разумной позицией, если бы с ней согласились иракцы, хотя в качестве ответственного органа надзора за переходной властью было бы предпочтительнее видеть не Совет Безопасности, а Генеральную Ассамблею, которую страны-оккупанты контролируют в меньшей степени. Необходимо отменить постыдный экономический режим, установленный оккупационными властями, наряду с суровыми антипрофсоюзными законами и методами, которые они ввели. Восстановлением страны должны управлять сами иракцы. Оно не должно превращаться в средство управления ими в соответствии с планами, о которых объявил Вашингтон⁽⁹³⁾. Те, кто несет ответственность за развал иракского гражданского общества посредством жестоких санкций и военных акций, а также поддержки ужаснейших зверств и прочих злодеяний Саддама Хусейна,

должны выплачивать репарации, а не просто ограничиться помощью. Это тот минимум, который диктует порядочность. Вот один из способов выяснить, чего стоят все разговоры о продвижении демократии: нужно посмотреть, как решаются эти проблемы, и поднимаются ли они вообще – впрочем, ответы на оба эти вопроса лежат на поверхности.

«Выраженная прее́мственность»

Наиболее убедительными свидетелями, удостоверяющими искренность мессианской миссии президента Буша, должны считаться ведущие ученые и наиболее восторженные поборники «продвижения демократии». Никто из них не занимает столь видное положение, как Томас Карозерс, директор проекта «Демократия и власть закона» Фонда Карнеги, который называет себя «неореиганистом». Через год после вторжения в Ирак и после того, как мессианская миссия заменила «один-единственный вопрос», Карозерс опубликовал книгу с анализом продвижения демократии, начиная со времен «холодной войны». Эта тема сейчас «широко обсуждается в новостях, в свете активных усилий США и их партнеров по коалиции обеспечить демократические преобразования в Ираке». Карозерс обнаружил следующую «выраженную прее́мственность» в деятельности всех администраций после окончания «холодной войны», включая администрацию Буша-второго: «Когда оказывается, что демократия вполне соответствует американским интересам экономики и безопасности, Соединенные Штаты продвигают демократию. Когда же демократия противоречит другим жизненно важным интересам, ее значение умалывается либо она вовсе игнорируется». В этом отношении, замечает Карозерс, все администрации с удивительной после-

довательностью – которая обычно называется «непоследовательностью» – охвачены «раздвоением личности»⁽⁹⁴⁾.

Карозерс, кроме того, написал образцовый научный труд, посвященный продвижению демократии в Латинской Америке в 80-х годах. Эта тема имеет сейчас особенно большое значение, вследствие широко распространенного утверждения, что традиционная идеалистическая преданность Вашингтона делу «продвижения демократии» приобрела в годы правления Рейгана «особенную рельефность» и с тех пор была с еще большей активностью подхвачена действующей администрацией, преемницей администрации Рейгана. В какой-то мере Карозерс пишет с позиций участника событий, поскольку работал в рейгановском Госдепартаменте, участвуя в программах по «укреплению демократии». Он считает эти программы искренними, но неудачными. И даже систематически неудачными. В тех странах Латинской Америки, где влияние США было наименьшим, прогресс демократии был наибольшим, в особенности в начале 80-х, когда «администрация Рейгана стремилась поддержать военные правительства, которые сходили со сцены, и уж во всяком случае американская политика этого периода была направлена против демократических тенденций». Там же, где влияние Соединенных Штатов было наиболее сильным, прогресс был наименьшим.

Причина этого, по словам Карозерса, заключалась в том, что Вашингтон стремился сохранить «первоначальное устройство обществ, которые были совершенно недемократическими, по крайней мере в историческом аспекте», и избежать «преобразований популистского толка в Латинской Америке, со всеми их последствиями в виде разрушения экономического и политического порядка, а также движения в левом направлении». Администрация Рейгана «стала ми-

риться с демократической политикой как со средством ослабления устремленности к более радикальным изменениям. Однако она неизбежно поддерживала лишь ограниченные, управляемые сверху формы демократии, не грозившие разрушением традиционных структур власти, с которыми Соединенные Штаты давно были союзниками». Наибольшее удовлетворение Вашингтон испытывал от своих достижений в Сальвадоре, который он теперь предлагает в качестве модели для Ирака. Здесь рейгановская администрация стремилась к двум целям: «обеспечить проведение технически достоверных выборов, а также победу... кандидата от христианских демократов». Администрация «не могла представить себе такой Сальвадор, в котором военные не играли бы главенствующей роли, экономическая элита выпустила бы из своих рук национальную экономику, левые включились бы в политическую систему, а все сальвадорцы имели бы как формальную, так и реальную возможность участия в политической жизни. Короче говоря, для Сальвадора у американского правительства не было планов на подлинную демократию»⁽⁹⁵⁾.

Пока подобным образом происходило «продвижение демократии», государственные террористы, поддерживаемые Вашингтоном, уничтожали оппозиционеров десятками тысяч, применяли ужасные пытки и творили прочие зверства. Они покончили со свободной прессой и оставили после себя «атмосферу террора, с которой примирилось большинство населения» и которая покончила со стремлениями «к альтернативам, предполагавшим расхождения с интересами правящего класса», как выразились об этом сальвадорские иезуиты (то есть те из них, кто сумел уцелеть).

Представление о демократии Рейгана и его окружения не менее ярко иллюстрируют их фавориты в Центральной Америке. Среди них Риос Монт, злей-

ший бандит из числа отчаянных гватемальских головорезов, который, по словам Рейгана, стал «жертвой подстроенного обвинения» и был «полностью предан демократии». Здесь и бригадный генерал Густаво Альварес Мартинес из Гондураса, командующий гондурасской армией. Его карьера выглядит на сегодня особенно актуальной, поскольку он действовал под эгидой Джона Негропonte, который ведает сейчас антитеррористическими операциями, а в то время работал послом в Гондурасе и управлял крупнейшим в мире представительством ЦРУ. Как отметил Питер Корнблук, использовавший секретные документы из Национального архива безопасности, главным аналитиком которого он является, Негропonte, известный как «Проконсул», был главной фигурой, руководившей «войной контраст» самым необычным для дипломата образом. После того как в 1983 году финансирование международных террористических операций Рейгана оказалось под запретом, на Негропonte были возложены новые обязанности, и, выполняя приказы из Белого дома, он вынудил военное руководство Гондураса вести эти операции дальше, пользуясь финансированием из других источников, среди которых оказались даже незаконные денежные поступления от продажи Америкой оружия Ирану.

Главнокомандующий вооруженными силами Гондураса, генерал Альварес, был самым высокопоставленным и самым гнусным из убийц и истязателей, которых поддерживал Негропonte. Как установило расследование газеты «Балтимор Сан», Альварес пользовался мощной поддержкой Америки, даже после того, как он заявил Джеку Биннсу, послу в годы правления Картера, что «намерен воспользоваться аргентинским методом устранения подозреваемых в подрывной деятельности». Негропonte, преемник Бинса, неизменно отрицал тяжкие преступления

гондурасского режима, чтобы сохранить поток военной помощи для международных террористических операций, которыми он руководил. По сообщению «Сан», «к 1983 году, когда репрессивные методы Альвареса американскому посольству были уже хорошо известны, администрация Рейгана наградила его медалью «За боевые заслуги» с формулировкой за «содействие успешному прогрессу демократии в Гондурасе»». Негропonte восхвалял Альвареса за его «преданность демократии», следуя сценарию, озвученному Рейганом. Ответственность за злейшие преступления, совершенные в Гондурасе, лежит на элитном подразделении под названием «Батальон 3-16», который на вербовали и подготовили Соединенные Штаты и аргентинские неонацисты – самые безжалостные убийцы в Латинской Америке из всех, что поддерживал Вашингтон. Офицеры гондурасской армии, командовавшие батальоном, находились на содержании у ЦРУ. Когда же правительство Гондураса попыталось наконец заняться этими злодеяниями и призвать преступников к ответу, администрация Рейгана и Буша не дала Джону Негропonte разрешения выступить свидетелем, как того требовали суды⁽⁹⁶⁾.

Поэтому, когда мы читаем о страстной преданности рейганистов «продвижению демократии», все это нелишне держать в голове вместе с другими поучительными примерами.

Говоря короче, «выраженная преемственность» уходит своими корнями на десятилетие назад, в годы Рейгана. В действительности же она еще старше. Продвижение демократии всегда выдвигалось в качестве политического руководства к действию. Однако это нисколько не противоречило тому, что Соединенные Штаты часто свергали демократические правительства, нередко замещая их жестокими тираниями. Так было в Иране, Гватемале, Бразилии, Чили и целом ряде других стран. И в данных случаях предлоги вре-

мен «холодной войны» при ближайшем рассмотрении оказывались несостоятельными. Одновременно подтверждалась действенность практического принципа, упомянутого Карозерсом: демократия – это хорошо, если и только если она соответствует нашим стратегическим и экономическим интересам.

Избавившись от идеологических шор, трудно не согласиться с Чарльзом Бергквистом — специалистом по Латинской Америке — в том, что последовательное и часто жестокое подавление Соединенными Штатами борьбы за реформы в глубоко несправедливых и недемократических обществах Латинской Америки «не способствовало продвижению демократии». Напротив, оно «исторически приводило к ее подавлению в самой стране и за рубежом, что служило «интересам безопасности» привилегированных элит Западного полушария, получавших особые выгоды от социального статус-кво». Серьезные академические круги давно признали, что «Соединенные Штаты, на словах поддерживая представительную демократию в Латинской Америке, сильнейшим образом заинтересованы в ее противоположности». США нередко удовлетворяются здесь «процедурной демократией, и в особенности проведением выборов, слишком часто оказывающихся лишь фарсом». Эффективная демократия, возможно, и отвечает требованиям народа, однако «Соединенные Штаты озабочены обеспечением наиболее благоприятных условий для своих частных инвестиций за рубежом». Соответственно, «не существует и серьезных поводов для [американского] вмешательства в случаях многочисленных правых военных переворотов», — тут можно добавить: за исключением вмешательства для их поддержки или организации. Если же «американской идее демократии, которая тесно связана с частной, капиталистической инициативой, угрожает коммунизм» (распространенный эвфемизм для незави-

симого развития), то это совсем другое дело. За пределами Латинской Америки дела обстояли в целом так же, хотя можно было ожидать иного, учитывая природу институтов, закладывающих основы выбора политического курса. Поэтому неудивительно, что подобная политика, демонстрирующая «раздвоение личности», осуществляется и сегодня⁽⁹⁷⁾.

Карозерс надеется на то, что продвижение демократии вырастет до состояния «протонауки», хотя прогресс идет медленно. «Если взглянуть на усилия, которые предпринимали Соединенные Штаты в начале XX века для создания демократических правительств в Центральной Америке и Карибском бассейне после своих многочисленных военных интервенций, то окажется, что продвижение демократии – не такая уж новая область»⁽⁹⁸⁾. Карозерс, компетентный ученый, хорошо знает подоплеку подобных усилий, – она ярко проявилась на примере трех основных мишеней американских интервенций: Гаити, Гватемалы и Никарагуа. В этих случаях, как и в остальных, можно увидеть, что с началом «холодной войны» политика США там существенно не изменилась и что, пока шла «холодная война», она играла здесь не слишком важную роль, если не считать создания ложных впечатлений. Красной нитью через эту политику проходит сформулированный Карозерсом принцип деятельности.

В 1915 году Вудро Вильсон вторгся на Гаити – прототипическое «несостоятельное государство» – повелевая войска распустить Национальное собрание «самыми настоящими методами морской пехоты», как выразился об этом командир морских пехотинцев майор Смедли Батлер. Произошло это из-за отказа национального собрания ратифицировать разработанную в США конституцию, которая давала американским корпорациям право скупать земли на Гаити – оккупанты считали это «прогрессивным» шагом, постичь который гаитяне были не в состоянии. Голосование,

прошедшее под управлением морской пехоты, проблему устранило: конституция была принята большинством в 99,9 % голосов, а участвовало в голосовании 5 % населения страны. Тысячи гаитян погибли, оказывая сопротивление интервентам Вильсона, которые после девятнадцати лет вильсоновского идеализма практически возродили в стране рабство, передав ее под управление кровавой Национальной Гвардии. Пока в 1990 году в Гаити не состоялись первые демократические выборы, там было совершено бесчисленное количество злодеяний, которые США поддерживали.

Результат этих выборов стал для Вашингтона сигналом тревоги. Массовые организации, сложившиеся в трущобах и пригородах, но остававшиеся без внимания, обеспечили настоящие выборы. Несмотря ни на что, население избрало своего кандидата – представлявшего его интересы священника Жана-Бертрана Аристида, тогда как утвержденный США кандидат Марк Бейзин, бывший чиновник Всемирного банка, набрал 14 % голосов. Вашингтон немедленно принялся исправлять скандальную ситуацию. Помощь, оказываемая «продвижению демократии», резко возросла – ее направляли антиправительственным группам и кругам, поддерживающим бизнес, через Агентство международного развития США, а также через Национальный фонд развития демократии и Американский институт развития свободного труда (AIFLD). (Это дочерняя организация Американской федерации труда – Конгресса производственных профсоюзов, скандально известной своими мерами против трудовых союзов в странах третьего мира.)

Один из наиболее осведомленных обозревателей по Гаити, Ами Виленц, писал, что громадный американский проект «Укрепление демократии» был «специально разработан для финансирования тех секторов политического спектра Гаити, где существовала возможность становления оппозиции правительству

Аристида». Другие американские политические решения также были направлены на сдерживание угрозы демократии, которая приняла «неправильные» решения. Когда через несколько месяцев произошел военный переворот, Организация американских государств наложила на Гаити эмбарго. Буш-первый объявил, что нарушит это эмбарго, сделав из него исключение для американских компаний. При Клинтоне торговля пошла еще дальше. Кроме того, Буш и Клинтон уполномочили нефтяную компанию «Тексако» снабжать военную хунту и ее богатых сторонников нефтью в нарушение президентских директив, сделав тем самым блокаду, введенную ОАГ, практически бессмысленной⁽⁹⁹⁾.

После трех лет ужасающего государственного террора Клинтон позволил избранному президенту Гаити вернуться в страну, но с выполнением важнейшего условия: тот должен был принять программу американского кандидата, потерпевшего поражение на выборах 1990 года. В соответствии с немедленно прозвучавшими предсказаниями жесткие неолиберальные программы разрушили все, что еще оставалось от экономического суверенитета страны, повергнув ее в хаос и насилие, а запрет Буша на оказание международной помощи, подкрепленный циничными доводами, только подлил масла в огонь. В феврале 2004 года Соединенные Штаты при поддержке Франции тайно вывезли Аристида из страны, которая снова попала в руки все тех же хищников (в том числе и армии, которую президент распустил). Через девять месяцев Школа права Университета Майами провела исследование, показавшее, что «многие гаитяне, особенно живущие в бедных районах, сейчас борются против нечеловеческих ужасов. Самые обездоленные жители страны объяты непередаваемым страхом, стремясь вырваться из лишений в обстановке нескончаемого насилия, раз-

жигающегося гаитянскими органами безопасности и права»⁽¹⁰⁰⁾.

Между тем главный организатор террора на Гаити – Эммануэль Констан, возглавлявший террористическую организацию «Революционный фронт продвижения и прогресса Гаити» (FRAPH) и несущий основную ответственность за гибель тысяч людей, – спокойно проживает в Нью-Йорке. На регулярные просьбы законно избранного гаитянского правительства выдать его Вашингтон отвечает отказом либо просто игнорирует их. Наиболее поразительным был отказ, прозвучавший в разгар бури, поднятой из-за того, что «Талибан» отверг приказания Вашингтона выдать ему подозреваемых в терактах одиннадцатого сентября без предъявления улик. Распространена точка зрения, что отказы звучат по такой причине: если Констан предстанет перед судом, он сможет рассказать о причастности ЦРУ к террору⁽¹⁰¹⁾.

Вирус широкой демократии был в очередной раз побежден – вместе с надеждами на введение определенной социальной справедливости в стране, столетиями находившейся под сапогом той или иной великой державы. Вашингтон, который заправлял в этой стране в последнее столетие, она больше не интересуется. В идеологии сохранились лишь упоминания о том, что Гаити «опустошали бури, которые местное население разбудило само», и что отчаяние гаитян по поводу их разоренной страны является «печальным комментарием к неудачам правительств», действовавших с тех пор, как в 1991 году Аристид пришел к власти⁽¹⁰²⁾. Верность Вашингтона продвижению демократии не смогла преодолеть недостатки общества, которому он так страстно хотел помочь.

В Гватемале свержение Вашингтоном законно избранного правительства «запустило ужасный, длиной в четыре десятилетия, цикл террора и репрессий, которые привели, предположительно, к гибели двухсот

тысяч гватемальцев». Эти факты хорошо известны, несмотря на старания администрации Рейгана защитить государственную власть перед лицом американских граждан, заблокировав обычную процедуру рассекретивания, предававшую огласке творившиеся там зверства, — «ужасный случай в истории» Исторического отдела Государственного департамента⁽¹⁰³⁾. Многообещающее десятилетие гватемальской демократии было прервано под предлогами времен «холодной войны», которые выглядели бы позорными, даже окажись они правдой. Подлинные причины, которые обильно освещены во внутренних документах, заключались в страхе перед гватемальской демократией и в опасности того, что «вирус» крайне популярных социальных и экономических реформ, проводившихся в Гватемале, перекинется на весь регион. Когда наконец стали доступны отчеты независимых комиссий по установлению истины в Сальвадоре и Гватемале — местах совершения гнуснейших террористических преступлений рейгановских лет — почти все эти зверства были приписаны государственному террору (а ведь это было очевидным и ранее).

В Никарагуа американская военная оккупация привела к созданию Национальной Гвардии, которая десятилетиями терроризировала население в годы правления семьи кровавых диктаторов Сомоса, поддерживавшейся Вашингтоном вплоть до того, как в ходе никарагуанского восстания 1979 года не был свергнут последний тиран. Когда поддерживать Сомосу далее не представлялось возможным, Вашингтон попытался сохранить Национальную Гвардию, а затем прибегнул к террористической войне, бушевавшей до 1990 года, когда избиратели проголосовали за утвержденного Вашингтоном кандидата — «с приставленным к голове оружием», как пишет Томас Уокер в своей образцовой исторической работе. Процент жертв в Никарагуа был таков, что в пе-

решете для США он составил бы 2,25 миллионов человек – это больше, чем погибло за все войны в американской истории, вместе взятые, включая и Гражданскую войну⁽¹⁰⁴⁾.

После того как в 1990 году США восстановили контроль над страной, Никарагуа скатилась до положения второй – после Гаити – страны по масштабам нищеты в полушарии. Гаити удерживает пальму первенства и в том, что в прошлом столетии страна являлась первоочередной целью американской интервенции, тогда как Никарагуа – второй. За десять лет значительная часть трудящегося населения эмигрировала в другие страны, чтобы делать грязную работу, обеспечивая своим семьям средства для существования. Большинство отправилось в Коста-Рику, единственную нормально функционирующую страну Центральной Америки (и единственную, которая избежала непосредственной американской интервенции). В 2003 году чиновники здравоохранения сообщали, что 60 % никарагуанских детей младше двух лет из-за недоедания страдают анемией с возможными последствиями в виде задержки в развитии. В 2004 году недоедание среди детей усугубилось, одновременно сопровождаясь сокращением продолжительности жизни. Почти 70 % сельских жителей живут в состоянии хронического или крайнего голода; более 25 % из них не может есть чаще одного раза в день, а 43 % – чаще двух раз в день. Система общественного здравоохранения находится в состоянии коллапса, а экологические катастрофы происходят преимущественно по причине отчаянной бедности (вырубание лесов и т.д.). Все это, как написала в обзоре за 2004 год газета «Ла Пренса», сделало Никарагуа «достойной титула “лаборатории исключительной социальной незащищенности”». 60 % детей и подростков не ходят в школу. Среднее количество лет обучения составляет 4,6 года, а в сельской местности приближа-

ется к двум, причем вследствие скудости ресурсов качество образования крайне низкое. Международная помощь уходит преимущественно на выплату долгов, по большей части – напоминающей мафию финансовой системе, которая развилась после триумфа террористической войны Вашингтона и экономического удушения страны в восьмидесятых⁽¹⁰⁵⁾.

Торжество американского террора было настолько полным, что возникшая на руинах «демократия» – «победа честной игры Америки», о которой восторженно провозгласил заголовок «Нью-Йорк таймс» после выборов 1990 года, – с гораздо большей готовностью, чем соседние страны, следовала директивам МВФ и Всемирного банка. И результаты этого показывают, что приватизация энергетического сектора, на которой настаивали международные финансовые организации, шла рука об руку с катастрофическим положением населения. Никарагуа оказалась самым покорным государством, поэтому и катастрофа была сильнейшей. Доступ к электричеству в Никарагуа затруднен больше, чем в соседних странах, а цены (обычно находящиеся в прямой зависимости от приватизации) гораздо выше, поскольку энергетика зависит от привозной нефти, а не от внутренних ресурсов. (Коста-Рике удалось практически полностью перейти на гидроэлектростанции.) В 1996 году, до того как Никарагуа приступила к исполнению распоряжений неолиберального толка, уровень ее электрификации был таким же, как в Гватемале, тогда как сейчас он составляет лишь немногим более половины от гватемальского. Никарагуа изобилует резервными мощностями, однако поставка электричества в сельские районы или огромному количеству бедного населения не сулит никаких прибылей. Знакомый и вполне естественный итог неолиберальных программ⁽¹⁰⁶⁾.

На крайнем либеральном фланге американской журналистики обозреватели ломают головы по по-

воду «антиамериканских жалоб Никарагуа» «в те времена, когда страна пытается оправиться от 25 лет (sic!) провальной революции и экономического застоя». Возможно, никарагуанцы страдают иррациональным мышлением, вызывающим такую досаду у цивилизованного Запада, почти как и иракцы, которые сегодня считают «абсолютно непонятным, почему иностранцы бескорыстно жертвуют своими жизнями и богатством, чтобы помочь им»⁽¹⁰⁷⁾.

Существенный прогресс первых лет, которые прошли в Никарагуа после свержения поддерживаемой США диктатуры, весьма впечатливший агентства по развитию и международные организации, быстро сошел на нет. При этом тяжелые условия жизни в Никарагуа можно значительно улучшить с помощью самых консервативных мер. Для начала Соединенные Штаты могли бы по распоряжению высших международных инстанций, Международного суда и Совета Безопасности выплатить стране репарации. Они бы с лихвой покрыли долг, который душит страну со времен террористического нападения США, хотя для того, чтобы восстановить из оставшихся от рейгановской агрессии руин жизнеспособное общество, потребовались бы многие другие меры.

В 2003 году Никарагуа посетил Колин Пауэлл, чтобы удостовериться в том, что страна должным образом содействует американской «войне с террором», в очередной раз объявленной после одиннадцатого сентября. Пауэлл выступал там, опираясь на имеющийся опыт – в 80-х годах он участвовал в осуществлении первой фазы «войны с террором», в которой Никарагуа стало одной из важнейших целей. Это никого не удивило. Когда Пауэлл прибыл, чтобы огласить свои предписания, американское посольство в Манагуа выпустило для журналистов информационный меморандум, где говорилось, что «Никарагуа влачит свое существование в качестве второй

по уровню нищеты страны в полушарии после Гаити, опустошенной бурями, которые она *разбудила сама* (выделено мною), и мало что указывает на то, что в будущем положение страны изменится». Послание Пауэлла никакого впечатления на никарагуанцев не произвело. Возможно, это объясняется меморандумом, который был написан «в оскорбительном тоне» и где говорилось, что «большинство никарагуанцев мало интересуется миром, лежащим за пределами страны»⁽¹⁰⁸⁾. Странно, отчего бы это?

В других странах Латинской Америки Пауэлли тоже было непросто выступать с посланиями. В июне 2003 года на ежегодном собрании Организации американских государств «мистер Пауэлл был практически единственным, кто сосредоточился на тройном бедствии, в котором он объединил «тиранов, наркоторговцев и террористов». Представители остальных 33 государств по большей части делали упор на необходимости социальной справедливости, предупреждая, что демократия, как таковая, может оказаться под угрозой из-за роста экономических трудностей и неравенства», которые в значительной степени происходят из американского военного вмешательства, а также экономических доктрин и политики⁽¹⁰⁹⁾.

Вновь объявленная Вашингтоном «война против террора» встретила слабый отклик и в других регионах, в частности в Ираке. Как пояснил бывший специальный посланник администрации Буша в Афганистане, «иракцы не нуждаются в особых поучениях по поводу терроризма. За последние несколько лет они потеряли от этого бедствия больше соотечественников, чем американцы за все теракты в своей истории, вместе взятые». В пересчете на процент населения «потери Ирака за каждый месяц – а иногда и за каждую неделю – сравнимы с потерями США от террористических актов 11 сентября 2001 года. Но, к сожалению, иракцы склонны винить в своих потерях

финансируемую США войну с терроризмом в той же мере, что и самих террористов». В голову приходит ряд следующих причин, которые это объясняют. Одна из них, очевидно, заключается в том, что иракцы знают, что разгул террора и хаоса был повсеместно предсказываемым последствием вторжения в Ирак. (Безусловно, знал это и директор по международной безопасности и оборонной политике «Рэнд Корпорэйшн»⁽¹¹⁰⁾.)

Короче, можно с уверенностью предположить, что развитие продвижения демократии в протонауку встретит на своем пути преграды.

Некоторые из наиболее осторожных ученых, ставших сторонниками демократизации, заявляют, что в ней имеются изъяны. Здесь стоит назвать академические статьи, процитированные в начале этой главы. Джонатан Монтен в своем исследовании «корней доктрины Буша», повторяя давно знакомую мантру, находит, что эта доктрина не является вполне новаторской. На протяжении всей американской истории продвижение демократии было «главной особенностью политического облика США и основой их общенациональной задачи». Оно было душой и сердцем «американской исключительности». В обширном и тщательном изучении Монтеном этой определяющей особенности американской исключительности игнорируются все свидетельства того, что подобная политика проводилась в действительности, если не считать многочисленных деклараций. В примечании поясняется, что автор рассматривает не исторические факты, а «то, в какой степени историческое самоощущение Соединенных Штатов как исключительной страны влияло на их внешнюю политику». Или, если выразаться точно, насколько на нее влияли риторические построения. Если понимать ученого таким образом, то «продвижение демократии является основой» стратегии Буша в своего рода

постмодернистском истолковании, где мы уделяем важнейшее внимание повествованию и тексту, игнорируя «истину», которая может являться социально обусловленным построением.

Из всех процитированных статей только в работе Катарины Делакуры делается попытка назвать несколько причин, заставляющих поверить, что продвижение демократии было реально проводившейся политикой, хотя автор ограничивается только правлением Буша-второго и Ближним Востоком. Если оставить в стороне риторику, она приводит следующие основания для своего тезиса: поощрение администрацией Буша экономической либерализации (которая для региона означает эффективную передачу экономики под власть мощных американских корпораций); открытие новых радиостанций, нацеленных на «ознакомление [молодежной аудитории] с американской культурой и внушение ей американских ценностей» (комментарии излишни); вторжение в Ирак, к которому мы непосредственно обратимся ниже. Приводится еще несколько доводов, которые автор критикует, поскольку они, хотя и «были представлены с большой помпой», во многом напоминали прежние инициативы и скудно финансировались. Делакура, кроме того, критикует «непоследовательность» усилий Америки по продвижению демократии, которая ведет «к проблеме доверия» (выделено автором).

Здесь снова заявляет о себе обнаруженная Карозерсом «выраженная преемственность», на самом деле отличающаяся значительной последовательностью. По какой-то причине упорное проведение Бушем подобной политики порождает на Ближнем Востоке скептическое отношение к мотивам, которыми руководствуется Вашингтон, а также поиски «скрытой подоплеки – например, помощи Израилю в контроле над палестинцами, стремления к захвату иракских нефтяных полей или общего распространения

американской гегемонии». Впрочем, Делакура (по традиции) возражает: «Это неадекватное описание американской позиции, и в отношении демократии администрация Буша руководствуется серьезными намерениями». Не хватает только доказательств.

Карозерс с сожалением предсказывал, что иракская политика Вашингтона продолжит эту выраженную преемственность: она, «вероятно, продемонстрирует аналогичные противоречия между заявленными принципами и политической реальностью». Когда книга Карозерса выходила в свет, его предсказания уже начинали сбываться. Оккупационные власти не покладая рук предотвращали угрозу демократии, однако с большой неохотой были вынуждены отказаться от своих планов навязать стране конституцию и предотвратить выборы. Лишь немногие компетентные обозреватели могли бы не согласиться с редакторами «Файнэншл таймс» в том, что «причиной, по которой [выборы января 2005 года] состоялись, была настойчивость великого аятоллы Али Систани, наложившего «вето» на три плана, предложенные управляемыми США оккупационными властями, а затем положенные на полку или выхолощенные». Алан Ричардс, ученый, специализирующийся по Ближнему Востоку, замечает, что, «хотя Соединенные Штаты вначале сопротивлялись проведению ранних выборов в Ираке, после того, как аятолла Али Систани вывел своих последователей на улицы и те потребовали выборов, Вашингтону не оставалось ничего другого, кроме как согласиться». Как поясняет «Уолл-стрит Джорнел», Систани «приказал: распространите известие о том, что аятолла настаивает, чтобы новое правительство было избрано путем прямых выборов, а не назначено американцами или иракскими лидерами, утвержденными США», – к чему стремился Вашингтон. Патрик Кокберн, многоопытный корреспондент, добавляет, что «лишь после того, как стало известно, что США

не смогут противостоять шиитскому восстанию, выяснилось, будто все это время выборы были непосредственной целью американцев»⁽¹¹¹⁾.

Когда стало понятно, что Соединенные Штаты и Великобритания не смогут углубить усилия по отмене выборов, оккупационные власти, естественно, приписали честь их проведения себе. Выборы и их подоплека логичным образом превратились в элемент «спонсируемого Америкой избирательного процесса», почти как и израильско-палестинский «мирный процесс», который Соединенные Штаты сдерживали тридцать лет и который превратился в «возглавляемое Америкой неуверенное движение к заключению мира между израильтянами и палестинцами»⁽¹¹²⁾.

Хотя оккупационные власти Ирака и вынуждены были смириться с выборами, они постарались свести их на нет. Американский кандидат, Ияд Аллави, получил все мыслимые преимущества: государственные ресурсы и доступ на телевидение, а также поддержку военных оккупационных властей. Финишировал он лишь третьим, примерно с 12 % голосов. Чтобы гарантировать свободу выборов, из страны были убраны наиболее влиятельные независимые СМИ, в частности катарский телеканал «Аль-Джазира», который правящие в регионе тираны презирают за то, что он является главной силой демократизации арабского мира. Одно это уже делало его присутствие на иракских выборах неуместным, и подоплека данных событий дополнительно поясняет нам характер «мессианской задачи».

Много лет высокопоставленные чиновники – Чейни, Рамсфельд, Райс, Пауэлл – оказывали на Катар давление, заставляя его прекратить вещание канала. Соединенные Штаты бомбили его здания в Кабуле и Багдаде (убив там иорданского корреспондента). По словам высокопоставленного катарского чиновника, воздействие со стороны Америки было «на

столько сильным», что «правительство заторопилось с планами выставить «Аль-Джазиру» на продажу, хотя чиновники из администрации Буша возражают против этого. По их мнению, частный канал в регионе будет нисколько не лучше»⁽¹¹³⁾.

Перед нами еще один пример, иллюстрирующий концепцию ближневосточной демократии Буша: ни одно средство массовой информации, будь то частное или государственное, не следует терпеть, если оно не находится под американским контролем. То же хорошо знакомая и вполне объяснимая практика.

Вашингтон жалуется, что «Аль-Джазира» будоражила общественное мнение своими прямыми репортажами, в которых «делался упор на жертвы среди мирного населения» в ходе разрушения США Фаллуджи, и что канал «пристрастно освещает палестинский конфликт». Другим отклонением от стандартов журналистики является то, что телеканал показывал «записанные на пленку послания Усамы бен Ладена», которые, очевидно, считаются в мусульманском мире достойными для освещения в СМИ, как и среди обеспокоенных террористической угрозой людей в других странах⁽¹¹⁴⁾.

Однако, когда в России запретили «Эй-би-си ньюс», после того как по каналу показали интервью с лидером чеченских боевиков, «приказавшим совершить или совершившим ряд самых ужасных терактов за всю историю страны», в том числе и захват школы в Беслане, в ходе которого погибло 330 человек, это вызвало массу насмешек вместе с нравоучительными выражениями озабоченности по поводу того, что Москва «ужесточает государственный контроль над новостными СМИ». Подобные выборочные реакции являются стандартной практикой, причем иногда они достигают крайней степени избирательности. Например, Никарагуа, пережившая активные нападения со стороны США, подвергалась острой кри-

тике за цензуру, но при этом тщательно маскировался тот факт, что одна из ведущих газет страны открыто поддерживала свержение правительства террористическими отрядами одной сверхдержавы, которая, кроме того, и финансировала издание. Подобное же осуждение скрывало за собой куда более предосудительные деяния такого сателлита Вашингтона, как Израиль, и, конечно, список постыдных дел самих Соединенных Штатов, которым едва ли что-то угрожало напрямую – все это можно легко проиллюстрировать. В странах Латинской Америки, где господствовали клиентские режимы Вашингтона, государственные террористы взрывали независимые СМИ, а также либо убивали редакторов и журналистов, либо вынуждали их бежать, что вообще едва замечалось в стране, которая в первую очередь и несет ответственность за эти преступления⁽¹¹⁵⁾.

Возвращаясь к иракским выборам января 2005 года, ответим, что, по сути дела, они превратились в «этническую перепись»: шииты голосовали преимущественно за шиитский список Систани, курды – за курдский список, а сунниты выборы бойкотировали. Тем не менее, выборы стали крупным триумфом массового ненасильственного сопротивления американской оккупации и были с большим энтузиазмом и отвагой отпразднованы шиитами и курдами, воспринявшими свой приход на избирательные участки как «предъявление прав на законную власть в стране»⁽¹¹⁶⁾.

Вашингтон столкнулся с фундаментальной проблемой, о которой регулярно сообщалось всякий раз, когда Соединенные Штаты пытались воспрепятствовать иракской демократии. Перед выборами двое опытных корреспондентов писали, что «все иракцы сходятся в одном – оккупации скоро должен прийти конец». А это напрямую противоречит американской цели создать «дружественную к США демократию, которая позволит Америке сменить ее военное при-

сутствие в Саудовской Аравии... на военное присутствие в Ираке, благодаря чему Америка сможет формировать баланс сил в регионе». Как и в традиционных областях американского контроля, «демократия» здесь будет приветствоваться до тех пор, пока она сохранит свою привычную «управляемую» форму, при которой у власти останется элита, поддерживающая американские цели. Проблему Вашингтона подытожил Йочи Дризен, корреспондент «Уолл-стрит Джорнел»: «Люди, которые возглавят следующее иракское правительство, обещают потребовать вывода войск, как только они придут к власти после воскресных национальных выборов». Даже поддерживаемый США кандидат Ияд Аллави вынужден был высказаться за вывод войск. Впрочем, подобное неприемлемо. Вторжение не имело бы смысла, если бы Соединенные Штаты не сумели поддержать зависимое государство-сателлит с правом размещения на его землях военных баз. Соответственно, заявляет Дризен, Вашингтон надеется и рассчитывает, что правящий шиитский альянс «примет расплывчатые обещания вывести войска, а не жесткий график вывода». Это нелегкая задача, поскольку, чего бы ни хотело иракское руководство, «для него может оказаться непросто публично защищать какое бы то ни было американское военное присутствие»⁽¹¹⁷⁾.

Основная задача по подрыву иракской демократии заключается в том, чтобы вынудить политическую элиту принять «расплывчатые обещания» и в наибольшей степени сохранить незаконный экономический режим, навязанный оккупантами и основанный на стандартном принципе открытия страны и ее ресурсов для иностранного (преимущественно британского и американского) контроля под обличьем «экономического либерализма». Борьба еще далеко не закончена – ни в Ираке, ни внутри самих оккупируемых стран.

Оккупанты, не теряя ни минуты, заявили о намерениях свести на нет результаты выборов, которых они так старались не допустить. Длинное интервью с премьер-министром Блэром открывает следующее заявление: «Тони Блэр говорит, что США и Великобритания ни в коем случае не примут графика вывода своих войск из Ирака», что бы иракцы ни думали на этот счет. «Мистера Блэра по-прежнему раздражает заявление о том, что США и Великобритания оккупируют Ирак». При этом ему, разумеется, известно, что такое мнение большинства иракцев: так считал 81 % иракских арабов через год после вторжения. Блэр настаивает на том, что «коалиция находится в Ираке с разрешения» назначенного временного иракского правительства и что «подкреплённая легитимность» избранного правительства «сделает присутствие коалиции еще более оправданным». Заявления Вашингтона были почти такими же, если не считать нескольких ритуальных фраз о преданности демократии⁽¹¹⁸⁾.

Мы не можем с достаточной уверенностью сказать, каково мнение иракцев по этим вопросам. Опрос общественного мнения, проведенный компанией «Зогби Интернэшнл», опубликованный в день выборов, показал, что 82 % суннитов и 69 % шиитов «выступают за то, чтобы американские войска были выведены или немедленно, или после того, как приступит к работе избранное правительство». Аналогичные результаты дали опросы общественного мнения, проводимые западными странами. Один из наиболее тщательных опросов, сделанный «Оксфорд Рисерч Интернэшнл» осенью 2003 года, показал, что «менее 1 % опрошенных беспокоит то, что оккупационные войска действительно покинут страну». Опрос, кроме того, установил, что «люди не доверяют американским и британским войскам (79 %) и Временной коалиционной администрации (73 %), тогда как 8 % опрошенных заявили, что они «очень верят»

в американско-британские войска». По сообщению Эндрю Кордсмана, военного и ближневосточного специалиста, свыше 70 % иракцев выступали за то, чтобы американские воинские части были выведены к осени 2003 года, а к середине 2004 года эта цифра увеличилась до более чем 80 %. Национальный комитет по суверенитету недавно избранного парламента выпустил отчет, в котором «призывал к разработке графика вывода войск», называя их «оккупационными». Спикер Высшего совета исламской революции (ВСИР), крупнейшей партии мусульман-шиитов, заявил: «Британские части должны уйти в свои казармы и возвратиться в страну только по просьбе иракской армии». На встрече всех иракских политических групп в Каире влиятельный член Центрального совета ВСИР доктор Али аль-Адад заявил, что «все силы Ирака, шииты, сунниты и курды, хотят принятия графика вывода иностранных войск» и соглашались в том, что это должно стать «первым требованием» их политических программ. Итоговое заявление суннитских, шиитских и курдских лидеров содержит «требование вывода иностранных войск согласно утвержденному графику, который будет зависеть от безотлагательной национальной программы восстановления сил безопасности». В заявлении также говорится, что «национальное сопротивление является законным правом государств», хотя к террору это и не относится⁽¹¹⁹⁾.

Опросы общественного мнения по этим важнейшим вопросам после выборов практически прекратились; во всяком случае, о них больше не сообщалось. Как пишут два осведомленных обозревателя, «американские организации по опросу общественного мнения практически перестали спрашивать иракцев о том, что те думают по поводу США и их армии, после того как непопулярность последних весной 2004 года приблизилась к 90 %. Как отмечает Стивен Кулл,

один из ведущих специалистов по исследованию общественного мнения, поскольку Международный республиканский институт стал сворачивать опросы в Ираке, значит, «мнение об американском присутствии в стране стало существенно ухудшаться».

Один, и очень важный, опрос общественного мнения все же стал достоянием гласности. Правда, лишь в Англии. Он был предпринят Министерством обороны в августе 2005 года, проводился иракскими университетскими исследователями и просочился в британскую прессу. Он установил, что 82 % опрошенных относятся к коалиционным силам «резко негативно», менее 1 % считает, что они так или иначе способствуют укреплению безопасности, свыше 70 % им не доверяют, а 67 % из-за оккупации чувствуют себя менее уверенно. «По Ираку в целом 45 % населения считает нападения [на коалиционные силы] оправданными, в одной из контролируемых британцами провинций этот процент вырос до 65, и даже в Басре, которая в основном управляется шиитским ополчением, он составляет 25 %». Если этот опрос действительно охватывал «Ирак в целом», то в арабской части страны, где реально действуют оккупационные войска, эти показатели должны быть значительно выше. Все усилия по восстановлению Ирака, «очевидно, потерпели крах. Как показывает опрос, 71 % населения редко получает безопасную для здоровья чистую воду, 47 % никогда не хватает электричества, 70 % заявляют, что канализация у них работает редко, а 40 % населения Южного Ирака являются безработными». Регулярно проводимый Институтом Брукингса обзор «О состоянии Ирака» сообщает, что в ноябре 2005 года 80 % иракцев поддерживали «вывод американских войск в самые короткие сроки», подтверждая данные опроса общественного мнения британского Министерства обороны⁽¹²⁰⁾.

Проведение независимых опросов теперь стало практически невозможным. Катастрофа, устроенная оккупационными войсками, достигла таких пределов, что сфера деятельности репортеров ограничена в значительно большей степени, чем в прошлом. Мы можем лишь гадать, как повлияли на иракское общественное мнение жестокости оккупации и то, что она породила, и насколько стремление оккупационных сил достичь их собственные цели разжигало религиозно-этнический конфликт. Однако мы можем быть достаточно уверены в том, что страны-оккупанты постараются покончить с угрозой суверенного Ирака, который стал бы «демократичным» в большей степени, чем это традиционно допускают США и Великобритания в своих сферах влияния.

Иракская катастрофа является еще одной иллюстрацией «выраженной преимущества», почти такой, как и опасался Карозерс. Впрочем, этому не стоит удивляться, если учесть необычайную значимость Ирака в геополитическом и экономическом отношении, хотя масштабы этого катаклизма едва ли можно было предугадать заранее.

Ближневосточная политика США: свидетельства

Для укрепления искренней веры в мессианскую задачу Соединенных Штатов обычно приводится еще несколько свидетельств (не будем считать таковыми декларации лидеров и случай с Ираком, который сам себя опровергает). Наиболее важными из них являются примеры Ливана, египетского движения «Кифайя» («Довольно!») и Палестины. Давайте рассмотрим каждый из них по очереди.

Пример Ливана можно выбросить из головы, если только ЦРУ не возьмет на себя ответственность за взрыв, убивший ливанского премьер-министра Рафика Харири и положивший начало антисирийским демонстрациям, которые запустили трудный, но важный процесс создания открытого общества. Хотя поверить в подобное трудно, можно представить себе, почему подобное предположение вызвало в Бейруте определенный резонанс. Возможно, ливанцы еще не предали забвению страшный взрыв автомобиля в Бейруте в 1985 году, ужасающая мощь которого унес-

ла жизни восьмидесяти человек и ранила двести (преимущественно женщин и девочек), покидавших мечеть через выход, возле которого была установлена бомба. Следы этого взрыва, который должен был убить одного мусульманского священнослужителя, оставшегося в живых, ведут к ЦРУ и саудовским спецслужбам. Им, по всей видимости, помогали британцы. Соответственно, к западной истории это не относится⁽¹⁾.

1985 год в научных кругах и средствах массовой информации назывался годом пика ближневосточного террора в разгар рейгановской «войны с террором». Наиболее значительными терактами тогда стали: взрыв в Бейруте, операции Шимона Переса под названием «Железный кулак» – злодеяния, направленные против «крестьян-террористов» из оккупированного Израилем Ливана, и бомбардировка Израилем Туниса, в ходе которой, как писал с места событий израильский журналист Амнон Капелюк, были с исключительной жестокостью убиты семьдесят пять тунисцев и палестинцев. Соединенные Штаты помогли Израилю, не предупредив Тунис, своего союзника, о том, что на него идут бомбардировщики, хотя Шестому флоту это безусловно было известно. Госсекретарь Джордж Шульц одобрил этот налет, впоследствии единогласно осужденный Советом Безопасности ООН как «акт вооруженной агрессии». (США воздержались.) Предлогом для бомбардировки стала месть за убийство на Кипре трех израильтян, за которым, по всей видимости, стояла Сирия. Однако Тунис был беззащитной целью, более полезной с идеологической точки зрения, поскольку там размещалась штаб-квартира Организации освобождения Палестины (ООП). Убийства на Кипре, в свою очередь, были мстью за похищения и убийства в открытом море, творимые израильским ВМФ, который нападал на суда, курсировавшие между Кипром и северным Ливаном. Причем многие из похищенных

доставлялись в Израиль, где их в качестве заложников бросали в тюрьмы, не предъявляя обвинений⁽²⁾.

В соответствии с господствующим «единственным стандартом» крупнейшие террористические зверства – или, что еще хуже, агрессия – не подпадали под определение международного терроризма. Свой особый статус в качестве апофеоза «чумы, которую распространяют злобные противники самой цивилизации», 1985 год получил благодаря двум событиям, которые стоили жизни одному американцу. Наиболее известным из них является захват лайнера «Акилле Лауро» в качестве мести за бомбардировку Туниса; во время захвата был жестоко убит инвалид-американец Леон Клингхоффер. Без сомнения, это было ужасное преступление, которое следует поставить в один ряд с убийством инвалидов-палестинцев Кемаля Цугхайера и Джамала Рашида израильскими войсками во время разрушения лагеря беженцев Дженин. Цугхайера застрелили, когда он пытался уехать в инвалидном кресле под белым флагом от израильских танков, которые затем раздавили и растерзали его тело. Рашид тоже был раздавлен в своем инвалидном кресле, когда один из громадных израильских бульдозеров, присланных из США, снес его дом вместе с находившейся там семьей. Благодаря господствующим моральным нормам, подобные деяния не подпадают под определение терроризма (или, что еще хуже, военных преступлений), потому что их совершила «не та» сторона⁽³⁾.

Угон «Акилле Лауро» и убийство Клингхоффера превратились в символ звериной жестокости палестинского терроризма. Майкл Бон, член Совета национальной безопасности при Рейгане, директор Ситуационной комнаты Белого дома и, таким образом, человек хорошо осведомленный, провел тщательное и весьма типичное расследование. Он рассматривает захват лайнера и убийство Клингхоффера на двух

сотнях страниц со всеми подробностями. В отчете Бона есть несколько предложений про бомбардировку Туниса, которые должны иллюстрировать «сложность ближневосточного мирного процесса», но там пропущен ряд важнейших фактов (наподобие только что упомянутых)⁽⁴⁾.

Однако неразумное население Ближнего Востока, судя по всему, не спешит проникаться картиной мира, преломленной через идеологическую призму западной интеллектуальной и нравственной культуры. Вероятно, оно также не оценит и «моральную чистоту» западных лидеров, движимых божественным провидением. Возможно, это как-то связано с тем обстоятельством, что 61 % ливанцев настроен против вмешательства Сирии в дела страны, а 69 % – против американского вмешательства⁽⁵⁾.

Между представлениями о демократии ливанцев и официального Вашингтона существуют и другие расхождения. Это демонстрирует их отношение к партии «Хезболла». «Хезболла» снискала в Ливане значительную поддержку, в особенности на юге страны, где на выборах в июне 2005 года ее кандидаты получили 80 % голосов. В марте 2005 года американская Палата Представителей 380 голосами против трех приняла резолюцию, осуждающую «постоянные террористические атаки, совершаемые “Хезболлой”», и призвавшую Европейский союз «причислить «Хезболлу» к террористическим организациям». Вслед за этим такую же резолюцию принял и Сенат. Стивен Зунс, специалист по Ближнему Востоку, принялся обзванивать офисы сенаторов, прося привести примеры террористических атак «Хезболлы» за последнее десятилетие, однако никто не смог назвать ни одного. Вместо того чтобы приветствовать превращение «Хезболлы» в политическую партию и тем самым поддержать ливанскую демократию, Конгресс предпочел пойти на поводу у пре-

зидента, продолжая наказывать «Хезболлу» за то, что она действительно совершила. Эта организация, созданная в 1982 году в ответ на израильское вторжение в Ливан, поддержанное США, отбросила интервентов назад. В течение двадцати двух лет Израиль отказывался выполнять распоряжения Совета Безопасности о выводе войск и одновременно, благодаря поддержке Соединенных Штатов, безнаказанно творил многочисленные и ужасные жестокости. Зунс замечает: «То, что американский Конгресс практически единогласно, включая некогда либеральных демократов, сговорившись, принял подобный план действий, является еще одним пугающим примером того, насколько далеко вправо отклонился политический курс в этой стране»⁽⁶⁾.

Как бы то ни было, можно спокойно исключить Ливан из числа наших доказательств. Теперь перейдем к Египту, крупнейшему получателю американской военной помощи после Израиля, и, следовательно, стране, имеющей особое значение для американцев, даже если не считать той весьма значительной роли, которую она играет в регионе.

В Египте давно назрела внутренняя потребность в демократизации. Последние несколько лет ведущей оппозиционной силой, противостоящей поддерживаемой США диктатуре Хосни Мубарака, является «Кифайя», народное «движение за перемены». «Кифайя» была основана в 2000 году, вопреки действовавшим в стране чрезвычайным законам. Ее появление было в значительной степени подогрето палестинской интифадой, а палестинские группы солидарности стали ее главными элементами. Население Египта и других стран бурно реагировало на то, что происходило на оккупированных территориях непосредственно после того, как действия Израиля спровоцировали «интифаду аль-Аксы», хотя по западным стандартам эти события мало что значили. В пер-

вые месяцы интифады израильтяне применили американские вертолеты для атак на жилые комплексы и прочие гражданские объекты – по большей части, в ответ на швыряние камней – и убили семьдесят пять палестинцев (а также четырех израильтян). Клинтон отреагировал на это крупнейшей сделкой десятилетия, благодаря которой в Израиль отправили новые боевые вертолеты. Американский народ был огражден от подобной информации благодаря прессе, которая отказалась опубликовать ее. (Именно отказалась, а не была вынуждена властями.) Согласно господствующим в Вашингтоне установлениям, которые не разделяют египетские демократические активисты, действия израильтян – это вовсе не террор и даже не преступление. Жестокости, которые творились впоследствии на оккупированных территориях, стали дополнительными стимулами для египетского движения за реформы, а затем оно присоединилось к массовым протестам против войны в Ираке. Спикер «Кифайи», Абдель-Хаким Кандиль, подчеркивает, что это движение – антиимпериалистическое, и цели его идут гораздо дальше демократизации Египта⁽⁷⁾.

Так что и движение за демократизацию Египта является не слишком удачным кандидатом для осуществления «мессианской задачи» и проводником для ее воздействия. Поэтому США обратились к израильско-палестинской проблеме, к которой и мы сейчас перейдем.

Курс «выраженной преемственности» США реализуют повсюду в регионе. Иранские реформисты неоднократно предупреждали Вашингтон, что его жесткая позиция ведет к укреплению ультраконсервативных противников свободы и способствует созданию атмосферы, которая «убивает демократию». Однако продвижение демократии для Вашингтона имеет низкий приоритет. Для него важнее наказать Иран за свержение шаха, кровавого тирана, который

пришел к власти в 1953 году благодаря устроенному США и Великобританией перевороту, положившему конец иранской парламентской системе. Если что и сохранилось в исторической памяти, то это кризис 1979 года с захватом заложников. Прошедшая четверть века ничем подобным отмечена не была – хотя иранцы могут с этим и не согласиться⁽⁸⁾.

И арабский и мусульманский мир в целом уже достаточно давно совершает попытки утвердить демократию и права человека, которые часто сдерживались империалистическими интервенциями Запада. Вероятно, наиболее мощной силой демократизации в последние годы является, как уже отмечалось, канал «Аль-Джазира», что и стало главной причиной ненависти к нему со стороны арабских тираний и Вашингтона.

В другой области свой вклад в демократизацию вносит серия докладов под названием «Доклады о развитии арабских стран», которые выпускаются под эгидой Программы развития ООН (ПРООН) и призваны исследовать «проблему свободы в арабском мире, а также ее взаимосвязь с хорошим государственным управлением и социальным развитием» (так сформулирована цель отчета за 2004 год). Корреспондент Йен Уильямс пишет, что этот и предшествующие доклады вносят вклад «в дебаты, которые ведутся в регионе и являются существенной предпосылкой для позитивных изменений». Он добавляет, что авторы докладов «всерьез относятся к арабской демократии, тогда как для Буша это всего лишь шутка». В этом отчете содержится немало критики как региональных, так и внешнеполитических событий. В нем можно встретить обвинения Израиля в оккупации Палестины, а США – в оккупации Ирака; доклад утверждает, что арабский терроризм «негативно влияет» на развитие человечества. Там осуждаются «арабские деспоты, правящие с помощью реп-

рессий и ограничивающие возможности перехода своих стран к демократии», а также «большие державы», которые оказывают им поддержку. Затрагивается здесь и «неоднократное применение и угрозы применения США «права вето», ограничивающего эффективность Совета Безопасности в деле установления мира в регионе»⁽⁹⁾.

История борьбы за демократию и справедливость в Ираке уходит корнями в конституционные движения и свободные выборы вековой давности, хотя в ходе британской оккупации, начавшейся после Первой мировой войны, страна была привычным образом отброшена назад в политическом развитии. Как пишет политолог Адид Давиша, «британцы особенно враждебно относились к демократическим процедурам, если считали, что они угрожают интересам Великобритании». Да и американцы «также не слишком приветствовали демократический процесс». Тем не менее, несмотря на жесткое правление Великобритании, иракцам удалось развить «относительно либеральные учреждения и процедуры, путь от которых мог бы вести к демократическому будущему, если бы современные лидеры были действительно преданы подобному пути развития». Как уже отмечалось, после американо-британского вторжения повальное обращение к религии, ставшее следствием жестокого режима санкций, который ввели США и Великобритания, пошло еще активнее, одновременно с пресечением светских демократических тенденций, существовавших до прихода в 1963 году к власти партии «Баас», которую эти страны поддержали. Но даже если иракцы способны восстановить то, чего они достигли, несмотря на имперское владычество, нужно иметь немало веры, чтобы надеяться, будто нынешние гегемоны разрешат подобные альтернативы и не ограничатся традиционной «управляемой демократией» правящих элит, подкрепленной мощью

Америки, при которой демократические формы будут иметь мало значения, – если только власти не будут вынуждены считаться с ними, в частности, под нажимом собственного народа⁽¹⁰⁾.

Израиль и Палестина

Проблема серьезности намерений Вашингтона по «продвижению демократии» в Палестине достаточно сложна и потому требует особого рассмотрения. США ограничивали свои усилия в этом направлении вплоть до смерти Ясира Арафата в ноябре 2004 года; она была объявлена шансом для реализации «концепции» Буша по созданию демократического палестинского государства – бледной и бесформенной тени международной договоренности, которую США блокировали в течение тридцати лет. Причины возникновения новых надежд разъяснила обзорная статья на первой странице «Нью-Йорк таймс» под заголовком: «Надежды на приход демократии вместо палестинского идола». Первое предложение статьи гласит: «Постарафатовская эра станет очередным испытанием характерной американской убежденности в том, что выборы обеспечивают легитимность даже самым неустойчивым институтам». В последнем параграфе на следующей странице читаем: «Впрочем, палестинский парадокс богат возможностями. В прошлом администрация Буша была против проведения палестинцами очередных общенациональных выборов. Тогда она считала, что выборы улучшат имидж господина Арафата и обновят его полномочия и что они могут обеспечить доверие и властные полномочия движению “Хамас”»⁽¹¹⁾.

Говоря короче, «характерно американская убежденность» заключается в следующем: выборы – это прекрасно, если они дают нужные результаты. Через

год после официального оглашения «мессианской задачи», благодаря которой так возрос поток «примкнувших к демократизации», «выраженная преемственность» в очередной раз заявила о себе, продемонстрировав одну парадоксальную особенность. Действия администрации необъяснимым образом совпадали с интересами, но расходились со словами, — хотя эти открытия, конечно, не должны подрывать веру в высказывания наших лидеров.

Региональный союзник Джорджа Буша по продвижению демократии разделял его характерную убежденность. В сентябре 2005 года Ариэль Шарон уведомил ООН, что Израиль собирается использовать имеющиеся у него многочисленные средства, чтобы сорвать выборы в Палестине, если к ним будет допущен «Хамас», поскольку эта партия действует при помощи насилия. По той же логике «Хамас» должен сорвать выборы в Израиле, если в них будут участвовать «Ликуд», партия Шарона–Переса «Кадима» или Партия труда, Ирак должен сорвать выборы в США и так далее. Как сообщил Джоэл Бринкли, позиция Израиля свела на нет все усилия палестинского премьер-министра Махмуда Аббаса, стремившегося «отвлечь «Хамас» и «Исламский джихад» от насилия, направив их в основное политическое русло». Вашингтон снова остался верен характерно американской убежденности: «Обеспеченный тем, что палестинские боевики обеспечат себе участие в парламентских выборах, Вашингтон требует от Махмуда Аббаса, чтобы тот добился от кандидатов отказа от насилия, а также от «незаконных или недемократических методов»». При выполнении этого условия выборы стали бы невозможны, и Соединенные Штаты и Израиль могли бы не беспокоиться относительно их проведения. Шарон между тем пояснил: Израиль отказывается от своих обязательств заморозить строительство посе-

лений на начальном этапе, данных в рамках плана «дорожная карта», повторив, что «Израиль никогда не откажется от крупных поселений на Западном берегу, в которых проживает большинство поселенцев». Он же заметил, что «в прошлом году президент Буш в своем письме признал, что при определении границы между Израилем и будущим палестинским государством необходимо принимать во внимание “демографические реалии”»⁽¹²⁾.

Арафат был избран президентом в 1996 году, в ходе выборов, итоги которых Вашингтон признал, что, впрочем, после обернулось против Арафата. Однако позднее в легитимности этим выборам отказали. Специалист по Ближнему Востоку Жильбер Ачкара указывает, что «Арафат, который был избран демократическим путем на основе всеобщего избирательного права, неизменно добивался права организовать новые палестинские выборы. Однако в этом праве ему отказывали. Просто потому, что палестинцы гарантированно переизбрали бы его». Буш объявил о своей миссии по демократизации арабского мира, а вскоре после этого одобрил изоляцию Ариэлем Шароном одного из законно избранных арабских лидеров в комплексе зданий в Рамалле. Между тем Буш назвал Шарона «приверженцем мира», спокойно закрыв глаза на его полувековой послужной список участника исключительного террористического насилия и открытой агрессии, продолжающейся и в настоящий момент⁽¹³⁾.

Когда Арафат был надежно взят под охрану, Буш и Шарон потребовали, чтобы его заменил Махмуд Аббас, новая надежда палестинской демократии. Пресса сообщала, что, «в отличие от господина Арафата, господин Аббас не пользуется широкой поддержкой, и его вновь обретенные полномочия могут встретить сопротивление в лице соперников из его же поколения» – еще одно указание на то, сколь свя-

то администрация Буша хранит верность демократии⁽¹⁴⁾.

Об этой концепции демократии можно узнать больше, если посмотреть, как освещалась смерть Арафата, даже ограничившись одной только официальной «Нью-Йорк таймс».

Арафат одновременно был «символом надежды палестинцев на создание жизнеспособного независимого государства и основным препятствием на пути его образования». Он оказался не способен достичь тех же высот, что и президент Египта Анвар Садат, который «вернул Синайский полуостров с помощью мирного договора с Израилем, поскольку в ходе своего визита в Иерусалим в 1977 году «сумел достичь контакта с израильцами, обратившись к их страхам и надеждам» (как сказал об этом Шломо Авинери, израильский политический мыслитель и бывший государственный чиновник)⁽¹⁵⁾.

Факты же выглядели так: шестью годами ранее, в феврале 1971 года, Садат предложил Израилю окончательный мирный договор в обмен на вывод Израилем войск с оккупированных территорий, в частности с египетского Синайского полуострова. Правительство Партии труда Голды Мейр отвергло предложение Садата, предпочтя ему вторжение на Синайский полуостров, где войска под командованием генерала Шарона тысячами сгоняли бедуинов в пустыню и разрушали их города, дабы построить город Ямит, населенный исключительно евреями, а также кибуцы и прочие еврейские поселения. Предложение Садата строго соответствовало официальной политике США, однако Вашингтон решил поддержать отказ Израиля, приняв киссинджеровскую «политику пата»: никаких переговоров, только применение силы. Прямым следствием отказа США и Израиля от дипломатических мер явилась война 1973 года, которая поставила на грань гибели Израиль и весь мир

в целом, когда Соединенные Штаты объявили ядерную тревогу. Киссинджер понял, что просто проигнорировать Египет не удастся, и согласился пойти дипломатическим путем, который в итоге привел к кэмп-дэвидским договоренностям 1979 года. Согласно ним Соединенные Штаты и Израиль принимали предложение, сделанное Садатом в 1971 году. Эти соглашения преподносятся в истории как дипломатический триумф США. В действительности же политика Вашингтона явилась дипломатической катастрофой, приведшей к неисчислимым страданиям и даже к угрозе мировой войны.

В 1971 году в мирном предложении Садата ничего не говорилось о правах палестинцев, которые тогда еще не стояли в международной повестке дня. Но к середине 1970-х годов положение изменилось, и Садат настаивал на признании национальных прав палестинцев с оккупированных территорий, поддержанных международным сообществом и отвергнутых лишь США и Израилем. Следовательно, предложение Египта, на которое Соединенные Штаты и Израиль согласились в Кэмп-Дэвиде, было с их точки зрения жестче, чем предложение, отклоненное ими восемью годами ранее. Принятие предложения Садата в 1971 году повлекло бы за собой эффективное окончание международного конфликта. Оно могло стать залогом прогресса и в решении израильско-палестинского конфликта, если бы Соединенные Штаты и Израиль дали себе труд поразмыслить над этой возможностью. Генерал Шломо Газит, военный командующий на оккупированных территориях с 1967 по 1974 год, сообщает в своих мемуарах, что на протяжении этих лет палестинцы предлагали самые разнообразные варианты местной автономии. Израильская военная разведка сообщала о них с одобрением, однако они игнорировались или отвергались в высших эшелонах власти, где настаивали на «существен-

ном изменении границ» и ни к каким соглашениям не стремились, «стремясь покончить со всякими надеждами палестинцев в ситуации, когда Израиль запрещал им политическую деятельность»⁽¹⁶⁾.

Газит считает, что, заняв эту крайнюю позицию, поддерживаемые США лейбористские правительства 70-х годов в значительной степени несут ответственность за подъем фанатичного поселенческого движения «Гуш Эмумим» и в конечном счете за палестинское сопротивление, которое много лет спустя развилось до первой интифады после многих лет государственного террора, жестокостей со стороны поселенцев и постепенного захвата палестинских земель и ресурсов. Наиболее ценным из этих ресурсов, наряду с пахотной землей, была вода. В годы оккупации палестинцы были «народом с самым худшим снабжением водой в регионе, а в действительности и во всем мире», пока Израиль присваивал 80 % воды, получаемой из водоносных пластов Западного берега, владение которыми сейчас закрепляется «разделительной стеной» под явно надуманными предложениями обеспечения безопасности. Продолжая политику грабежа и унижений, Израиль планирует захватить крупнейшую каменоломню Западного берега для незаконного вывоза туда израильского мусора, лишая палестинцев возможности использовать ее и создавая, по мнению экспертов по загрязнению окружающей среды, опасность для оставшихся у них водных ресурсов⁽¹⁷⁾.

Обозревая преимущественно политическую и дипломатическую историю, мы не должны оставлять без внимания и гуманитарную ситуацию, возникшую в процессе оккупации. Ее емко описал израильский историк Бенни Моррис: «Израильтяне предпочитают верить и заявлять всему миру, что они осуществляют «просвещенную» или «щадящую» оккупацию, которая качественно отличается от прочих военных оккупаций, которые видел мир. Однако правда зак-

лючается в обратном. Израильская оккупация, как и все остальные, основывается на грубой силе, репрессиях и страхе, коллаборационизме и измене, избиениях и камерах пыток, а также на ежедневном запугивании, унижении и манипулировании. Относительно слабое сопротивление и гражданское неповиновение позволило Израилю создать иллюзию нормальной ситуации и строить управление на относительно узком силовом фундаменте, который состоит из нескольких батальонов Армии обороны Израиля, нескольких десятков офицеров полиции (рядовые полицейские набираются из палестинцев) и приблизительно сотни оперативных сотрудников Главной разведывательной службы разведки и следователей»⁽¹⁸⁾.

Есть все основания полагать, что вплоть до войны октября 1973 года Израиль мог бы прийти к своего рода федеральному устройству – с управляемой по мандату Палестиной (Цисиорданием – на всем Западном берегу Иордана, от реки до моря), разделенной на два автономных региона, в каждом из которых преобладали бы либо евреи, либо арабы. Предложения палестинцев, которые отвергло руководство Израиля, могли бы стать шагами в этом направлении. Федеративное устройство привело к дальнейшей интеграции двух обществ, насколько это позволяли бы обстоятельства. А это породило бы своего рода «двунациональное» государственное устройство, корни которого в значительной степени уходят в сионистское движение, предшествующее израильскому государству, и являются вполне естественным явлением в данном регионе – более того, и в других регионах тоже. Существует множество моделей многонациональных государств, и некоторые из них достаточно успешны – часто даже в большей степени, чем системы государственного устройства, которые были навязаны посредством насилия и нередко вели к ужасающим жестокостям. Любой, кто знаком с по-

ложением на западном берегу Иордана, понимает, что любая граница, проведенная по нему, будет в высшей степени условной, однако и она окажется предпочтительнее оккупации. В те годы прозвучал ряд публичных (хотя и ограниченных) заявлений в защиту подобных мер. Однако после войны 1973 года эта возможность была утрачена, и единственным серьезным вариантом в краткосрочной перспективе стало создание двух государств с учетом международных договоренностей, которые Израиль и США заблокировали⁽¹⁹⁾.

Итак, главные факты нам ясны. «Основным препятствием для основания» палестинского государства был отнюдь не злодей Арафат, а, скорее, Соединенные Штаты и Израиль, которым помогали средства массовой информации и обозреватели, замалчивавшие и искажавшие реальную действительность. Этот вывод покажется еще более обоснованным, если мы взглянем на ход развития событий с тех пор, как проблема прав палестинской государственности в середине 70-х годов вошла в повестку дня международного сообщества. В 1976 году Соединенные Штаты наложили «вето» на резолюцию, внесенную Сирией и предлагавшую создание двух государств при поддержке крупных арабских стран и ООП Арафата. Предложение включало в себя основополагающую формулировку из резолюции Совета Безопасности ООН, которую все стороны признали основополагающим дипломатическим документом. В последующие годы Соединенные Штаты практически в одиночку блокировали широкую международную договоренность, поддержав экспансию Израиля на оккупированные территории. Правовой статус захвата земель и ресурсов едва ли являлся при этом серьезным вопросом. Давид Кретцмер, видный израильский ученый-правовед, профессор международного права Иудейского университета, замечает, что незаконность создания

поселений была признана Советом Безопасности ООН, Международным Комитетом Красного Креста, государствами-участниками Женевских конвенций, а недавно и Международным судом – единогласно, включая и судью от США Бергенталя⁽²⁰⁾.

Соединенные Штаты продолжают блокировать дипломатическое решение вопроса. Вот одно важное свежее доказательство: представление Женевского соглашения в декабре 2002 года. Эти подробные предложения должны были помочь решить проблему с признанием израильского и палестинского государств. Их сформулировали неофициальные, но влиятельные израильские и палестинские участники переговоров, они были поддержаны, как всегда, широким международным сообществом и с обычным исключением: «Соединенные Штаты, что вполне очевидно, не вошли в число государств, одоббивших соглашение», как сообщила об этом в разносной статье «Нью-Йорк таймс». Израиль также отверг это соглашение⁽²¹⁾.

Подобный небольшой эпизод из дипломатической деятельности Америки, которая отличается такой последовательностью и характерной ясностью, и так широко документирована, что надо приложить массу сил, чтобы ее не заметить. Впрочем, история резко опровергает правоту наших лидеров, и потому, конечно, она должна быть сброшена со счетов за ее политическую некорректность. «Главным препятствием» на пути искренней приверженности Вашингтона делу палестинского государства и демократии следует признавать Арафата.

Длинный некролог Арафату, который опубликовала в «Нью-Йорк таймс» специалист по Ближнему Востоку Джудит Миллер, написан в том же ключе. По версии Миллер, «вплоть до 1988 года Арафат неоднократно отвергал предложение о признании Израиля, настаивая на вооруженной борьбе и терро-

ристических операциях. Выбор в пользу дипломатии он сделал только после того, как оценил положение Саддама Хусейна во время войны в Заливе, в 1991 году». Если же обратиться к истории, то на протяжении 80-х годов Арафат неоднократно предлагал провести переговоры с целью дипломатического урегулирования, тогда как Израиль – и особенно его ратовавшие за мир «прагматики» – с ходу отвергал любые обсуждения, и Вашингтон поддерживал эту позицию. Иерусалимский корреспондент «Нью-Йорк таймс» Томас Фридман раз за разом давал ложную картину происходящего, а пресса, как правило, отказывалась публиковать факты, которые можно было почерпнуть из израильских изданий⁽²²⁾.

Можно предположить, что Миллер (без всяких объяснений) упоминает 1988 год, поскольку именно в этом году Национальный Совет Палестины официально призвал к двухгосударственной схеме урегулирования на условиях международных соглашений. Эту идею Совет «открыто выдвинул» на своем заседании еще в 1974 году, как отмечает Бенни Моррис, чье мнение совпадает с мнением остальных историков этого периода. В мае 1989 года израильское коалиционное правительство, которое возглавляли Ицхак Шамир и Шимон Перес, посредством своего мирного плана вновь выразило единодушие политических сил Израиля. Первым принципом плана стал следующий: между Иорданией и Израилем не может быть никакого «другого палестинского государства», потому что Иордания уже является «палестинским государством». Второй принцип гласил, что судьбу территорий следует решать «в соответствии с основными распоряжениями правительства Израиля». Израильский план был безоговорочно принят Соединенными Штатами и превратился в «План Бейкера» (6 декабря 1989 года). Как я писал в то время, провозгласить подобное – то же самое, что заявить, буд-

то «евреи не нуждаются во «второй родине», потому что у них уже есть Нью-Йорк с огромным еврейским населением, средствами массовой информации, которыми управляют евреи, мэром-евреем и решающим положением евреев в культурной и экономической жизни». План Бейкера также разрешал палестинцам, отобранным Соединенными Штатами и Израилем, участвовать в «диалоге» по израильскому плану, однако при условии, что они будут придерживаться исключительно положений плана, – факт, который требует продолжения моей аналогии⁽²³⁾.

В тот же день, когда Вашингтон объявил о том, что снова принимает израильскую политику жестких отказов, Генеральная Ассамблея ООН в очередной раз созвала международную мирную конференцию под эгидой Объединенных Наций. Ее целью стало закладывание основ для дипломатического урегулирования вопроса о международных границах (по состоянию до июня 1967 года), предоставление гарантий безопасности всем государствам региона «в рамках стабильных, признанных международным сообществом границ» и создание нового палестинского государства «под эгидой ООН на ограниченный период, в рамках мирного процесса». Предложение было принято 153 голосами против трех. «Против» голосовали США, Израиль и Доминиканская Республика, при одном воздержавшемся (Белиз). Все почти так же, как было, начиная с 70-х годов⁽²⁴⁾.

Ситуация развивалась не так, как описывает Миллер и гласит официальная доктрина, а строго наоборот: только после войны в Заливе 1991 года Вашингтон проявил готовность рассмотреть вариант переговоров, поскольку осознал, что сейчас он занимает позицию, позволяющую ему диктовать свои условия в одностороннем порядке. Американо-израильская политика отказов проводилась и после соглашений в Осло 1993 года, где ничего не говорилось о правах

палестинцев на национальное государство. По условиям соглашений Арафату отводилась роль израильского жандарма на оккупированных территориях. Премьер-министр Рабин едва ли мог высказаться на этот счет более ясно. Пока Арафат справлялся с этой задачей, он числился в «прагматиках» и заслуживал одобрения со стороны Соединенных Штатов и Израиля, закрывавших глаза на его коррупцию, насилие и жестокие репрессии. Лишь после того, как он не смог удержать население под контролем, пока оно лишалось территории и ресурсов, которые захватывал Израиль, Арафат превратился в архизлодея и преграду на пути мира. Первое официальное упоминание в Израиле возможности создания палестинского государства, по всей видимости, было сделано ультраправым правительством Биньямина Нетаньяху. Это правительство признало: палестинцы, если им нравится, могут звать те клочки территории, которые у них еще остались, хоть «государством», хоть «жареным цыпленком» (цитирую Давида Бар-Илана, директора по коммуникациям и политическому планированию из офиса премьер-министра). В мае 1997 года Партия труда – по всей видимости, впервые – признала «право палестинцев на самоопределение, не исключая в этой связи и создания палестинского государства с ограниченным суверенитетом», куда не войдут «блоки крупных еврейских поселений»⁽²⁵⁾.

Цели израильских сторонников мира были в 1998 году обрисованы в научной публикации Шломо Бен-Ами, который впоследствии, в 2000 году, возглавил ведение переговоров со стороны Эхуда Барака в Кэмп-Дэвиде. «Мирный процесс в Осло», как писал Бен-Ами, должен был привести к «постоянной неокOLONиальной зависимости» палестинцев на оккупированных территориях при той или иной форме местной автономии. Израильское освоение оккупирован-

ных территорий, с разделом их на блоки, уверенно развивалось на протяжении 90-х годов при полной поддержке США. Самый высокий темп заселения после принятых в Осло соглашений отмечался в 2000 году – это был последний год правления Клинтона и правительства Партии труда премьер-министра Барака⁽²⁶⁾.

Версия Миллер включает в себя стандартное объяснение событий: в середине 2000 года в Кэмп-Дэвиде Арафат «ответил уходом» на великодушное мирное предложение Клинтона и Барака, после чего в декабре того же года отказался присоединиться к принятым Бараклом клинтоновским «параметрам» урегулирования. Этим он решительно подтвердил, что является приверженцем насилия – горькая правда, с которой такие миролюбивые государства, как Соединенные Штаты и Израиль, волей-неволей вынуждены были примириться.

В действительности же кэмп-дэвидские предложения едва ли мог принять хоть кто-то из палестинских лидеров (включая и отклонившего их Аббаса). Это станет очевидным, если взглянуть на карты, которые доступны в стандартных источниках, при том, что в официальных американских документах их не сыскать. В ходе особенно тщательного анализа, который провели израильские историки Рон Пундак и Шауль Ариэли, был сделан вывод о том, что вступительное предложение Барака оставляло под контролем Израиля 13 % территории Западного берега. За день до окончания саммита израильская сторона по-прежнему сохраняла свои позиции, пусть в окончательном предложении Барака и фигурировали уже 12 %. Самая авторитетная карта, которую Пундак приводит в другом анализе, показывает, что американо-израильское предложение означало создание трех округов на остатках палестинских территорий на Западном берегу. Три округа были образованы

двумя выступами, вдающимися с территории Израиля далеко в Западный берег.

Один из выступов, на котором находится город Маалех-Адумим, тянется от значительно расширившегося района Иерусалима, который Израиль собирается захватить, мимо Иерихона далеко на восток, в «зону безопасности», которую контролирует израильтяне, тем самым эффективно рассекая Западный берег на две части. Этот же выступ вытянут далеко на север и практически окружает Рамаллу — главный палестинский город в центральном из округов. Более чем половина территории северного выступа приходится на район, идущий от Западного берега к незаселенным территориям, а на востоке его находятся города Ариэль и Шилох. Этот выступ решает такую задачу, как отсечение южного и центрального округов от северного. Предложенный план, помимо значительной территориальной экспансии, эффективно разделяет крупные палестинские города (Вифлеем, Рамалла, Наблус).

При этом все клочки палестинских территорий в значительной степени отделены от небольшого сектора Восточного Иерусалима, который является центром деловой, культурной, религиозной и политической жизни и местонахождением соответствующих учреждений⁽²⁷⁾.

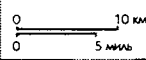
После провала переговоров в Кэмп-Дэвиде Клинтон признал, что возражения Арафата имеют под собой основания, что и отразилось в знаменитых параметрах урегулирования декабря 2000 года, которые шли еще дальше, к мирному договору, что опровергает официальную версию, которую воспроизводит Миллер. Реакцию на предложенные им параметры Клинтон обрисовал 7 января 2001 года на израильском политическом форуме: «Как премьер-министр Барак, так и председатель Арафат уже приняли эти параметры в качестве основы для дальнейше-

- Палестинские территории
- Области израильского суверенитета
- Зона безопасности, находящаяся под временным контролем Израиля.

Средиземное море

И
З
Р
А
И
Л
Ь

И
О
Р
Д
А
Н
И
Я

го решения вопроса. Оба они высказали ряд замечаний». И опять официальная версия оказывается опровергнутой⁽²⁸⁾.

Высокопоставленные участники переговоров из Израиля и Палестины приняли клинтоновские параметры урегулирования в качестве «основы для дальнейшего решения вопроса», высказав свои «замечания» на встречах в Табе в конце января 2001 года. Как отмечают Пундак и Ариэли, в Табе Израиль сократил свои притязания на 50 % по сравнению с Кэмп-Дэвидом. Тем, кто считает, что в Кэмп-Дэвиде Израиль подошел к своим «красным линиям», последним рубежам, и выдвинул «самое выгодное предложение, которое можно вообразить», авторы советуют оценить «разницу между картой из Кэмп-Дэвида, на которой аннексировалось 13 % территории, и теми 6—8 %, что Израиль предлагал до начала и во время переговоров в Табе». Очевидно, они имели в виду таких известных израильских сторонников мира, как Амос Оз, который сообщил западной общественности, что в Кэмп-Дэвиде Израиль предложил «мирное соглашение, основанное на границах 1967 года с небольшими взаимными уступками – самое выгодное предложение, которое может сделать Израиль», и что выдвинули его «ценой беспрецедентного раскола в израильском обществе, ценой политического землетрясения». Палестинцы же отклонили это предложение, настаивая на «уничтожении Израиля». Поэтому, заявил Оз, израильская партия мира должна «пересмотреть свою позицию», согласно которой главной проблемой была оккупация, поскольку сейчас правительство Израиля соглашается свернуть оккупацию, а палестинцы выступают против этого. Однако правда выглядит иначе, и в Израиле хорошо это знают⁽²⁹⁾.

Переговоры в Табе были прекращены израильским премьер-министром Бараком 27 января, раньше, чем планировалось, и за десять дней до выборов в Израиле

ле, назначенных на 6 февраля. Поэтому их итог нельзя было предсказать. На заключительной пресс-конференции обе стороны опубликовали совместное заявление, где говорилось, что они «никогда еще не были так близки к соглашению, и обе стороны полагают, что оставшиеся разногласия могут быть преодолены после возобновления переговоров, по окончании выборов в Израиле». Подробный отчет посла Европейского Союза Мигеля Моратиноса, содержащий те же оптимистические выводы, обе стороны сочли точным, и он был шумно представлен в Израиле, хотя в Соединенных Штатах его проигнорировали. Когда же Барака спросили, почему он завершил переговоры на четыре дня раньше, премьер «решительно опроверг» какие-либо надежды на прогресс и заявил: «Неважно, почему именно я завершил их. Переговоры надо было закончить, поскольку они ни к чему не вели». Как информировал Барак израильского историка Арона Брегмана, он сразу же сообщил Клинтону, что не принимает его параметры и что он «не собирался подписывать никаких соглашений до выборов»⁽³⁰⁾.

Тем не менее, неофициальные переговоры продолжались и дали несколько результатов, наиболее обстоятельным из которых стало Женевское соглашение, которое в декабре 2002 года отверг Израиль и отклонили Соединенные Штаты.

Оценивая провал, постигший эти усилия, Пундак заключает, что до Кэмп-Дэвида ни одна из сторон не выполняла своих обязательств, «однако нарушения со стороны Израиля были более многочисленными и более весомыми по характеру», даже если принять во внимание очевидный дисбаланс сил. «Палестинское руководство сумело обуздать насилие, которое вполне могло выплеснуться наружу во время пребывания Нетаньяху» в должности премьер-министра с 1996 по 1999 год, когда он «неустанно саботировал мирный процесс». Избрание в 1999 году

Барака связывалось с новыми надеждами, но они рухнули после того, как премьер отказался предоставить самоуправление палестинским деревням вокруг Большого Иерусалима, несмотря на то что данный шаг одобрило израильское правительство. Сказались и действия Барака на местах: усиление притеснений, коллективные наказания, нищета, нехватка воды, строительство [израильских] поселений (тогда как палестинцев держали «в анклавах, напоминающих бантустаны»), а также поддержка армией и гражданскими властями неприглядных акций поселенцев. В Кэмп-Дэвиде палестинское руководство и большая часть общественности были готовы сделать «необходимые уступки», однако нуждалась в определенном подтверждении того, что отношения оккупирующей и оккупированной сторон изменятся. Барак подобных подтверждений не предоставил. Пундак отмечает публично озвученные версии (предложение 95 % территории Западного берега и так далее) как «попытку переписать историю».

Как указывает Пундак, в процессе интифады, которая последовала за неудачей в Кэмп-Дэвиде, «палестинцы не отклонились от своей основной позиции, на которой они настаивают с 1993 года: разделение на два государства, с демилитаризованным палестинским государством в границах 1967 года и прагматическое решение проблемы беженцев». На переговорах в Табе стороны были близки к решению территориального вопроса, «важнейшей основы любого соглашения». Что касается ситуации с беженцами, которую часто используют, обвиняя палестинских повстанцев в провале мирного процесса, то, по словам Пундака, палестинская сторона в Кэмп-Дэвиде на всем протяжении переговоров действовала «умеренно и прагматично». В проекте, составленном в Табе, «был сделан акцент на том, что его реализация не будет угрожать еврейскому характеру изра-

ильского государства». В итоге Пундак приходит к выводу: несмотря на то что обе стороны действовали небезупречно, «двумя основными препятствиями на пути соглашения» стали неискренность Нетаньяху и управленческие ошибки Барака. Палестинцы, разумеется, придерживаются более жесткой позиции, однако в контексте данной дискуссии важную роль играет то, что подобную оценку событиям дают наиболее сведущие обозреватели, которые в целом принимают позицию Израиля⁽³¹⁾.

В основе версии Миллер лежит удостоенная всеобщего признания книга Денниса Росса, клинтоновского посланца и посредника на Ближнем Востоке. Любому серьезному обозревателю должно быть известно, что подобные источники в высшей степени сомнительны, хотя бы в силу своего происхождения. Даже поверхностного прочтения книги достаточно, чтобы убедиться – сообщения Росса стоят очень немногое. На восьми сотнях страниц можно найти по преимуществу восхваления деяний Клинтона (и самого автора), основанные почти исключительно на «цитатах» из того, что Росс якобы говорил на неофициальных обсуждениях. Там не сказано практически ни слова о том, что лежит в основе конфликта в целом – о программах урегулирования и программах развития инфраструктуры на оккупированных территориях, которые реализовывались при поддержке США в годы действия соглашений Осло и достигли пика в 2000 году. По версии Росса, Арафат – злодей, который в Кэмп-Дэвиде отказался от великодушного мирного предложения, а впоследствии отверг и параметры урегулирования Клинтона, хотя Барак их принял. Все это является неправдой, как было показано выше. С переговорами в Табе Росс поступает просто: он обрывает повествование непосредственно перед их началом. (Это также позволяет ему выпустить данную Клинтонном оценку того, как

обе стороны отреагировали на его параметры, – и о том только что было сказано.) Так автору удается обойти тот факт, что его первоначальные заключения были немедленно опровергнуты. Очевидно, что данная книга имеет невысокую ценность, за исключением того, что из нее можно почерпнуть сведения об одном из участников процесса. Ученый-ближневосточник Джером Слейтер пишет, что, «как показывает в итоге анализ, повествование Росса сводится к хитроумному, но неубедительному резюмированию событий, касающихся Израиля, администрации Клинтона и, разумеется, самого автора»⁽³²⁾.

Однако те важнейшие свидетельства, которые избежали упоминания, значат немало. Важным примером тому являются итоговые оценки, подготовленные высокопоставленными руководителями израильской разведки. В их числе были Амос Малка, глава израильской военной разведки, Ами Айялон, возглавлявший Главную службу безопасности («Шин Бет»), Матти Стейнберг, особый советник главы «Шин Бет» по палестинским вопросам, и Эфраим Лави, чиновник из исследовательского отделения, ответственный за палестинский сектор. Малка так описывает мнение, на котором они сошлись: «Было сделано предположение, что Арафат предпочитает дипломатический процесс, и он сделает все, что в его силах, дабы довести его до конца, и что он изберет путь насилия лишь в том случае, если в этом процессе зайдет в тупик. И даже его насилие направлено на то, чтобы выйти из данного тупика, запустить механизм международного давления и получить еще немного территории». По существу, это повторяет вывод, который сделал Пундак⁽³³⁾.

В дополнение к некрологу Миллер «Нью-Йорк таймс» опубликовала развернутый ответ на редакционную статью, которую написал Бенни Моррис. Тон статье задает уже первое предложение: Арафат

был обманщиком, который рассуждал о мире и о прекращении оккупации, но на самом деле добивался «освобождения Палестины». Это выглядит как демонстрация неисправимо варварской природы Арафата. Здесь Моррис обнаруживает свое презрение не только к палестинцам – причем презрение весьма сильное – но и к американской аудитории. Очевидно, он полагает, что никто не заметит, как им была позаимствована ужасная фраза из сионистской идеологии, фундаментальным принципом которой вот уже более столетия является «освобождение Земли Израиля». Этот принцип лежит в основе мотива, который Моррис считает основным для сионистского движения с самого его зарождения: «переместить» – то есть изгнать – местное население в какое-нибудь другое место, чтобы «освободить Землю Израиля» для ее настоящих хозяев, возвращающихся на нее по прошествии двух тысяч лет⁽³⁴⁾.

Моррис считается видным израильским ученым и является автором крупных исследований по арабо-израильским конфликтам, в частности по проблеме палестинских беженцев. Все это верно. Он проделал громадную работу в израильских архивах и опубликовал ценные научные документы. Кроме того, он в подробностях освещает жестокость израильских операций 1948–1949 годов, которые привели к «перемещению» большинства населения с территорий, на которых образовался Израиль, в том числе с земель, отведенных ООН для палестинского государства, захваченных израильцами и поделенных ими примерно пополам с Иорданией, их тайным партнером. Сам Моррис пишет: «Прежде всего я хотел бы повторить, что проблема беженцев была порождена нападениями израильской армии на арабские деревни города и страхом их населения перед подобными атаками, усугубленным изгнаниями, зверствами и слухами о зверствах, а также важнейшим решением

израильского правительства от 1948 года о запрете на возвращение беженцев». В результате палестинцы «были раздавлены, и 700 000 человек были высланы из страны, а еще 150 000 остались под израильским управлением». Моррис резко критикует жестокости, которые творил Израиль, и этнические чистки (буквально, «этническое вычищение») палестинцев. В частности, он осуждает их за то, что они были недостаточно основательными. По мнению Морриса, премьер-министр Давид Бен-Гурион допустил большую, может быть, даже «фатальную» ошибку, когда не вычистил всю Землю Израиля, вплоть до реки Иордан⁽³⁵⁾.

С позиций Израиля точка зрения Морриса по этому вопросу подвергается суровой критике. Но то в Израиле. В Соединенных Штатах он считается подходящей кандидатурой для единственно возможных комментариев по поводу врага, которого он так поносит.

Хотя главными жертвами американо-израильской политики отказов являются палестинцы, Израиль также пострадал от нее, даже на протяжении тех нескольких десятилетий, когда он, как ни странно, не испытывал на себе возмездия со стороны жителей оккупированных территорий, а палестинцы безмолвно терпели жестокости, пытки, упадок и разграбление их земель и ресурсов. Отказ Израиля в 1971 году принять мирные предложения, поддержанный США, обернулся немалыми страданиями и едва не привел его к гибели. Последовавшие с тех пор отказы от политического урегулирования «толкают страну к катастрофе», предупреждают четыре бывших руководителя разведывательной службы «Шин Бет», настаивая на мирном соглашении, в результате которого большинство еврейских поселений будет уничтожено. По словам одного из них, Авраама Шалома, Израиль «вел себя позорно». Известный ортодокс-

сальный ученый, исследователь Иешайяху Лейбовиц, давно выступающий как противник оккупации, прославился своим предсказанием, согласно которому угнетение другого народа приведет к тяжелой моральной деградации, коррупции и распаду общества изнутри. Сейчас его предупреждения приняты политическими кругами Израиля.

Один из ведущих израильских правоведов-аналитиков, Моше Негби, с горьким чувством описывает упадок Израиля до положения «банановой республики». Наиболее резкое осуждение у Негби вызывает не только политическое руководство, представленное всеми политическими силами страны и погрязающее в коррупции, но и израильские суды. Он пишет, что суды в стране могут приговаривать к шестимесячному сроку следователя, который запытал заключенного до смерти, или еврея, убившего арабского ребенка; они закрывают глаза на «секретные тюрьмы», где заключенные «исчезают» на манер неонацистской Аргентины или Советского Союза, а также на неисчислимое количество прочих преступлений, которые, по мнению Негби, разрушают израильскую демократию и власть закона потаканием «головорезам от расистского фундаменталистского права»⁽³⁷⁾.

Дипломатический корреспондент Акива Эльдар и историк Идит Зартель, выступая с жестким осуждением Израиля, с первых дней оккупации потакающего поселенцам на оккупированных территориях, пишут о том, как «уродливый, расистский» режим «хозяев Земли Израиля» не только «попирает элементарнейшие права человека» палестинцев, но и «подрывает фундаментальные основы израильской демократии». Как пишет Ревен Педатзур, военно-политический аналитик, «их книга не столько пробуждает гнев, сколько расстраивает любого, кому небезразличны судьба, имидж и будущее израильской демократии». Эльдар и Зартель подчеркивают:

«Расширение поселений не было бы возможным без обильной помощи, которую они получали от различных политических организаций, без одобрения их судами, решения которых шли им на пользу, и без сочувственного отношения военного руководства, у которого с поселенцами появились общие цели». Ни одно правительство, начиная с правительства Партии труда Эшкола 1967 года и заканчивая правительствами Рабина, Барака и нынешнего руководства, «не сможет избежать ответственности за экспансию поселений и за попрание прав человека и израильской демократии»⁽³⁸⁾.

Эльдар и Зартель отдельно отмечают «особенно досадный ущерб, который причинили судебные власти». Они приводят шокирующие, расистские решения суда – в том числе крайне снисходительные приговоры за жестокие убийства арабских детей и даже отказы выносить приговор евреям со ссылкой на изречение «не судите, да не судимы будете». Подобные установки «давно подрывают само основание правовой системы», пишут Эльдар и Зартель. Педатзур добавляет: «только в такой ситуации» можно понять решение Плии Альбека, чиновника из оккупационной администрации, который при поддержке судов отклонил поданный палестинцем иск о компенсации за убийство его жены пограничной полицией, на том основании, что «он только выиграл от смерти своей жены, потому что когда она была жива, ему приходилось ее содержать, а теперь не надо этого делать. Так что максимальный причиненный ему ущерб равен нулю». Бенни Моррис пишет, что «работа военных судов на оккупированных территориях, а также работа Верховного суда, который их поддерживал, войдет в анналы как «средневековье» израильской судебной системы»⁽³⁹⁾.

Эльдар и Зартель приходят к заключению, что «жизнь значительного большинства израильтян в

пределах «зеленой линии» [международной границы] протекает безмятежно, тогда как поселенцы [на оккупированных территориях], с одной стороны, завоевывают земли государству Израиль, а с другой, лишают жизни палестинцев».

Причины того, почему жизнь израильтян протекает безмятежно, постичь несложно. Их объясняет израильская журналистка Амира Хасс, которая не один год жила на оккупированных территориях и вела оттуда репортажи. «В каждом – по крайней мере, в каждом сравнительно обеспеченном – израильтянине, живет поселенец, – поясняет она. – Инициатива по заселению Западного берега для многих израильтян стала путем социально-экономического роста». Благодаря правительственным субсидиям они могут получить отличные дома, которых никогда не смогли бы позволить себе в Израиле. «Для них это способ преодолеть постепенный упадок государства всеобщего благосостояния», поскольку Израиль перенял некоторые из худших особенностей своего покровителя. Более того, поселения обеспечивают контроль над палестинскими ресурсами, поэтому «мы, евреи, можем быть расточительными, как если бы жили в стране, изобилующей водой», в то время как палестинцам не хватает питьевой воды. Также евреи могут пользоваться современными шоссе, «построенными на землях, украденных у палестинцев и полезных не только поселенцам, но и многим другим израильтянам, у которых нарождается самосознание среднего класса, требующее удобств, эффективности и экономии времени». Эти земли – золотое дно для множества компаний, «получающих прибыль от строительного бума», а поскольку поселения гарантируют угрозу для безопасности, они «делают необходимым развитие сферы обеспечения безопасности». Поэтому и неудивительно, что общественность «не беспокоится из-за того, какую роль поселения

сыграют в будущем региона». Подавление палестинцев и разрушение их общества остается «невидимым», так что из-за будущего пусть переживает кто-нибудь другой⁽⁴⁰⁾.

«Поездка по дорогам Газы, уже не один год закрытым для палестинского транспорта, демонстрирует весь масштаб тех материальных разрушений, которые оставил после себя Израиль», – отмечает Хасс. «Этого не опишет ни тысяча слов, ни тысяча фотографий. Дело не в том, что слова и фотографии воздействуют недостаточно сильно, но в том, что большинство израильтян не может этого увидеть, не может взглянуть на обширные виноградники, рощи, фруктовые сады и поля, которые народная армия Израиля превратила в пустыню, на зелень, уступившую место желтому и серому, на подступивший песок, на голую землю с колючками и сорной травой. Для того чтобы обезопасить поселенцев... АОИ (Армия обороны Израиля) потратила пять лет, выкорчевывая зеленые легкие Газы, увеча ее прекраснейшие места и лишая десятки тысяч семей средств к существованию. Талант израильтян не замечать огромные разрушения, которые мы произвели, ведет к неверным политическим оценкам. Игнорируя их, Армия обороны Израиля продолжает опустошать палестинскую территорию на Западном берегу. Вдоль [разделительной] стены и вокруг поселений в долине Иордана разрушения продолжаются; они придают освоению земель реальный характер и гарантируют, что будущая палестинская общность останется настолько разобщенной, расколотой и обезземленной, насколько это возможно»⁽⁴¹⁾.

Международные последствия того, что в 1971 году Израиль предпочел безопасности экспансию, простирались дальше войны 1973 года, ставшей прямым следствием этого шага. Отвергнув мир, Израиль выбрал зависимость от Соединенных Штатов, «хозяина,

который зовет себя партнером», как охарактеризовал отношения двух стран один видный израильский политический комментатор. Пока действия Израиля служат достижению целей Соединенных Штатов, он получает дипломатическую, военную и экономическую помощь, которая облегчает захват ценных областей оккупированных территорий, а также способствует его превращению в развитое индустриальное общество. Однако, если хозяин отдает приказ, Израиль обязан повиноваться. Подобное имело место неоднократно. Так случилось, например, в 2005 году, когда Соединенные Штаты приказали Израилю прекратить продажу Китаю передовой военной технологии. Израиль попытался уклониться или хотя бы смягчить ограничения, но тщетно. Соединенные Штаты ввели против него санкции. Чиновники из Пентагона отказались даже встречаться со своими израильскими коллегами, вынудив министра обороны Израиля, Шауля Мофаза, отложить поездку в Вашингтон. «Стратегический диалог» был эффективно свернут. США потребовали, чтобы Кнессет принял законодательный акт, ужесточающий контроль над экспортом вооружений, чтобы Израиль подписал официальный меморандум о взаимопонимании и чтобы правительство и Мофаз принесли Соединенным Штатам письменные извинения. «После того как Израиль выбросил белый флаг и принял большую часть требований, США выдвинули дополнительные, еще более жесткие условия и, как утверждалось, продемонстрировали презрительное отношение к израильской делегации», – сообщает ведущий израильский военный корреспондент Зеев Шифф⁽⁴²⁾.

Так Израилю был нанесен ряд болезненных ударов. Даже если оставить в стороне прямые оскорбления, подобный экспорт является важным компонентом военизированной и высокотехнологичной экономики Израиля. В случае, когда хозяин приказывает,

выбора у Израиля нет, и он понимает, что не может положиться на свое американское лобби, слишком предусмотрительное, чтобы конфликтовать с государственной властью по столь важным вопросам. Выбор экспансии и связанная с ним зависимость нанесли по израильскому обществу удар разрушительной силы, одновременно перекрыв выгодные альтернативы. Поэтому в непредсказуемом мире международных отношений стране грозят потенциально опасные последствия.

Рассуждая о своем видении демократии и справедливости, Буш все так же «попирает элементарнейшие права человека» палестинцев и одновременно «подрывает фундаментальные основы израильской демократии». Это лишний раз доказывает история «вето», которые США налагали на решения Совета Безопасности, касавшиеся Израиля. Семь «вето», наложенных Бушем-вторым на резолюции ООН, связанные с Израилем, уравновешивают семь «вето» Буша-первого и Клинтона, вместе взятых (хотя до девятнадцати «вето» Рейгана им еще далеко). Среди заблокированных резолюций – призыв к силам ООН по наблюдению снизить уровень насилия; осуждение всех актов террора и создание организации для их мониторинга; выражение обеспокоенности из-за убийства Израилем служащих ООН и разрушения склада Мировой продовольственной программы ООН; повторное подтверждение незаконности депортаций; выражение обеспокоенности из-за «разделительной стены», проходящей через Западный берег; осуждение убийства параличного шейха Ахмеда Ясина (вместе с двенадцатью случайными лицами) в марте 2004 года; осуждение израильского военного вторжения в Газу с убийством множества мирных жителей и обширными разрушениями⁽⁴³⁾.

Буш, впрочем, пошел еще дальше, когда стал выражать поддержку оккупации, формально признавая

право Израиля на сохранение поселений на Западном берегу и продолжая оказывать необходимую помощь израильскому вторжению. Здесь же нужно сказать о его поддержке «разделительной стены», предназначенной для того, чтобы способствовать эффективному присоединению к Израилю комфортабельных еврейских пригородов на Западном берегу вместе с лучшими пахотными землями и главными водными ресурсами региона, тогда как все остальное, предоставленное «палестинскому государству», будет раздробленной и безжизненной территорией. «Разделительная стена» окружает еврейские поселения, создавая, как пишет Мерон Бенвенисти, «три бантустана на Западном берегу: во-первых, Дженин-Наблус, во-вторых, Вифлеем-Хеврон и, в-третьих, Рамаллу». Особенно циничным выглядит при этом практически полное окружение палестинских городов и деревень, жители которых оказались отделены от своих земель, обреченных со временем стать «государственной собственностью», согласно оттоманскому праву, которое Израиль вернул к жизни, чтобы замаскировать земельный грабеж прозрачной вуалью законности. Стена вокруг города Калькийя на израильской границе вызывает дополнительные расходы и стоит Израилю лишних беспокойств, однако из-за нее город умирает. А это-то и было главной целью данного шага, непревзойденного по своему цинизму⁽⁴⁴⁾.

Та же участь ждет и другие города. Израильская правозащитная организация «Б'Целем» уже расследовала множество подобных случаев. Упомянем всего один из них: сооружение «разделительной стены» вокруг незаконно аннексированного Большого Иерусалима, для которой не существует даже малейшего предлога «безопасности». (Более того, это нарушает безопасность, поскольку многие палестинцы оказались заперты в намеченных израильских границах.) Сооружение стены «приведет к полной изоляции де-

ревни» Шейх-Саад, лежащей восточнее муниципальной границы Иерусалима и являющейся одним целым с предместьем Восточного Иерусалима, от которого местные жители зависят «во всех жизненно важных аспектах (здравоохранение, работа, среднее образование, поставки пищи и других товаров)». Деревня, расположенная на утесе, располагает лишь одной дорогой для въезда и выезда, а именно ее и блокировала Армия обороны Израиля. Теоретически жители деревни могут подать заявление на право прохода – которое раз за разом отклоняется – в случае, если им удастся нелегально пробраться в Иерусалим. В этой и многих других ситуациях в качестве орудия избирается целенаправленная жестокость, спланированная таким образом, чтобы жители «были насильственно поставлены перед выбором: жить в тюрьме или бросить дома и переехать в другое место». Те, кто знаком с историей сионизма, узнают этот метод, уходящий корнями еще в 20-е годы: двигаться «дунам за дунамом», привлекая к себе как можно меньше внимания. Или, как поставил Моше Даян вопрос в более общем плане перед кабинетом Партии труда в 70-х, палестинским беженцам следует сказать, «что у нас нет решения: вы должны продолжать жить, как собаки, или уехать, а мы посмотрим, куда этот процесс нас заведет». Но – тихо, шаг за шагом, чтобы апологеты этого курса могли отрицать факты⁽⁴⁵⁾.

«Разделительная стена» подчиняется общей логике предложений Клинтона и Барака в Кэмп-Дэвиде, однако ее идея шире. В октябре 2005 года газета «Гаарец» опубликовала карту «разделения Западного берега на “блоки”». На карте видно, что северный выступ (Ариэль) точно так же вдается в контролируруемую Израилем долину Иордана, как и южный выступ (Маалех-Адумим). Это преследует такие цели, как «отсечение северного региона Западного берега

[включая Наблус и Дженин] от центрального региона» через блокирование палестинского транспортного сообщения – элемент «большого плана по созданию на Западном берегу трех крупных “блоков”». Через несколько дней Шарон сообщил журналистам, что Израиль «намерен контролировать долину Иордана на оккупированном Западном берегу и заявляет о своем намерении сохранять расположенные там поселения до какого-либо мирного соглашения в будущем». Далее газета пишет, что Израиль полностью поглотил три округа территорий.

Развитие инфраструктуры – еще одно средство для уничтожения остатков палестинского общества. Авторитетный Фонд ближневосточного мира в своей оценке событий на оккупированных территориях сообщает, что там собираются расширять систему дорог, строительство которой тщательно планируется с 70-х годов, дабы «закрепить постоянное владение Израилем примерно половиной Западного берега и его стратегическое господство на оставшихся землях, завоеванных в июне 1967 года». Эти планы обеспечат «закрытие для палестинцев... основного транспортного сообщения с севера на юг через Иерусалим», так что у них останется только труднопроходимая дорога на север из Вифлеема. (Проезд по ней, сопряженный с угрозой свалиться в ближайшую пересохшую реку-вади, представляет собой немалую трудность.) Строительство системы дорог должны финансировать Соединенные Штаты и международное сообщество⁽⁴⁶⁾.

По намеку из Вашингтона Израиль сжимает кольцо блокады еще плотнее. Крис Мактрил, цитируя израильскую ежедневную газету «Маарив», сообщает, что «на этой неделе правительство тайно дало армии разрешение приступить к выполнению плана, который завершит вытеснение всех палестинцев с дорог, используемых израильтянами на Западном

берегу». Как сообщает «Маарив», «тем самым преследуется цель постепенно, за год или два, добиться полного разделения двух народов. Первый этап непосредственных действий по разделению охватывает дороги на оккупированных территориях: там будут дороги только для израильтян и только для палестинцев». Однако долгосрочная цель заключается в том, чтобы «превратить «разделительную стену» в границу, которая полностью предотвратит проникновение палестинцев на израильскую территорию», – то есть оккупированные земли окончательно войдут в состав Израиля. Дорогами для израильтян, продолжает Макгрил, станут добротно построенные шоссе, «тогда как палестинцам придется ограничиться второстепенными дорогами, многие из которых представляют собой не более чем грязные проселки или пути, еще только запланированные к строительству»⁽⁴⁷⁾.

Израильский журналист Гидеон Леви, чьи репортажи с оккупированных территорий обычно отличаются недостижимо высоким качеством, описывает эту ситуацию с яркими подробностями: «каждая поездка по Западному берегу» становится «нескончаемым кошмаром из-за унижений и физически ощущаемой тревоги». Когда израильские поселенцы не перемещаются по шоссе, «большинство дорог Западного берега пустынно, на них нет ни людей, ни машин... Это дороги-призраки... Если всмотреться повнимательнее, по сторонам этих дорог можно разглядеть проезды, отведенные палестинцам: тропы на горных террасах, вьющиеся по холмам, где воют двигателями машины, везущие, в частности, рожениц и школьников или просто людей, подвергающих себя серьезному риску, чтобы после двух-трех часов езды добраться до ближайшей деревни».

Такой предлог, как безопасность, звучит несерьезно: «Террорист, желающий попасть в Израиль, най-

дет способ это сделать, что хорошо видно на примере большого количества палестинцев, проникающих туда, не имея разрешения. То обстоятельство, что путь из Хеврона в Вифлеем занимает несколько часов, не предотвращает теракты, а, скорее, поощряет их. Если же задача заключается в том, чтобы «реагировать» на каждый теракт и «наказывать» за него, то почему в свободе передвижения не отказано жителям Тапуа (еврейское поселение на Западном берегу), после того как террорист Эден Натан-Зада отправился в палестинский Шфарам, чтобы убивать его жителей?» – а ведь именно это он и сделал⁽⁴⁸⁾.

Заявление сторонников израильской экспансии о том, что палестинцы смогут сохранить «тесное сообщество» посредством некоей хитроумной транспортной системы, является недостойным упражнением в обмане. И это хорошо известно каждому, кто знаком с данным регионом и с планами Израиля. Достаточно лишь поинтересоваться, как апологеты экспансии отреагируют на такое предложение (безусловно, вполне справедливое): пусть Израиль, половина населения которого занимает 78 % территорий на Западном берегу Иордана, развивается по тем же планам, что и палестинцы, занимающие 22 % этой территории. Это станет весьма показательной проверкой и в более широком смысле.

По данным израильского Министерства внутренних дел, в 2004 году количество израильтян, переехавших в поселения на оккупированных территориях, выросло на 6 %, отчасти за счет более чем 200 000 евреев, проживающих в Восточном Иерусалиме. Израиль продолжил реализацию проекта развития Е-1, который должен связать Маалех-Адумим, город на Западном берегу, с Иерусалимом. (Периодически его реализация то приостанавливается в целях оценки проекта, то возобновляется.) Сейчас проект Е-1 приписывается Шарону, причем заявляется, что «амер-

риканские официальные лица годами препятствовали этому плану». В действительности проект Е-1 и развитие Маалех-Адумима были высокоприоритетными задачами официальных сторонников мира, и их реализация происходила при поддержке США. Целью этих мер является эффективное размежевание Западного берега на две части, с закреплением барьеров, разделяющих палестинский народ и то, что еще осталось у него в Восточном Иерусалиме⁽⁴⁹⁾.

Центральным аспектом программ Шарона-Буша для оккупированных территорий явилось то, что было представлено в 2005 году как «план размежевания», рождающий новые надежды на мир, однако думать так было бы в высшей степени ошибочно. Действительно, трезвомыслящие сторонники американо-израильской политики добивались вывода из Газы, для которой оккупация означала катастрофу, незаконно созданных израильских поселений, занимавших большую часть земель и скудных ресурсов, а также нескольких тысяч поселенцев, охраняемых внушительными силами израильской армии. С точки зрения американо-израильских задач разумнее покинуть Газу, «самую большую и переполненную тюрьму в мире», где может гнить свыше миллиона палестинцев, в основном отрезанных от соседних земель сушей или морем и имеющих скудные средства к существованию⁽⁵⁰⁾.

Тот факт, что уход из Газы в действительности был планом экспансии, практически не отрицался. Когда этот план стал достоянием гласности, министр финансов Нетаньяху объявил, что «после вывода войск из Газы Израиль вложит десятки миллионов долларов в поселения на Западном берегу». Когда этот план был одобрен правительством, Шарон и министр обороны Шауль Мофаз «встретились, чтобы обсудить другой вопрос: поддержку блоков поселений на Западном берегу, которые после окончательного

соглашения намечены к аннексии Израилем». Шарон, кроме того, одобрил строительство 550 новых квартир в Маалех-Адумиме, заверив, что здесь нет «политических проблем», несмотря на заверения (с особыми оговорками), данные Кондолизе Райс. Эллиот Абрамс, советник Буша по Ближнему Востоку, дал израильтянам понять, что Соединенные Штаты беспокоит «массированный напор прессы», – но не сами проекты, которые, таким образом, можно реализовать и дальше, в соответствии с принципами «тихого строительства». На свою должность Абрамс был назначен потому, что он является произраильски настроенным сторонником войны. Он получил от Буша-первого помилование, когда был осужден за лжесвидетельство в Конгрессе по поводу террористической войны Вашингтона в Никарагуа (это была последняя попытка Буша прикрыть скандал «Иран-контра»). Шарон, кроме того, одобрил «декларацию о государственных землях» – первый шаг по созданию поселения» между Маалех-Адумимом и Иерусалимом, а также поселения около города Ефрат, который должен был развиваться на север, вдоль «разделительной стены». Политический обозреватель Алуф Бенн пишет: «Близость по времени одобрения ухода из Газы и планов строительства не является случайностью. С того дня, как Шарон представил свой «план размежевания» [декабрь 2003 года], он ясно давал понять: вывод войск из сектора Газа и Северной Самарии [изолированные форпосты на севере Западного берега] является лишь одной частью тройного плана. Две другие – это завершение «разделительной стены» на Западном берегу и «усиление контроля» над блоками поселений»⁽⁵¹⁾.

Принятый Израилем в одностороннем порядке «план размежевания» – к которому палестинцы подчеркнута не привлекались – недвусмысленно открывал его намерения. «Представляется очевидным, что

в любой будущей договоренности о постоянном статусе частями Государства Израиль будут провозглашены следующие территории: крупные центры проживания израильтян, города и деревни, зоны безопасности и прочие районы особого интереса Израиля», – говорится в плане. Соображения палестинцев при этом считаются столь же несущественными, как и международное право. Сара Рой, специалист по Ближнему Востоку из Гарварда и один из признанных знатоков истории оккупации, пишет, что «условия размежевания являются гарантией израильской оккупации. Жители Газы будут удерживаться без возможности выхода в границах, отмеченных находящейся под напряжением оградой, в то время как население Западного берега, земли которого расчлениют неуклонно развивающиеся израильские поселения, будет помещено в географически разрозненные районы, разгороженные и отделенные от мира стенами и преградами». Пока Соединенные Штаты поддерживают захват Израилем всего, что есть ценного на Западном берегу, подобный исход представляется неизбежным⁽⁵²⁾.

«Массированный напор прессы» по поводу плана размежевания действительно оказался впечатляющим и вылился в появление одной из главных историй года. Было опубликовано множество статей и фотографий, передававших страдания семей, которые вынуждены бросать свои дома и огороды; изображавших плачущих детей, тщетно пытающихся остановить солдат; мучения солдат, которым приказали изгнать евреев из их домов, одновременно выдавив из поселений тысячи протестующих. Последние хлынули туда, пытаясь остановить эвакуацию. При этом они прибегали к средствам, за которые любого палестинца убили бы на месте, и чудесным образом ускользали от армейских подразделений, умеющих сдерживать в железном кольце палестинцев. Движе-

ние «Врачи Израиля за права человека» было потрясено тем, что подробнейшее освещение потрясений, вызванных уходом из Газы, каким-то образом не затронуло «гуманитарную катастрофу, которая происходит сейчас в секторе Газа». Амира Хасс, которая много лет вела обширные репортажи из сектора, так подытожила эту оставшуюся за кадром реальность: «Ради примерно половины процентанаселения – еврейской половины процента – жизнь остальных 99,5 % была полностью нарушена и ввергнута в хаос». Те же, чья жизнь имела значение, «обитали в роскошных виллах посреди цветущего парка, всего в двадцати метрах от перенаселенных, задыхающихся лагерей беженцев». Они имели возможность «включать на газонах разбрызгиватели воды, в то время как через дорогу находилось 20 000 человек, зависевших от доставки питьевой воды танкерами»⁽⁵³⁾.

Также был проигнорирован и следующий, вполне очевидный факт: уход из Газы 15 августа не требовал участия военных. Правительство могло просто объявить, что в этот день Армия обороны Израиля покидает сектор Газа. За неделю до этого срока поселенцы могли бы тихо отбыть в предоставленных им грузовиках, получив компенсацию за переселение. Но в этом случае правительство не смогло бы сказать то, что оно хотело: евреев никогда больше не должна постичь столь ужасная участь, и Западный берег должен принадлежать им.

Нигде не был отражен и тот факт, что вся эта мелодрама была «повторным показом» того, что самая влиятельная еврейская газета назвала «Операция «Национальное Потрясение-82»», – эвакуации поселенцев из Ямита на египетском Синайском полуострове. Израильский журналист Амнон Капелюк описывал этот спектакль как «одну из крупнейших идеологических операций, проведенных правительством, дабы убедить израильский народ в том, что он испы-

тал «национальное потрясение, последствия которого будет ощущать не одно поколение». Это хорошо срежиссированное потрясение было рассчитано на то, чтобы достичь «общенационального согласия по поводу недопустимости ухода с оккупированных территорий в будущем», и, что еще более важно, на убеждение в этом тех, кто финансировал Израиль из-за рубежа. Генерал Хаим Эрец, командовавший операцией 1982 года, сказал, что относительно поселенцев «все было изначально спланировано и оговорено», и им было предложено оказать мнимое сопротивление. Об одном из последствий эвакуации Капелюк пишет: «Хотя больницы на Западном берегу были переполнены жертвами скорых на расправу израильских солдат, в Ямите случилось чудо: никто из демонстрантов даже не обратился за первой помощью»⁽⁵⁴⁾.

Операция «Национальное Потрясение-2005» достигла куда более впечатляющего драматического накала, увенчавшись тем же самым чудом: ранены, судя по всему, были только солдаты. Орит Шохат, описывая «муки и радости», подводит не оставляющие сомнений итоги: «Все, вплоть до последней детали, было срежиссировано. Поселенцы стремились уходить, погромче хлопнув дверью, и их эвакуировали силой, но без насилия – именно так и обстояло дело... Образы национальной памяти прошлой недели формировал религиозный сионизм, также упрощивший и Армию обороны Израиля, которая благодаря раввинам вышла из операции вдохновленной, решительной и идейно окрепшей. Поселенцы на Западном берегу укрепили свои владения, стали еще явственнее разделять их любимую АОИ и ненавистного Ариэля Шарона, а также еще теснее отождествлять религию и государство, религию и армию, религию и поселения, религию и сионизм... Поселенцы и движение заселения еще прочнее вошли в сердца людей. Все это было достигнуто благодаря телеви-

дению. Кто теперь может помыслить об эвакуации форпостов расселения на Западном берегу или об эвакуации других поселений, когда мы переживаем время «исцеления» и «воссоединения»? Разве что законченные злодеи»⁽⁵⁵⁾.

Один из самых видных ученых, специализирующихся на израильском обществе, Барух Киммерлинг, называет этот «театр абсурда» «самым масштабным спектаклем, который когда-либо ставился в Израиле, а возможно, и в целом мире... хорошо срежиссированной пьесой, в которой слезы льются ручьями, а мнимые враги обнимаются и рыдают друг у друга на плече, как в латиноамериканской мыльной опере». Киммерлинг замечает, что, если бы задача заключалась только в эвакуации Газы, демонстрация силы была бы совершенно излишней, равно как и «несколько тысяч статистов», усиливавших драматический накал. Было бы достаточно объявить дату эвакуации и провести необходимые приготовления, не устраивая «грандиозного спектакля, который нам показали». Впрочем, зачем тогда вообще нужна эвакуация? Урок, который в действительности заложен в этой, «по преимуществу нравоучительной постановке», преподавали «профессиональные плакальщики, которые рыдали и скандировали лозунги, рассчитанные на то, чтобы шокировать израильтян, используя неиссякаемые запасы символики Холокоста и разрушения», а писатели и другие интеллектуалы «принялись раздувать всеобщую скорбь». Все старались «продемонстрировать, что Израиль не способен перенести очередные эвакуации». То есть если на эвакуацию 7000 человек необходимо мобилизовать максимум ресурсов государства, у него не будет никакой возможности эвакуировать сто-двести тысяч человек или более⁽⁵⁶⁾.

Премьер-министр Шарон оказался на высоте. Как сообщил Джоэл Бринкли, «приказав в прошлом ме-

сяце произвести эвакуацию из Газы почти 9000 поселенцев, окрашенную бурными эмоциями, Шарон заявил, что не может помыслить об аналогичном шаге в отношении Западного берега в ближайшем будущем». Как сказал об этом сам премьер, «в этих районах проживает около четверти миллиона евреев. Там живет много детей, живут религиозные семьи, у которых много детей. Что я должен сказать им? «Вам больше нельзя здесь жить»? Но вы же здесь родились. Вы здесь родились!»⁽⁵⁷⁾.

Поселенцы, многие из которых прибыли из Соединенных Штатов, получали щедрые субсидии – явившиеся тяжким нарушением международного права – чтобы захватывать скудные пахотные земли и ресурсы Газы, наслаждаясь приятной жизнью невдалеке от лагерей беженцев – настоящих гнойников – и городов, опустошенных атаками и блокадой со стороны израильской армии. Затем они получали дополнительные субсидии, чтобы осесть в Израиле или на незаконно оккупированных землях – Западном берегу и Голанских высотах. При этом законы о компенсациях были тщательно продуманы. Поселения отличались высокой производительностью, отчасти благодаря дешевой палестинской рабочей силе. «Впрочем, ни государство, ни работодатели не компенсируют потерю работы [палестинскими работниками]», – сообщает Хасс. «Закон о компенсациях для эвакуированных, принятый Кнессетом, предоставляет людям, которые утратили работу в результате эвакуации, преимущества... Однако новый закон уточняет, что эти преимущества полагаются лишь израильтянам, а палестинские работники не могут даже получить от уезжающих нанимателей положенные им заработки. Рабочие, которые сооружали эти поселения и выращивали уходивший на экспорт урожай, теперь могут наслаждаться свободой в самой большой тюрьме мира»⁽⁵⁸⁾.

Между тем захват Западного берега продолжается. Хаим Рамон, министр, управляющий Большим Иерусалимом, признал, что иерусалимский участок «разделительной стены» возводят, чтобы гарантировать преобладание в городе евреев. Стена, таким образом, была сооружена, чтобы отсечь от Иерусалима 50 000 палестинцев и включить в него еврейские «предместья», вдающиеся далеко в Западный берег. Аннексия Израилем Иерусалима после июня 1967 года была немедленно осуждена Советом Безопасности ООН, который «срочно призывал Израиль отменить все меры, имеющие отношение к правовому статусу Иерусалима, и не принимать никаких дальнейших мер» (Резолюция № 252 от 21 мая 1968 года). Эта аннексия практически нигде официально не признается за пределами Израиля, в котором действует закон, гласящий, что «Иерусалим является столицей Израиля, Восточной Иерусалим является территорией Израиля, и Израиль обладает суверенным правом действовать там, не принимая во внимание международное право» (Ахарон Барак, главный судья Верховного суда Израиля). Экспансия в Большой Иерусалим и его восстановление продолжают в интересах Израиля и при финансовой и дипломатической поддержке США, а международное право при этом тоже не принимается во внимание. В декабре 2002 года Буш впервые опроверг официальное непризнание аннексии Иерусалима Соединенными Штатами, проголосовав против очередной резолюции Генеральной Ассамблеи, которая ее осудила. Если этот шаг говорит о серьезных намерениях, то он делает практически невозможным разрешение конфликта иным путем, кроме силового⁽⁵⁹⁾.

Редкостное признание Рамоном правды о «разделительной стене» подкрепил Мерон Бенвенисти, который очень хорошо знает Иерусалим и Западный берег. Количество палестинцев, которым был причи-

нен серьезный ущерб, не ограничивается официальной цифрой в 55 000 человек, окруженных стенами. В него входят еще 50 000 человек, что живут в районах-спутниках Иерусалима или перебрались в них, поскольку не могли найти жилья в городе из-за экспроприации палестинских земель и ограничений на строительство, которые введены для палестинцев, дабы превратить Иерусалим в еврейский город. «Это означает, что стена причиняет ущерб более чем 40 % арабских жителей Восточного Иерусалима». Заместитель премьер-министра Эхуд Ольмерт, бывший мэр Иерусалима, объявил, что разрешит устроить в стене двенадцать пропускных пунктов для палестинцев, однако «немедленно привязал выполнение этого плана к международному финансированию, поскольку “пропускные пункты делаются для палестинцев”». Бенвенисти описывает это так: «Сначала он окружает их забором, а затем цинично заявляет, что его пересечение «в интересах» тех, кто оказался в заключении». По убеждению Бенвенисти, «есть шансы, что «легкий переход», который явится неизбежным последствием возведения «забора» вокруг Иерусалима, достигнет своей цели, и Иерусалим станет «более еврейским» городом за счет распада палестинского сообщества. Впервые с тех пор, как был аннексирован Восточный Иерусалим, и после неоднократных и безуспешных попыток сломить дух палестинской общины города, будущему иерусалимских палестинцев как живой, полнокровной общности угрожает реальная опасность». Планируемая «гуманитарная катастрофа» загоняет тысячи людей в мрачный, угрюмый мирок, озлобленный и лелеющий желание отомстить», из-за чего безопасность опять приносится в жертву экспансии. Корреспондент Дэнни Рубинштейн, много лет самым достойным образом освещавший оккупацию, пишет, что «уничтожение Восточного Иерусалима в качестве столицы отдален-

ных арабских районов набирает обороты... создавая реалии, которые в известной степени исключают выбор Восточного Иерусалима как столицы палестинского государства», так как «свободное передвижение палестинцев из Иерусалима на Западный берег серьезно ограничено»⁽⁶⁰⁾.

В последний день операции «Национальное Потрясение-2005» израильские официальные лица подтвердили, что Израиль конфискует дополнительные земли, чтобы продлить «разделительную стену» вокруг города Маалех-Адумим, где планируется построить 3500 новых домов и квартир. Стена будет «глубоко вдаваться в Западный берег, запирая палестинцев в Восточном Иерусалиме» и практически отделять южный округ от остальных территорий раздробленного Западного берега. За этим объявлением последовало традиционное уклонение от вопросов, хотя Эхуд Ольмерт уведомил прессу о том, что «представляется совершенно ясным, что в будущем Израиль в определенный момент свяжет Иерусалим с Маалех-Адумимом, и то, что в конечном итоге мы должны будем реализовать этот проект, даже не подлежит обсуждению». Вскоре это заявление повторил и Шарон, а уходящий в отставку американский посол Дэвид Куртцер озвучил поддержку Бушем сохранения израильских поселений на Западном берегу. Он объявил, что «в контексте соглашений об окончательном статусе Соединенные Штаты поддержат удержание Израилем территорий с высокой концентрацией еврейского населения» – а именно блоки поселений, которые образуют «три бантустана», практически не связанных с тем, что осталось от палестинского Иерусалима и описанных Бенвенисти и другими очевидцами, придерживающимися фактов⁽⁶¹⁾.

Хотя подобные взгляды и приписываются крайне правым, они являются лишь развитием планов правительства сторонника мира Переса, которое от на-

чала до конца поддерживал Клинтон. В феврале министр строительства Биньямин «Фуад» Бен-Элиезер разъяснял: «Не секрет, что позиция правительства, на которой мы будем настаивать до конца, заключается в следующем: районы вокруг Иерусалима: Маалех-Адумим, Гиват-Зеев, Бейтар и Гуш-Этцион, окажутся обязательно включены в будущую карту Израиля. В этом нет никаких сомнений». Тут надо отметить, что между «ястребами» и «голубями» все же есть определенное различие, о котором Бен-Элиезер тоже высказался откровенно: «Я строю тихо. Моя задача – в том, чтобы строить и не вызывать противодействия моей работе... Для меня важно только одно: строить, строить и строить еще больше». Впрочем, строить надо тихо, чтобы хозяин мог делать вид, что ничего не замечает. Однако есть и те, кому не составляет труда это заметить. Конфиденциальный доклад для Европейского союза, который приписывается британскому Форин Оффису, отмечает, что в настоящее время исподволь реализуется несколько израильских программ. Среди них расширение Маалех-Адумима в зону проекта Е-1 и присоединение обширных районов вокруг Большого Иерусалима посредством «разделительной стены» и проекты, позволяющие Израилю эффективно отсечь Восточный Иерусалим от его палестинских городов-спутников Вифлеема и Рамаллы, а также от остального Западного берега. Действия Израиля будут иметь для палестинцев серьезные экономические, социальные и гуманитарные последствия и станут признаком фактического исчезновения каких-либо надежд на жизнеспособное палестинское государство, которое в значительной степени зависит от сохранения органической связи между Восточным Иерусалимом, Рамаллой и Вифлеемом⁽⁶²⁾.

Успешно завершив операцию «Национальное Потрясение-2005», Израиль, заручившись поддержкой

США, продолжил «перемещать государственные границы в глубь палестинских территорий... тихо и быстро осуществляя строительство», с увеличением поселений и учащением захватов земель, в особенности «в блоках Ариэль и Маалех-Адумим, которые далеко вдаются в оккупированные территории». За первые девять месяцев 2005 года на Западный берег перебралось около 14 000 поселенцев, в то время как Газу покинули 8500 человек, и на Западном берегу было захвачено больше земель, чем было покинуто в оставленной «тюрьме Газы». Общая картина указывает на то, что Шарон и Буш почувствовали близость окончательной победы. Воплощается в жизнь «видение» прежней Палестины, очищенной от инородных наростов, — может быть, за исключением нескольких, еще оставшихся нежизнеспособных клочков земли, которые, если угодно, можно называть «демократическим государством» или «жареными цыплятами»⁽⁶³⁾.

Даже общий взгляд на ситуацию позволяет понять, не вдаваясь в дальнейшие подробности, что израильско-палестинский конфликт можно поставить в ряд прочих иллюстраций к мессианской задаче Буша по умиротворению и демократизации Ближнего Востока.

Хотя палестинцы в Восточном Иерусалиме и подвергаются столь унижительному обращению, им повезло по сравнению с теми, кто не находится в такой степени на виду и кого поэтому можно как угодно убивать, пытать, унижать и изгонять из разрушенных домов и опустошенных земель. Более того, нельзя не удивляться тому, что дух этих людей еще не сломлен. То же самое можно сказать и о других несчастных жертвах во всем мире. Я побывал во множестве ужасных мест, однако нигде не видел такого страха, какой был в глазах у людей, пытавшихся выжить в не поддающихся описанию трупобах Гаити в годы террора, который поддерживал Клинтон. Или такой нищеты,

какая царила среди бедных крестьян юга Колумбии, согнанных со своих земель развязанной США химической войной («обеззараживанием»). В мире можно найти много таких примеров. Но даже после того, как насилие достигает своих целей и ослабевает, оно оставляет после себя «культуру террора», как назвали это явление борющиеся за выживание иезуиты Сальвадора. Однако людские сообщества каким-то образом выносят все и продолжают жить. Это почти невероятное явление послужило темой для продуманных рассуждений Бенедикта Кэри, обозревателя из газеты «Нью-Йорк таймс», который удивляется способности «хрупких обществ» восстанавливаться после террора и насилия. При этом он имел в виду Лондон, Нью-Йорк и Тель-Авив, а никак не мировых недочеловеков, которым иностранные угнетатели причиняли несоизмеримо более тяжкие страдания⁽⁶⁴⁾.

Впрочем, такое сравнение, может быть, не вполне правомерно и является простой сентиментальностью. Как глубокомысленно заметил посол в ООН при администрации Рейгана, «поскольку простой народ знаком с несчастьями традиционного образа жизни, он умеет их преодолевать, участь сносить их при взрослении в своем обществе, подобно тому, как дети касты неприкасаемых в Индии приобретают навыки и взгляды, необходимые для выживания в той жалкой роли, которую они обречены играть». Поэтому нам не следует слишком уж беспокоиться из-за судьбы тех, кто попал к нам в руки⁽⁶⁵⁾.

Недочеловеки и их взгляд на события

Очень удобно объяснять «схватку» между исламом и Западом их ненавистью к нашей свободе и ценностям, как провозгласил президент США после терактов одиннадцатого сентября, или нашим удивитель-

ным неумением донести до них наши истинные намерения. Вот заголовок из «Нью-Йорк таймс»: «Совет заявляет, что США не смогли разъяснить свою политику мусульманскому миру» – это в декабре 2004 года речь шла об аналитическом отчете Совета по оборонным исследованиям, консультативного органа Пентагона. Впрочем, заключения Совета выглядели совсем иначе. Исследование увенчалось выводом: «Мусульмане не испытывают «ненависти к нашей свободе», скорее, они ненавидят нашу политику»; к этому было добавлено, что, «когда американская публичная дипломатия говорит об установлении демократии в исламских обществах, это воспринимается всего лишь как своекорыстное лицемерие». Мусульманам кажется, утверждает далее отчет, что «американская оккупация Афганистана и Ирака не принесла туда демократию, а обернулась еще большим хаосом и страданиями»⁽⁶⁶⁾.

Отчет Совета по оборонным исследованиям повторял выводы, сделанные еще много лет назад. В 1958 году президент Эйзенхауэр ломал голову над «кампанией ненависти к нам» в арабском мире, причем «не только среди правительств, но и среди народов», которые «находятся на стороне Насера», поддерживая независимый светский национализм. Причины для этой «кампании ненависти» были указаны Советом национальной безопасности: «В глазах большинства арабов Соединенные Штаты выглядят противником реализации целей арабского национализма. Арабы убеждены, что Соединенные Штаты, очевидно, стремятся защитить свои интересы, связанные с ближневосточной нефтью, поддерживая статус-кво и препятствуя политическому или экономическому прогрессу». И более того, подобное впечатление объяснимо: «Наши экономические и культурные интересы в регионе естественным образом привели к тесным связям США с теми элементами в араб-

ском мире, основные интересы которых заключаются в поддержании отношений с Западом и в сохранении статус-кво в их странах», что препятствует демократии и развитию⁽⁶⁷⁾.

Почти к тем же выводам пришел и «Уолл-стрит джорнел», изучивший мнения «богатых мусульман» непосредственно после терактов одиннадцатого сентября. Банкиры, специалисты, бизнесмены, исповедующие официальные западные ценности, выразили обеспокоенность тем, что Вашингтон поддерживает жестокие авторитарные государства и воздвигает препятствия на пути прогресса и демократии, «оказывая помощь деспотическим режимам». Однако в добавление к недовольствам, перечисленным в 1958 году Советом национальной безопасности, появились и новые: режим санкций, введенный Вашингтоном против Ирака, и поддержка Америкой израильской военной оккупации и территориальных захватов. Исследований среди бедного и страдающего народа не проводилось, однако, по всей вероятности, он испытывает еще более сильные чувства, наряду с горьким разочарованием в прозападных элитах и коррумпированных жестоких правителях, поддерживаемых мощью Запада. Эти лидеры делают все, чтобы громадные богатства их региона перетекали в западные страны, попутно набивая свой карман. Вторжение в Ирак лишь подогрело подобные чувства, как это широко и предсказывалось⁽⁶⁸⁾.

Дэвид Гарднер, описывая тот самый отчет 2004 года Совета по оборонным исследованиям, замечает, что «арабы, по большей части, небезосновательно верят в то, что статус-кво подорвал Усама бен Ладен, а не Джордж Буш, поскольку теракты одиннадцатого сентября лишили Запад и его арабских сателлитов-деспотов возможности игнорировать политический порядок, породивший слепую ярость по отношению к ним». По сообщениям «Нью-Йорк

таймс», тех же взглядов придерживаются и саудовские шииты⁽⁶⁹⁾.

Свидетельства истинной позиции и роли Вашингтона, за исключением его виртуозных деклараций, ясно и убедительно говорят сами за себя – конечно, по стандартам сложной международной политики. Тем не менее, всегда существует возможность того, что действия Вашингтона случайно произведут положительный эффект. Сложно предсказать последствия удара дубиной по такой тонкой и сложной системе, как человеческое общество. Подобное верно даже в отношении ужаснейших преступлений. Как уже отмечалось, злодеяния Усамы бен Ладена, по ряду сообщений, оказали благотворное влияние на ускорение демократизации арабского мира. Ужасающие преступления Японской империи привели к изгнанию из Азии европейских захватчиков, что спасло многие миллионы жизней – например, в Индии, где после ухода британцев перестал возникать голод и которая смогла начать свое восстановление после многовекового имперского гнета. И, возможно, оккупация, в которой многие иракцы видят очередное вторжение монголов, в итоге будет иметь и положительные последствия, хотя оставить арабам такую возможность было бы просто позором для особо привилегированных западных стран.

Тот факт, что «выраженная преемственность» сохраняется и в настоящее время, в очередной раз доказывает, что Соединенные Штаты, во многом уподобляясь другим могущественным государствам, преследуют стратегические и экономические интересы доминирующих областей экономики под аккомпанемент ораторских изысков на тему исключительной преданности высоким ценностям. Не следует удивляться ни тому, что свидетельства преданности Вашингтона провозглашаемой им мессианской задаче сводятся к обыкновенным декларациям, ни тому, что

накапливаются свидетельства, доказывающие обратное. Как мы утверждали с самого начала, люди, отвечающие за состояние американской демократии, особого значения подобным фактам не придают. Демократия за рубежом – это прекрасно до тех пор, пока она реализуется «сверху вниз» и пока главные интересы, подразумевающие власть и богатство, не страдают от вмешательства со стороны народа. В значительной степени подобная концепция подходит и для самой Америки, и к этой проблеме мы перейдем в следующей главе.

Продвижение демократии в США

Идея продвижения демократии в Америке может показаться странной или даже абсурдной. В конце концов, это Соединенные Штаты стали первым современным (более или менее) демократическим обществом и с тех пор служат образцом для всех остальных. Во многих аспектах, образующих стеновую хребет подлинной демократии, – например, в защите свободы слова, – они являются мировым лидером. Однако есть и вполне весомые основания для беспокойства, о которых уже было упомянуто выше⁽¹⁾.

Это беспокойство возникает не впервые. Роберт Даль, наиболее видный ученый, занимающийся теоретическими и практическими вопросами демократии, писал о серьезных недемократичных чертах американской политической системы, предлагая меры по их изменению. Политическая «теория инвестиций» Томаса Фергюсона представляет собой резкую критику фундаментальных организационных факторов, которые кардинально ограничивают функционирование демократии. То же можно сказать об исследовании, которое провел Роберт Макчесни, выясняя

роль средств массовой информации в сворачивании демократической политики. И роль эта столь велика, что, по мнению автора, президентские выборы 2000 года превратились в «карикатуру». Бумерангом они ударили по самим СМИ, отрицательно сказавшись на качестве их работы и на их служении общественными интересам. Ниспровержение демократии через концентрацию личной власти, безусловно, хорошо знакомо. Уже официальные обозреватели периодически заявляют, что «бизнес находится под полным контролем государственной машины» (Роберт Рейч), вторя замечанию Вудро Вильсона, сделанному за несколько дней до вступления в должность: «Повелители американской государственной системы по совместительству являются американскими капиталистами и промышленниками». А Джон Дьюи, ведущий социальный философ Америки XX века, пришел к выводу, что «политика – это тень, которую большой бизнес отбрасывает на общество», и она будет пребывать в этом качестве, пока власть зиждется на «бизнесе, который служит для получения личной прибыли через частный контроль над банками, землей и промышленностью, усиленный голосом прессы, представителей по связям с общественностью и прочих средств рекламы и пропаганды». Таким образом, одних реформ недостаточно. Для того чтобы демократия была подлинной, необходимы фундаментальные социальные изменения⁽²⁾.

«Новый дух нового времени»

Политическая система, ставшая предметом этих критических замечаний, обладает определенным сходством с ее первоначальным проектом, авторы которого, безусловно, были бы оскорблены многими последующими дополнениями, в частности, радикаль-

ными юридическими инициативами, наделившими «коллективные юридические лица» (корпорации) теми же правами, что и людей. В области новейших международных экономических соглашений (ошибочно называемых «соглашениями о свободной торговле») эти права простираются дальше, чем права людей из плоти и крови. Каждый такой шаг является тяжелым ударом по классическим либеральным принципам, демократии и рынкам. Появившиеся таким образом бессмертные «лица», облеченные громадной властью, в силу закона обладают отсутствием нравственности, которое мы сочли бы патологическим у живых людей. Основным принципом англо-американского корпоративного права является следующий: подобные организации должны руководствоваться исключительно мотивом получения материальной выгоды. Им разрешается творить «добрые дела», но лишь в случае, если они благоприятно сказываются на их имидже – то есть на их прибыли и доле рынка. Иногда суды идут еще дальше. Как отметил Канцлерский суд штата Делавэр, «современные суды признают, что если корпорации не несут постоянно растущего бремени поддержки благотворительных и образовательных начинаний... те деловые преимущества, которыми сегодня закон наделяет корпорации, представителям возмущенной общественности вполне могут показаться недопустимыми». А чтобы «возмущенная общественность» не смогла разобраться в механизмах государственно-корпоративной системы, используются мощные «средства рекламы и пропаганды», о которых говорил Дьюи⁽³⁾.

Наиболее ясно первоначальный проект демократии охарактеризовал самый влиятельный из его авторов – Джеймс Мэдисон. Он считал, что власть должна быть сосредоточена в руках «состоятельной части народа... наиболее способной группы людей». Люди «без собственности или без надежд на ее при-

обретение, – размышлял он на закате своих дней, – не могут в достаточной степени проникнуться правами этой собственности, чтобы их можно было безопасно облекать властью». Правами здесь обладает не собственность, которая не может их иметь, а владельцы собственности, которые в силу своего положения должны получить дополнительные права, помимо тех, что имеют все граждане. Лэнс Беннинг, видный специалист по Мэдисону, отмечает: в своей «решимости защитить меньшинство от посягательства на его права со стороны большинства, Мэдисон, как это прекрасно видно, из всех людей особенно беспокоился за имущее меньшинство». Едва ли Мэдисон мог не понять, какая сила сосредоточена в следующем замечании Адама Смита: «Гражданское правительство, поскольку оно основано для того, чтобы обезопасить собственность, в действительности учреждено для защиты богатых от бедных либо тех, у кого есть какая-либо собственность, от тех, кто совсем ничего не имеет». Предупреждая своих коллег по Конституционному Конвенту об опасностях демократии, Мэдисон просил их подумать, что случилось бы в Англии, «если бы в выборах могли участвовать все сословия общества». В этом случае народ воспользовался бы своим правом голоса, чтобы перераспределить землю более равномерно. Дабы предупредить подобную несправедливость, он рекомендовал принять меры «к защите процветающего меньшинства от большинства», которые впоследствии и были приняты⁽⁴⁾.

Проблема, поставленная Мэдисоном, очень стара и восходит к первому классическому труду политической науки – «Политике» Аристотеля. Из всего многообразия систем, которые он изучил, Аристотель находил демократию «наиболее терпимой», хотя он, разумеется, имел в виду ограниченную демократию свободных людей – в значительной степени, как и Мэдисон две тысячи лет спустя. Вместе с тем Арис-

тотель признавал недостатки демократии, в том числе и тот, о котором Мэдисон напоминал Конвенту. По замечанию Аристотеля, бедные «жаждали добра своих соседей», и если богатые не окажутся сплоченными, бедные воспользуются своим правом большинства и перераспределят добро равномернее, что будет несправедливо. «В демократиях следует оберегать богатых; не только их собственность нужно оставить неделимой... но и их доходы следует защищать... Поэтому лучше всего, когда государство преуспеваает настолько, что его граждане обладают умеренной и достаточной собственностью, потому что там, где одни владеют многим, а другие – ничем, может возникнуть демократия, доведенная до крайности», которая не признает прав богатых, а, возможно, причиняет и еще больший вред.

В сущности, Аристотель и Мэдисон поставили одну и ту же проблему, однако пришли к различным выводам. Решение Мэдисона заключалось в ограничении демократии, в то время как решение Аристотеля – в уменьшении неравенства с помощью «государственных программ социального обеспечения». Он утверждал: чтобы демократия эффективно действовала, «нужно принять меры, которые обеспечат [всем людям] постоянное преуспевание». «Общественные доходы следует накапливать и разделять между бедными гражданами», чтобы они имели возможность «обзавестись маленькой фермой или, во всяком случае, заняться ремеслом или скотоводством»; есть и другие средства, например, «общественные трапезы», расходы на которые будут возмещены за счет «государственной земли»⁽⁵⁾.

В столетии, которое наступило вслед за установлением американской политической системы, народные движения существенно расширили понятие демократии, благодаря не только таким политическим изменениям, как распространение избирательного

права, но и установлению гораздо более глубокого принципа: «Демократ – это тот, кто работает на самого себя». Историк Роберт Вибе пишет, что в XIX веке данный принцип считался «нормой для всех людей». Как полагали в то время, наемный труд почти не отличался от крепостного рабства. К середине XIX века рабочие уже резко осуждали нарождающуюся систему промышленности, вынуждавшую их становиться «смирненными подданными» в руках «деспотов», низводившую их до «положения рабов» у «богатой аристократии, которая нависает над нами, словно огромная лавина, угрожающая уничтожить каждого, кто дерзнет оспорить ее право поработать и угнетать бедных и обездоленных». «Новый дух нового времени – “делай деньги и забудь обо всем, кроме себя самого”» – рабочие считали безжалостным наступлением на их достоинство, свободу и культуру⁽⁶⁾.

Потребовались немалые усилия, чтобы изгнать подобные воззрения из людских умов и сделать так, чтобы люди приняли «новый дух нового времени», примирившись с обстоятельством, о котором Вудро Вильсон сказал: «В новой Америке, которая весьма отличается от старой... большинство людей стали слугами корпораций». В этой новой Америке, «которая больше не была ареной индивидуального предпринимательства... индивидуальных возможностей и индивидуальных достижений... небольшие группы людей, управляющие огромными корпорациями, получили власть и управление богатствами и деловыми перспективами всей страны». По мере того как процесс разрастания корпораций набирал силу, переворачивая рынки и подрывая свободу, пишет Вибе, эра «работы на самого себя» подошла к концу. «В громадной витрине демократии XIX века стали гаснуть огни», – продолжает он. А «стремление к конформизму и контролю, заявившее о себе вместе с патриотизмом военного времени [Первой мировой вой-

ны], вильсоновская «красная угроза» и прочие средства, имевшие целью «привести низы общества к порядку», только способствовали этому⁽⁷⁾.

Хотя за несколько столетий народные движения одержали многочисленные победы во имя свободы и демократии, прогресс вовсе не шел торным путем поступательного развития. Происходила циклическая смена прогресса под давлением со стороны народа и регресса, когда центры власти мобилизовали внушительные силы, чтобы повернуть прогресс вспять, пусть и частично. И, несмотря на то что с течением времени эти циклы оборачивались прогрессивным развитием, иногда регресс заходил так далеко, что народ практически полностью оттирался в сторону в процессе псевдовыборов, последними из которых явилась «карикатура» 2000 года и еще более абсурдная карикатура 2004 года.

Демоническое мессианство

В замечаниях, которые открыли эту главу, был сделан обзор некоторых упреков в адрес слившейся с корпорациями государственно-капиталистической демократии в ее относительно стабильной форме. Что же касается реакции непосредственно на политику администрации Буша, то выше были озвучены куда более серьезные опасения. Осторожные голоса, раздававшиеся в научных журналах, ставили под сомнение саму «жизнеспособность... политической системы Соединенных Штатов», если система не справится с угрозами, возникшими благодаря нынешнему политическому курсу. Кое-кто, характеризуя Министерство юстиции при Буше, прибегнул к аналогиям с нацизмом, а кто-то сравнивал политику президентской администрации с политикой фашистской Японии. Меры, которые используются сегодня, чтобы кон-

тролировать население, также вызвали к жизни горькие воспоминания. Среди тех, кто обладает хорошей памятью, назовем Фрица Штерна, видного специалиста по немецкой истории. Недавний анализ «деградации Германии от порядочного строя к нацистскому варварству» он открывает следующим замечанием: «Сейчас я беспокоюсь о ближайшем будущем Соединенных Штатов, страны, которая в 30-х годах стала убежищем для немецких эмигрантов», – в том числе и для него самого. Прибегая то здесь, то там к намекам, которые читатель не сможет не разглядеть, Штерн описывает, с какой демонической притягательностью Гитлер апеллировал к своей «божественной миссии» «спасителя Германии» и в то же время «превращал политику в псевдорелигию», приспособленную к «традиционным формам христианства», управляя правительством, верным «главным идеям» нации. Он избрал «христианство в качестве основы нашей национальной морали, а семью – в качестве основы жизни народа». Враждебное отношение Гитлера к «либеральному светскому государству», которое разделяла значительная часть протестантского духовенства, выросло в «исторический процесс, в ходе которого разочаровавшийся светский мир нашел избавление в экстатическом бегстве в абсурд»⁽⁸⁾.

Не следует забывать, что стремительная деградация до глубин варварства случилась в стране, бывшей в области наук, искусств и философии гордостью западной цивилизации, в стране, которая до исторической пропаганды времен Первой мировой войны многими американскими политологами считалась образцом демократии. Один из наиболее выдающихся израильских интеллектуалов, Амос Элон, покинувший еврейское государство из-за отчаяния, вызванного социальным и моральным упадком Израиля, описывает немецкое еврейство времен своей молодости как «светскую элиту Европы. Они были вопло-

щением современного жизненного уклада – лидерами, которые зарабатывали своим умом, а не мышцами, были посредниками, а не землепашцами. Это были журналисты, писатели, ученые. Если бы все не закончилось так ужасно, сегодня мы пели бы хвалу культуре Веймарской республики. Мы сравнивали бы ее с итальянским Возрождением. То, что она дала бы в области литературы, психологии, живописи и архитектуры, не появилось бы больше нигде. Появилось бы то, равного чему не было со времен Возрождения». Аргумент, который не так уж безоснователен⁽⁹⁾.

Можно также вспомнить, что методы нацистской пропаганды были позаимствованы из тех теорий и практик бизнеса, которые разрабатывались в основном англичанами и американцами. В основе этих методов лежало использование простых «символов и лозунгов» – как отмечал современник, «производивших эффект благодаря громадному количеству повторений», апеллируя к страху и другим основным эмоциям в духе коммерческой рекламы. «Геббельс привлек в свое министерство пропаганды лучших немецких специалистов по коммерческой рекламе» и хвастался, что «будет использовать методы американских рекламщиков», чтобы «продавать национал-социализм» почти так же, как коммерсанты стремятся продавать «шоколад, зубную пасту и патентованные лекарства». Эти методы оказались пугающе успешным подспорьем для внезапной деградации от порядочности к варварству, которую Фриц Штерн описывает как зловещее предостережение⁽¹⁰⁾.

Демоническое мессианство является естественным средством для тех правящих групп, которые, в силу их верности интересам узких кругов, сосредоточивших в своих руках власть и богатство, а также идее мирового господства, находятся на краю политического спектра. Не замечать, что именно этими ориентирами руководствуется сейчас американская поли-

тика, можно лишь умышленно закрывая на это глаза. Раз за разом общественность отвергает преследуемые его лидерами цели и реализуемые им программы. Это побуждает лидеров заняться мобилизацией общества и пользоваться возможностями громадных отраслей, которые управляемое бизнесом общество создало, чтобы воздействовать на взгляды и убеждения. В последние несколько десятилетий, ставших в высшей степени необычным периодом в американской экономической истории, потребность в подобных средствах оказалась особенно значительной. Когда в 70-х годах начиналось формирование неолиберальных программ, реальная заработная плата была в Соединенных Штатах самой высокой среди промышленно развитых стран мира, чего и следовало ожидать от богатейшего общества на планете, обладающего исключительными преимуществами. Сегодня ситуация кардинально изменилась. Реальная заработная плата у большинства людей осталась на прежнем уровне или снизилась, сейчас приближаясь к самому низкому уровню среди всех промышленно развитых стран, причем сравнительно слабая система социальных гарантий также пребывает в упадке. Доходы поддерживаются только за счет увеличения рабочего времени далеко за пределы норм аналогичных обществ, а имущественное неравенство резко выросло. Во всем этом видятся масштабные изменения по сравнению с предшествующей четвертью века, когда экономический рост на протяжении долгого времени бил все рекорды и носил при этом эгалитарный характер. После этого социальные показатели, которые до 70-х годов явственно говорили об экономическом росте, пошли вниз, упав к 2000 году до уровня 1960 года⁽¹¹⁾.

Эдвард Вулфф, признанный специалист по распределению материальных благ, пишет, что «в среднем условия жизни американских семей в 90-х годах зас-

тыли на месте, тогда как стремительный рост богатств и доходов элиты резко обогнал средние показатели». С 1983 по 1998 год средний объем доходов наиболее обеспеченного 1 % населения вырос «на громадные 42 %», тогда как беднейшие 40 % населения «утратили 76 % своего (весьма скромного) состояния». Он заключает, что даже «бум 90-х годов обошел большинство американцев стороной. Основные выгоды от него достались богатым», что явилось развитием тенденций, восходящих к концу 70-х годов. Администрация Буша, преданная богатым и привилегированным, укрепила эти тенденции, приведшие к росту «корпоративных прибылей, доходов свободных специалистов, прибылей от инвестиций и компенсаций топ-менеджерам».

В то же время к середине 2005 года «средняя почасовая оплата рабочих, занятых в производстве и не на управленческих должностях, еще не приблизилась к низшей точке экономического спада 2001 года». Показатели за 2004 год, представленные Бюро переписи населения, показывают, что впервые за все время учета доходы семей перестали непрерывно расти в течение пяти лет. Медиана реальных доходов населения до уплаты налогов находится на самом низком уровне с 1997 года, в то время как уровень бедности растет четвертый год подряд и составляет теперь 12,7 %. Медиана заработной платы работников с полной занятостью (среди мужчин) «существенно упала» — на 2,3 %. Неравенство доходов продолжило нарастать до «почти абсолютной исторической величины», за исключением «прибылей от ценных бумаг, которая только увеличивает неравенство», если учесть высокую степень их концентрации. Министерство труда сообщает о дальнейшем сокращении реальной заработной платы в 2004 году для большинства работников, за исключением незначительного процента высококвалифицированных специали-

стов. Экономист Дин Бейкер заявил в октябре 2005 года, что «после экономического спада 2001 года экономика вошла в самую долгую полосу сокращения занятости с Великой депрессии. Уровень занятости населения до сих пор на 2 % ниже, чем был до спада. Если взять такой критерий, как восстановление рынка труда, экономика на протяжении всего послевоенного периода никогда не была настолько вялой»⁽¹²⁾.

Количество людей, которые живут впроголодь, по-скольку не могут позволить себе купить еды, в 2004 году превысило 38 миллионов человек – это 12 % семей (за пять лет это количество выросло на 7 миллионов). И вот, когда правительство обнародовало эти цифры, Комитет по сельскому хозяйству Палаты Представителей проголосовал за отмену финансового обеспечения продовольственных талонов для 300 000 человек и сократил школьные обеды и завтраки для 40 000 детей – это лишь один из множества примеров⁽¹³⁾.

Подобные итоги превозносятся в качестве примера «здоровой экономики» и образца для других стран. Алан Гринспен пользуется всеобщим уважением как человек, отвечающий за эти достижения, которые он отчасти относит на счет «нетипичных ограничений роста компенсаций, которые, судя по всему, обусловлены растущей ненадежностью положения рабочих», как будто это совершенно необходимая предпосылка здоровья экономики. По существу же, подобная модель имеет не так много аналогов по своей способности причинять ущерб «основной массе населения», попутно обогащая «влиятельных людей», если воспользоваться едкой терминологией Торстейна Веблена⁽¹⁴⁾.

А чтобы большинство населения жило, довольствуясь повседневными реалиями, следует воспользоваться таким естественным средством, как «псевдорелигиозная трансформация жизни», и эксплуатировать особенности массовой культуры, в отношении кото-

рой США резко отличаются от прочих промышленно развитых стран и которой со времени правления Рейгана манипулируют ради политических выгод⁽¹⁵⁾.

Другим постоянно используемым средством является страх неминуемого уничтожения врагом, являющимся олицетворением самого зла. Подобные представления глубоко укоренились в американской массовой культуре наряду с верой в собственную благородную цель (которая, как свидетельствует история, является более или менее универсальной). В познавательном описании массовой культуры, начиная с ее истоков, Брюс Франклин называет эти господствующие культурные мотивы «англо-американским военным синдикатом», который должен осуществлять «мирное и просвещенное правление», угрожая «уничтожением» всем, кто встанет у него на пути, и неся «Дух Цивилизации» отсталым народам. Он обрисовывает также примечательную подборку демонов, что нас вот-вот уничтожат, — среди них оказывались, как правило, те, кого американцы сокрушили железной рукой, например индейцы, чернокожие и китайские рабочие. В упражнениях на данную тему участвовали и самые известные прогрессивные писатели, в частности Джек Лондон, который в 1910 году написал для популярного журнала рассказ, где выдвигалась идея уничтожения китайцев бактериологическим оружием, дабы сорвать их подлые тайные планы покорить нас⁽¹⁶⁾.

В чем бы ни коренились эти особенности нашей культуры, циничные правители могут легко ими манипулировать, и часто самым неправдоподобным образом. В годы правления Рейгана американцам полагалось дрожать от страха перед жупелами в виде наемных убийц из Ливии, стремящихся уничтожить нашего президента; авиабазы в «мускатной столице», которую Россия может использовать, чтобы бомбить нас; неистовой никарагуанской армии, находящейся всего в двух днях пути от Харлингена, штат Техас;

рыскающих повсюду арабских террористов, уличной преступности и латиноамериканских наркоторговцев. Словом, следовало бояться всего, что только можно измыслить, чтобы получить поддержку для очередной кампании дома или за рубежом, находившей себе жертв как среди американцев, так и жителей других стран, страдания которых были гораздо тяжелее.

Выборы 2004 года

Результаты выборов 2004 года обернулись экзальтацией в одних районах, отчаянием – в других, а также серьезным беспокойством по поводу превращения Соединенных Штатов в «разделившееся государство». Их политические последствия оказались пагубными для большей части населения Америки и опасными для всего мира и будущих поколений. Эти выборы, кроме того, позволили заметить нарастающий дефицит демократии, который является основным критерием «несостоятельных государств». Вместе с тем они мало что сказали о состоянии страны и о настроениях народа. Впрочем, имеются и другие источники, откуда мы можем получить сведения о столь важных вещах. В Соединенных Штатах активно проводятся опросы общественного мнения, которые являются ценным источником сведений, хотя их анализ неизменно следует проводить внимательно и осторожно. Результаты опросов, расходящиеся с интересами власти, ответственные за идеологию ведомства нередко держат подальше от чужих глаз. Подобный шаг был в очередной раз предпринят в отношении весьма информативных исследований общественного мнения, проводившихся непосредственно перед выборами 2004 года и к которым я еще вернусь позже⁽¹⁷⁾.

Непосредственно после выборов Колин Пауэлл сообщил прессе о том, что «президент Джордж У. Буш

получил от американского народа полномочия для продолжения своей «агрессивной» внешней политики». Это далеко от истины. Это не менее далеко и от того, чему верило население. После выборов Институт Гэллага проводил опрос: должен ли президент Буш «сделать акцент на программах, которые поддерживают обе партии», или же он «получил полномочия для осуществления программы Республиканской партии», как о том заявляли Пауэлл и другие. 63 % опрошенных высказались за первый вариант, 29 % – за второй⁽¹⁸⁾.

Выборы никого ни на что не уполномочили; фактически они почти что не проводились, если говорить о выборах в самом серьезном смысле этого слова. Хотя в этом смысле выборы 2004 года стали исключительным явлением, многие их особенности оказались хорошо знакомыми. Анализируя победу Рейгана в 1980 году, Томас Фергюсон и Джоэл Роджерс пришли к выводу, что она отражает «упадок организованных партийных структур, а также самое активное использование имени божьего и наличных средств для успешного избрания человека, еще недавно не имевшего непосредственного отношения к «жизненному центру» американской политики». Выборы продемонстрировали «продолжение дезинтеграции политических коалиций и экономических структур, которые на протяжении последнего поколения придавали партийной политике достаточную стабильность и определенность»⁽¹⁹⁾.

Уолтер Дин Бернэм в той же ценной подборке статей, посвященных выборам 1980 года, описывает их как очередное свидетельство «характерного и отличительного своеобразия американской политической системы: полное отсутствие массовой социалистической или лейбористской (трудовой) партии, играющей роль организованного конкурента на электоральном рынке». Именно этим в значительной степени обус-

ловлен «процент неучастия в выборах среди определенных классов», а также принижение определенных проблем. Соответственно, из 28 % избирателей, проголосовавших за Рейгана, 11 % руководствовались в первую очередь тем, что он «настоящий консерватор». Когда в 1984 году Рейган одержал «разгромную победу», за него проголосовало чуть менее 30 % избирателей. Из них 4 % руководствовались в первую очередь тем, что он «настоящий консерватор». Таким образом, в выборах, которые подавались как убедительная поддержка «консерватизма», за «настоящего консерватора» голосовал 1 % избирателей. Более того, опросы показали: соотношение избирателей, надеявшихся, что законодательная программа Рейгана не будет реализована, и тех, кто на нее рассчитывал, составило три к двум.

Как и прежде, опросы показали, что из всех повышений налогов в обществе наиболее высоко оцениваются те, что были предприняты в рамках программ «Новый курс» и «Великое общество». В 1980 году около 80 % опрошенных поддерживали более равномерное распределение или увеличение социальных расходов, а в 1984 году это количество увеличилось. Сокращение расходов по программе «Социальное обеспечение» было практически единодушно принято в штаты, а у сокращения программ «Медикэр» и «Медикэйд» число противников более чем втрое превосходило число сторонников. Примерно двукратный перевес имели те, кто предпочитал сокращение военных расходов сокращению программ по здравоохранению. Значительное большинство поддерживало распоряжения правительства о защите здоровья и безопасного труда рабочих, защите интересов потребителей, помощи престарелым, бедным и нуждающимся, а также прочие социальные программы⁽²⁰⁾.

Однако все это не имеет значения, когда выборы искусно организовываются таким образом, чтобы

обойти проблемы стороной и оттереть основную массу населения в сторону (еще раз воспользуемся терминологией Веблена), дабы избранное руководство высвободило силы для служения влиятельным людям. Что оно и сделало.

Фергюсон и Роджерс описали первые результаты мощной и скоординированной реакции на «кризис демократии» 60-х, серьезно обеспокоивший Трехстороннюю комиссию, которая и пустила этот термин в оборот. В эту комиссию входили видные либеральные специалисты по международным отношениям из трех основных промышленно развитых регионов: Северной Америки, Европы и Японии. Общую направленность ее деятельности характеризует тот факт, что администрация Картера была в основном сформирована именно из участников комиссии. Обсуждавшийся комиссией тревожный кризис заключался в следующем: 60-е годы положили начало явлению, которое она назвала «излишком демократии». Обычно пассивные и обособленные слои населения – женщины, молодежь, пожилые люди, рабочие, национальные меньшинства и прочие группы «основной массы населения» – стали выходить на политическую арену, чтобы выдвинуть свои требования. Этот «излишек демократии» грозил вмешаться в работу прекрасно действовавшей системы предшествующих лет, когда «Трумэн мог управлять страной при сотрудничестве относительно небольшого количества юристов и банкиров с Уолл-стрит», как вспоминал – с оттенком ностальгии и простительным преувеличением – Сэмюель Хантингтон, американский докладчик на слушаниях Трехсторонней комиссии.

В числе непосредственных реакций на «кризис» были резкая активизация лоббирования со стороны корпораций, увеличение количества политологических центров правого крыла, призванных обеспечить контроль над законодательными программами и иде-

ологическими учреждениями, а также прочих средств для восстановления порядка и дисциплины. Подобные «стремления к конформизму и контролю» (Вибе) являются нормальной реакцией центров концентрированной власти на «кризисы демократии», которые раздражаются, едва общественность нащупывает путь на политическую арену. Двумя документально подтвержденными примерами таких случаев являются «красная угроза» Вильсона и массивный послевоенный пропагандистский натиск корпораций. В обоих случаях удалось добиться дисциплины – по крайней мере, на короткое время – однако обуздать общественные силы, которые вышли из-под контроля в 60-х годах, было гораздо труднее. И более того, размах этого явления продолжал шириться, причем в некоторых отношениях – беспрецедентным образом⁽²¹⁾.

Проект восстановления порядка и дисциплины реализовывался с помощью мер неолиберального характера, принятых в 70-х годах и жестче закрепленных в последующие годы, что имело как экономические, так и политические последствия. Первые из них – едва ли удивившие историков экономики – подытожил Хосе Антонио Окампо, ответственный секретарь Экономической комиссии ООН для Латинской Америки и Карибского бассейна: «Периоды самого стремительного роста в развивающихся странах послевоенного периода, а также самые долгие периоды быстрого роста (восточноазиатское «чудо» или, в недавнем прошлом, китайское и индийское «чудеса», а также более ранние периоды быстрого развития Бразилии и Мексики) не совпадают с фазами или эпизодами обширной либерализации, даже когда они предполагают широкомасштабное использование возможностей, которые предоставляют международные рынки». Можно добавить: то же самое относится и к промышленно развитым державам.

Исследование Центра экономических и политических исследований, посвященное опыту неолиберальной политики за четверть века, показывает, что она сопровождается гораздо более медленными темпами роста и замедлением по социальным показателям для всех стран, от бедных до богатых. Существуют и исключения из общего правила: так, высокие темпы роста отмечались в странах, которые игнорировали общие правила (Китай и Индия, где благодаря этому наметилось громадное неравенство и другие тяжелые побочные эффекты). Как установил благодаря тщательному анализу экономист Роберт Поллин, «общая схема роста неоднозначна: в неолиберальную эру отмечались резкие спады темпов развития, в противовес стадии поступательного развития», которая ей предшествовала, с сокращением темпов роста более чем наполовину. Эта тенденция выглядит еще более рельефно, если измерять рост в пересчете на душу населения; здесь главными болевыми точками становятся, в частности, увеличение неравенства, незначительный либо нулевой прогресс в борьбе с нищетой (за исключением Китая) и губительные побочные эффекты. Политэкономист Роберт Уэйд отмечает, что «один из важных – и недооцененных – фактов нашего времени заключается в резком замедлении темпов роста развитых и развивающихся стран» за последние двадцать пять лет реализации неолиберальной экономической политики. Вероятно, оно предполагает рост неравенства внутри стран и между странами, если не считать Китая (не приемлющего неолиберальную политику) и использовать для оценки уровня бедности объективные критерии.

Иногда эти факты игнорируются под предлогом того, что неолиберальная политика в целом улучшила условия жизни (что с течением времени неизбежно происходит при любой экономической политике), или благодаря понятию «глобализация», смешива-

ющему ориентацию на экспорт с неолиберализмом. Так что, если миллиард китайцев переживает быстрый экономический рост благодаря экспортно-ориентированной политике, коренным образом ломающей неолиберальные принципы, то повышение усредненных общемировых темпов роста можно прославлять как триумф этих нарушенных принципов. Хотя здесь еще слишком мало ясности, чтобы можно было уверенно судить о причинно-следственных связях, трудно игнорировать тот факт, что выраженные и негативные тенденции, связанные с неолиберальной политикой, последовательно проявляются на протяжении куда более долгих периодов экономической истории, что хорошо известно историкам экономики⁽²²⁾.

«Реформы», кроме того, имели и предсказуемые политические последствия. Основной мишенью для неолиберальных мер является национальная автономия, которая, по замечанию Окампо, является «единственной системой, согласующейся с продвижением демократии». «Если процессы представительства и участия во власти на государственном уровне не играют никакой роли в определении стратегий экономического и социального развития», то очевидно, что демократия будет сведена к пустой форме. Следует уяснить себе, что нейтрализация этой роли является очевидной целью «реформ» и «соглашений о свободной торговле», которые официально вводят их в действие. «Свободная торговля» в том виде, в каком ее постулируют эти соглашения, предполагает права на монопольную ценовую политику и прочие в высшей степени протекционистские средства, призванные сыграть на руку многонациональным компаниям. Кроме того, эти соглашения запрещают меры, которые применялись в индустриальных странах для достижения их нынешнего уровня экономического развития, в том числе отвечающее желанию общества стремление правительств поставить общественные

интересы выше прав инвесторов. В результате гарантируется свободное движение капитала при прекращении свободного перемещения рабочей силы, которое было основополагающим принципом свободной торговли для Адама Смита. Кроме того, в данном случае «торговля» трактуется слишком широко и включает в себя, например, переводы средств внутри одной фирмы, но через международную границу – весьма важный элемент «торговли». Эти «соглашения» не только имеют весьма отдаленное отношение к свободной торговле, но и, конечно, не являются соглашениями. По крайней мере, если мы решим воспринимать граждан – которые такие соглашения обычно не приемлют – как часть их государств. «Соглашения» достигаются лишь благодаря секретности и прочих приемов, позволяющих оттереть в сторону назойливую общественность. В формулировке «Североамериканское соглашение о свободной торговле» есть только одно верное слово – «североамериканское». Да и остальные соглашения от него мало отличаются⁽²³⁾.

Как отмечает Окампо, неолиберальные реформы противоречат продвижению демократии. Они нацелены не на то, чтобы уменьшить роль государства, как часто полагают, а на то, чтобы укрепить государственные институты так, дабы они в еще большей степени служили интересам влиятельных людей. Основной задачей при этом является сокращение общественно-политической арены и передача прерогативы принимать решения никому не подотчетным частнособственническим тираниям. Приватизация, которая лишает общество потенциального влияния на политику, применяется в качестве одного из методов достижения этой цели. Крайней ее разновидностью является приватизация «сферы услуг», явление, благодаря которому за пределы влияния общественности выносятся практически все: здравоохра-

нение, образование, снабжение водой и прочими ресурсами и т.д. Когда благодаря «свободной торговле в сфере услуг» все это выведено за рамки общественного влияния, формализованные демократические процедуры превращаются в средство периодического привлечения общества к обслуживанию интересов элиты, благодаря чему «избыток демократии» оказывается в общем и целом преодоленным.

То же самое в значительной степени справедливо для финансовой либерализации, которая осуществляется с начала 70-х годов. Специалисты по международной экономике хорошо понимают, что подобные меры приводят к появлению «второго Сената» из инвесторов и заимодателей, способных «налагать вето» на решения правительства с помощью угрозы «бегства капитала», атак на валюты и прочих средств. Подобные средства подрыва демократии запрещены в рамках Бреттонвудской системы, введенной после Второй мировой войны Соединенными Штатами и Великобританией (Гарри Декстером Уайтом и Джоном Мэйнардом Кейнсом), чтобы удовлетворить громкие требования общественности. Главным достижением Бреттонвудского соглашения Кейнс считал введение права государства ограничивать движение капитала. Министерство финансов США занимает сегодня прямо противоположную позицию, считая свободное движение капитала «фундаментальным правом», в отличие от таких воображаемых прав, как право на достойную работу⁽²⁴⁾. Правила Бреттонвуда, кроме того, ограничивали финансовые спекуляции и атаки на валюты. Все это должно было дать такой эффект, как «встроенный либерализм», как это иногда называют, при котором возможны политические шаги социально-демократического характера. Результат часто именуется «золотым веком» капитализма (или, если точнее, государственного капитализма) с беспрецедентным экономичес-

ким ростом эгалитарного характера и осуществлением внушительных государственных социальных программ на благо всего населения. В неолиберальный период эти начинания были свернуты.

В прежние времена особенных проблем с ответственностью не было. Барри Эйхенгрин в своей истории международной валютной системы разъясняет, что, пока деятельность правительств не начала «политизироваться благодаря всеобщему избирательному праву для мужчин, расцветом профсоюзного движения и парламентскими рабочими партиями», тяжкое бремя обеспечения финансового благополучия, организуемое «вторым Сенатом», можно было переложить на плечи основной массы населения. Однако, по мере радикализации широких кругов общества в годы Великой депрессии и войны с фашизмом, узкие круги, наделенные властью и богатством, больше не могли позволить себе такого. Поэтому в Бреттонвудской системе «в роли средства, защищающего от напряженности рынка, ограничения для демократии были заменены ограничениями для мобильности капиталов»⁽²⁵⁾. Когда эту систему, начиная с 70-х годов, стали ликвидировать, реальные пределы демократии принялись сужаться и возникла необходимость тем или иным образом отвлекать и контролировать общество.

«Обманывать и подавлять общество»

На выборах 2004 года Буш получил голоса чуть более чем 30 % избирателей, Керри – немногим меньше. Голосование шло во многом по тем же схемам, что и в 2000 году, практически с теми же пропорциями «красных» и «синих» штатов (как будто это имеет какое-то значение). Незначительные изменения в предпочтениях избирателей могли бы привести в

Белый дом Керри. Так или иначе, исход выборов мало что сообщил нам о стране и о том, что беспокоит общество. Голосование на выборах в Конгресс продемонстрировало это еще более ярко. На выборах в Сенат проиграл только один из двадцати шести переизбравшихся сенаторов – демократ Том Дэшл из Южной Дакоты, штата с населением около 770 000 человек. Что касается Палаты Представителей, то если бы не предвыборное перекраивание округов текасскими республиканцами, противниками демократии, во главе с лидером большинства Томом Делэем, только восемь кресел сменили бы хозяев (что меньше, чем когда-либо), причем все эти кресла потеряли бы республиканцы; за пределами Техаса они потеряли три места в Палате. Вялая борьба за кресла в Палате Представителей стала самой пассивной за всю историю выборов. А у Буша был самый низкий рейтинг среди всех переизбранных президентов за все время проведения опросов.

Полномочия не слишком полновесные. Впрочем, взглянув дальше выборной статистики, мы увидим, что из итогов правления Буша напрашивается вывод: бессмысленность этих выборов, отразившуюся в их результатах, сильно преуменьшают.

По традиции последнего времени предвыборные кампании 2004 года вела индустрия связей с общественностью, которая в обычное время занимается продажей зубной пасты, лекарств, повышающих качество жизни, автомобилей и прочих товаров. Основной принцип ее деятельности – обман. Цель рекламной отрасли – взорвать свободные рынки, которыми мы так привыкли восхищаться, эти мифические образования, где просвещенные потребители делают разумный выбор. В подобных системах фирме надо было бы просто представлять сведения о своем продукте: это дешево, быстро и просто. Однако ни для кого не секрет, что ничего подобного бизнесмены не

делают. Напротив, бизнес ежегодно тратит сотни миллиардов долларов, чтобы окружить потребителей рекламными образами и обмануть их. Несомненно, именно это, а не ознакомление с информацией, является целью рекламы. Автомобильная промышленность не просто оглашает технические параметры моделей следующего года. Напротив, она бросает на дело обмана громадные силы, эксплуатируя сексуальную привлекательность, образы машин, взбирающихся по скалам навстречу райскому будущему, и тому подобное. Более того, как уже много лет назад указал Веблен, одной из основных задач коммерческой пропаганды является «производство потребителей» – средство, позволяющее стимулировать все симптомы государственного тоталитаризма: распыление общества, апатию и иррациональность в политической сфере, выхолащивание и опошление характерных демократических политических процессов, рост разочарования в обществе и так далее.

Важнейшее из этих наблюдений старо, как сам Адам Смит, который предупреждал, что интересы торговцев и промышленников заключаются в том, чтобы «обманывать и даже подавлять общество» (что они «во многих случаях» и делали). Сегодня их обслуживают целые индустрии, специально созданные для этого. Осведомленный потребительский выбор реалистичен не больше, чем пресловутая «предпринимательская инициатива» и «свободная торговля». Те, кто управляет обществом, никогда не приветствовали – или не терпели слишком долго – нереальные рынки, существующие в доктринах и экономических теориях, за исключением случаев, когда они получали от подобных вещей временные преимущества⁽²⁷⁾.

Иногда приверженность делу обмана принимает крайние формы. Одним из примеров тому являются переговоры между США и Австралией 2003 года по «соглашению о свободной торговле». Вашингтон

начал их оттого, что Австралия использует торговые процедуры «с подтвержденной эффективностью» и запрещает «прямой потребительский маркетинг лекарств, отпускаемых по рецепту», в то время как американские «производители предпочитали систему, предоставлявшую им свободу маркетинга продуктов и ценообразования в соответствии с готовностью рынка платить». Переговорщики от американского правительства настаивали: в Австралии предпринимается недопустимое вмешательство в работу рынка. Фармацевтические компании лишаются своих законных прав, если от них требуют представлять доказательства, в то время как сами они просто утверждают, что их новый продукт лучше более дешевой альтернативы. Или же компании запускают рекламные ролики, где какая-нибудь звезда спорта или киноактриса советует аудитории «спросить у доктора, подходит ли вам этот препарат (мне-то подходит)», подчас даже не сообщая, для чего этот препарат предназначается. Неимоверно могущественным и патологически бессмертным «лицам», порожденным радикальными юридическими мерами, должно быть гарантировано право на обман⁽²⁸⁾.

Австралийская система здравоохранения является, вероятно, самой эффективной в мире. В частности, цены на лекарства здесь в разы меньше, чем цены на соответствующие препараты в Соединенных Штатах; при этом те же медикаменты, выпускаемые теми же компаниями, приносят весомые прибыли, несравнимые, впрочем, со сверхприбылями, получаемыми в США, где они постоянно оправдываются сомнительными доводами, что компаниям необходимы средства на научно-исследовательскую деятельность. Экономист Дин Бейкер считает, что потребители сэкономили бы громадные средства, если бы государственное финансирование научно-исследовательской деятельности выросло на 100 %, и фармацевтические

компании тем самым лишились бы предпосылки для монопольного ценообразования. Общество и без того играет здесь большую роль, чем это признается, поскольку разработка лекарств осуществляется на базе фундаментальной науки, которая практически полностью финансируется государством. Даже те корпоративные научно-исследовательские изыскания, которые действительно проводятся, преследуют по преимуществу маркетинговые цели. Крупные американские фармацевтические компании, получающие громадные прибыли, тратят на маркетинг, рекламу и назначение лекарств вдвое больше средств, чем на какие-либо научно-исследовательские работы⁽²⁹⁾.

Одна из причин эффективности австралийской системы здравоохранения заключается в следующем: Австралия, как и другие страны, полагается на те же методы, что и Пентагон, когда он покупает скрепки для бумаги. Правительство пользуется своей покупательной способностью, чтобы оговорить выгодные цены, — практика, которая в США законодательно запрещена для лекарств. Другая причина заключается в том, что Австралия использует процедуры с доказанной эффективностью. «Чтобы вынудить австралийское правительство установить высокие цены на новый препарат», американские фармацевтические корпорации «должны представить реальные свидетельства того, что новый препарат имеет осязаемые преимущества, а США воспринимают это как препятствие для торговли». Американская фармацевтическая отрасль возражает и против требования Австралии, согласно которому компании «должны продемонстрировать существенные клинические преимущества» и «достаточную экономическую эффективность» препарата по сравнению с уже продающимися средствами, и против «чрезмерного внимания к экономической эффективности», свойственного австралийцам. Корпорации объявляют подобные

меры «коварством» – каковым они, конечно, и являются, так как препятствуют праву на обман, фундаменту реально существующих рынков⁽³⁰⁾.

Когда индустрия связей с общественностью получает задачу «раскрутить» кандидата, она естественным образом прибегает к тем же технологиям, что и при рекламе товаров. Для подрыва демократии используется надувательство, которое является естественным средством для покорения рынков. Однако избиратели, по всей видимости, предчувствуют эту «пародию на выборы». Накануне выборов 2000 года значительное большинство электората критически отозвалось о них как о представлении, устроенном богатыми соперниками, партийными менеджерами и индустрией пиара, которая учит кандидатов использовать свой имидж и изрекать пустые фразы, помогающие им получить голоса. Специалисты по опросам общественного мнения выявили всего один вопрос, по которому более половины респондентов смогли определить позиции кандидатов: взгляды Гора на препараты, отпускаемые по рецепту. Свыше 60 % регулярно голосующих граждан сочли, что «американская политика в целом выглядит отвратительно». Директор проекта Гарвардского университета «Исчезающий избиратель» сообщил, что «ощущение беспомощности у американцев достигло тревожно высокого уровня», который значительно выше, чем в предыдущие годы⁽³¹⁾.

Весьма вероятно, что эти причины, помимо прочих, объясняют, почему население не проявляет такого интереса к «украденным выборам», как образованные слои населения. И возможно, именно поэтому массы почти не обратили внимания на прозвучавшие в 2004 году обвинения в мошенничестве. Когда короля определяют подбрасыванием монеты, не стоит особенно беспокоиться из-за того, что монета фальшивая.

В 2000 году «знакомство с предвыборными вопросами» – знание позиций кандидатов – опустилось на

самый низкий уровень за все время. В 2004 году, вероятно, этот уровень упал еще ниже. В 2004 году примерно 10 % избирателей в ответ на открытый вопрос сообщили, что основной причиной, побудившей их отдать за кандидата свой голос, стали «программы/идеи/платформы/цели» (за Буша – 6 %, за Керри – 13 %). Во главу угла, по всей видимости, были поставлены соображения национальной безопасности: 22 % «сами упомянули о ситуации в Ираке, а 12 % вспомнили терроризм»⁽³²⁾. Многие голосовали за то, что в индустрии пиара называется «качествами» или «ценностями», – тщательно продуманными и спроецированными образами, которые подлинны не более, чем образный ряд рекламы зубной пасты. Комментарии в новостях строились вокруг «стиля» кандидатов, их «привлекательности», «близости к людям», «характера», а также вокруг их промахов, вроде периодической «вспыльчивости» Буша или ошибки Керри, перепутавшего название футбольного стадиона.

Специалист по соцопросам Дэниел Янкелович сообщил, что «взгляды американцев, которые часто посещают церковные службы, и американцев, которые этого не делают, отражают позиции республиканцев и демократов соответственно». Белые протестанты-евангелисты, посещающие церковь, являются особенно мощной группой республиканского электората. «Эти избиратели считают, что президент должен иметь сильный характер, говорить прямо, быть честным, простым, серьезным, решительным и богобоязненным», человеком «с искренней и ясной нравственной целью», «сторонником добра». И это крупная победа маркетинга, благодаря которому руководство может реализовать свои программы, не беспокоясь об общественном мнении»⁽³³⁾.

Радикальные религиозные убеждения имеют в Соединенных Штатах долгую историю, восходящую к первым колонистам и тем, кто позже заселял кон-

тинент. С тех пор отмечались периоды периодического религиозного возрождения, среди которых следует отметить 50-е годы, которые, как предполагает историк Сет Джейкобс, являются, очевидно, самым религиозным десятилетием в американской истории. Именно великим религиозным возрождением тех лет Джейкобс объясняет решение администрации Эйзенхауэра поставить во главе ее сателлита, Южного Вьетнама, истого католика Нго Дин Дьема, несмотря на его явную непопулярность и некомпетентность. Уолтер Дин Бернэм писал в 80-х годах, что «настоячивое сохранение религиозного сознания в американской политической жизни является еще одной – и очень важной – отличительной особенностью Америки в среде развитых индустриальных обществ» наряду с вышеупомянутым неравномерным представлением классов в политике. Сила религиозных убеждений сплошь и рядом находится в обратной зависимости с экономическим развитием, хотя Соединенные Штаты являются исключением из этого правила. Впрочем, партийные менеджеры лишь за последние двадцать пять лет осознали, что этим кругом избирателей можно воспользоваться, чтобы переместить центр тяжести выборов к «культурным проблемам», пока руководство будет осуществлять программы, благоприятствующие бизнесу и состоятельным людям и не устраивающие общественность, – причем на выборах эти вопросы подниматься не будут.

К 1980 году ряд непосредственных наблюдателей уже проводил параллели между опорой на религиозный радикализм при взлете нацизма («Немецкая христианская церковь») и потенциальным «христианским фашизмом» в Соединенных Штатах, как назвал это доктор Джеймс Лютер Адамс из школы Гарвард Дивинити. Адамс опирается на собственный опыт: в 1935–1936 годах он работал с подпольной антифашистской церковью Дитриха Боннхефера в

Германии. Процитированные выше наблюдения Фрица Штерна относительно деградации в варварство отражают возрастающую актуальность подобных предупреждений. Как сообщает журналист Крис Хеджес, «христианские фундаменталисты сегодня имеют большинство мест в 36 % комитетов штата Республиканской партии, то есть в 18 из 50 штатах», а также «крупные меньшинства в 81 % всех прочих штатов», причем важную роль в привлечении этой силы играет – или играл раньше – Джордж Буш. Важность этого явления признана уже давно, особенно в Израиле, и недавно это подчеркнула и израильская англоязычная газета «Джерусалем пост», приступившая к выпуску специального издания для христиан правого толка, самой мощной группы избирателей, поддерживающей израильскую агрессивную и экспансионистскую политику⁽³⁴⁾.

Тщательнейшие исследования, проведенные в 2004 году, подтвердили, что избиратели мало что знали о позициях кандидатов по вопросам, которые особенно волновали их самих. Избиратели, поддержавшие Буша, обычно полагали, что по основным вопросам он разделяет их взгляды, даже когда Республиканская партия эти взгляды недвусмысленно отрицала, как это было в случае с упоминавшимся Киотским протоколом. Изучая источники, использованные в этих исследованиях, мы приходим к выводу, что то же самое верно для сторонников Керри, если только мы не станем благоприятно истолковывать те его невразумительные высказывания, которые большинство избирателей, вероятно, никогда и не слышало. Керри едва ли отвечал чаяниям своего электората в вопросах как внешней, так и внутренней политики. Последняя, как предполагалось, станет основной темой последних дебатов между кандидатами, которые должны были состояться за несколько дней до выборов. Для большинства населения главным

или, во всяком случае, очень важным вопросом, является кризис здравоохранения. Как сообщала пресса, в ходе дебатов Керри «всячески старался... показать, что его план расширения сферы действия медицинского страхования не превратится в новую правительственную программу», поскольку «в Соединенных Штатах правительственному вмешательству в работу рынка здравоохранения оказывается крайне незначительная политическая поддержка»⁽³⁵⁾.

Это любопытное замечание. Большинство населения, по всей видимости, масштабное правительственное вмешательство поддерживает. Как показал совместный опрос общественного мнения компании «Эн-би-си» и «Уолл-стрит джорнел», «свыше двух третей американцев считает, что правительство должно гарантировать «каждому» лучшее и самое передовое здравоохранение, какое только может позволить технологическое развитие». Опрос, проведенный «Вашингтон пост» и «Эй-би-си ньюс», показал, что 80 % американцев считают общедоступное здравоохранение «более важным делом, чем снижение налогов». Опросы, результаты которых опубликовал «Бизнес уик», обнаружили, что «67 % американцев считают хорошей идеей гарантировать доступное здравоохранение всем американским гражданам, подобно тому, как это уже делается в Канаде и Великобритании, и лишь 27 % с этим не согласны». Исследовательский центр Пью установил, что 64 % американцев одобряют «введение правительством США общедоступного здравоохранения, даже если это означает повышение налогов» (30 % высказались против). К концу 80-х годов свыше 70 % американцев «полагали, что здравоохранение должно гарантироваться конституцией», тогда как 40 % думали, «что конституция его уже гарантирует». Можно представить себе, какие цифры получились бы, если бы подобные темы не были практически вытеснены из повестки дня общества⁽³⁶⁾.

Подобные факты иногда признаются, хотя и с одним любопытным поворотом. Редкие обращения к популярности у общества гарантированной охраны здоровья характеризуют эту идею как лишенную «политической поддержки» или «политически невозможную» в силу «политических сложностей». Все это – вежливые способы сказать, что фармацевтические и финансовые компании, а также прочие круги собственников не одобряют эту идею. Желаниям общественности на политической арене нет места⁽³⁷⁾.

На демократических выборах, которыми управляет индустрия пиара, главной задачей является обман общественности с помощью тщательно созданных образов, имеющих с реальностью лишь самое отдаленное сходство, – как и на рынках, которые она создала. Неудивительно, что избирателям это не нравится. Огромное большинство людей считает, что «страна жила бы лучше, если бы ее лидеры уделяли больше внимания взглядам общественности и опросам общественного мнения». Однако общественность можно игнорировать, пока «потребительский выбор» легко вытесняется с политической арены, благодаря досконально отработанным средствам, применявшимся для обрушения рынков⁽³⁸⁾.

Буш стяжал поддержку значительного большинства тех, кто придавал немалое значение угрозе террора и «моральным ценностям». Опять-таки, подобный результат мало о чем говорит. Суждения общественности по поводу террора – это еще одна дань маркетинговым усилиям правительства и средств массовой информации. Общественность едва ли осведомлена о предпочтениях политических стратегов Буша, которые только усиливают террористическую угрозу, – как уже было сказано, к их основным приоритетам она не относится. Что же касается «моральных ценностей», то все, что нам надо о них знать, рассказывает деловая пресса на следующий после

выборов день, сообщая об «атмосфере эйфории» в советах директоров и офисах корпоративных лобби-стов. И происходит это не потому, что топ-менеджеры против однополых браков, а потому, что теперь, когда «политический ландшафт обустроен в пользу деловой Америки кардинальнее, чем в любой из периодов современной американской истории», «путь для американского бизнеса свободен»⁽³⁹⁾.

Гораздо больше о главных моральных ценностях Буша и его соратников мы узнаем, взглянув на их откровенное стремление переложить на плечи будущих поколений издержки их службы привилегированным и богатым классам. Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) предупреждает, что длительное сохранение бюджетного дефицита заставляет прибегающие к нему страны, и в особенности Соединенные Штаты в годы правления Буша, «приносить в жертву своих детей». Главный экономист ОЭСР сообщил деловой прессе, что «нынешнее поколение, вероятно, переживет подобное, однако своим детям мы оставим существенно уменьшившийся основной капитал». Второй из «дефицитов-близнецов», громадный внешнеторговый дефицит, также серьезно беспокоит экономистов и всех, кто заботится о будущем, хотя тут следует отметить, что масштаб этого дефицита будет зависеть от того, как мы определим понятие «страна». Как сообщает «Уолл-стрит джорнел», аналитики «приходят к выводу, что рекордные внешнеторговые дефициты не такие угрожающие, как кажется, поскольку они стимулируются, в том числе, и прибыльными американскими компаниями, расположенными производством за рубежом и доставляющими товары и услуги обратно в США, способствуя поддержанию высокого общего уровня корпоративных прибылей». К 2005 году «на долю зарубежных прибылей пришлось 40 % роста прибылей всех корпораций», наряду с 2,7 триллиона долларов прибыли от

капитализации фондового рынка, которые существенно обогатили крошечный процент населения, куда входят основные держатели акций. Если под страной мы будем понимать не ее население, а разместившиеся в США корпорации, это приведет к выраженным изменениям в подсчете внешнеторгового дефицита⁽⁴⁰⁾.

«Фирменная» программа Буша по совершенствованию образования обнаружила аналогичное невнимание к нашим детям и к здоровью общества. Главным в ней является не образование, а тестирование. В основе любой серьезной образовательной программы лежит развитие способности «узнавать и творить», как заявлял Вильгельм фон Гумбольдт, один из основоположников классического либерализма и современной системы университетского образования. Тесты, возведенные в приоритет, не способствуют достижению этих целей – для этого потребовались бы совершенно другие методики – а, скорее, вредят им.

Перифразируя название образовательной программы Буша, «ни одна возможность не упущена», чтобы и в других областях переложить издержки на будущие поколения. Любой, кто знаком с американской экономикой, знаком и с тем, что журнал Американской ассоциации содействия развитию науки называет «ведущей ролью финансируемых государством университетских исследований по разработке идей и подготовке специалистов для стимулирования инноваций» в сфере информационных технологий (IT), о которой пойдет речь ниже. Журнал предупреждает, что изменения политики финансирования при Буше «создало угрозу для этого продуктивного источника инноваций. Финансирование информационных технологий сократилось вдвое, что угрожает сорвать продуктивное взаимодействие научных кругов, правительства и промышленности в сфере информационных технологий»⁽⁴¹⁾. Это взаимодействие глубоко проникает и в другие сферы, что уве-

личивает угрозу со стороны политики Буша для «продуктивного источника инноваций»: создания и совершенствования компьютеров, Интернета, спутников, телекоммуникаций, а также других отраслей, в основе которых лежит электроника, а в последнее время и биотехнология. Финансирование осуществляется правительством либо напрямую (государственные лаборатории, университеты), либо опосредованно, путем поддержки частного сектора субсидиями, снабжением и, в случае необходимости, защитой.

Даже если не принимать во внимание ясные и стройные факты, касающиеся следования моральным ценностям, едва ли можно утверждать, что люди голосуют, исходя именно из них. Весь вопрос в том, что они понимают под выражением «моральные ценности». В этой связи любопытство вызывает ограниченность круга подобных проблем. Когда в ходе одного опроса «избирателей попросили указать самый острый из нравственных кризисов, охвативших страну, 33 % назвали «жадность и материализм», 31 % выбрал «нищету и экономическую справедливость», 16 % решили, что это аборт, а 12 % – что «гомосексуальные браки». В ходе другого опроса, «когда респондентов-избирателей попросили перечислить нравственные проблемы, которые больше всего повлияли на их выбор, 42 % поставили на первое место войну в Ираке, тогда как 13 % назвали аборт и 9 % – гомосексуальные браки». Как показывают другие исследования, группы, представляющие значительное большинство опрошенных и поддерживающие введение общенационального медицинского страхования, как правило, считают его «нравственной проблемой» ⁽⁴²⁾.

Что бы избиратели ни имели в виду, едва ли речь у них шла о тех актуальных моральных ценностях администрации президента, которые так славит деловая пресса.

Наиболее серьезные свидетельства о состоянии общественного мнения дали приведенные выше исследования, результаты которых были опубликованы непосредственно перед выборами двумя наиболее уважаемыми и надежными организациями, регулярно проводящими опросы общественного мнения. Подобная информация имеет важнейшее значение для нормально функционирующего демократического общества, являющегося не скоплением изолированных атомов, а сообществом людей, чье взаимодействие и определяет формирование мнений и политических курсов. В мире политики, как и в научном мире или любой другой среде – так же, как и в повседневной жизни, – знание мнений окружающих является важным фактором, влияющим на ваши собственные выводы. Это давно известная истина. А зная мнение других людей, мы одновременно можем установить, в какой мере политической системе удастся реализовать волю общественности в формировании государственной политики – фактор, который является определяющей особенностью демократических обществ. Итак, чтобы оценить состояние американской демократии, мы, разумеется, захотим узнать, что думает общественность по поводу главных проблем, как она соотносится с государственной политикой и как сведения об этой политике удастся довести до общественности накануне президентских выборов. Сообщения об исследованиях, посвященных этим вопросам, встречаются редко – они приводятся в основном в немногочисленных отчетах в местной прессе и в разрозненных авторских статьях, лишь одна из которых была в общенациональном издании («Ньюсуик»). Эти сведения, которые утаиваются от общества (некоторые из них приводились выше), говорят о многом⁽⁴³⁾.

Подавляющее большинство граждан считает, что Соединенные Штаты должны принять юрисдикцию Международного уголовного суда и Международного суда, подписать Киотский протокол, допустить главенство ООН в разрешении международных кризисов, а в «войне с террором» полагаться на дипломатические и экономические меры в большей степени, чем на военные. Столь же значительное большинство населения считает, что Соединенные Штаты должны применять силу только в том случае, если существуют «надежные доказательства того, что страна подвергается непосредственной опасности нападения». Тем самым оно отвергает принятую обеими партиями идею «упреждающей войны» и принимает более традиционную интерпретацию Устава ООН, подтвержденную в декабре 2004 года Комиссией высокого уровня и год спустя – Всемирным саммитом ООН. Незначительное большинство даже ратует за отказ США от права «вето» в Совете Безопасности, чтобы Соединенные Штаты следовали решениям ООН даже в тех случаях, когда они расходятся с позицией руководства страны.

Что касается внутренней политики, то подавляющее большинство высказывается за расширение государственных программ в сфере здравоохранения (80 %), а также в области финансирования образования и социального обеспечения. Аналогичные результаты, касающиеся внутренних проблем, уже давно были получены в ходе исследований, которые проводил Чикагский совет по международным отношениям. Как отмечалось, официальные опросы общественного мнения сообщают, что значительное большинство граждан поддерживает введение системы всеобщего здравоохранения, даже если это повлечет за собой рост налогов. Так что по многим важнейшим вопросам американское правительство находится в оппозиции не только к остальным странам мира, но и к собственному народу⁽⁴⁴⁾.

Как и было сказано, одним из примеров международной изоляции Вашингтона является его отказ исполнять распоряжения Международного суда. Противодействие Вашингтона Международному уголовному суду уже достигло такого уровня, что вызывает за рубежом открытые насмешки – особенно после пасажа, который многие называют «законом о вторжении в Нидерланды»: президент США получил полномочия применять силу для освобождения американцев, попавших в Гаагский трибунал (событие, сопоставимое по своей вероятности с падением на Землю астероида). Поскольку Вашингтон не желает допускать и мысли, пусть даже отдаленной, о том, что юрисдикция Международного трибунала может распространиться на Соединенные Штаты и тем нарушить их ультрасуверенитет, он эффективно пресек уголовное преследование преступлений в Дарфуре, несмотря на то что там фактически происходит геноцид.

Резолюция № 1593 Совета Безопасности ООН (от 31 марта 2005 года, в рамках главы 7 Устава ООН, разрешающей применение силы) уполномочила заняться ситуацией в Дарфуре Международный уголовный суд для осуществления расследования и наказания. Соединенные Штаты согласились при этом воздержаться от своего обычного «вето» только после добавления формулировки, запрещающей ООН финансировать расследования. А это означает, что они, скорее всего, не сдвинутся с места. Двумя неделями ранее редакторы «Бостон глоуб», обвиняя Европу и Соединенные Штаты в остановке действия резолюции, написали, что «история не простит облеченных властью людей, которые могли положить конец очередному геноциду, однако предпочли играть в свои жестокие игры». Именно так и обстоит дело, хотя обычно предпочитают думать, что «США считают Китай главной помехой для принятия резолюции Совета Безопасности ООН, которая заставит Судан прекра-

тить массовые убийства и разрушение деревень в Дарфуре, западном регионе страны». В «Хьюман Райтс Уотч» ситуацию воспринимают иначе. Ричард Дикер, директор программы «Международная справедливость», которую реализует организация, сказал: «Пока в Дарфуре продолжаются убийства и изнасилования, Соединенные Штаты предлагают откладывать [решения Совета Безопасности] и дальше... Эта арьергардная кампания администрации Буша, призванная предотвратить вмешательство Международного уголовного суда, рискует жизнями ни в чем не повинного мирного населения Дарфура»⁽⁴⁵⁾.

Вашингтон поставил себя в изоляцию и в других сферах. Никто, кроме Соединенных Штатов (и Израиля), не противодействовал договору ООН по «защите и развитию культурного разнообразия», который обсуждался в ЮНЕСКО. Двадцать лет назад, когда эта организация стремилась обеспечить участие ряда стран третьего мира в международных системах связи, администрация Рейгана и средства массовой информации добились ее серьезного ослабления. Для удара по ЮНЕСКО были выдвинуты ложные основания: ее усилия по расширению систем связи – подрывающие практически полную монополию Запада – являются попыткой установить контроль над СМИ и подавить свободу слова. Соединенные Штаты, кроме того, находятся почти в полном одиночестве по вопросу о международном надзоре за Интернетом, настаивая на том, что управление им должно быть сосредоточено исключительно в руках США⁽⁴⁶⁾.

В других отношениях Соединенные Штаты также оказались на обочине. Вот один хорошо известный пример: резкое увеличение количества заключенных за последние двадцать пять лет. Соединенные Штаты начали с периода, когда количество заключенных было сопоставимо с европейским, а закончили на уровне, который оказался в пять-десять раз выше

(преимущественно среди черных), причем вне зависимости от уровня преступности, который в целом остается на европейском уровне. Число обитателей американских тюрем – самое высокое в мире; оно значительно выше, чем в Китае или России. В 2004 году оно в очередной раз возросло, по преимуществу среди женщин. Свыше половины лиц, содержащихся в федеральных тюрьмах, попали туда за преступления, связанные с наркотиками. Хорошо известен тот факт, что Соединенные Штаты являются практически единственной из промышленно развитых стран, где государству даровано право карать преступников смертю. Как ни странно, это именуется «консервативной» позицией, хотя, по сути дела, это позиция сторонников неограниченной государственной власти.

«Международная амнистия» и «Хьюман Райтс Уотч» сообщают, что Соединенные Штаты являются единственной страной в мире, где существует возможность заключения малолетних преступников без условно-досрочного освобождения. Таких преступников в США они насчитали 2225 человек. Во всем остальном мире их насчитывается дюжина, в таких странах, как Южная Африка, Израиль и Танзания. В некоторых американских штатах допускается вынесение подобных приговоров детям уже с десятилетнего возраста; самому молодому из отбывающих сейчас такое наказание – тринадцать лет. Во многих случаях подобные приговоры выносились тем, кто был задержан на месте убийства или во время ограбления. За последние двадцать пять лет резко возросло количество детей, приговоренных к пожизненному заключению – еще более резко, чем количество взрослых убийц. Подобные методы нарушают Конвенцию ООН о правах ребенка, которую ратифицировали все государства-члены ООН, за исключением Соединенных Штатов и Сомали (в котором нет действующего правительства)⁽⁴⁷⁾.

Отношение общества к социальным программам, стабильное в течение долгого времени, явно указывает на то, что оно поддерживает социально-экономические положения Всеобщей декларации прав человека, подтверждающие, что «каждый человек имеет право на такой жизненный уровень, включая пищу, одежду, жилище, медицинский уход и необходимое социальное обслуживание, который необходим для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи, и право на обеспечение на случай безработицы, болезни, инвалидности, вдовства, наступления старости или иного случая утраты средств к существованию по не зависящим от него обстоятельствам». Такова формулировка статьи 25, имеющей тот же статус, что и прочие разделы Всеобщей декларации прав, которая была подтверждена на Всемирном саммите ООН в сентябре 2005 года, при официальном согласии с ней Соединенных Штатов. Саммит подтвердил, «что все права человека универсальны, неделимы, взаимосвязаны, взаимозависимы и подкрепляют друг друга и что ко всем правам человека надо подходить справедливо, равным образом, одинаково, с одной и той же степенью вниманья». Если это верно, то общественность еще раз твердо воспротивилась «моральным ценностям» администрации Буша, которая, формально признавая права, в очередной раз благополучно отвергла их в апреле 2005 года, оставшись «единственной страной, голосовавшей в отдельном голосовании (52 голосами против одного) против резолюций ООН о праве на еду и праве на возможно более высокие стандарты физического и психического здоровья»⁽⁴⁸⁾.

За месяц до этого заместитель госсекретаря США Пола Добрянски представила в Государственный департамент ежегодный доклад о состоянии прав человека в мире, красноречиво убеждавший в том, что «продвижение прав человека является не про-

сто элементом внешней политики: это само основание нашей политики и наша важнейшая забота». А в других местах Добрянски комментировала права человека, утверждение которых входит в ее задачу. Занимая в администрациях Рейгана и Буша-первого должность заместителя госсекретаря по правам человека и гуманитарным вопросам, Добрянски стремилась развенчивать то, что она называла «мифами» о правах человека, наиболее вопиющим из которых считался миф о том, что так называемые «социально-экономические права» являются основой прав человека». Она пресекала все усилия завести в тупик дебаты о правах человека ссылками на эти фальшивые права. Ведь они, будучи закреплены во Всеобщей декларации прав человека, упорно отвергались администрациями, которые представляла Добрянски. Все эти права – «письмо к Санта-Клаусу» (посол в ООН Джин Киркпатрик); «не более чем пустой сосуд, в который можно налить лишь смутные надежды и зарождающиеся ожидания», «абсурдное» и даже «опасное» подстрекательство (как заявил посол Моррис Абрам, подавая единственный голос против Декларации ООН о праве на развитие, в основе своей перекликавшейся со статьей 25 Всеобщей декларации прав человека)⁽⁴⁹⁾.

Будет весьма поучительным взглянуть на отношение общества к войне в Ираке на фоне общего неприятия доктрины «упреждающей войны», которую поддерживают обе партии. Как показало исследование Программы по изучению мнений о международной политике (PIPA), накануне выборов 2004 года 74 % граждан считали, что Соединенным Штатам не следовало начинать войну с Ираком, если того не оказалось оружия массового поражения или если не было доказано, что он поддерживает «Аль-Каиду» (58 % сторонников Буша, 92 % сторонников Керри и 77 % опрошенных, которые никого не под-

держивали). 60 % были против начала войны в случае, если Саддам только разрабатывал оружие массового поражения. Однако около половины опрошенных одобрили решение начать войну. Стивен Кулл, руководитель исследования, указывает, что противоречия здесь нет. Несмотря на официальные доклады Кея и Дюльфера, развенчавшие заявления о наличии у Ирака оружия массового поражения (что касается историй о связях с «Аль-Каидой», то тут серьезных попыток найти доказательства и не делалось), решение развязать войну «поддерживалось стойкой убежденностью половины американцев в том, что Ирак оказывал «Аль-Каиде» серьезную поддержку, располагал оружием массового поражения или, по крайней мере, масштабной программой по его созданию». Поэтому и вторжение они восприняли как защиту от опасной и непосредственной угрозы. Мощная пропагандистская кампания, запущенная в сентябре 2002 года правительством и средствами массовой информации и продолжавшаяся до 2005 года, по всей видимости, надежно и эффективно посеяла в обществе иррациональные страхи, причем не в первый раз⁽⁵⁰⁾.

Исследования, проведенные Программой PIRA, показали, что к апрелю 2003 года, через несколько недель после начала вторжения, значительное большинство американцев считало, что взять в свои руки «восстановление гражданского порядка и экономики» в Ираке должна ООН. К декабрю 70 % американцев полагали, что ООН, кроме того, обязана «возглавить сотрудничество с иракцами по написанию новой конституции и созданию нового демократического правительства». Эти цифры заслуживают особого внимания в свете следующих фактов: об общественном мнении по данным вопросам сообщается редко, подобные взгляды почти не получают выраженной поддержки, такие вопросы не ставятся в предвыборную

повестку дня, а американцы имеют на редкость искаженное – и вероятно, не имеющее аналогов в мире – представление об этой войне⁽⁵¹⁾.

Как уже отмечалось, эти цифры предлагают простую «стратегию выхода» на случай, если бы у администрации возник хоть какой-то интерес к такому курсу – последовать за волей американского общества и передать властные полномочия ООН. Предполагается, что подобный выбор поддержат и иракцы.

В марте 2004 года США резко осудили испанских избирателей, проголосовавших против правительства, которое получало приказы из Кроуфорда, штат Техас, вступило в войну, несмотря на недовольство подавляющего большинства населения, и удостоилось восторженного одобрения в качестве главной надежды демократии в «новой Европе». Почти никто из обозревателей не отметил, что в марте 2004 года испанские избиратели встали почти на ту же позицию, что и значительное большинство населения Соединенных Штатов: испанские войска должны оставаться в Ираке только под управлением ООН. Однако между двумя странами было крупное различие: в Испании, в отличие от Соединенных Штатов, общественное мнение стало известно, и в Испании укзанный вопрос был поставлен на голосование – почти невообразимая вещь для Соединенных Штатов, что является еще одним свидетельством серьезного упадка эффективной демократии, даже по стандартам аналогичных обществ⁽⁵²⁾.

Какими бы оказались результаты выборов 2004 года, если бы одна из политических партий захотела подчеркнуть и выразить соображения народа по вопросам, которые он считает важными? Или если бы эти вопросы стали предметом публичной дискуссии с представителями официальной линии? Мы можем лишь рассуждать об этом, точно зная, что ничего подобного не случилось.

Последствия выборов приняли именно такой оборот, который и можно ожидать в государстве, превращающемся в банкрота. Когда в феврале 2005 года администрация Буша опубликовала свой бюджет, Программа по изучению мнений о международной политике занялась исследованием мнения общественности о том, каким этот бюджет должен быть. Было продемонстрировано, что общественное мнение практически полностью расходилось с политическим курсом руководства: сплошь и рядом возрастали те статьи бюджета, которые граждане хотели бы сократить, и сокращались те статьи, которые им бы хотелось увеличить. Основной вывод Программы гласил: «Американское общество хотело бы существенно изменить федеральный бюджет, предложенный недавно администрацией Буша... Наиболее резкими изменениями явились масштабные сокращения оборонных расходов, значительное распределение средств в направлении сокращения бюджетного дефицита и увеличение расходов на образование, профессиональную подготовку, сокращение нефтяной зависимости и поддержку пожилых граждан». Наиболее масштабным сокращением расходов, которое требовало общество, – в среднем на 31 %, – должен был подвергнуться оборонный бюджет, на втором месте – урезание дополнительных затрат на Ирак и Афганистан. Этому не следует удивляться, поскольку подсчитано, что долгосрочные финансовые затраты на войны Буша в Ираке и Афганистане составляют «свыше 1,3 триллиона долларов или 11 300 долларов на каждую американскую семью», а стоимость утраченных возможностей, не говоря уже о потерянных жизнях, и вовсе невозможно подсчитать⁽⁵³⁾.

Более того, «очевидное большинство (63 %) выступило за отмену сокращения налогов для людей, чьи доходы превышают 200 000 долларов». Тем не менее, по сообщениям прессы, администрация Буша настоя-

ла на направлении средств, отведенных для социальных расходов, на помощь жертвам урагана Катрина из-за «продолжающейся политики сокращения налогов, в том числе тех, которыми облагаются самые богатые американцы». «Уменьшение налогов является в политике неприкосновенным вопросом» — в значительной степени, как и частное здравоохранение. И, напротив, правительственные программы, «лишенные политической поддержки», пользуются лишь одобрением общественности. Соответственно Конгресс предложил урезать обеспечение продуктами питания взрослых и детей из числа наиболее бедных слоев, чтобы профинансировать восстановление Нового Орлеана, пострадавшие жители которого тоже были по преимуществу крайне бедными. Маловероятно, чтобы они особенно выиграли от этого проекта⁽⁵⁴⁾.

Общество, кроме того, призывало к увеличению расходов в социальной сфере, в том числе и к резкому повышению расходов на образование, профессиональную подготовку и увеличение занятости. Явное большинство поддержало существенный рост затрат как на медицинские исследования, так и на нужды пожилых граждан. «На данный момент самым масштабным в процентном отношении ростом расходов, [которого желало бы общество], является консервация и развитие пополняемых источников энергии — невероятная цифра в 1090 %, или 24 миллиарда долларов. За увеличение этой статьи, кроме того, высказалось и наибольшее количество респондентов (70 %)». Одним из самых высоких процентных показателей увеличения расходов (свыше 200 %) стала поддержка ООН и ее миротворческих операций.

Говоря короче, общественность потребовала наибольшего сокращения наиболее стремительно увеличивающихся статей бюджета и значительного повышения расходов по тем статьям, которые были урезаны. Эти результаты в очередной раз очень многое

сказали населению страны о действующей демократической системе. К счастью, Соединенные Штаты – очень свободное общество, и в нем есть возможность получать информацию. Но, к сожалению, для того, чтобы ее получить, необходим самостоятельный исследовательский проект: в СМИ такие вопросы практически не освещаются⁽⁵⁵⁾.

Предпочтения общества в отношении государственных расходов хорошо соответствуют результатам изучения общественного мнения. И эти результаты выявляют широкую пропасть между общественным мнением и государственной политикой. То же подтверждают и многочисленные исследования важных вопросов, в частности, «соглашений о свободной торговле», о которых рассказывалось выше. Отдельные причины, породившие эту пропасть, время от времени признаются в специальной литературе. Так, Лоуренс Джейкоб и Бенджамин Пейдж, подтверждая общие выводы предыдущих исследований, в ходе скрупулезного анализа главных мотивов внешней политики США установили, что основное влияние на нее оказывают «корпорации с международной ориентацией», а второе место занимают «эксперты (возможно, что и они испытывают влияние со стороны бизнеса)». И этому не приходится удивляться. А вот общественное мнение, напротив, «почти или совершенно не оказывает серьезного влияния на чиновников правительства». Авторы отмечают, что данные результаты очень понравились бы «реалистам» вроде Уолтера Липмана, который «считал общественное мнение плохо осведомленным и капризным» и предупреждал, что «следование общественному мнению произведет “болезненное расстройство в подлинных механизмах власти”, породив установки, “гибельные для самого выживания государства в свободном обществе”». «Реализм» – это плохо маскируемые идеологические предпочтения. Как и отмечал

Адам Смит, поиски признаков высшей проницательности у тех, кто оказывает основное влияние на политику, – если оставить в стороне их искусственную защиту собственных интересов – окажутся тщетными⁽⁵⁶⁾.

На протяжении десятилетий опросы общественного мнения показывали: люди считают, что правительство не реагирует на волю общества. И эта тенденция резко усилилась в годы правления Рейгана. Когда в ходе одного из проведенных недавно исследований «изучалось, насколько сильно влияет мнение большинства американцев на решения, которые принимают выбранные чиновники в Вашингтоне, с оценкой по десятибалльной шкале (0 – не влияет совсем, 10 – исключительно сильное влияние), средний балл равнялся 4,5». Это примерно вдвое меньше от показателя, который считался приемлемым. Уверенность в эффективности демократии оказалась в Соединенных Штатах ниже, чем в Канаде и Великобритании. Аналитики полагают, что сдержанное отношение американцев к «продвижению демократии» за рубежом вполне может основываться на убеждении, что в подобном проекте нуждается сама Америка⁽⁵⁷⁾.

Закрепление

государственно-корпоративного контроля

Реакционные государственники, которые уже располагают тонкими средствами влияния на государственную власть – воины по убеждению. Со страстью и убежденностью, которые доходят до гротеска, они служат ограниченному кругу влиятельных людей, не обращая внимания на вред, который причиняют основной массе населения и будущим поколениям. Кроме того, они стремятся воспользоваться теми возможностями, которыми сейчас располагают, дабы официально закрепить свои нововведения, что-

бы восстановление более гуманного и демократичного общества превратилось в гигантскую задачу.

«Находящиеся у власти республиканцы не просто играют на руку бизнесу, они играют на руку государственной власти», – точно подметил Джеффри Бирнбаум. Об этом свидетельствует, в частности, тридцатипроцентное увеличение федеральных расходов с 2000 по 2004 год, по преимуществу на «программы, бывшие предметом лоббирования» системы корпораций, обогащающейся за счет разросшегося правительства. Свидетельством создания климата, особенно благотворного для бизнеса и государства, явилось то, что «количество зарегистрированных лоббистов в Вашингтоне с 2004 года выросло более чем вдвое, превысив 34 750 человек, в то время как количество лоббистов, представляющих новых клиентов, увеличилось на целых 100 %»⁽⁵⁸⁾.

Чтобы еще прочнее укрепить свою связь с корпоративным сектором, государственники-реакционеры, опорочившие понятие «консерватизм», породили явление, которое негласные политические воротилы республиканцев называют «Проект “Кей-стрит”». Элизабет Дью, уже давно работающая корреспондентом в Вашингтоне, описывает проведенную чистку отраслевых ассоциаций и лоббирующих организаций, сосредоточенных на вашингтонской улице Кей, как «самую тщательную, безжалостную, мстительную и эффективную атаку из всех, которые видел до этого Вашингтон, ударившую по лоббистам-демократам и демократам вообще». Цель этого заключается в следующем: добиться верности партийной линии «от всех центров власти в Вашингтоне», в том числе и в корпоративном мире. Это обеспечит «дальнейшее укрепление связей между теми, кто делает политику, и теми, кто стремится на нее влиять». Последние сосредоточены преимущественно в корпоративном секторе, что вновь подтвердили недавно Джейкобс и Пейдж. Од-

ним из предсказуемых результатов этого курса явился «новый, более высокий уровень коррупции». Эта коррупция включает в себя эффективные избирательные махинации, дабы предотвратить соперничество за места в Палате Представителей – наиболее демократичном из институтов власти, что является поводом для особой озабоченности. Как сказал один республиканский лоббист, коррупция «предположительно» останется «незамеченной и непобежденной» до тех пор, пока не примет настолько крайние формы, что начнет вредить интересам бизнеса. Если смотреть шире, то она окажет «сильное влияние на то, каким образом управляется страна... Имеют место не только учащающиеся изменения законодательства в интересах самых богатых. Изменился и сам Конгресс», который превратился в «деловую организацию», цель которой – вводить от лица государственной власти, все активнее набирающей мощь, политические меры, поощряющие бизнесу»⁽⁵⁹⁾.

То же самое стремление к централизации власти стоит за «резким ростом общей государственной секретности». По данным государственного офиса по надзору за информационной безопасностью, объем информации, которая держится в секрете от народа, вырос вдесятеро. Предлогом послужил «терроризм» – это выглядит неправдоподобным в свете того, как мало администрацию заботит предотвращение террористической угрозы (о чем было написано выше), а также в исторической перспективе. Если эти секреты будут однажды преданы огласке, результаты, очевидно, окажутся типичными для большинства изученных рассекреченных документов: чаще всего засекречивание спасает государственную власть от пристальных взглядов «плохо осведомленной и капризной» общественности, которой не полагается знать, что делается от ее имени, – в противном случае под угрозой может оказаться «свобода». То же

самое можно сказать об усилиях радикальных государственных чиновников по предотвращению рассекречивания. Когда сторонники Рейгана наложили запрет на информацию о том, как в 50-х годах США сбросили парламентские режимы в Иране и Гватемале, дело было не в соображениях «безопасности» (если только не иметь в виду их стремление «обезопасить» так любимый ими мощный государственный аппарат от взоров назойливого народа). Аналогичным образом приступившая к работе администрация Буша-второго вмешалась в обычные процедуры рассекречивания, чтобы скрыть сведения о действиях администрации Джонсона по подрыву демократии в Греции в 60-х годах, благодаря чему произошла первая реставрация фашизма в Европе. Радикальные правые не были заинтересованы в том, чтобы оберегать от раскрытия преступления демократов, однако если общество начнет вникать в работу государственных механизмов, это едва ли вызовет у него должное почтение к могущественным руководителям и их благородству⁽⁶⁰⁾.

В духе все той же верности реакционному государству с его потворством бизнесу республиканское руководство приступило к превращению и Конгресса, и Белого дома в «управляемые сверху системы», где в исполнительной власти важные решения принимает «группка верных сподвижников “западного крыла”», а Конгрессом руководят «несколько лидеров и консервативных сторонников администрации» так, что это вызывает в памяти «список компаний “Форчун-500”». Верные сторонники получают награду, а те, кто «встает на пути у партийных лидеров» – скорое наказание. Конечно, у подобного антидемократического напора имеются прецеденты,

* В западном крыле Белого дома располагается рабочий кабинет президента США.

однако сейчас он выходит на новый уровень. Никто из тех, кто знает историю, не должен удивляться тому, что рука об руку с этим следуют величайшие задачи и концепции демократии⁽⁶¹⁾.

Образовательная система пока что не стала полностью приватизированным придатком государственно-корпоративной системы. Поэтому и она испытывает на себе атаки реакционеров-государственников, разгневанных «либеральной предвзятостью», из-за которой, как нам предстоит осознать, страдают «консервативные студенты». Она ведь якобы насаждает антиамериканские, пропалестинские и прочие леволиберальные установки, которые либеральные академические круги всегда принимают с таким радушием. Как и следовало ожидать тем, кто читал Оруэлла, деятельность по установлению государственного контроля над учебными планами, наймом сотрудников и преподаванием, проводится под знаменем «научной свободы» – еще одна неприкрытая попытка прибегнуть к тактике «держи вора!».

Как ни странно, но захват образовательной системы левыми антиамериканистами и заступниками палестинцев остался незамеченным в научных публикациях. Это факт, который «защитники научной свободы» умышленно игнорируют, предпочитая ему собранные наугад курьезы, не всегда заслуживающие доверия. Они пренебрегают, кроме того, очевидным способом оценки «антиизраильского экстремизма», который якобы укоренился в университетах: провести опрос общественного мнения, чтобы выяснить, многие ли считают, что Израиль должен обладать теми же правами, что и любое государство в международном сообществе. Этот путь прост, но лучше его избегать по причинам, которые прекрасно ясны организаторам этой кампании.

Пресса сообщает: «Конгресс делает первые шаги к тому, чтобы заставить колледжи поддерживать в

учебе идеологическое равновесие. Данная мера, как настаивают ее защитники, необходима для защиты консервативных студентов от заниженных оценок со стороны либеральных профессоров». Такие заявления у тех, кто знаком с реалиями научного мира, не вызывают даже насмешки. Для Пенсильвании Палата Представителей «приняла резолюцию о создании специального комитета, которому поручается изучать, как принимаются на работу и получают повышения научные работники (в государственных колледжах штата), справедливо ли оцениваются знания студентов и имеют ли студенты право выражать свои взгляды, не подвергаясь опасности пострадать за них». Голосование по этому вопросу является «огромной победой для свободы науки», заявил Дэвид Горовитц, автор «Научного билля о правах», который и лег в основу законопроекта. По его словам, сопротивление со стороны преподавателей «было яростным, и в результате их поражение стало еще более сокрушительным». «Научная свобода» одерживает очередную победу над свободой науки.

А в штате Огайо сенатор Ларри Мампер, опираясь на тех же самых отважных защитников научной свободы от нападения слева, предложил законопроект, призванный «ограничить университетских профессоров в высказываниях, которые они делают в своих аудиториях». Его «Научный билль о правах для высшего образования» призван запретить преподавателям в частных и государственных университетах «настойчивое» обсуждение противоречивых вопросов, а также использование ими учебных аудиторий для пропаганды политических, идеологических, религиозных или антирелигиозных взглядов». По словам Мампера, многие профессора «подрывают ценности своих студентов, поскольку «80 % или около того [профессоров] – это демократы, либералы, социалисты или члены коммунистических организа-

ций, стремящиеся внушить студентам свои идеи». Следовательно, нетрудно понять, почему они так «яростно» сопротивляются научной свободе и терпят столь «сокрушительное» поражение⁽⁶²⁾.

Очевидно, у этого предложения есть свои достоинства: оно позволит сэкономить немалые деньги благодаря роспуску кафедр экономики, государственного управления, истории и прочих специальностей гуманитарного плана, связанных с продвижением политических и идеологических взглядов, а также постоянным обсуждением противоречивых вопросов – конечно, если и эти области не будут низведены до тестирования по навыкам и знанию фактов.

Аналогичные законопроекты представлены в законодательные собрания многих других штатов. Особым нападкам подвергаются кафедры Ближнего Востока и программы изучения миротворчества. В эту борьбу включилось и федеральное правительство. В октябре 2003 года Палата Представителей «единогласно приняла законопроект, который может потребовать от университетских факультетов и кафедр международных исследований выказывать более активную поддержку американской внешней политики. В противном случае они рискуют остаться без федерального финансирования». Подобный законопроект был направлен в особенности против ближневосточных программ. «Этот законопроект неизбежно предусматривает, что если наиболее признанные из специалистов считают, что американская ближневосточная политика плоха, то это является недостатком самих специалистов, а вовсе не политики», – пишет Мишель Голдберг. Научное сообщество почувствовало «угрозу наказаний для научных центров, если они откажутся идти в кильватере официальной линии Вашингтона. И это является беспрецедентным по масштабу вмешательством федерального правительства в университетские программы

региональных исследований» – вывод, который вполне достоин обсуждения, если мы взглянем на не столь прямые формы влияния.

Видный израильский социолог Барух Киммерлинг в своем влиятельном обзоре этих скандальных атак на кафедры, изучающие Ближний Восток или миротворчество, предупреждал о губительных последствиях «удара по научной свободе, нанесенного коалицией неоконсерваторов и фанатичных еврейских студентов, поддержанных некоторыми «официальными» еврейскими организациями», которых вдохновил «крестовый поход Горовитца». Эссе Киммерлинга называлось «Сможет ли «патриотическая» мафия захватить университеты?» и было отвергнуто журналом «Кроникл оф Хайер Эдьюкейшн». Ученый-ближневосточник из Гарварда, Сара Рой, которая пишет на ту же тему, цитирует нападки Горовитца на 250 американских программ по изучению мирных процессов. По его словам, они «учат студентов отождествлять себя с террористами, противостоящими Америке, а саму Америку – с «большим шайтаном», который угнетает бедных во всем мире и заставляет их голодать... Вопрос стоит так: как долго сможет продержаться государство, ведущее войну со столь безжалостными врагами, как бен Ладен и Заркауи, если ее образовательные учреждения занимаются подобным подстрекательством?»⁽⁶³⁾

Но на ум приходят совсем другие вопросы, в том числе поставленные Фрицем Штерном в «Форин Аффферс». Или, если обратиться к другому полюсу, слова классического защитника государственной власти Томаса Гоббса, который предупреждал: «Университеты для этой страны давно стали тем же, чем для троянцев – деревянный конь». Они должны стать «более дисциплинированными», продолжает Гоббс. «Меня будет повергать в отчаяние любой прочный мир в нашем обществе, пока университеты в стране не подчи-

няться и не направят свои искания... на внушение абсолютной покорности законам короля». Как пишет Кори Робин, Гоббс обвинял университеты в том, что они «обучают смуте» и даже «распространяют учения о древних свободах и отказе от религии»⁽⁶⁴⁾.

Кампания, с помощью которой «патриоты» собрались еще больше ужесточить контроль над образовательной системой, выглядит особенно опасной на фоне повального неприятия науки — явления, имеющего глубокие корни в американской истории и цинично используемого последние двадцать пять лет для получения узких политических выгод. Свод знаний и представлений американцев не имеет аналогов в индустриальных обществах. Около 40 % населения убеждено, что «живые существа жили в своем нынешнем виде с начала времен», и поддерживает отказ от преподавания эволюционного учения в пользу креационизма. Две трети американцев хотят, чтобы в школах знакомили и с эволюцией, и с креационизмом, соглашаясь в этом с президентом, который выступает за преподавание эволюционного учения наравне с «теорией разумного начала», — чтобы, по его словам, «люди могли понять, вокруг чего ведется спор»⁽⁶⁵⁾. (Впрочем, те, кто им манипулирует, хорошо знают, что никаких «споров» не ведется.)

В последние годы в результате принимающих многочисленные формы притеснений иностранные студенты и преподаватели, в том числе в сфере науки и технологий, испытывают все меньше желания учиться и работать в Соединенных Штатах. Всем этим нововведениям вторит проявляемая администрацией Буша враждебность к науке и ее готовность поставить под угрозу «продуктивный источник инноваций» из-за сокращения университетских исследований, на которых зиждется передовая экономика. Направление дальнейшего развития — подчинение университетов корпорациям, стимулирующее, помимо

прочих эффектов, краткосрочные проекты и секретность. В длительной перспективе последствия этого шага для общества окажутся тяжелыми.

«Свободный путь для бизнеса»

После трагедии урагана Катрина скрывать последствия политики, направленной на укрепление бизнеса и государства, стало невозможно. Федеральное агентство по чрезвычайным ситуациям (FEMA) называло сильный ураган в Новом Орлеане в числе трех наиболее вероятных катастроф в Соединенных Штатах. По сообщению одного высокопоставленного чиновника, «катастрофа в Новом Орлеане была у нас на первом месте. Новый Орлеан из-за связанного с ним риска превратился для нас в наваждение». Федеральное агентство проводило тренировки и разрабатывало детальные планы, которые, однако, применены не были. По сообщению журнала «Уолл-стрит джорнел», подразделения Национальной гвардии, отправленные в Ирак, «забрали с собой множество необходимого оборудования, в том числе десятки вездеходов для паводка, джипов «Хаммер», топливозаправщиков и генераторов, которые потребовались бы, если бы в штате случилась крупная природная катастрофа», а «высокопоставленный армейский офицер сказал, что командование не горело желанием задействовать четвертую бригаду 10-й горно-пехотной дивизии из Форта Полк, поскольку в этой части, насчитывавшей несколько тысяч солдат, полным ходом шла подготовка к развертыванию в Афганистане»⁽⁶⁶⁾.

В соответствии с приоритетами администрации Буша угроза урагана оказалась занижена так же, как и угроза террора. Администрация проявляла невнимание на каждом шагу. Возьмем, например, проблему заболоченных территорий, которые являются

важным условием для уменьшения силы ураганов и штормовых нагонов. Как пишет Сандра Постел, «на момент удара Катрины болота практически отсутствовали», отчасти из-за того, что в 2003 году администрация Буша эффективно свела на нет политику создания болот «без балансовых потерь», начатую администрацией Буша-старшего». Более того, как сообщают бывшие сотрудники Федерального агентства по чрезвычайным ситуациям, при Буше его потенциал был «благополучно урезан», поскольку агентство передали в Министерство внутренней безопасности. Его ресурсы оскудели, появились дополнительные уровни бюрократии и началась «утечка мозгов», поскольку упавшие духом сотрудники стали уходить (это во многом напоминает ситуацию с ЦРУ, когда оно было наказано за неповиновение). Агентство, некогда бывшее «федеральным ведомством первостепенной важности», при Буше стало даже не второстепенным; как сказал один чиновник высокого ранга, «в Министерстве внутренней безопасности их засунули в самый дальний угол». Этим и объясняется неспособность повторить успех учебной тревоги на случай урагана, которая была проведена в Новом Орлеане за год до удара Катрины.

Уменьшение финансирования при Буше вынудило Инженерный корпус армии США резко сократить объемы противопаводочных работ, в том числе и по отчаянно необходимому укреплению дамб, защищавших город. Бюджет Буша от февраля 2005 года потребовал дальнейшего сокращения финансирования, «крупнейшего из когда-либо предложенных», как сообщила «Файнэншл таймс», — это фирменная манера администрации Буша выбирать момент, во многом напоминающая резкое ослабление безопасности на транспорте в Лондоне перед взрывами июля 2005 года, целями которых и стал общественный транспорт. Как сообщает экономист Дин Бей-

кер, относительно масштабов экономики в целом, бюджет агентства по чрезвычайным ситуациям сократился на 9 % по сравнению с предыдущими тремя годами. Уровень бедности, выросший при Буше, в Новом Орлеане достиг 28 %, а социальная защищенность, и без того ограниченная, стала еще более слабой. Результаты этого были настолько чудовищными, что средства массовой информации всех направлений пришли в ужас от масштабов опустошения, ударившего в основном по вполне определенным классам и расам. Оценивая печальные последствия урагана, Пол Кругман писал, что программа Буша привела к созданию «неспособного правительства», бессильного помочь основному населению, — еще одна характерная особенность несостоятельного государства⁽⁶⁷⁾.

Пока средства массовой информации показывали вопиющие сцены человеческих несчастий, республиканское руководство, не теряя времени, занялось «принятием мер по оказанию помощи на опустошенном ураганом побережье Мексиканского залива с целью проведения широкого спектра консервативных экономических и социальных мероприятий». Среди них были: отмена правил, требовавших выплаты установленных зарплат федеральными подрядчиками, которые, вероятнее всего, окажутся в центре очередного коррупционного скандала (мера, призванная «снизить затраты на ведение бизнеса»); ограничение прав жертв на подачу исков; выдача детям талонов вместо поддержки школ (с поощрениями для частных школ); урезание фондов для продуктовых талонов, школьных завтраков и программ раздачи обедов (с одновременной публикацией цифр, говорящих о росте числа голодающих в стране); послабления в природоохранных требованиях; «отмена налогов на наследство для погибших в штатах, затронутых ураганом» (невероятное благодеяние для черного

населения, бегущего из трущоб Нового Орлеана). Словом, в очередной раз власти ясно продемонстрировали, что их цинизм не знает границ⁽⁶⁸⁾.

Хотя тенденции, которые так беспощадно заявили о себе в Новом Орлеане, вне всякого сомнения, подстегнул экстремизм в духе Буша, корнями они уходят в военизированный государственный капитализм, со свойственным ему пренебрежением ко всем потребностям городов и социальных служб. (Эту тематику многие годы активно развивал, в частности, Сеймур Мелман.) Политэкономист Том Рейфер, анализируя катастрофу Катрины, отмечает: «Идеология национальной безопасности оказалась решающим фактором в жестокой классовой войне, которая ведется не только против стран третьего мира, но и против населения самой Америки»⁽⁶⁹⁾.

Среди достижений Джорджа Уокера Буша за его первый президентский срок было и колоссальное увеличение прибылей корпораций при стабилизации или сокращении зарплат, наряду с чудовищным сокращением налогов для богатых, чтобы богатство перераспределялось в их пользу еще активнее, чем раньше. Эти политические меры были лишь одним элементом разветвленной политики, обогащавшей незначительное меньшинство. Весьма вероятно, что в отдаленном будущем за ними последует «финансовая катастрофа», которая подорвет социальные расходы, заставив следующие поколения оплачивать издержки грабежа, что осуществляют сегодня сверхбогачи⁽⁷⁰⁾.

Второй срок Буша быстро подтвердил заголовок «Уолл-стрит джорнел», гласивший: «Буш приступает к обслуживанию большого бизнеса». Его первым законодательным триумфом стал закон о банкротстве, «созданный с участием промышленников и поддержанный Джорджем Бушем», как сообщает издание. Этот законопроект «недвусмысленно утверждает, что банкротство – проблема заемщика, а не от-

расли в целом», из-за чего «в этом давнем вопросе чаша юридических весов отклонится в пользу кредиторов». Закон пытается разрешить проблемы, порожденные широковещательными кампаниями, которые породила отрасль кредитных карт, чтобы стимулировать постоянное кредитование самых уязвимых слоев населения. Затем эти народные группы накапливают непосильные долги и оказываются перед необходимостью признавать себя банкротами, чтобы выжить. Закон о банкротстве, учитывающий приоритеты богатых и влиятельных, «почти ничего не делает, чтобы обеспечить ответственность сферы финансовых услуг за легкий доступ к кредитам, который она предлагает потребителям». Кредиторы даже отклонили попытки «ввести в законе ограничения на обслуживание студентов моложе 18 лет и ограничить некоторые проценты по кредитным картам».

В основе этого лежат те же принципы, что и в международном кредитовании. Всемирный банк и другие банки стимулируют займы бедных стран у богатых и влиятельных, а рискованные кредиты приносят большие прибыли. Когда же система рушится, в действие вступают программы по реструктуризации долга, перекладывающие тяжесть издержек на бедные страны, на тех, что брали займы не вполне по собственной воле и мало что от них получили, а также на налогоплательщиков Северной Америки. Международный валютный фонд выступает в качестве «надсмотрщика, обслуживающего кредитное сообщество», как удачно выразился его исполнительный директор-американец. Механизмы по переносу издержек рискованных высокодоходных займов на самих кредиторов хорошо известны, однако их оставляют без внимания⁽⁷¹⁾.

Проблемы, порожденные алчностью финансовой сферы, смотрятся угрожающе. Количество регистраций банкротств «за последние 30 лет выросло в восемь раз, с 200 000 в 1978 году до 1,2 миллиона в 2004

году; ожидается, что в 2005 году их количество достигнет 1,8 миллиона». «Подавляющее их большинство приходится на банкротства частных лиц, а не компаний» и обусловлено неуклонным ростом семейных задолженностей, «которые сейчас достигли рекордных процентов от чистого дохода семей». Примерно половина банкротств, зарегистрированных в 2001 году, была вызвана медицинскими расходами. «Даже застрахованные семьи из среднего класса часто становятся жертвами финансовых катастроф»⁽⁷²⁾.

Как установил институт Гэллапа, «затруднение доступа к услугам здравоохранения представляет собой финансовую трудность, которая больше, чем какая-либо другая, непосредственно угрожает качеству жизни американцев». С января 2005 года, «когда американцев просят назвать важнейшие финансовые проблемы, с которыми сталкиваются их семьи, на первое место ставятся расходы на здравоохранение». Наиболее «удивительным» открытием организаторы опросов сочли то, что лишь 6 % американцев «сообщили, что удовлетворены суммарной стоимостью медицинских услуг в Соединенных Штатах», тогда как 71 % оказался ими недоволен, а 46 % — «совершенно недовольны». Треть респондентов сообщила, что в последние годы отказывала себе в медицинских услугах из-за их стоимости; как и ожидалось, процент таких людей оказался существенно выше среди американцев с низкими доходами, как и среди тех, что характеризовал свое здоровье как «прекрасное» или «плохое». Свыше половины опрошенных откладывали лечение очень серьезных или достаточно серьезных заболеваний, а среди тех, чьи доходы не превышали 25 000 долларов, таких оказалось 69 %. По замечанию института Гэллапа, тот факт, что «уровень дохода становится серьезным препятствием для получения необходимых услуг», означает, что те, кто больше всего нуждается в лечении, не полу-

чают его. Удовлетворенность системой здравоохранения в США ниже, чем в Великобритании и Канаде, не говоря уже о тех 45 миллионах американцев, у которых вообще нет медицинской страховки⁽⁷³⁾.

Как уже отмечалось выше, значительное большинство населения поддерживает введение общенациональной системы здравоохранения, даже если это приведет к повышению налогов. Вместе с тем вполне возможно, что введение общедоступной системы здравоохранения обернется существенным снижением расходов, поскольку можно будет обеспечить огромную экономию, устранив многочисленные эшелоны бюрократии, пристальный надзор, бумажную работу и прочие вещи, идущие рука об руку с приватизацией. Эти статьи расходов, а также беспрецедентная власть фармацевтических корпораций и финансовых организаций делают американскую систему здравоохранения самой неэффективной по сравнению со всеми аналогами в промышленно развитых странах. Она обходится дороже, чем во всех индустриальных странах (входящих в Организацию экономического сотрудничества и развития), и обнаруживает ряд наихудших медицинских показателей.

Стремительно растущие расходы на здравоохранение угрожают тяжелым финансовым кризисом, а также неизмеримыми потерями человеческих жизней. Одним из основных показателей здесь является детская смертность. Доклад ООН о развитии человечества за 2005 год отмечает, что «начиная с 2000 года стабильное полувековое снижение детской смертности [в Соединенных Штатах] впервые замедлилось, а затем перешло в рост». К 2005 году этот показатель поднялся до уровня Малайзии, страны, средний доход в которой составляет четверть от американского. В докладе также получают оценку результаты государственных программ. Например, в Великобритании уровень детской смертности резко

вырос в годы правления Маргарет Тэтчер, а затем стал снижаться, после того как лейбористское правительство взяло курс на сокращение вдвое показателей детской бедности к 2010 году. «Перераспределение денежных средств стало ключевым фактором стратегий, направленных на достижение соответствующих целей», — заключает доклад. «Значительное увеличение финансовой поддержки семей с детьми», а также другие программы «вызвали рост доходов работающих семей с детьми», что существенно улучшило ситуацию с детской бедностью⁽⁷⁴⁾.

Финансовый кризис, безусловно, ни для кого не является секретом. Как сообщает пресса, 30 % расходов на систему здравоохранения приходится на содержание администрации — это куда более высокий процент, чем в других регулируемых государством системах, в том числе и в Соединенных Штатах, которые по их эффективности занимают далеко не первое место. Подобные подсчеты значительно занижены из-за принятого по идеологическим причинам решения не считать, какие расходы несут конкретные люди: врачи, теряющие время или вынужденные использовать его не на дело, или пациенты, что попадают «в царство бумаг, сюрреалистичное настолько, что оно напоминает притчи Кафки о триумфе безликой бюрократии». Составление счетов стало настолько замысловатым, что, по словам высокопоставленного советника президента, национального координатора по информационным технологиям в здравоохранении, когда он получает счет за своего четырехлетнего ребенка, то «не может понять, ни что произошло, ни что ему следует делать».

Тем, кто хочет увидеть, как государственная бюрократия достигает таких вершин, которые не мог себе вообразить даже Кафка, следует взглянуть на составленное правительством руководство по плану выписывания рецептов программы «Медикэр» объе-

мом в девяносто восемь страниц. Это руководство вручается участникам программы, чтобы проинформировать их о том, какими возможностями они могут пользоваться согласно закону, принятому в 2004 году Конгрессом, которому помогала целая армия лоббистов из фармацевтических компаний и организаций здравоохранения. Как сообщает своим состоятельным читателям «Уолл-стрит джорнел», смысл закона заключается в том, что «пациентов подталкивают к поиску наиболее выгодных медицинских услуг», и возможно, они даже сэкономят, если найдут себе достаточно помощников для поиска, которые изучат все многообразие услуг, доступных в частных компаниях, и если им повезет со счастливыми озарениями. Медицинские сберегательные счета, которые редакторы газеты также приветствуют, отличаются аналогичными особенностями. Состоятельные люди и корпорации, обогащающиеся на этом, найдут эти интересные новые программы просто прекрасными, равно как и само здравоохранение в целом. Все остальные же получают то, что заслуживают, поскольку не поднялись до подобных высот⁽⁷⁵⁾.

Ответом администрации Буша на кризис в здравоохранении стало сокращение объемов услуг для бедных («Медикэйд»). Время было выбрано безупречно. Как сообщила «Вашингтон пост», «лидеры республиканцев в Конгрессе, урезая программу здравоохранения «Медикэйд» на миллиарды долларов, одновременно вмешались в нее, чтобы спасти жизнь, вероятно, самому заметному пациенту «Медикэйд» – Терри Скиаво». Том Делэй, лидер республиканского большинства, выражая свое глубокое беспокойство по поводу Скиаво и уверенно заявляя, что обеспечит ей шанс, «которого заслуживает любой из нас», одновременно провел через Палату Представителей резолюцию по бюджету, урезающую 15 из 20 миллиардов долларов, отпущенных на «Медикэйд» на следующие

пять лет. И как будто одно только использование трагедии этой несчастной женщины для получения партийных выгод выглядит недостаточно позорным, Делэй и ему подобные лишили ее – и кто знает, скольких еще людей – средств, необходимых для выживания. Кроме того, они лишней раз продемонстрировали, чего на самом деле стоят их моральные ценности и забота о святости человеческой жизни⁽⁷⁶⁾.

Главным методом, использованным для того, чтобы отвлечь внимание от кризиса здравоохранения, стала организация крупной пропагандистской кампании по «реформированию» – то есть по разрушению – системы «Социальное обеспечение», под предлогом того, что ей угрожает ужасный финансовый кризис. Нет необходимости описывать этот исключительный пропагандистский обман президентской администрации, а также фальсификации и искажения, которые, не комментируя, повторяют многие средства массовой информации, принимающие участие в превращении этого вопроса в «горячую тему» для Вашингтона. Освещение данной темы в СМИ велось более активно, чем ей обычно полагалось. Мерный барабанный рокот этого обмана оказался настолько мощным, что заставил раздосадованных аналитиков употреблять слова, которые редко можно увидеть в сдержанных журналах. Утверждалось, что Буш «постоянно лгал о нынешней системе “Социальное обеспечение”», выступая с заявлениями, которые были «неприкрытой ложью, причем его администрация должна знать, что это ложь»⁽⁷⁷⁾.

Дело не в том, что эта система не имеет дефектов. Разумеется, они есть. Иллюстрацией тому является резко регрессивный налог на заработную плату. Если посмотреть шире, то Организация экономического сотрудничества и развития провела исследование, показавшее, что американская система «является одной из наиболее скудных систем государственных

пенсий в развитых странах», что вполне соответствует относительной слабости системы соцобеспечения в Соединенных Штатах⁽⁷⁸⁾.

Предполагаемый кризис «Социального обеспечения» обусловлен демографическими причинами: сокращается соотношение между работающими и теми, кто вышел на пенсию. Эти сведения точны, однако в них заключается лишь часть истины. Более важным показателем является соотношение работающих граждан и тех, кого они поддерживают. Согласно официальным статистическим данным, соотношение работающих и материально зависимых людей (моложе двадцати или старше шестидесяти пяти лет) достигло своей низшей точки в 1965 году и ожидается, что в прогнозируемый период (до 2080 года) оно к ней не приблизится. Пропаганда создает впечатление того, что вся система может рухнуть, едва «бэби-бумеры» выйдут на пенсию, причем постоянно указывается, что их выход на пенсию уже финансируется благодаря увеличению в 1983 году налога на заработную плату, которое провел Гринспен.

Вместе с тем «бэби-бумеры» были детьми, и тогда о них тоже приходилось заботиться. Мы видим, что в те годы отмечался резкий рост расходов на образование и прочие потребности детей. И кризис тогда не разразился. Если американское общество сумело позаботиться о «бэби-бумерах» с момента их рождения до двадцатилетия, нет никаких фундаментальных причин, по которым гораздо более богатое общество с куда более высоким уровнем индивидуальной выработки не смогло бы позаботиться о них в возрасте с шестидесяти пяти до девяноста лет. В лучшем случае потребовалось бы внести какие-либо технические коррективы, однако никакой глубокий кризис в обозримом будущем нам не угрожает⁽⁷⁹⁾.

Те, кто критиковал стремление Буша урезать фонды «Социального обеспечения» через реализацию тех

или иных планов «общества собственников», заявили о своей победе, поскольку сопротивление со стороны общества оказалось слишком сильным, чтобы можно было «продавить» соответствующий законопроект. / Однако праздновать победу рано. Кампания по обману достигла многого, создав плацдарм для следующего наступления на систему. Институт Гэллага, отреагировав на эту пиар-кампанию, впервые включил «Социальное обеспечение» в перечень «важнейших вопросов». Было установлено, что по важности выше «Социального обеспечения» общественность ставит только «наличие и доступность медицинских услуг». Примерно половина американцев «серьезно беспокоится» по поводу этой системы, тогда как еще четверть «в достаточной степени успокоена», – таких больше, чем тех, кто встревожен терроризмом или ценами на нефть. Опрос общественного мнения Зогби показал: 61 % опрошенных полагает, что система социального обеспечения столкнулась с «серьезными проблемами», а 14 % считают, что она «в кризисе». Хотя на самом деле, как отмечает экономист Марк Вейсброт, «согласно цифрам, которые приводят управляющие лица [президент Буш], в финансовом отношении система сильнее, чем была на протяжении большей части своей истории». Кампания произвела особенно сильный эффект на молодежь. 70 % студентов «беспокоятся из-за того, что к моменту их выхода на пенсию пенсионной системы может не стать вообще»⁽⁸⁰⁾.

Все это – крупные победы тех, кто надеется разрушить систему «Социальное обеспечение», и они еще раз доказывают эффективность лавины тщательно продуманной пропаганды, которая в управляемом бизнесом обществе, где узаконенный обман поднят до уровня высокого искусства, усиливается средствами массовой информации. По своему успеху эта пропагандистская кампания вполне сопоставима с той, которая убедила американцев, будто Саддам Хусейн

является непосредственной угрозой их выживанию, благодаря чему они разошлись во мнениях с остальным миром.

Явный парадокс: по поводу того любопытного факта, что необходимость реформирования системы «Социальное обеспечение» стала «горячей темой» дня, еще велись какие-то дебаты, однако реформирование системы здравоохранения в соответствии с мнением общественности даже не поставлено на повестку дня. То есть очень тяжелый финансовый кризис системы здравоохранения, замечательно неэффективной и плохо работающей, – это вовсе не кризис. А вот для ликвидации эффективной системы, которая в обозримом будущем останется вполне надежной, требуется принимать срочные меры. Более того, если в отдаленном будущем что-то и сможет вызвать кризис «Социального обеспечения», это будет в первую очередь сокращение расходов на здравоохранение. Прогнозы правительства предсказывают резкий рост совокупных социальных пособий относительно ВВП с 10 % в 2000 году до почти 25 % в 2080 году, крайней даты прогнозов. На протяжении этого периода, как предполагается, расходы на «Социальное обеспечение» не сильно вырастут по сравнению с пятипроцентным приростом в 2000 году. Несколько более существенное увеличение расходов предусмотрено для программы «Медикэйд», и громадный их рост – для программы «Медикэр», что обусловлено крайней неэффективностью приватизированной системы здравоохранения⁽⁸¹⁾.

Чтобы объяснить этот парадокс, внимательные люди постараются найти различия между системой «Социальное обеспечение» и двумя системами здравоохранения. И они быстро отыщут ключевые различия, которые уже хорошо знакомы по другим областям. Вот, по меньшей мере, один пример: этот парадокс весьма напоминает «шизофрению» всех администраций, которая стала подоплекой «выражен-

ной преемственности» в отношении «продвижения демократии». «Социальное обеспечение» имеет мало ценности для богатых, однако эта система жизненно необходима тем, кто работает, бедным людям, материально зависимым людям и инвалидам. Для богатых же она является всего лишь малозначительной прибавкой к доходам. Однако почти для 60 % населения она стала «важным источником» пенсионных доходов, причем самым надежным источником. Более того, поскольку эта программа государственная, она отличается настолько низкими административными расходами, что финансовым организациям от нее почти ничего не достается. «Социальное обеспечение» помогает «основной массе населения», а не «влиятельным людям». Поэтому совершенно естественно, что эту систему можно предать разрушению. А вот система здравоохранения, напротив, замечательно работает на влиятельных людей: дорогостоящие медицинские услуги очень эффективны, а к частным организациям, благодаря чрезмерной бюрократизации и надзору, завышенным ценам на лекарства и прочим явлениям, полезным своей неэффективностью, перетекают громадные прибыли. Основная же масса населения пусть слушает заверения об ответственности власти⁽⁸²⁾.

Для уничтожения «Социального обеспечения» существуют и другие веские причины. Эта программа основывается на принципах, которые глубоко уязвляют моральные принципы политического руководства и тех секторов экономики, которые оно представляет, а никак не принципы тех, кто за него голосует, — это совсем другая категория населения. «Социальное обеспечение» основывается на том принципе, что обязанность обеспечить немощную вдову с другого конца города пищей или ребенка, живущего по соседству, — порядочной школой лежит на обществе в целом. Столь недостойные мысли необходимо

выбросить из головы, ведь они стоят на пути у «нового духа времени» 1850-х годов: «Делай деньги и забудь обо всем, кроме себя самого». Правые думают так: «Не моя вина, что эта вдова вышла не за того человека или что родители ребенка неправильно вложили деньги. Почему же я должен жертвовать несколько центов в общественные фонды, чтобы о них позаботились?» «Общество собственников» не страдает подобными дефектами морали.

Возвращаясь к выборам 2004 года, отметим, что они дадут нам мало полезных сведений о взглядах и мнениях общества, которые проясняются благодаря остающимся в тени исследованиям. И напротив, общая картина в этой сфере даст нам гораздо больше для понимания нынешнего состояния американской демократии – от которой не так уж сильно отстают большинство развитых стран мира, по мере того как привилегированные и могущественные отрасли бизнеса усваивают уроки, преподаваемые лидером, и применяют их в деле.

Послесловие

Те, кто знает историю, не должны удивляться тому, что нарастающий в Соединенных Штатах дефицит демократии сопровождается провозглашением мессианских задач по принесению демократии страдающему миру. Заявления о благородных намерениях со стороны властных структур редко оказываются полностью фальшивыми, что можно сказать и о данном случае. В определенных условиях продвижение некоторых форм демократии действительно оказывается приемлемым. По заключению одного из ученых сторонников «продвижения демократии», во внешней политике можно обнаружить «выраженную преемственность» курса: демократия приемлема, если и только если она соответствует нашим стратегическим и экономическим интересам (Томас Карозерс). В видоизмененной форме эта доктрина верна и для внутренней политики.

На политическом фланге либералов и сторонников мира иногда открыто признают главную дилемму, которая возникает перед теми, кто делает политику. (Так это сделал, например, Роберт Пастор, со-

ветник президента Картера по национальной безопасности в Латинской Америке.) Он объяснил, почему администрации пришлось поддерживать кровавый коррумпированный режим Сомосы в Никарагуа, а когда это оказалось невозможным, то по крайней мере сохранить подготовленную США Национальную Гвардию, даже когда она вырезала население страны «с жестокостью, которую нация обычно приберегает для врагов», убив около сорока тысяч человек. Причина уже знакома: «Соединенные Штаты не хотели контролировать ни Никарагуа, ни другие государства региона, но они не желали и того, чтобы развитие этих стран выходило из-под контроля. Они хотели, чтобы никарагуанцы действовали независимо, за исключением случаев, когда это напрямую противоречило американским интересам»⁽¹⁾.

Подобные же дилеммы встали перед стратегами администрации Буша, после того как США вторглись в Ирак. Они хотели, чтобы иракцы «действовали независимо, за исключением случаев, когда это напрямую противоречило американским интересам». Следовательно, Ираку следовало стать суверенным и демократическим, но в определенных рамках. Его стоило каким-то образом обустроить в виде послушного государства-сателлита, в духе традиционных политических режимов Центральной Америки. В общем и целом это знакомая схема, в которой те или иные организационные структуры превращаются в свою крайнюю противоположность. Кремлю удавалось организовать своих сателлитов так, чтобы они управлялись собственными правительствами и имели собственные вооруженные силы, которые уравнивал его железный кулак. Германии удавалось делать почти то же самое в Европе, даже когда она вела войну, равно как и фашистской Японии – в Маньчжурии (государство Маньчжоу-Го). Фашистская Италия добилась аналогичных результатов в

Северной Африке, одновременно проводя едва ли не геноцид, — что никоим образом не повредило ее благоприятному имиджу на Западе и, возможно, вдохновило Гитлера. Многочисленные вариации на похожие темы можно встретить в имперских и неокониальных системах⁽²⁾.

Достичь этих традиционных целей в Ираке оказалось сложно, несмотря на то что обстоятельства обычно благоприятствовали этому, о чем уже было сказано. Такая дилемма, как сочетание определенной степени независимости с жестким контролем, встала вскоре после вторжения, когда ненасильственное массовое сопротивление вынудило оккупирующие страны принять больше иракских инициатив, чем это заранее предполагалось. В результате перед ними замаячила кошмарная перспектива возникновения более или менее демократического и суверенного государства, которое могло бы занять свое место в свободном шиитском альянсе Ирана, шиитского Ирака и, возможно, близлежащих шиитских регионов Саудовской Аравии, независимого от Вашингтона и контролирующего основную часть мировой нефти.

Ситуация могла бы стать еще хуже. Иран может расстаться с надеждами на то, что Европа станет независимой от Соединенных Штатов и бросить взгляд на Восток. Главный специалист по этим вопросам Селиг Харрисон рассматривает в высшей мере актуальную подоплеку для подобной позиции. «Переговоры Ирана и Европейского союза по ядерной проблеме основывались на договоренности, которую Евросоюз, поддержанный США, не стал соблюдать», — отмечает Харрисон. Соглашение заключалось в следующем: Иран приостанавливает обогащение урана, а Европейский союз обеспечит гарантии его безопасности. Формулировки их совместной декларации были «неоднозначными. Там говорилось, что по “взаимоприемлемому соглашению” будут пре-

доставлены не только “объективные гарантии” того, что иранская ядерная программа преследует “исключительно мирные цели”, но и “столь же твердые обязательства по вопросам безопасности”⁽³⁾.

Выражение «вопросы безопасности» – это прозрачный намек на угрозы бомбардировок Ирана со стороны Соединенных Штатов и Израиля и на приготовления к ним. В качестве примера здесь постоянно приводят бомбардировку Израилем иракского ядерного реактора в Осираке в 1981 году, которая, по всей видимости, послужила отправной точкой для программ Хусейна по созданию ядерного оружия. Кстати, это еще одно доказательство того, что насилие обычно порождает насилие. Любая попытка применить подобные планы в отношении Ирана может немедленно привести к насилию, что в Вашингтоне, безусловно, понимают. В ходе своего визита в Тегеран влиятельный шиитский священнослужитель Муктада ас-Садр предупредил, что в случае любого нападения на Иран его ополчение встанет на защиту страны. Как пишет «Вашингтон пост», это «на данный момент один из наиболее явных признаков того, что в случае любого конфликта Запада с Ираном Ирак превратится в поле боя. И призрачные шиитские вооруженные формирования – а может быть, даже обученная американцами иракская армия, в которой преобладают шииты, – симпатизируя Ирану, начнут воевать здесь с войсками США». Блок сторонников ас-Садра, который получил значительное количество голосов на выборах в декабре 2005 года, может вскоре превратиться в самую мощную самостоятельную политическую силу Ирака. Он сознательно реализует модель других исламистских групп, добившихся успеха, таких как палестинский «Хамас», сочетая активное сопротивление военной оккупации с социальной организацией масс населения и помощью бедным⁽⁴⁾.

В нежелании Вашингтона допускать дебаты по проблемам безопасности в регионе нет ничего нового. Кроме того, оно регулярно заявляет о себе в ходе конфронтации Америки с Ираном. Одним из его предпосылок является вопрос о ядерном оружии Израиля, а рассматривать эту проблему на международном уровне Вашингтон не позволяет. За этим видится то, что Харрисон справедливо именуется «главной проблемой, которая стоит перед режимом нераспространения»: невыполнение ядерными державами своих обязательств в рамках Договора о нераспространении ядерного оружия «по сокращению их собственных арсеналов». В случае же с Вашингтоном речь идет даже об официальном отказе от подобных обязательств⁽⁵⁾.

Китай, в отличие от Европы, не собирается поддаваться на запугивания Вашингтона, что является главной причиной нарастающего страха первых лиц американской политики перед ним. В эту страну уже уходит значительное количество иранской нефти, а Китай поставляет Ирану оружие, которое рассматривается в качестве средства сдерживания для американской угрозы. Еще более неудобным для Вашингтона является тот факт, что «в китайско-саудовских отношениях произошел существенный прорыв», заключавшийся, в частности, в оказании Китаем военной помощи Саудовской Аравии и в предоставлении ему прав на разработку газовых месторождений. К 2005 году на долю Саудовской Аравии приходилось 17 % китайского нефтяного импорта. Китайские и саудовские нефтяные компании подписали соглашения о бурении скважин и о сооружении громадного нефтеперегонного завода (партнером здесь выступила «Эксон-Мобил»). Ожидалось, что визит короля Саудовской Аравии Абдуллы в Китай в январе 2006 года приведет к подписанию китайско-саудовского меморандума о взаимопонимании, содержащего призывы к «расширению сотрудничества и уве-

личению инвестиций между двумя странами в производстве нефти, природного газа и минералов»⁽⁶⁾.

Как отмечает индийский аналитик Айджаз Ахмад, Иран может «в ходе следующего десятилетия стать едва ли не важнейшим партнером совершенно необходимого, по мнению России и Китая, Азиатского союза энергетической безопасности, призванного подорвать контроль западных стран над мировыми энергоресурсами и обеспечить широкомасштабную промышленную революцию в Азии». К этому договору, очевидно, присоединятся Южная Корея и страны Юго-Восточной Азии, а также, возможно, и Япония. Крайне важно, как отреагирует на него Индия. Она проигнорировала давление со стороны США, требовавших отказаться от заключения с Ираном договора о строительстве нефтепровода. С другой стороны, Индия присоединилась к США и Европейскому союзу при принятии резолюции МАГАТЭ, направленной против Ирана. Заодно она разделила и их лицемерие, поскольку Индия отвергает режим Договора о нераспространении, которому Иран, судя по всему, пока что в основном подчинялся. Ахмад сообщает, что Индия, вероятно, тайно отказалась от своей позиции, после того как Ирак пригрозил расторгнуть сделку по газу на 20 миллиардов долларов. Вашингтон же впоследствии предупредил Индию, что «ядерное соглашение с США может быть отменено», если ее правительство не поступит в соответствии с требованиями Америки, на что индийский министр иностранных дел ответил резким возражением, за которым последовало неопределенное смягчение требований американским посольством⁽⁷⁾.

У Индии также есть варианты выбора. Она может превратиться в американского сателлита, а может и присоединиться к более независимому азиатскому блоку, очертания которого уже вырисовываются и который укрепляет связи с ближневосточными про-

изводителями нефти. Заместитель редактора газеты «Хинду» в нескольких содержательных комментариях замечает, что, «если мы хотим, чтобы XXI век стал «веком Азии», азиатской пассивности в энергетическом секторе следует положить конец». Хотя Азия «является сосредоточением крупнейших мировых производителей энергии и наиболее стремительно развивающихся ее потребителей», она по-прежнему полагается «на организации, системы торговли и вооруженные силы, расположенные за пределами региона, чтобы осуществлять внутреннюю торговлю», – сковывающее наследие эры империй. Сотрудничество Китая и Индии является ключевым вопросом. Ахмад указывает, что в 2005 году Индия и Китай «сумели озадачить аналитиков всего мира, преобразовав свое пресловутое соперничество за приобретение нефтяных и газовых активов в третьих странах в зарождающееся партнерство, способное изменить динамику глобального энергетического рынка». Соглашение, подписанное в январе 2006 года в Пекине, «проложило Индии и Китаю путь к сотрудничеству не только в сфере технологий, но и в сфере разведки и производства углеводородов, а их партнерство в итоге сможет изменить основополагающий баланс сил в глобальной нефтегазовой отрасли». Несколько месяцев ранее, на встрече в Нью-Дели азиатских производителей и потребителей энергии, Индия «раскрыла планы амбициозного проекта строительства паназиатской системы сетей газоснабжения и нефтяных трубопроводов стоимостью в 22,4 миллиарда долларов», охватывающих всю Азию, ведущих от сибирских месторождений через Среднюю Азию к ближневосточным энергетическим гигантам, и включающей также государства-потребители. Более того, азиатские страны располагают «иностранными валютными резервами на сумму свыше двух триллионов долларов, преимущественно

представленных долларами США, хотя благоразумие требует здесь большего разнообразия. Первый шаг, который уже рассматривается, заключается в переводе азиатского нефтяного рынка на евро. Влияние, которое он окажет на международную финансовую систему и баланс сил в мире, будет значительным. Соединенные Штаты «рассматривают Индию в качестве слабейшего звена в формирующейся азиатской цепи», продолжает Ахмад, и активно стремятся «отвратить Нью-Дели от задач создания новой архитектуры региона, соблазнительно помахивая перед ним ядерной приманкой. Они обещают Индии статус мировой державы, в союзе с самими США». Аналитик предупреждает: чтобы азиатский проект оказался успешным, «Индии придется устоять перед подобными соблазнами».

Аналогичные вопросы возникают и в отношении Шанхайской организации сотрудничества, которая была создана в 2001 году в качестве российско-китайского противовеса экспансии американской мощи в бывшую советскую Среднюю Азию. Сейчас она «стремительно превращается в региональный блок безопасности, в который вскоре могут войти такие новые члены, как Индия, Пакистан и Иран», сообщает Фред Уэйр, долгое время работающий корреспондентом в Москве и считающий, что эта организация, вероятно, станет «евразийской военной конфедерацией, которая будет соперничать с НАТО»⁽⁸⁾.

Перспективы того, что Европа и Азия могут устремиться к большей независимости, серьезно беспокоят творцов американской политики начиная со Второй мировой войны. Подобные опасения значительно усиливаются по мере того, как проявляются очертания трехполюсного миропорядка, наряду с новыми контактами между латиноамериканскими странами и стремительным развитием сотрудничества Европейского союза с Китаем⁽⁹⁾.

Согласно прогнозам американской разведки, Соединенные Штаты, контролируя, по традиционным причинам, ближневосточную нефть, сами будут полагаться преимущественно на более стабильные ресурсы атлантического бассейна (Западная Африка, Западное полушарие). Контроль над ближневосточной нефтью им сейчас далеко не гарантирован, и, кроме того, его ставят под угрозу процессы развития в Западном полушарии, ускорившиеся благодаря политике администрации Буша, которая оставила Соединенные Штаты в невероятной изоляции на международной арене. Администрации Буша удалось оттолкнуть даже Канаду – впечатляющее свершение. Сейчас отношения между Канадой и Соединенными Штатами более «холодные и враждебные», чем когда бы то ни было. Как отмечает Джоэл Бринкли, это результат отказа Вашингтона от решений в рамках Североамериканского соглашения о свободной торговле, выгодных Канаде. «Отчасти из-за этого Канада всеми силами стремится развивать отношения с Китаем, и некоторые официальные лица утверждают, что значительную долю своих торговых связей Канада может перевести с США на Китай – в частности, торговлю нефтью». Министр природных ресурсов Канады заявил, что в течение нескольких лет четверть той нефти, которую Канада отправляет в Соединенные Штаты, может быть продана не им, а Китаю.

В качестве следующего удара по энергетической политике Вашингтона Венесуэла — основной экспортер энергоресурсов в полушарии — установила, вероятно, самые тесные торговые отношения с Китаем из всех латиноамериканских стран и в рамках своих усилий по ослаблению зависимости от неприкрыто враждебного американского правительства продает китайцам все больше нефти. Латинская Америка в целом развивает торговые и другие отношения с Ки-

таем; здесь имеет место и регресс, но расширение связей более вероятно, в особенности для таких экспортеров сырья, как Бразилия и Чили⁽¹⁰⁾.

Между тем очень тесными становятся отношения между Кубой и Венесуэлой, в которых каждая страна полагается на свои относительные преимущества. Венесуэла поставляет дешевую нефть, а Куба в ответ организует обучение грамоте и медицинские программы, посылая тысячи высококвалифицированных профессионалов, докторов и врачей, в самые забытые районы, как это делают кубинцы повсюду в странах третьего мира. Кубинско-венесуэльские проекты охватывают и страны Карибского бассейна, где кубинские врачи на венесуэльские средства оказывают помощь тысячам людей. «Операцию “Чудо”», как ее называют, посол Ямайки на Кубе охарактеризовал как «образец интеграции и сотрудничества южноамериканских стран», вызывающий огромный энтузиазм среди масс бедного населения. Медицинскую помощь кубинцев рады получать и в других странах. Землетрясение октября 2005 года в Пакистане стало одной из самых ужасных трагедий последних лет. Оно не только погубило огромное число людей, но и заставило бесчисленное количество выживших противостоять жестокой зимней непогоде, почти не имея крова, пищи и медицинской помощи. Из южноазиатской прессы можно было узнать, что «Куба предоставила в распоряжение Пакистана самый большой контингент врачей и санитаров, оплатив все расходы» (возможно, при финансовом участии Венесуэлы), и что президент Мушарраф выразил «глубокую благодарность» за «моральный дух и сострадание» кубинских медицинских бригад. Как сообщается, они включали в себя свыше тысячи подготовленных специалистов (44 % из них были женщины), которые оставались работать в отдаленных горных деревнях, «живя в палатках в морозную зиму и в чу-

шой культуре», после того как западные медицинские бригады были выведены. Они развернули девятнадцать полевых госпиталей и работали двенадцатичасовыми сменами⁽¹¹⁾.

Некоторые аналитики предположили, что Куба и Венесуэла могут даже объединиться, что станет шагом на пути дальнейшей интеграции Латинской Америки в блок, который будет обладать большей независимостью от Соединенных Штатов. Когда Венесуэла присоединилась к южноамериканскому таможенному союзу «Меркосур», аргентинский президент Нестор Киршнер охарактеризовал произошедшее как «веху» в развитии этого торгового альянса, а бразильский президент Луиш Инасиу Лула да Силва отметил, что присоединение Венесуэлы открывает «новую главу в нашей интеграции». Независимые эксперты заявляют, что «присоединение Венесуэлы к альянсу развивает его геополитическую концепцию настолько, что «Меркосур» в конечном итоге охватит весь регион». На встрече в честь вступления Венесуэлы в «Меркосур» президент страны Чавес сказал: «Мы не можем допустить, чтобы этот проект остался сугубо экономическим проектом для элит и транснациональных компаний». И это весьма прозрачный намек на спонсируемое США «Соглашение о свободной торговле для Северной и Южной Америки», вызвавшее сильное противодействие со стороны общественности. Кроме того, Венесуэла поставляла Аргентине топливо, дабы предотвратить в стране энергетический кризис, и выкупила около трети аргентинских долговых обязательств, сделанных в 2005 году. Это стало одним из этапов взятого регионом курса на освобождение его стран от контроля Международного валютного фонда, управляемого из США, после двух десятилетий катастрофических последствий, вызванных распоряжениями МВФ. Фонд «действовал по отношению к нашей стране в каче-

стве средства и орудия политики, порождавшей в аргентинском народе нищету и страдания», – сказал президент Киршнер, объявляя о своем решении выплатить почти триллион долларов и тем самым навсегда освободиться от МВФ. Радикально нарушив распоряжения МВФ, Аргентина обеспечила себе широкомасштабное восстановление после катастрофы, к которой привела политика фонда⁽¹²⁾.

Следующий шаг к независимой региональной интеграции был сделан после того, как в декабре 2005 года на выборах в Боливии победил Эво Моралес, ставший первым президентом от коренного большинства населения. Моралес быстро установил ряд энергетических соглашений с Венесуэлой. Как сообщила «Файнэншл таймс», эти соглашения, «как ожидается, станут основой для грядущих кардинальных реформ в боливийской экономике и в энергетическом секторе». Боливия же располагает огромными запасами газа, по которым в Латинской Америке она уступает лишь Венесуэле. Моралес также заявил о том, что покончит с неолиберальной политикой, которую Боливия неуклонно проводила последние двадцать пять лет и в результате которой доход на душу населения в стране оказался ниже, чем был вначале. Следование неолиберальным курсом было прервано лишь после того, как народное недовольство вынудило к этому правительство. А до этого оно последовало совету Всемирного банка приватизировать запасы воды и «установить правильные цены», между делом оставив бедняков без снабжения водой⁽¹³⁾.

«Подрывная деятельность» Венесуэлы, как это охарактеризовал Вашингтон, распространяется и на Соединенные Штаты. Возможно, это и вынуждает их развивать политику «сдерживания» Венесуэлы, на счет которой Буш сделал распоряжение в марте 2005 года. Как сообщает «Вашингтон пост», в ноябре 2005 года группа сенаторов направила письмо «деяти

крупным нефтяным компаниям. В нем говорилось: поскольку зимой ожидается огромное увеличение счетов за отопление, мы призываем вас пожертвовать некоторую часть ваших рекордных прибылей, чтобы помочь людям с низким достатком покрыть эти расходы». Сенаторы получили всего один ответ: от венесуэльской государственной компании CITGO, которая распорядилась отправить нефть по низким ценам бедствующим жителям Бостона, а затем и в другие города. Государственный департамент заявил, что Чавес предпринял подобное исключительно в политических целях и что эта мера сродни «предоставлению кубинским правительством стипендий на обучение в кубинских медицинских школах бедной американской молодежи». Подобные действия совсем не похожи на помощь, которую оказывают США и другие страны, и которая олицетворяет их бескорыстный альтруизм. Трудно сказать, разберутся ли в таких тонкостях получатели «12 миллионов галлонов уцененной нефти для отопления домов, предоставленной [компанией CITGO] местным благотворительным организациям и 45 000 семей с низким достатком в Массачусетсе». Эта нефть распределялась для нужд бедных граждан, которым грозило повышение стоимости нефти на 30—50 %, при том, что помощь в поставках нефти «прискорбным образом недофинансировалась. А эти поставки стали важным подспорьем для людей, которые в противном случае не пережили бы зиму», как заявил директор некоммерческой организации, которая распределяет недорогую нефть для нужд «приютов для бездомных, организаций, раздающих еду, и бедных жилых кварталов». Он заявил также, что «надеялся, что это соглашение бросит «товарищеский вызов» американским нефтяным компаниям, которые недавно сообщили о рекордных квартальных прибылях и могли бы воспользоваться своим немалым достатком, что-

бы помочь бедным семьям пережить зиму». Но эти надежды, по всей видимости, оказались тщетными⁽¹⁴⁾.

Хотя террор и насилие, чинимые администрацией Рейгана, в основном «приструнили» Центральную Америку, оставшаяся часть полушария ускользает из-под контроля США, в особенности на пространстве от Венесуэлы и до Аргентины, которая была витриной достижений МВФ и Министерства финансов США – до тех пор, пока навязанная ими политика не привела к экономическому краху. В значительной части региона у власти находятся левоцентристские правительства. Коренное население становится все более активным и влиятельным, в особенности в Боливии и Эквадоре. А ведь обе страны обладают крупными запасами энергоресурсов и хотят обеспечить или собственный контроль над своими нефтью и газом, или в ряде случаев вообще приостановить их добычу. Многие коренные народы, очевидно, не видят никаких причин для того, чтобы их жизни, культуры и общества оказались испорчены, разрушены или загублены только для того, чтобы ньюйоркцы могли торчать в пробках, не вылезая из своих «семейных грузовиков». Некоторые призывают даже к созданию в Южной Америке «индейского государства». Между тем развивающаяся экономическая интеграция ломает схемы развития, которые восходят еще ко временам испанского завоевания и при которых элиты и экономики латиноамериканских стран связаны с имперскими державами, но не друг с другом. Развитие региона обусловлено не только развивающимся и более широким сотрудничеством латиноамериканских стран, но и сильным влиянием массовых организаций. Они объединяются в беспрецедентные международные движения за справедливость во всем мире, получившие нелепое название «антиглобализм», хотя в реальности они поддерживают такую глобализацию, которая поставит на пер-

вое место интересы людей, а не инвесторов и финансовых организаций. Система мирового господства США по многим причинам является хрупкой, даже если оставить в стороне тот ущерб, которые нанесли ей творцы политики Буша. ✓ 18

Одним из следствий этого стало появление новых препятствий на пути администрации Буша, двигающейся традиционным курсом сдерживания демократии. Устраивать государственные перевороты и использовать международный терроризм для свержения законно и демократически избранных правительств стало теперь не так легко, как раньше, – в 2002 году в Венесуэле Буш и его стратеги с горечью в этом убедились. «Выраженную преемственность» приходится реализовать по большей части другими способами. Как мы уже видели, в Ираке массовое насильственное сопротивление вынудило Вашингтон и Лондон разрешить выборы, которых они стремились избежать. Последующие усилия свести их на нет путем предоставления значительных преимуществ фавориту американской администрации и изгнания независимых СМИ также потерпели неудачу. В дальнейшем Вашингтон ждали новые проблемы. Так, несмотря на противодействие оккупационных властей, иракское рабочее движение делает значительные успехи. /

Ситуация во многом напоминает ту, что сложилась после Второй мировой войны в Европе и Японии, когда главной целью Соединенных Штатов и Великобритании было подавление независимых рабочих движений. И делалось это по тем же причинам: организованные рабочие движения вносят существенный вклад в эффективную работу демократии, принявшую народный характер. Многие методы, на которые США полагались в те времена, – срыв снабжения продуктами питания, поддержка фашиствующей полиции – теперь оказались недоступны. /

403

профсоюзную бюрократию из Американского института развития свободного труда, чтобы с ее помощью развалить профсоюзы. Ныне ряд американских профсоюзов поддерживает иракских рабочих, как поддерживают они и колумбийцев, – а в Колумбии убивают больше профсоюзных активистов, чем где-либо в мире. По крайней мере, сейчас профсоюзы этой страны получают поддержку от Объединенного профсоюза рабочих сталелитейной промышленности Америки и других профсоюзов, тогда как Вашингтон продолжает отпускать громадные средства колумбийскому правительству, в значительной степени ответственному за преследования профсоюзов⁽¹⁵⁾.

В Палестине проблема выборов во многом приняла тот же вид, что и в Ираке. Как уже рассказывалось, администрация Буша вплоть до смерти Ясира Арафата отказывалась разрешать выборы, опасаясь, что на них победит не тот, кому следует. После его смерти администрация санкционировала проведение выборов, рассчитывая на победу поддерживаемой ею палестинской администрации. Чтобы добиться этого результата, Вашингтон прибегнул почти к тем же схемам «нейтрализации» результатов, что применялись в Ираке, а нередко и раньше. В своем стремлении «повысить популярность палестинской администрации накануне важнейших выборов, на которых правящая партия столкнулась с серьезной угрозой со стороны радикальной исламистской группировки “Хамас”», Вашингтон задействовал в качестве «невидимого канала» Агентство международного развития США. Оно затратило почти два миллиона долларов «на десятки скоротечных проектов, реализованных на выборах в конце этой недели с целью укрепления имиджа правящей партии «Фатх» среди избирателей». В Соединенных Штатах, да и в любой западной стране, один только намек на подобное иностранное вмешательство погубит кандидата, од-

нако глубоко укоренившийся имперский менталитет /
делает оправданным применение этой схемы в дру-
гих местах. Впрочем, попытки поставить выборы под
контроль в очередной раз увенчались сокрушитель-
ным провалом⁽¹⁶⁾.

Правительства США и Израиля вынуждены сегодня
приспосабливаться, чтобы каким-то образом на-
ходить общий язык с радикальной исламистской
партией, которая пытается изменить их традицион-
ную позицию отказа от переговоров, хотя и не в пол-
ной мере, – конечно, если «Хамас» действительно
собирается согласиться на неопределенное переми-
рие на международной границе, как заявляют его
руководители. США и Израиль, напротив, настаива-
ют на том, что Израиль должен взять под свой конт-
роль значительные территории на Западном берегу,
а также забытые Голанские высоты. Отказ «Хама-
са» примириться с «правом на существование» Из-
раиля весьма напоминает отказ Вашингтона и Иеру-
салима признавать «право на существование» Пале-
стины – понятие, неизвестное в международных от-
ношениях. Так, Мексика признает существование
Соединенных Штатов, однако не его абстрактное
«право на существование» на почти половине тер-
ритории Мексики, которую США приобрели в резуль-
тате завоеваний. То, что «Хамас» официально стре-
мится «уничтожить Израиль», ставит это движение
на одну доску с Соединенными Штатами и Израилем,
которые официально провозглашали, что не
может существовать никакого «другого палестинс-
кого государства» (помимо Иордании), пока в послед-
ние несколько лет они частично не смягчили свою
позицию. Хотя ни о чем подобном «Хамас» не заяв-
лял, никого бы не удивило, если бы «Хамас» согла-
сился на то, чтобы евреи оставались в разрозненных
районах нынешнего Израиля, а палестинцы соору-
жали громадные поселения и развивали инфраструк-

туру, дабы захватить ценную землю и ресурсы, благополучно раздробив Израиль на нежизнеспособные, практически изолированные округа, а также разрешив лишь незначительному количеству евреев проживать в небольшом районе Иерусалима. Кроме того, «Хамас» мог бы согласиться на то, чтобы эти осколки назывались «государством». Если бы кто-то выступил с подобными предложениями, мы могли бы с полным правом назвать их едва ли не возвращением к нацизму. И это факт, который способен натолкнуть на определенные размышления. Будь подобные предложения озвучены, положение «Хамас», по существу, напоминало бы положение Соединенных Штатов и Израиля в последние пять лет, после которых они в итоге смирились с некоей выхолащенной формой палестинской «государственности». Можно с полным правом охарактеризовать «Хамас» как радикальную, экстремистскую, опирающуюся на насилие организацию и как серьезную угрозу миру и справедливому политическому урегулированию. Однако эта организация едва ли одинока в этом своем качестве.

В других странах традиционные средства подрыва демократии принесли успех. На Гаити «Международный республиканский институт, организация по строительству демократии» – фаворит администрации Буша – не покладая рук трудится ради укрепления оппозиции президенту Аристиду, чему способствовало и прекратившееся оказание столь отчаянно необходимой помощи (что объяснялось причинами, которые, мягко говоря, сомнительны). Когда стало казаться, что Аристид, вероятнее всего, победит на любых выборах, достойных этого названия, Вашингтон и оппозиция предпочли устраниваться от участия в них. Это стандартный прием дискредитации выборов, обещающих дать нежелательный результат: такие примеры, как выборы в 1984 году в Никарагуа и в декабре 2005 года в Венесуэле, долж-

ны быть всем хорошо знакомы. После этого был совершен военный переворот с изгнанием президента и установилось царство террора и насилия, которые значительно превзошли все, что творилось законно избранным правительством⁽¹⁷⁾.

Продолжение линии «выраженной преемственности» до настоящего времени в очередной раз свидетельствует о том, что Соединенные Штаты во многом напоминают другие могущественные державы. Они преследуют стратегические и экономические интересы господствующих групп населения страны под аккомпанемент ораторских изысков на тему их верности высшим ценностям. В истории такой прием встречается почти на каждом шагу, и это объясняет, почему здравомыслящие люди уделяют так мало внимания заявлениям своих лидеров о благородстве их намерений, а также славословиям их сторонников.

Часто можно услышать, что придирчивые критики жалуются на недостатки, однако не предлагают решений. Правильное толкование этого обвинения будет выглядеть так: «Они предлагают решения, но мне они не нравятся». В добавление к предложениям, которые должны быть уже знакомы в качестве мер, используемых в ходе кризисов, угрожающих выживанию, мы советовали бы Соединенным Штатам совершить ряд простых действий: 1) принять юрисдикцию Международного уголовного суда и Международного суда; 2) подписать и реализовывать Киотский протокол; 3) позволить ООН возглавить урегулирование международных кризисов; 4) в борьбе с террором полагаться на дипломатические и экономические, а не военные меры; 5) придерживаться традиционной интерпретации Устава ООН; 6) отказаться от права «вето» в Совете Безопасности и проявить «должное уважение к мнению человечества», как то рекомендует Декларация независимости, даже если центры власти не будут с ним согласны; 7) резко со-

кратить военные расходы и резко увеличить расходы социальные. Для тех, кто так верит в демократию, это весьма консервативные решения, которые, очевидно, отражают мнение большинства американского населения (причем, как правило, подавляющего большинства). Только эти действия совершенно не соответствуют государственной политике. Надо сказать, что мы не можем с особой уверенностью утверждать, что знаем мнение общественности по этим вопросам, чему виной очередное свойство дефицита демократии: эти вопросы редко становятся предметом общественных дебатов, а основополагающие факты малоизвестны. В силу необычайной раздробленности общества население страны, по большей части, лишено возможности прийти к взвешенному мнению.

Еще одно консервативное предложение заключается в том, что главную роль должны играть факты, логика и основополагающие нравственные принципы. Те, кто берет на себя труд отстаивать это решение, скоро придут к тому, чтобы отвергнуть значительную часть хорошо знакомой идеологии — хотя, безусловно, гораздо легче повторять полные своекорыстия заклинания. Эти простые истины в известной мере помогут нам разработать более конкретные и подробные решения. И что еще важнее, они позволят отыскать способ воплотить их в жизнь, обнаружив возможности, которые мы вполне можем использовать, если освободимся от оков идеологии и от навязанных нам иллюзий.

И пусть для идеологических систем естественно стремиться к насаждению пессимизма, безнадежности и отчаяния, реальность выглядит иначе. В последние годы в бесконечном стремлении к справедливости и свободе был достигнут значительный прогресс, оставивший наследие, которое позволяет продолжать движение с более высоких, чем раньше, позиций. В изобилии возникают возможности для об-

разования и для создания организаций. Сейчас, как и в прошлом, права едва ли будут пожалованы людям благосклонными властями или добыты благодаря эпизодическим действиям, вроде участия в нескольких демонстрациях или буффонадах, которые кто-то разыгрывает раз в четыре года, называя «демократической политикой». Как и всегда, наши задачи требуют от нас ежедневного и убежденного участия в создании – а отчасти, и в воссоздании – основ способной функционировать демократической культуры, где общественность будет играть известную роль в определении политики. Причем не только на политической арене, куда ее по большей части не допускают, но и на жизненно важной экономической арене, куда общественность не допускают в принципе. Существует множество путей продвижения демократии в Америке, которые могут перевести ее в новое измерение. Перед нами открывается много возможностей, и если мы не воспользуемся ими, это наверняка будет иметь злоешие последствия – для страны, для всего мира и для будущих поколений.

ПРИМЕЧАНИЯ

Предисловие

1. Gar Alperovitz, *America Beyond Capitalism*, Wiley, 2005. «Исторические ценности» – это те, которые провозглашаются официально. О действительных ценностях обладателей власти можно рассказать гораздо больше.
2. Stewart Eisenstat, John Edward Porter, and Jeremy Weinstein, *Foreign Affairs*, January–February, 2005.
3. См., в частности, мою книгу «Гегемония или борьба за выживание» (Metropolitan, 2003; переиздание: Owl, 2004)*; другие дискуссии и источники – в электронном издании на www.americanempireproject.com.

411

Глава 1

Острый, пугающий и неизбежный выбор

1. *New York Times*, July 10, 1955.
2. Наиболее скандальные примеры можно найти в книге: Howard Friel and Richard Falk, *The Record of the Paper*, Verso, 2004.

* В переводе на русский язык издана в 2007 г. издательством «Столица-Принт», ссылки даны на страницы американского издания – *Прим. редактора*

3. Небольшой пример см. в моей работе *Simple Truths, Hard Problems, Philosophy*, January, 2005. Мне известен только один случай открытого отказа от этого принципа – в исследовании профессора международного права Майкла Гленнона, получившего высокую оценку (*Michael Glennon, Limits of Law, Prerogatives of Power, Palgrave, 2001, p. 171 и далее*). Его отказ от этого принципа, возможно и неумышленный, основан на негласном допущении того, что ответственность неделима. Оставшаяся часть его полемики против «объективистской философии» выглядит аналогично. Подробнее см. мою работу *Moral Truisms, Empirical Evidence, and Foreign Policy, Review of International Studies*, October, 2003.

- ✓ 4. Philip Zelikow, *National Interest*, Spring 2003. Описание реальных событий см.: *ActionAid, Real Aid: An Agenda for Making Aid Work*, May, 2005. Реальная помощь от развитых стран, по их подсчетам, составляет 0,1 % от национального дохода. Причем наименьшую реальную поддержку оказывают Соединенные Штаты и Франция (около 90 % «призрачной помощи» возвращается к стране-донору). Даже по официальным данным о помощи, Соединенные Штаты находятся на одном из последних мест.

5. Michael Philips, *Wall Street Journal*, January 27, 2005; Jeffrey Sachs, *New York Times*, June 25, 2005; Warren Hoge, *New York Times*, September 3, 2005. Болтон, с его установившимся имиджем «босса», впоследствии согласился на ряд компромиссов.

6. Alexis de Tocqueville, *Democracy in America, Everyman's Library*, 1994, v. 2, p. 355.

412 7. Adam Smith, *The Wealth of Nations, Modern Library*, 1994, book 3, p. 444.

8. Вероятно, это соответствует всеобщей негласной практике, хотя иногда откровенность берет верх: например, в определении министра обороны Израиля, согласно которому «закон признает терроризм исключительно как действия «организаций, враждебных Израилю»». Chris McGreal, *Guardian*, September 1, 2005; Michael Kinsley, *Wall Street Journal*, March 26, 1987.

9. Indira A. R. Lakshmanan, *Boston Globe*, June 13, 2005.

10. Reuters, *New York Times*, July 20, 2005.

11. Reuters, New York Times, September 28, 2005; Jimmy Burns, Financial Times, September 29, 2005; Ciaran Giles (AP), Seattle Post-Intelligencer, October 13, 2005; El Pais, October 15 and 16, 2005. Иберо-американский саммит отказался выступать с призывом к окончанию экономической войны против Кубы, однако снова осудил «блокаду» со стороны Соединенных Штатов. 8 ноября 2005 года Генеральная Ассамблея ООН вновь призвала к отмене американского эмбарго против Кубы, проголосовав 182 голосами против четырех (Соединенные Штаты, Израиль, Маршалловы острова и Палау; Микронезия воздержалась). В прессе об этом не было сказано почти ни слова. См. также: Jim Lobe, Inter Press Service, May 12, 2005.

12. Gram Allison, Foreign Affairs, January–February, 2004. О Мюллере – см. «Гегемония или борьба за выживание», с. 200.

13. Стокгольмский международный институт исследований мира (Stockholm International Peace Research Institute, SIPRI), ежегодник за 2005 год. Reuven Pedatzur, Ha'arev, May 26, 2005.

14. Макса Бута цитирует Роджер Коэн: Roger Cohen, New York Times, June 12, 2005. Программа по изучению мнений о международной политике (PIPA), новостной бюллетень, April 6, 2005 Max Boot, New York Times, February 13, 2003.

15. Pedatzur, Ha'arev, May 26, 2005.

16. James Blight and Philip Bremer, Sad and Luminous Days, Rowman and Littlefield, 2002. Факты по этой проблеме – см. «Гегемония или борьба за выживание», с. 74.

17. Robert McNamara, Foreign Policy, May–June, 2005.

18. Graham Allison, Nuclear Terrorism, Times Books, 2004. Автор приводит случаи и других весьма острых кризисов.

19. John Steinbruner, Nancy Gallagher, Daedalus, Summer 2004.

20. Совет национальной безопасности, «Глобальные тенденции в 2015 году» (National Intelligence Council, Global Trends 2015), Вашингтон, декабрь 2000. Космическое командование США, «Прогноз на 2020 год» (US Space Command, Vision for 2020), февраль 1997, Пентагон, Quadrennial Defense Review, May, 1997. Материал про ООН и милитаризацию космоса, а

также дополнительные факты – см. «Гегемония или борьба за выживание», с. 209, 230, 231–232.

21. STRATCOM, «Essentials of Post-Cold War Deterrence» («Основы политики сдерживания после “холодной войны”»), 1995. Обширные выдержки из этой важной работы, а также ее источники приводятся в моей работе *New Military Humanism, Common Courage*, 1999. Harold Brown, Report of Secretary of Defense to Congress on FY 1981 Budget, 29 January, 1980. О признании необходимости вводить общество в заблуждение относительно «советской угрозы» – см. с. 163 данной книги.

22. Air Force Space Command, Strategic Master Plan FY 06 and Beyond, 1 October, 2003 (выделено в оригинале). Tim Weiner, *New York Times*, 18 May 2005.

23. William Arkin, *Washington Post*, May 15, 2005; Walter Pincus, *Washington Post*, 16 March, 2005.

24. Tim Weiner, *New York Times*, 18 May, 2005; Demetri Sevastopulo, *Financial Times*, May 19 and 20, 2005; Jehangir Pocha, *Boston Globe*, August 1, 2004 – цитируется редактор *Jayne's Defense Weekly*; Edward Cody, *Washington Post*, April 12, 2005. См. также: «Гегемония, или борьба за выживание», послесловие. О военных расходах – см.: Simon Collard-Wexler et al., *Space Security 2004*, Northview Press, 2005.

25. David C. Hardesty, *Naval War College Review*, Spring 2005. Ху Жань (китайский физик, стратегический аналитик, сотрудник Института Кеннеди), *Financial Times*, 9 June, 2005.

414 26. Neil King, *Wall Street Journal*, September 8, 2005.

27. Michael MccGwire, *International Affairs*, January 2005.

28. Sam Nunn, *Financial Times*, December 6, 2004. Bruce Blair, *Defense Monitor* (издание Центра оборонной информации, Вашингтон), January–February, 2004.

29. Graham Allison, *Nuclear Terrorism*. См. также: Graham Allison, *Russia in Global Affairs*, онлайн, September–October 2004.

30. Брюс Блэр, президент Центра оборонной информации (Center for Defense Information), бывший офицер, контролировавший запуск ракет «Минитмен», *Washington Post*,

19 September, 2004. Он же, *Defense Monitor*, January–February, 2004. Chalmers Johnson, *The Sorrows of Empire*, Metropolitan, 2004, p. 288.

31. Об Уолше — см. статью: Stephen Fidler, *Financial Times*, May 22, 2005.

32. Mark Henderson, научный корреспондент, *Times* (Лондон), June 7, 2005. См. также: редакционная статья в *Financial Times*, 9 June, 2005; Andrew Revkin, *New York Times*, June 18, 2005; редакционная статья в *Financial Times*, June 20, 2005.

33. Clive Cookson, *Financial Times*, February 19, 2005; Andrew Revkin, *New York Times*, September 29, 2005. Поиск по базам данных обнаружил три отчета об этом в местных газетах. Газета «Вашингтон пост» опубликовала краткий «обзор достойных внимания выступлений» на встрече Американской ассоциации содействия развитию науки, придерживаясь документа о загрязнениях в северной части Соединенных Штатов.

34. Chicago Council on Foreign Relations, *Global Views 2004*. Программа по изучению мнений о международной политике PIPA, «Непохожие реалии сторонников Буша и Керри» (*The Separate Realities of Bush and Kerry Supporters*), October 21, 2004.

35. Джордж Тенет, письмо сенатору Бобу Грэмму от 7 октября 2002 г. Эти и другие документы можно найти в книге: John Prados, *Hoodwinked: The Documents That Reveal How Bush Sold Us a War*, New Press, 2004. Reuters, *Boston Globe*, 22 June, 2005. Douglas Jehl, *New York Times*, June 22, 2005. Douglas Jehl and David Sanger, *New York Times*, September 28, 2004. NIC 2020 Project, *Mapping the Global Future*, December 2004. Douglas Jehl, *New York Times*, January 14, 2005. Susan Glasser, *Washington Post*, May 29, 2005.

36. Alan Richards, *Middle East Policy*, Summer 2005. Scott Atran, *Lifting the Veil – the Face of Jihad in Southeast Asia* (неопубликованная рукопись), Джакарта, Индонезия, август 2005. Из многочисленных освещений в прессе: Jimmie Burns and Marc Huband, *Financial Times*, January 24, 2003. Douglas Franz et al., *Los Angeles Times*, September 26, 2004. Dana Priest and Josh White, *Washington Post*, February 17, 2005. См. также: Peter Spiegel, *Financial Times*, October 20, 2004 – по поводу ежегодного отчета Лондонского института стратегических исследований о влиянии войны в Ираке на режим нераспространения

ния, с повторением сделанного ранее вывода о том, что эта война увеличила приток людей в «Аль-Каиду» и «имела негативные последствия, вынудив и без того децентрализованную и неуловимую террористическую сеть стать еще более «виртуальной» и многогранной, а следовательно, ее будет труднее выявить и нейтрализовать». См. также: Scott Atran, *Confounding Terrorist Networks and Rogue States*, lecture, Centre Nationale de la Recherche Scientifique, Paris, and University of Michigan, January, 2004.

37. Королевский институт международных отношений (Royal Institute of International Affairs), *Security, Terrorism and the UK*, July, 2005. Richard Хортон-Тейлор, *Guardian*, July 29, 2005; Jerry Peev, *Scotsman*, July 29, 2005; веб-сайт MI-5, July, 19, 2005.

38. Alan Cowell, *New York Times*, July 19, 2005; Tony Thompson et. al., *Guardian*, July 31, 2005.

39. Bryan Bender, *Boston Globe*, July 17, 2005; Greg Miller and Tyler Marshall, *Los Angeles Times*, September 16, 2005. Nawaf Obaid and Anthony Cordesman, *Saudi Militants in Iraq*, Center for Strategic and International Studies, September 19, 2005. Dan Murphy, *Christian Science Monitor*, September 27, 2005. John Ward Anderson, *Washington Post*, October 19, 2005.

40. Bender, *Boston Globe*, July 17, 2005. Peter Bergen and Alex Reynolds, *Foreign Affairs*, November–December, 2005.

41. Dan Murphy, *Christian Science Monitor*, 25 July, 2005. Reuters, *Boston Globe* и *Sidney Morning Gerald*, November 2, 2005.

42. Robert Pape, *New York Times*, July 9, 2005. B. Raman, *Asia Times*, July 1, 2005.

43. Fawaz A. Gerges, *The Far Enemy*, Cambridge, 2005, *Final Thoughts*.

44. Anonymous (Michael Scheuer), *Imperial Hubris*, Brasseys, 2004. См. также: Jonathan Randal, Osama, Knopf, 2004; Jason Burke, *Al-Qaeda*, I.B. Tauris, 2003.

45. Thomas Friedman, *New York Times*, July 22, 2005.

46. Jack Synder, *National Interest*, Spring 2003.

47. New York Times, March 7, 2003.
48. Sheryl Gay Stolberg, Joel Brinkley, New York Times, January 26, 2005.
49. См. Prados, Hoodwinked.
50. Alan Cowell, New York Times, April 29, 2005. Докладная записка, приведенная в газете Guardian, April 28, 2005.
51. Sunday Times (Лондон), May 1, 2005. Matthew Clark, Christian Science Monitor, May 17, 2005. Mark Danner, New York Review of Books, 9 June, 2005. Thomas Wagner, AP, Boston Globe, June 19, 2005. О реакции средств массовой информации – см.: Fairness and Accuracy in Reporting (FAIR), Action Alert, June 14, 2005, цитаты из Майкла Кинсли (Los Angeles Times) и Даны Милбенк (Washington Post), которые были далеко не одиноки.
52. Майкл Смит (Michael Smith), военный обозреватель Sunday Times (Лондон), New Statesman, May 30, 2005; Los Angeles Times, June 23, 2005; Sunday Times (Лондон), June 26, 2005.
53. Ed Harriman, Sunday Times (Лондон), January 11, 2004.
54. Michael Smith, Sunday Times (Лондон), May 1, 2005. Chris Tudda, Journal of Cold War Studies, Fall 2005. Дополнительно об Ираке и Ливане – см. мою книгу *Fateful Triangle*, South End, 1983 (переиздано в 1999 г.). О признании причин вторжения в Америке – см. мою работу *World Orders Old and New*, Columbia, 1994 (переиздано в 1996 г.). О Косово – см. мою работу *A New Generation Draws the Line*, Verso, 2000. James Reisen and David Sanger, New York Times, October 15, 2005. По их сообщениям, удары наносились и по сирийской территории.
55. Недавний обзор в прессе: Irene Gendzier, *Middle East Report*, Spring 2005. См. также Gendzier, *Dying to Forget*, Rowman and Littlefield (книга ожидает выхода). О нарушении Конвенции по биологическому и токсинному оружию и о штаммах сибирской язвы – см. Dominic Kennedy, *Times* (Лондон), August 9, 2005, со ссылками на исследование: Geoffrey Holland, *United States Exports of Biological Materials to Iraq: Compromising the Credibility of International Law*, доступное на сайте Центра исследований глобализации (Centre for Research on Globalization, www.globalresearch.ca).

56. James Glanz, *New York Times*, April 17, 2005. AP, June 3, 2005. Рами Абдельрахман, в личной беседе, октябрь 2005.
57. В списке лиц, поддерживавших Саддама, можно найти почти любую крупную фигуру из администраций Рейгана, Буша-первого, Буша-второго и Тэтчер. О примечательных деяниях «новых лейбористов» Блэра, причем еще в 2001 году — см.: «Гегемония или борьба за выживание», с. 30. Allison, *Nuclear Terrorism*.
58. Michael Jansen, *Jordan Times*, July 7, 2005. Xavier Bias, Carola Hoyos and Steve Negus, *Financial Times*, June 15, 2005.
59. В этом разделе я опираюсь в основном на статью Стивена Зунса (Stephen Zunes, *Middle East Policy*, Spring 2004). О сотрудничестве сирийской разведки с Соединенными Штатами в «войне с террором» — см. также: Steven Van Evera, *American Conservative*, 14 March, 2005. В 1982 г. Куба сменила Ирак в списке стран, поддерживающих терроризм. Незадолго до этого террористическая война против Кубы, развязанная администрацией Кеннеди, достигла предела жестокости.
60. Stephen Zunes, *Middle East Policy*, Spring 2004. Международный опрос общественного мнения Зогиби, April 7, 2004. Программа PIPA, *Americans on the Israel/Palestinian Conflict*, 8 May, 2002. Marc Sappenfield, *Christian Science Monitor*, April 15, 2002. Дополнительные сведения — см. «Гегемония или борьба за выживание», глава 7.
61. Philip Shenon, *New York Times*, June 6, 2005. Shenon, *New York Times*, October 21, 2005.
62. Thomas Oliphant, *Boston Globe*, July 10, 2005.
63. Treasury Office Has Four Agents Investigating Wealth of Bin Laden, Saddam, *White House Bulletin*, April 19, 2004. Marc Frank и Richard Lapper, *Financial Times*, May 10, 2004. Nancy San Martin, *Miami Herald*, April 30, 2004. Цитата из Бокуса: Christopher Marquis, *New York Times*, May 7, 2004. О причинах «одержимости Кубой» — см. с. 177—179 данной работы.
64. Reuters, July 23, 2005.
65. Robert Dreyfuss, *American Prospect*, November 23, 2005.

66. Stephen Gray and Donna Van Natta, *New York Times*, June 26, 2005. О терроре и деятельности американских спецслужб в Италии – см. Edward Herman and Frank Brodhead, *The Rise and Fall of the Bulgarian Connection*, Sheridan Square, 1986. Новая информация о роли США в Европе – см. Daniele Ganser, *NATO's Secret Armies*, Frank Cass, 2005. На повторном рассмотрении дела Мотассадек был обвинен в «идеологической поддержке исламского джихада», хотя у него есть право на апелляцию. Hugh Williamson et. al., *Financial Times*, August 29, 2005.

67. Kith Johnson, *Wall Street Journal*, October 20, 2005. Jose Calvo, *El Pais*, October 20, 2004.

68. О Боше и Посаде – см. с. 10–12 и 56 данной работы. О Констане – см. «Гегемония или борьба за выживание», с. 204, а также мою работу 9-11, *Seven Stories*, 2001.

69. О Теллес – см. Duncan Campbell, *Guardian*, 4 March, 2005. Carla Ann Robbins, *Wall Street Journal*, April 27, 2004. О Негропонте – см. с. 151 данной работы.

70. Michael Lind, *Financial Times*, May 2, 2005.

71. Уолтер Хьюм Лонг (Walter Hume Long), цитата по книге: Ian Rutledge, *Addicted to Oil*, I. B. Tauris, 2005. Stephen Rabe, *The Road to OPEC*, Texas, 1982.

72. Zbigniew Brzezinski, *National Interest*, Winter 2003-4.

73. Об этом см. в моей книге «Гегемония или борьба за выживание», глава 3, а также *National Intelligence Council 2020 Project*. См. также послесловие к данной книге.

74. *Arctic Power*, ANWR Fact of the Day, размещено 21 апреля 2005 г. Быстрый доступ к ресурсам Арктики не должен представлять огромных проблем, если создать там закрытые резервные скважины для чрезвычайных обстоятельств. См.: Rutledge, *Addicted to Oil*, p. 43.

75. Alfred Cavallo (консультант по энергетике), *Bulletin of the Atomic Scientists*, May–June, 2005. Не в первый раз соображения национальной безопасности отбрасываются в сторону из-за истощения внутренних резервов и для получения немед-

ленной прибыли. Другим примером является введение в 1959 г. четырнадцатилетней программы обязательного ограничения квот для импортной нефти, что «возымело долгосрочный эффект, обернувшись тяжелым истощением национальных [нефтяных] запасов», а также «значительным бременем для потребителей, которое, по подсчетам [эксперта по нефти из Массачусетского технологического института] М. А. Эделмана в начале 60-х гг. составляло 4 млрд долларов в год». Национальной безопасностью же, которая якобы и являлась мотивом для принятия законопроекта, никто не обеспокоился. John Blair, *The Control of Oil*, Pantheon 1976, p. 171, и далее. Блэр перенаправлял в отрасль запросы правительства.

Глава 2

Государства-изгой

1. John Rawls, *The Law of Peoples*, Harvard University Press, 1999. John Mikhail, *Stanford Journal of International Law*, 2000.
2. Report of the International Law Commission on the work of its second session, 5 June—29 July, 1950 (документ A/1316).
3. John Murphy, *The United States and the Rule of Law in International Affairs*, Cambridge University Press, 2004, p. 287. Pedatzur, Ha'arez, May 26, 2005.
4. Sanford Levinson, *Daedalus*, Summer 2004.
5. Michael Isikoff, *Newsweek*, электронная версия (MSNBC.com), May 19, 2004. Alberto R. Gonzales, Memorandum for the President: Decision re Application of the Geneva Convention on Prisoners of War to the Conflict with Al Qaeda and the Taliban, 25 January, 2002. Документ находится по адресу www.washingtonpost.com.
6. Levinson, *Daedalus*, Summer 2004. Burke, *Observer*, June 13, 2004. Dana Priest, *Washington Post*, November 2, 2005. О преступных деяниях 82-й воздушно-десантной дивизии, за которыми прослеживается «отказ администрации требовать соблюдения законного, давно признанного и точно установленного стандарта обращения» с задержанными — см.: Human Rights Watch, *Leadership Failure*, September 25, 2005.
7. Paust, *Columbia Journal of Transnational Law* 43, no. 3 (2005).

8. Human Rights Watch, press release, April 24, 2005, а также доклад *Getting Away with Torture? Command Responsibility for the US Abuse of Detainees*, April, 2005. Пресс-конференция Amnesty International, May 25, 2005. Farah Stockman, *Boston Globe*, May 26, 2005. Alan Cowell, *New York Times*, May 26, 2005.

9. Casey and Rivkin, *National Interest*, Spring 2005.

10. McGwire, *International Affairs* 81, no. 1 (January, 2005); Philippe Sands, *Lawless World*, Viking, 2005. Peter Weiss, *Arab Studies Quarterly*, Spring-Summer 2002. Wayne Smith, *South Florida Sun-Sentinel*, 28 November, 2003. Charles Lane, *Washington Post*, June 29, 2004. Eric Schmitt, *New York Times*, November 11, 2005.

11. Declaration of Judge Buergenthal, International Court of Justice, 15 September, 2005. The Judgment on the Fence Surrounding Alfei Menashe, HCJ 7957/04, September 15, 2005. Report on Israeli Settlement in the Occupied Territories, Foundation for Middle East Peace, November-December, 2005; Подробный анализ решений Международного суда можно найти в работе Norman Finkelstein, *Reconciling Irreconcilables*, *Georgetown Journal of International Law* (готовится к изданию).

12. Zunes, *Middle East Policy*, Winter 2004.

13. Harald Frederiksen, *Middle East Policy*, Spring 2005.

14. Michael Byers, *War Law: An Introduction to International Law and Armed Conflict*, Atlantic Books, 2005, p. 85. Nermeen Al-Mufti, *Al-Ahram Weekly*, October 21–27, 2004.

15. Al-Mufti, *Al-Ahram Weekly*, October 21–27, 2004.

16. Richard Opiel, *New York Times*, November 8, 2004. Eric Schmitt, *New York Times*, November 15, 2004. Robert Worth, *New York Times*, November 17, 2004. Dexter Filkins and James Glanz, *New York Times*, November 15, 2004.

17. Шмит, *New York Times*, November 15, 2004. Filkins and Glanz, *New York Times*, November 15, 2004.

18. Dexter Filkins, *New York Times*, 15 November, 2004. О тех, кого местные жители называли «кровавыми маньяками» из

82-й воздушно-десантной дивизии, и об ответственности властей за их действия — см. примечание 6.

19. Stephen Weisman, *New York Times*, January 30, 2005. См. дополнительные рассуждения на с. 251 данной книги.

20. Dr. Miles Schuman, medical network of the Canadian Centre for Victims of Torture, *Nation*, November 24, 2004. Annie Kelly and Alison Benjamin, *Guardian*, December 15, 2004. Annie Kelly, *Guardian*, December 15, 2004.

21. Fadhil, *Guardian*, December 22, 2004. Eric Eckholm, *New York Times*, January 6, 2005. Edmund Sanders, *Los Angeles Times*, December 29, 2004.

22. Carr, *National Catholic Reporter*, June 17, 2005.

23. Reuters Reuters, October 15, 2005. Поиск по базам данных обнаружил статьи в *Los Angeles Times* и *Boston Globe*, от 15 октября 2005. В тот же день появился отчет Брэдли Клаппера (AP) в «*Лондон Индепендент*».

24. Ahmed Hashim, *Current History*, January, 2005. Amer Madhani, *Chicago Tribune*, October 5, 2005. Farnaz Fassihi, *Wall Street Journal*, October 13, 2005. Аналогичные сообщения см. также у Dan Murphy and Jim Carroll, *Christian Science Monitor*, October 12, 2005.

25. Luttwak, *Foreign Affairs*, January–February, 2005.

26. Marc Danner, *New York Times*, January 6, 2005. Замечательный пример, который был проигнорирован, и в итоге это привело к губительным последствиям, можно найти в моей работе *Necessary Illusions*, South End, 1989, p. 138. О долгой истории применения пыток — см.: Alfred McCoy, *A Question of Torture*, Metropolitan, 2006. Les Roberts et al., *Mortality Before and After the 2003 Invasion of Iraq*, *Lancet*, online, October 29, 2004. Geneva-based Graduate Institute of International Studies annual small arms survey, 2005. Hamit Dardagan et al., *Iraq Body Count*, July, 2005. В исследование, которое провел «*Ланцет*», Фаллуджа не вошла. Если бы события там были рассмотрены, как того требует метод произвольной выборки, то, по подсчетам специалиста по Ираку Патрика Кокберна, возможное количество погибших составило бы 268 000 человек.

Los Angeles Times, December 17, 2005.

27. Milan Rai, Iraq Mortality, October 14, 2005 (iraqmortality.org/iraq-mortality). Sabrina Tavernise, New York Times, October 30, 2005.

28. Robert Worth, New York Times, October 24, 2005.

29. Louise Roug, Los Angeles Times, June 19, 2005. Karl Vick, Washington Post, November 21, 2004. Peter Feuilherade, Middle East International, April 15, 2005.

30. Anthony Shadid and Steve Fainaru, Washington Post, August 20, 2005. Bill Spindle, Wall Street Journal, April 1, 2005.

31. Об ответе на реакцию британского правительства — см.: Les Roberts et. al., Independent, December 12, 2004, с цитатами из открытого письма Джеку Стро. См. Lila Gluterman, Chronicle of Higher Education, January 27, 2005, — можно сравнить поддержку темы научными кругами и отказ от ее освещения в СМИ.

32. Sut Jhally et al., The Gulf War: A Study of the Media, Public Opinion, and Public Knowledge, February, 1991 (доступна по адресу: www.sutjhally.com). Justin Lewis, Constructing Public Opinion, Columbia, 2001, p. 210. В качестве примера здесь приведен опрос студентов Университета Массачусетса в Амхерсте, которые, по всей видимости, осведомлены лучше, чем общественность в целом. Относительно атак с применением химического оружия, начатых Кеннеди в 1962 г., — см. мою работу Necessary Illusions, глава 2; «Гегемония или борьба за выживание» (электронное издание), глава 2. Наглядное и очень сильное изображение событий можно найти в исследовании фотожурналиста Филипа Джонса Гриффитса (Philip Jones Griffiths, Agent Orange, Trolley, 2003). Оно удостоилось внимания в Англии, однако в Соединенных Штатах его практически проигнорировали. Любопытной особенностью освещения президентской кампании 2004 г. было замешательство по поводу «одержимости прессы Вьетнамом» (название дискуссии главных обозревателей на CNN, где в роли ведущего был Говард Курц, 12 сентября 2004 г.). В действительности война во Вьетнаме практически не фигурировала в предвыборной кампании, если не считать дотошного выяснения малозначительного вопроса о службе Джона Керри в дельте Меконга в 1969 г., далеко на юге страны, через семь лет после того, как Кеннеди начал непосредственное наступление на Южный Вьетнам, и через два года после того, как весьма уважаемый военный историк и специалист по Вьетнаму Бернارد

Фолл предупредил, что «Вьетнам, как культурная и историческая общность... столкнулся с угрозой исчезновения... [в то время как] сельские районы буквально умирают под ударами самой большой военной машины, когда-либо выпущенной на пространство подобных размеров» (Bernard Fall, *Last Reflections on a War*, Doubleday, 1967).

33. Оценка взглядов Ингатьеффа по этим и другим вопросам международного права, см.: Friel and Falk, *The Record of the Paper*; Michael Walzer, *Arguing About War*, Yale University Press, 2004. О методах «порядочных левых» (*Dissent*, American Prospect), см. Paul Street, *Empire and Inequality*, Paradigm, 2004, chapter 4, а также *Z magazine*, May, 2005.

34. Касательно предшествовавших вторжению тщательно продуманных операций по подкупу и шпионажу, см.: Harriman, *Sunday Times* (Лондон), 11 January, 2004, а также с. 43 данной книги. Один из примеров вопиющей некомпетентности можно найти в отчете специального генерала-инспектора по восстановлению Ирака, где заключается, что ответственные штатские сотрудники Пентагона «не имели ни серьезной политики, ни руководящих принципов для набора кадров по управлению послевоенным Ираком». Stephanie Kirchgassner, *Financial Times*, October 30, 2005. См. Carl Kaysen et al., *War with Iraq*, American Academy of Arts and Sciences, 2002; Patrick Cockburn, *Counterpunch*, March 16–31, 2004.

35. Причины, которые в свое время были откровенно разъяснены, а затем тщательно утаивались, заключались в том, что Вашингтон предпочел бы «иракскую хунту без Хусейна, правящую железной рукой» (Thomas Friedman, *New York Times*, June 7, 1991). Однако, за неимением таковой, приходилось довольствоваться Хусейном, поскольку Вашингтон и его союзники «с необычайным единодушием полагали, что какие бы грехи ни числились за иракским лидером, он давал Западу и региону лучшие надежды на стабильность в стране, по сравнению с теми, кто страдал от его репрессий» (Alan Cowell, *New York Times*, April 11, 1991).

36. John Muller и Carl Muller, *Foreign Affairs*, May-June 1999. Anthony Shadid, *Night Draws Near*, Holt, 2005, p. 39 и далее. О последствиях санкций и об измышленных основаниях для их введения, см., помимо прочего: International Committee of the Red Cross, "Iraq: 1989–1999, a Decade of Sanctions", 14 December, 1999; Eric Herring, *Review of International Studies*,

January, 2002; Anthony Amove, ed., *Iraq Under Siege*, 2nd ed., South End, 2002; Joy Gordon, *Harper's*, November, 2002. О ЮНИСЕФ, см. Frances Williams, *Financial Times*, December 12, 2002.

37. Kamil Mahdi, *Middle East International*, December 24, 1999.

38. См. «Гегемония или борьба за выживание», с. 127, 190. См. также: Hans von Sponeck, *Spokesman* 86, 2005.

39. Warren Hoge, *New York Times*, January 7, 2005, Judith Miller, *New York Times*, 10 January, 2005, Claudio Gatti, *Financial Times*, January 13, 2005, Joy Gordon, *Harper's*, December, 2004.

40. Marc Turner, *Financial Times*, January 14 and 19, 2005.

41. *Financial Times*, December 9, 2004, Gareth Smith and Thomas Cattan, *Financial Times*, June 21, 2004, Claudio Gatti and Marc Turner, *Financial Times*, November 30, 2004, Julia Preston and Judith Miller, *New York Times*, April 15, 2005, Yochi Drizen, *Wall Street Journal*, July 26, 2005, Julia Preston and Simon Romero, *New York Times*, October 22, 2005.

42. Ed Harriman, *London Review of Books*, July 7, 2005. Stewart Bowen, в статье Stephanie Kirchgaessner, *Financial Times*, October 19, 2005. См. также: Pratap Chatterjee, *Iraq, Inc.: A Profitable Occupation*, Seven Stories, 2004.

43. Alan Cullison and Yochi Drizen, *Wall Street Journal*, June 14, 2005. Judith Miller, *New York Times*, June 14, 2005, Todd Purdum, *New York Times*, June 14, 2005, Howard Lafranchi, *Christian Science Monitor*, August 2, 2005.

425

44. Warren Hoge, *New York Times*, September 7, 2005. Ian Williams, *Middle East International*, September, 2005 (корреспондент ООН).

45. Ричард Торнбург (при Буше-первом), Кристофер Бернэм, внесший большой вклад в эту кампанию (при Буше-втором). Редакционная статья *Wall Street Journal*, September 9, 2005. См. также: Williams, *Middle East International*, September, 2005.

46. Warren Hoge, *New York Times*, October 27 and 28, 2005. Doreen Carvajal and Andrew Cramer, *New York Times*, October 28, 2005.

•

47. Carola Hoyos, *Financial Times*, October 29 and 30, 2005. Об Испании — см. мою книгу *American Power and the New Mandarins*, Pantheon, 1969; New Press, 2002, p. 121–122 и примечания. О Гаити — см. с. 239–242 данной книги.
48. Eric Herring, *Review of International Studies*, March, 2002.
49. Gareth Smith, *Financial Times*, July 20, 2005. О Южной Африке — см. «Гегемония или борьба за выживание», с. 110.
50. Edward Alden, *Financial Times*, June 10, 2004.
51. John Murphy, *The United States and the Rule of Law in International Affairs* (Cambridge, 2004); автор добавляет, что конвенция о пытках также была ратифицирована как неимеющая самостоятельной силы и нуждающаяся в национальном законе, что обеспечило методы Буша и Рамсфельда еще одним правовым оправданием; Michael Mandel, *How America Gets Away with Murder*, Pluto, 2004.
52. Friel and Falk, *The Record of the Paper*. Murphy, *The United States and the Rule of Law in International Affairs*.
53. Robert H. Jackson, *The Nurnberg Case*, Knopf, 1947, p. 86. Резолюция № 3314 Генеральной Ассамблеи ООН «Определение агрессии» принята без голосования в декабре 1974 г. Carsten Stahn, *American Journal of International Law*, October, 2003.
54. Telford Taylor, *The Anatomy of the Nuremberg Trials*, Knopf, 1992, p. 50, 66, 627.
55. Abram Sofaer, US Department of State, *Current Policy*, No. 769 (December, 1985). Colter Paulson, *American Journal of International Law*, July, 2004. Howard N. Meyer, *The World Court in Action*, Rowman & Littlefield, 2002, chapter 9.
56. El Universal Online, March 20, 2005. См. также: Fred Rosen, *NACLA's Report on the Hemisphere*, May–June, 2005.
57. Charles Lane, *Boston Globe and Washington Post*, March 10, 2005.
58. Murphy, *The United States and the Rule of Law in International Affairs*, p. 117.

59. Sands, *Lawless World*, pp. 132 ff., 162.
60. Dean Acheson, *Proceedings, ASIL*, 13, 14 (1963). Ачесон говорил конкретно об экономической войне США, однако о международном терроризме ему безусловно было известно.
61. MccGwire, *International Affairs*, January, 2005 .
62. MccGwire, *International Affairs*, January, 2005.
63. Mohamed ElBaradei, *Economist*, 6 October, 2003 Frank von Hippel, in Rakesh Sood, Frank von Hippel, and Morton Halperin, *The Road to Nuclear Zero: Three Approaches*, Center for Advanced Study of India, 1998.
64. Allison, *Nuclear Terrorism*. John Deutsch, Arnold Kanter, Ernest Moniz, and Daniel Poneman, *Survival*, Winter 2004-5.
65. David Sanger et al., *New York Times*, May 1 and 3, 2005.
66. *Australian*, May 1, 2005. *Dow Jones Newswires*, March 9, 2005; здесь ссылаются, по всей видимости, на ту же статью в «Вашингтон пост», появившуюся днем раньше. «Вашингтон пост» сообщает, что Киссинджер отказывается от помещения его статей в архивы. Dafna Linzer, *Washington Post*, March 27, 2005; статью Киссинджера автор датирует 9 марта 2005 г.
67. Martin Van Creveld, *International Herald Tribune*, 21 August, 2004. См. «Гегемония или борьба за выживание», послесловие. Dan Williams, *Reuters*, September 23, 2004.
68. Matthew Karnitschnigg, *Wall Street Journal*, 28 January, 2005. Dilip Hiro, *Middle East International*, January 21, 2005.
69. Robert Norris and Hans Kristensen, *Bulletin of the Atomic Scientists*, May–June, 2005. Дополнительные размышления можно найти в послесловии к данной книге.
70. John Mearsheimer, *New York Times*, March 24, 2000. Lawrence Korb, *Defense Monitor*, July-August 2005. О вариантах выборов в 1991 г. — см. мою книгу *Deterring Democracy*, Hill & C Wang, 1991. О событиях 1999 г. — см. работы *New Military Humanism* и *A New Generation Draws the Line*.

71. Посол Джеки Сандерс, американская миссия в ООН, заявление на конференции по Договору о нераспространении, 20 мая 2005. *Nick Udheim, агентство AP, 21 May, 2005 Boston Globe, 21 May, 2005, Farah Stockman and Joe Lauria, Boston Globe, May 28, 2005. Bulletin of the Atomic Scientists, July—August, 2002, с обзором ряда подобных отклонений от условий договоров. Farah Stockman, Boston Globe, May 9, 2005. См. также: Guy Dinmore, Financial Times, February 5, 2005. Администрация уже ясно дала понять, что она «больше не поддерживает некоторые выводы статьи 6», и на подготовительных совещаниях к обзорной конференции 2005 г. уведомила другие страны о том, что прежние обязательства считает ни к чему не обязывающими и отказывается подписать повестку дня конференции, в которой они фигурируют. Эту позицию советник голландской делегации, участвовавший во всех обзорных конференциях, назвал «беспрецедентной». Что опять-таки вполне соответствует «новому мышлению» президента и его советников. См. *Bulletin of the Atomic Scientists, July—August, 2002, с обзором ряда подобных отклонений от условий договоров.**

72. John Burrow (исполнительный директор Правового комитета по ядерной политике, *Lawyers' Committee on Nuclear Policy*), *News at Home, January 27, 2003. Thomas Graham, Current History, April, 2005. Посол Джеки У. Сандерс, «Замечания на конференции по разоружению» (ООН), July 29, 2004. US Department of State, Fissile Material Cut-Off Treaty Policy, July, 2004. Press release, April 11, 2004, GA/DIS/3291, General Assembly, First Committee. Jean du Preez, *The Fissban, Disarmament Diplomacy, April—May 2005. Об общей подоплеке событий — см.: Nicole Deller et al., Rule of Power or Rule of Law, Apex, 2003.**

73. Резолюция была принята Генеральной Ассамблеей ООН («О предотвращении гонки вооружений в космосе»), A/Res/59/65, 3 декабря 2004 г.

74. *McGwire, International Affairs, January, 2005. Резолюция 1981 г. была принята в ответ на бомбардировку Израилем ядерного реактора в Ираке, который, как сразу же стало понятно, мощностями для производства ядерного оружия не располагал. Это был акт агрессии, который, по всей видимости, положил начало программе Саддама Хусейна по созданию ядерного оружия в качестве ответной меры. См. «Гегемония или борьба за выживание», стр. 25.*

75. Charles Hanley, AP, 28 May, 2005. Stockman and Lauria, Boston Globe, 28 May, 2005. Maggie Farley, Los Angeles Times, May 28, 2005. Jimmy Carter, The Advertiser (Australia), 28 May, 2005.

76. Robin Cook, Guardian, May 27, 2005. Очевидно, понав под сильное давление, администрация оставила или отложила свои планы по созданию ядерного оружия глубокого проникновения. AP, October 26, 2005.

77. Graham, Current History, April 2005.

Глава 3

Незаконная легитимность

1. Отчет Комиссии ООН высокого уровня по переменам, угрозам и вызовам, Генеральная Ассамблея ООН, 3 декабря 2004 г., A/59/565.

2. Генеральная Ассамблея ООН, 20 сентября 2005 г. (A/60/L.1).

3. Отчет Комиссии ООН высокого уровня по переменам, угрозам и вызовам, 3 декабря 2004 г.

4. Об этих и других подобных заявления — см.: New Military Humanism, и A New Generation Draws the Line.

5. Mark Curtis, Unpeople: Britain's Secret Human Rights Abuses (Vintage, 2004).

6. Bruce Cumings, American Airpower and Nuclear Strategy in Northeast Asia, в книге M. Selden and A. Y. So, eds., War and State Terrorism, Rowman & Littlefield, 2004, с цитатами из New York Times.

7. Telford Taylor, Nuremberg and Vietnam, Times Books, 1970. Taylor, Anatomy, pp. 325–26, 592–93, 640.

8. Johnathan Steele, Ewen McAskill, Richard Norton-Taylor and Ed Harriman, Guardian, September 22, 2001.

9. Michael Sherry, The Rise of American Airpower, Yale, 1987, p. 102. Bruce Franklin, War Stars, Oxford, 1988, о предпосылках для этого в американской культуре.

10. Friel and Falk, *The Record of the Paper*.
11. Condoleezza Rice, *Foreign Affairs*, January–February, 2000.
12. Report of the Quadrennial Defense Review (QDR), US Department of Defense, May, 1997. G. John Ikenberry, *Foreign Affairs*, September–October 2002, Madeleine Albright, *Foreign Affairs*, September–October 2003, Джон Болтон, цитата по книге: Phyllis Bennis, *Calling the Shots*, Olive Branch, 1996, p. xv.
13. Кондолиза Райс, цитируется в статье: Stephen Weisman, *New York Times*, March 8, 2005. Jacob Weisberg, *New York Times Magazine*. James Traub, *New York Times Magazine*, September 16, 1990.
14. Последняя оценка событий – см. Joseph Nevins, *A Not-So-Distant Honor*, Cornell, 2005; Ben Kiernan, *War, Genocide, and Resistance in East Timor, 1975-99*, в сборнике: Selden and So, *War and State Terrorism*.
15. Henry Kissinger, *Chicago Tribune*, 11 August, 2002. Киссинджер комментировал вестпойнтское послание Буша, где в общих чертах была представлена стратегия национальной безопасности.
16. Elisabeth Becker, *New York Times* May, 27, 2004.
17. Cees Wiebes, цитата по: Chris Stephens, *Observer*, 10 October, 2004. См.: Wiebes, *Intelligence and the War in Bosnia, 1992–1995*, Transaction, 2003, p. 388.
18. John Lewis Gaddis, *Surprise, Security, and the American Experience*, Harvard, 2004. Matt Bai, *New York Times Magazine*, 10 October, 2004.
19. William Weeks, *John Quincy Adams and the American Global Empire*, Kentucky, 1992 – здесь и далее эта книга является источником, если нет особых указаний. Richard Immerman and Regina Gramer, *Passport* (newsletter of the Society for Historians of American Foreign Relations), August, 2005. В своем ответе Гэддис не выступает напрямую против этих комментариев.
20. William Weeks, *Building the Continental Empire*, Ivan Dee, 1996, p. 44 и далее.

21. Worthington Chauncey Ford, ed., *Writings of John Quincy Adams*, Macmillan, 1916, volume 6, p. 385n. Мое внимание на эту работу обратила Керри Герлин.

22. Фраза принадлежит Эрнсту Мэю и Филиппу Зеликоу, Ernest May and Philip Zelikow, *The Kennedy Tapes*, Harvard, 1998. См.: Louis Perez, *The War of 1898*, North Carolina, 1998. Weeks, *Building the Continental Empire*, p. 144.

23. Thomas Hietala, *Manifest Design: Anxious Aggrandizement in Late Jacksonian America*, Cornell, 1985. Weeks, *Building the Continental Empire*, p. 112.

24. Independent International Commission on Kosovo, *Kosovo Report*, Oxford, 2001. Goldstone, *Kosovo: An Assessment in the Context of International Law*, Nineteenth Morgenthau Memorial Lecture, Carnegie Council on Ethics and International Affairs, 2000.

25. Подробности и реакция за пределами НАТО – см. *New Military Humanism* и *A New Generation Draws the Line*. Дополнительную свежую информацию можно найти в книге «Геремония или борьба за выживание», с. 56 и далее.

26. Frank Carlucci, *New York Times*, February 22, 2005. Niall Ferguson, *Colossus*, Penguin, 2004, p. 146. David Rieff, *Kosovo: the End of an Era?*, в сборнике Fabrice Weissman, ed., *In the Shadow of «Just Wars»*, Cornell, 2004. Karl-Heinz Kamp, *Bulletin of the Atomic Scientists*, March – April, 2005.

27. James Traub, *New York Times Magazine*, October 30, 2005, Andrew Bacevich, *American Empire*, Harvard, 2003, p. 104 и далее, 196. См. также: John Norris, *Collision Course: NATO, Russia, and Kosovo*, Praeger, 2005, p. xxiii. Излагая позицию администрации Клинтона, он пишет, что «наилучшим объяснением для войны, развязанной НАТО, было сопротивление Югославии общим условиям политических и экономических реформ, а не тяжелое положение косовских албанцев». Во время этой войны Норрис работал директором по связи и коммуникациям у заместителя госсекретаря Строба Телбота (сейчас он является президентом Института Брукингса), который был главной фигурой в Госдепартаменте и Пентагоне в том, что касалось планирования войны. В своем послесловии Телбот пишет, что это «благодаря Джону Норрису» каждый, кто заинтересуется войной в Косово, «будет знать... как выгляде-

ли события и какими они казались тем из нас, кто был вовлечен» в эту войну. Поэтому оценка Норриса имеет особое значение для установления мотивов, приведших к войне.

28. См., например, *Essentials of Post-Cold War Deterrence*. См. также главу 1, примечание 21.

29. Я процитировал выше заявление британского правительства, однако добавил, что оно не заслуживает доверия, хотя бы из-за баланса сил. Впрочем, это заявление было подкреплено расследованием британского парламента, в ходе которого привлекались самые высокие источники. См. «Гегемония или борьба за выживание», с. 56, где обсуждается этот вопрос. Nicholas Wheeler, *Saving Strangers: Humanitarian Intervention and International Society*, Oxford, 2000.

30. Цитаты можно найти в книге: *New Military Humanism and A New Generation Draws the Line*. Bacevich, *American Empire*. Drake Bennett, *Boston Globe*, October 16, 2005. Беннет добавляет, что поражение, которое на последующих выборах Милошевич потерпел от Воислава Коштуницы, является очередным триумфом «военного гуманизма». Это заявление можно счесть маловажным, если вообще истинным, однако факты свидетельствуют об обратном. См., помимо прочего: Martin Sieff (старший аналитик агентства UPI), *Kostunica Not Clinton Man*, *UPI Analysis*, September, 2000; Simon Jenkins, *Times* (Лондон), October 7, 2000; в статье разъясняется, почему «доверия заслуживает югославская демократия, а не натовские ракеты “Томагавк”»; Джон Симпсон (редактор отдела мировых новостей Би-би-си), пришел к аналогичному выводу в статье в «Санди Телеграф» от 8 октября 2000 г. См. также: Stephen Erlanger and Carlotta Gall, *New York Times*, September 21, 2000, об осуждении Коштуницей «преступных бомбардировок Югославии НАТО», а также Международного трибунала по бывшей Югославии как «американского трибунала. Это не суд, а политический инструмент».

31. Anne-Marie Slaughter, *New York Times*, March 18, 2003, и *American Society of International Law Newsletter*, March – April, 2004, цитируется в работе: Sands, *Lawless World*, p. 174–175.

32. Sean Murphy, *Humanitarian Intervention: The United Nations in an Evolving World Order*, Pennsylvania, 1996.

33. Определение Международного суда от 9 апреля 1949 г. о Корфу.

1. Jonathan Monten, *International Security*, Spring 2005. Eva Bellin, *Political Science Quarterly*, Winter 2004-5. Katarina Dalacoura, *US Democracy Promotion in the Arab Middle East Since 11 September, 2001: A Critique*, *International Affairs*, October, 2005; критика связана с осуществлением продвижения демократии. К фактам из этой работы я еще вернусь. Похоже, это исследование представляет собой впечатляющий пример самого тщательного научного изучения этой темы.
2. Huntington, *International Security*, Summer 1981; *National Interest*, Fall 1989.
3. Джордж Оруэлл, «Свобода печати», неопубликованное предисловие к первому изданию «Скотофермы» (1946).
4. Хирохито, цитируется по работе Цуйоси Хасегавы (Tsuyoshi Hasegawa, *Racing the Enemy*, Harvard University Press, 2005), самого уважаемого научного исследования капитуляции Японии. Хасегава считает, что к капитуляции привело советское нашествие в Маньчжурию, которое разрушило надежды японских сторонников войны на создание последнего рубежа обороны. Martin Heidegger, *Introduction to Metaphysics*, 1935 (переиздано Yale University Press, 1959).
5. О Милле – см. «Гегемония или борьба за выживание»; дополнительные сведения – в моей работе *Peering into the Abyss of the Future* (Fifth Lakdawala Memorial Lecture; Institute of Social Sciences [New Delhi], 2002).
6. Adam Smith, *The Wealth of Nations*, book 4, chapters 4 and 7.
7. Центр оборонной информации, *Defense Monitor*, January 1980.
8. Colette Youngers and Eileen Rosin, eds., *Drugs and Democracy in Latin America*, Washington Office on Latin America, Lynne Rienner, 2005, p. 15, 26. О том, как эта политика удивительным образом продолжилась по мере того, как «защита от коммунизма» переросла в «войну с наркотиками», – см., в частности: Doug Stokes, *America's Other War: Terrorizing Colombia*, Zed, 2004. О реальности «войны с наркотиками» для ее жертв – тема, которую игнорируют те, кто развязал войну, – см. Hugh O'Shaughnessy and Sue Branford, *Chemical Warfare in Colombia*, Latin American Bureau, 2005.

9. Youngers and Rosin, eds., *Drugs and Democracy in Latin America*, p. 190. Adam Isacson, Jay Olson, and Lisa Haugard, *Blurring the Lines*, Latin America Working Group, Center for International Policy and Washington Office on Latin America, 2004.
10. Petra Minnerop, *German Law Journal*, September 1, 2002.
11. Arno Mayer, *Daily Princetonian*, October 5, 2001, цитируется Марком Селденом и Элвином Соу, во введении к книге: Selden and So, *War and State Terrorism*. Об американском терроре (о том, как это явление официально определяет Вашингтон), см., в частности: Edward Herman, *The Real Terror Network*, South End, 1982; мою работу *Pirates and Emperors* (1986; дополненное издание South End, 2002); Alexander George, ed., *Western State Terrorism* (Polity/Blackwell, 1991).
12. Samuel Huntington, *Foreign Affairs*, March–April 1999; Robert Lewis (Роберт Льюис, в то время – президент Американской ассоциации политических наук), *Foreign Affairs*, июль–август 2001; Robert Tucker and David Hendrickson, *Foreign Affairs*, ноябрь–декабрь 2004. О трудностях опровержения официальных определений, см.: William Blum, *Rogue State, Common Courage*, 2000, и мою работу *Rogue States*, South End, 2000.
13. Alfred McCoy, *The Politics of Heroin*, Lawrence Hill, 2003 (пересмотренное издание 1972 г.). Peter Dale Scott and Jonathan Marshall, *Cocaine Politics*, California, 1991. Scott, *Drugs and Oil*, in Selden and So, *War and State Terrorism*.
14. Stewart Eisenstat et. al., *Foreign Affairs*, January–February, 2005. Thomas Carothers, *Critical Mission: Essays on Democracy Promotion*, Carnegie Endowment for International Peace, 2004, p. 230. См., в частности: Paul Farmer, *The Uses of Haiti*, Common Courage, 2003. Относительно провала в марте 2004 г., см. эссе Фармера и других авторов в книге: *Getting Haiti Right This Time*, Common Courage, 2004. Также см. мою работу *Democracy Restored*, *Z Magazine*, November, 1994.
15. Gaddis, *Surprise, Security, and the American Experience*. Цитата об этом проекте XIX века взята из стандартной работы: Thomas Bailey, *A Diplomatic History of the American People*, Appleton-Century-Crofts, 1969.
16. Daniel Thuerer, *International Review of the Red Cross* 836, December 31, 1999.

17. Byers, *War Law*, pp. 107, 111.
18. Charles Bergquist, *Labor and the Course of American Democracy*, Verso, 1996, p. 100.
19. Seymour Hersh, *The Price of Power*, Simon & Schuster, 1983, p. 270, с цитатой слов Роджера Морриса; *New York Times*, September 11, 1974, цитируется по книге: Morton Halperin et. al., *The Lawless State*, Penguin, 1976, p. 17.
20. John Dinges, *The Condor Years*, New Press, 2004, p. 65. См.: Kenneth Maxwell, *The Case of the Missing Letter in Foreign Affairs: Kissinger, Pinochet and Operation Condor* (David Rockefeller Center for Latin American Studies, Working Paper No. 04/05-3, 2004). Описаны попытки «замолчать обсуждение той роли, которую Соединенные Штаты и Генри Киссинджер сыграли в Чили, и о необходимости государственных чиновников отчитываться о весьма противоречивых внешнеполитических мероприятиях в главном внешнеполитическом журнале страны».
21. Dinges, *The Condor Years*. Peter Kornbluh, ed., *The Pinochet File*, National Security Archive, New Press, 2004.
22. См. с. 52-53 данной работы. Об «успешном сопротивлении» — см.: «Гегемония или борьба за выживание», с. 89 и далее. Другие цитаты приводятся по: Louis Perez, *Journal of Latin American Studies*, May, 2002.
23. Curtis, *Unpeople*, p. 137. О Кубе, см. мою работу «Гегемония или борьба за выживание», глава 4. Цитата Эйзенхауэра по работе: Perez, *Journal of Latin American Studies*, May, 2002.
24. Подробный отчет можно найти в работе: Laurent Dubois, *Avengers of the New World*, Harvard University Press, 2004.
25. John Lewis Gaddis, *The Long Peace*, Oxford University Press, 1987.
26. Обзор научных источников и рассекреченных документов, см. мою работу *Detering Democracy*, глава 11. Mario Del Pero, *Diplomatic History*, June, 2004. См. главу 1, примечание 66.
27. Многочисленные источники можно найти в моей работе *Year 501*, South End, 1993, chapter 5; *Powers and Prospects*, South End, 1996, chapters 7 and 8; и в работе *Rogue States*, p. 38.

См., в частности, Audrey Kahin and George Kahin, *Subversion as Foreign Policy*, New Press, 1995. О Вулфовице, см. с. 209 и далее в данной работе.

28. Среди многочисленных научных работ по-прежнему выделяется книга Джорджа Кэйхина (*George Kahin's Intervention*, Knopf, 1986). Обзор новейших документов, в том числе недавно изданную историю Государственного Департамента, можно найти в моей работе *Rethinking Camelot*, South End, 1993.

29. См. мою книгу *Rethinking Camelot*. Более свежие материалы лишь подтверждают мое предположение, предоставляя защиту так называемых сторонников мира психологам-любителям, «рассуждающим об обмане на многих уровнях», а также «воспоминаниям», появившимся, когда война стала непопулярной.

30. Gareth Porter, *Perils of Dominance*, University of California Press, 2005, p. 158. Bryan Bender, *Boston Globe*, June 6, 2005.

31. Melvin Leffler, *A Preponderance of Power*, Stanford University Press, 1992, p. 339. О довоенной дипломатии – см. мою работу *American Power and the New Mandarins*. О целях войны – см. мои работы *At War with Asia*, Pantheon, 1970 и *For Reasons of State*, Pantheon, 1973. (В последней книге используются документы из «Пентагон Пейперс» (*Pentagon Papers*.) John Dower, *The Super-domino [Japan] in Postwar Asia* в сборнике: Chomsky and Howard Zinn, eds., *Critical Essays*, volume 5 of *The Pentagon Papers*, Beacon, 1972. С тех пор по теме был накоплен обширный материал, который, впрочем, подтверждает основные выводы. О послевоенном планировании существует немало литературы; ссылки и источники приводятся в моих работах *Deterring Democracy* и *Year 501*.

32. См. ссылки в примечании 27.

33. Цитируется по: David Fromkin, James Chace, *Foreign Affairs*, весна 1985.

34. Серьезный анализ сущности Народного фронта освобождения см. у Kahin, *Intervention*, а также весьма поучительные исследования консультантов по этому региону; литературу и источники можно найти в моей работе *Rethinking Camelot for review and sources*. О разведке и «Пентагон Пейперс» – см. мою работу *For Reasons of State*, p. 51 и далее.

35. Richard Aldrich, *The Hidden Hand*, John Murray, 2001, p. 19. Это бесценный источник сведений о секретной деятельности британской разведки, в котором встречаются и документы из Соединенных Штатов. О планах «большого пространства», см.: Larry Shoup and William Minter, *Imperial Brain Trust*, *Monthly Review*, 1977.

36. Omer Bartov, *Diplomatic History*, Summer 2001. Согласно общим подсчетам, Красная Армия уничтожила в пятнадцать-двадцать раз больше немецких солдат, чем британцы и американцы. В день высадки в Нормандии силами союзников противостояли пятьдесят восемь немецких дивизий, тогда как советские войска сражались со вчетверо большим числом дивизий противника. Andrew Bacevich, *American Conservative*, 20 June, 2005; Geoffrey Wheatcroft, *Boston Globe*, May 8, 2005; Johnathan Steel, *Guardian Weekly*, May 13–19, 2005.

37. John Price, *Casualties of War* (неопубликованная рукопись), с описанием мирной конференции в Сан-Франциско, которую США возглавили в одностороннем порядке. См. «Гегемония или борьба за выживание», главу 6, которая основывается в основном на предыдущей работе этого автора. Kimball, *The Juggler*, Princeton University Press, 1991, p. 34 и далее. Gaddis, *Surprise*, p. 50.

38. Timothy Crawford, *Political Science Quarterly*, December 22, 2001. Alonzo Hamby, *Man of the People* (Oxford, 1995), p. 329 и далее, 443. Leffler, *Preponderance of Power*, p. 15.

39. Aldrich, *The Hidden Hand*, p. 25, 36 и далее, 43, 48, 57.

40. Aldrich, *The Hidden Hand*, p. 48, 57 и далее.

41. Robert McNamara, *In Retrospect*, Times Books, 1995. См. мою работу *Hamlet Without the Prince of Denmark*, *Diplomatic History*, Summer, 1996.

42. Henry Kissinger, *American Foreign Policy*, Norton, 1969. О невероятных заявлениях в его научных эссе – см. мою работу *Towards a New Cold War*, Pantheon, 1982.

43. Aldrich, *The Hidden Hand*, p. 327.

44. Обширные цитаты можно найти в работе: *Deterring Democracy*, глава 1.

45. Stephen Kurkjian and Adam Pertman, *Boston Globe*, January 5, 1990. Этот вопрос обсуждается также в моей работе: *Detering Democracy*, глава 5.
46. Обсуждение и источники – см. «Гегемония или борьба за выживание» (электронная версия), глава 9.
47. Обзор выбранных Гринспеном примеров см. в работе *Rogue States*, pp. 192–93; его заявления опровергаются в любом учебнике, однако сегодня они превратились в идеологический стандарт.
48. Подробности и источники см. в *Detering Democracy*, глава 1.
49. A.M. Gray, *Marine Corps Gazette*, May, 1990.
50. См.: Barbara Harriss-White, *India Working*, Cambridge, 2003. Это глубокое исследование «черных» и неофициальных экономик, в которые вовлечено, по ее подсчетам, 80–90 % населения. О катастрофических последствиях реформ для сельского населения – см. Utsa Patnaik, *Full Liberalisation of Agricultural Trade Jeopardises Food Security*, International Workshop: Policies Against Hunger III, Berlin, 20–22 October, 2004; *The Republic of Hunger*, Public Lecture, New Delhi, 10 April, 2004; а также блестящие журналистские работы П. Сайната (P. Sainath, преимущественно на хинди), где с яркими подробностями описано ухудшение уровня жизни крестьянского большинства населения. См. также: Alexander Cockburn, *Counterpunch*, 16 April, 2005. Ярким примером тому является резкий рост самоубийств среди крестьян в Андхра-Прадеш, неподалеку от технических чудес Бангалора и Хайдарабада, который обусловлен все теми же неолиберальными мерами. Для сельского населения это проявляется в свертывании государственной сферы услуг и принуждении переключиться на выращивание экспортных культур, чреватых крайне опасными экономическими последствиями. См. Robert Pollin, *Contours of Descent*, Verso, 2003, pp.138 и далее. *Frontline (India)*, 2 July, 2004. Ситуация в Китае, вероятно, аналогичная, хотя положение в этом более закрытом и репрессивном обществе исследовано меньше.
51. National Intelligence Council, *Mapping the Global Future*, December, 2004 (NIC 2004-13).
52. Kamal Kharrazi, *Middle East Policy*, Spring 2005. Augustus Richard Norton, *Middle East Policy*, Spring 2005. Prados, *Hoodwinked*.

53. Dana Milbank and Mike Allen, *Washington Post*, August 1, 2003. Относительно многочисленных уловок и обманов — см. «Гегемония или борьба за выживание», стр. 33–34. Однако «единственный вопрос» превалировал здесь с начала до конца.

54. Sam Ellis, *Boston Globe*, 29 April, 2004. David Ignatius (многолетний корреспондент *Washington Post*, бывший редактор *International Herald Tribune*), *Washington Post*, November 2, 2003.

55. Stephen Weisman, *New York Times*, November 29, 2003. David Brooks, *New York Times*, October 7, 2003.

56. Walter Pincus, *Washington Post*, November 12, 2003. Richard Burkholder, *Gallup Poll of Baghdad: Gauging US Intent, Government & Public Affairs*, 28 October, 2003.

57. Stephen Weisman, *New York Times*, September 30, 2005. Special, *Daily Star (Lebanon)*, October 14, 2005.

58. Byers, *War Law*.

59. О других критериях, имеющих большое геополитическое значение — см. «Гегемония или борьба за выживание», глава 6.

60. Опрос Elcano Royal Institute, февраль 2003: 27 % заявили, что поддержали бы войну, если бы она была одобрена новой резолюцией ООН. Charles Powell, *Current History*, November, 2004. О деталях опроса в европейских странах — см. «Гегемония или борьба за выживание», глава 5.

61. Marc Lacey, *New York Times*, May 8, 2003. Ignatius, *Washington Post*, November 2, 2003.

439

62. Sebastian Mallaby, *Washington Post*, 28 March, 2005. Andrew Balls, *Financial Times Weekend*, September 25, 2005. См. также одобрительные статьи Тодда Пурдума и Эрика Шмита в *New York Times*, 17 March, 2005, которые, как ни странно, обходятся без доказательств.

63. Jeffrey Winters, *Wolfowitz's Track Record on Economic Policy and Human Rights Is Poor*, *Joyo Exclusive* (online news service on Indonesia), 29 March, 2005. *Indonesia's Suharto Tops "Worst Ever" Corruption Charts*, *Agence France-Presse* (London), March 26, 2004. Alan Bitty, *Financial Times*, March 17, 2005.

64. Winters, *Wolfowitz's Track Record*, March 29, 2005.

65. Indonesian Activists Slam Wolfowitz' World Bank Candidacy, Dow Jones Newswires, 22 March, 2005. Sean Donnan, Financial Times, March 30, 2005 – о любимцах «индонезийской политической элиты». Дополнительные подробности о событиях начала 80-х и о том, как Вулфовиц защищал преступления Сухарто даже после того, как тот был свергнут, – см. «Гегемония или борьба за выживание», послесловие.
66. Joseph Nevins, National Catholic Reporter, February 11, 2005.
67. Steven Dudley and Pablo Bachelet, Miami Herald, September 16, 2005.
68. Аргентинский политолог Атилио Борон (Atilio Boron, The Truth About Capitalist Democracy,) в сборнике: Leo Panitch and Colin Leys, eds., Socialist Register, Merlin, 2006. О рейтинге популярности – см. Alma Guillermoprieto, New York Review of Books, October 6, 2005.
69. Chicago Council on Foreign Relations and Program on International Policy Attitudes, «Americans on Promoting Democracy Poll» September 29, 2005.
70. Colum Lynch, Washington Post, September 18, 2005; см. информацию телеграфных агентств о его речи. Hugh O'Shaughnessy, Irish Times, September 17, 2005. См. также с. 397-398 данной книги.
71. Tim Weiner, New York Times, March 22, 2004. Thomas Walker, El Salvador and Iraq: The Wrong Lesson from Flawed History, Athens News, 18 November, 2004. О выборах – см. Edward Herman and Frank Brodhead, Demonstration Elections, South End, 1984; Herman and Chomsky, Manufacturing Consent, Pantheon, 1988; updated 2002.
72. Walker, El Salvador and Iraq. Об отзывах СМИ, см. мою статью в книге: Morris Morley and James Petras, The Reagan Administration and Nicaragua, Institute for Media Analysis, 1987. О Фигуэресе и прессе, см. мои работы Necessary Illusions and Detering Democracy. См. также с. 139 данной книги.
73. Danna Harman, Christian Science Monitor, March 3, 2005. Сальвадор может обеспечить Соединенные Штаты своего рода «иностранным легионом», игравшим столь важную роль в

европейских империях. Впрочем, по своему размеру эти войска разительно уступают южнокорейским наемникам, которых Соединенные Штаты задействовали в Южном Вьетнаме и которых больше нельзя использовать, поскольку в 1987 г. поддерживаемая США корейская диктатура была свергнута. (Аналогичным образом Вашингтон потерял своих аргентинских наемных убийц после того, как в стране пала военная диктатура.)

74. Philip Shishkin, *Wall Street Journal*, 19 May, 2005. Craig Murray, *Guardian*, May 16, 2005. Alan Cowell, *New York Times*, December 31, 2005.

75. Craig Murray, *Guardian*, August 3, 2005.

76. David Wall, *Financial Times*, 26 May, 2005. Ann Scott Tyson and Robin Wright, *Washington Post*, June 4, 2005.

77. David E. Sanger, *New York Times*, May 29, 2005. Human Rights Watch, *Turkmenistan: Human Rights Update*, May 14, 2004.

78. Sanger, *New York Times*, May 29, 2005 – дополнение, не попавшее в архивы.

79. Sarah Mendelson and Theodore Gerber, *Foreign Affairs*, January-February, 2006. О Японии – см. мою работу *Year 501*, глава 10.

80. Цитата из книги: Curtis, *Unpeople*, p. 81.

81. О реакции на эти события 1958 г. США и Великобритании см.: *Deterring Democracy*, глава 6, послесловие.

82. Curtis, *Unpeople*, p. 82.

83. О планах Насепа: Douglas Little, *Diplomatic History*, November, 2004. Salim Yaqub, *Containing Arab Nationalism* (University of North Carolina Press, 2004), pp. 225, 228, 240 и далее. Меморандум Госдепартамента приводится в работе: John M. Blair, *Control of Oil* (Pantheon, 1976), p. 85.

84. Roger Morris, *New York Times*, March 14, 2003. Союзник Вашингтона, король Иордании Хусейн, которому ЦРУ платит с 1957 г., сообщал, будто «точно знал», что американская раз-

ведка оказала перевороту поддержку и предоставила имена подлежащих казни коммунистов, которых следовало уничтожить, в том числе примерно пять тысяч человек – в первые несколько дней; Hanna Batatu, *The Old Social Classes and the Revolutionary Movements of Iraq*, Princeton, 1978, pp. 985-86 – классическое научное исследование. Curtis, *Unpeople*, pp. 80 и далее.

85. См. See *Deterring Democracy*, послесловие.

86. Neil MacFarquhar, *New York Times*, March 2, 2005. Scott Wilson, *Washington Post*, 28 February, 2005.

87. См. с. 394 и далее данной книги.

88. Neil McDonald and Najmeh Bozorgemehr, *Financial Times*, July 8, 2005. Edward Wong, *New York Times*, July 7, 2005.

89. Peter Galbraith, *New York Review of Books*, August 11, 2005.

90. О взлете и характере семейной диктатуры и ее союзе с США, а также о саудовском обществе, его тяжелой жизни и борьбе за свободу – см.: As'ad Abukhalil, *The Battle for Saudi Arabia*, Seven Stories, 2004.

91. Alan Richards, *Middle East Policy*, Summer, 2005.

92. Например: Robert Kuttner, *American Prospect*, August, 2005.

93. Об этих вопросах – см. «Гегемония или борьба за выживание», послесловие и указанные источники.

94. Carothers, *Critical Mission*, pp. 7, 42.

95. См. с. 161 данной работы. Thomas Карозерс, в сборнике: Abraham Lowenthal, ed., *Exporting Democracy*, Johns Hopkins, 1991; Thomas Carothers, *In the Name of Democracy*, California, 1991, pp. 29, 249.

96. Peter Kornbluh, interview with Scott Harris, ZNet, 1 March, 2005. Gary Cohn and Ginger Thompson, *Baltimore Sun*, 15 June, 1995. Подробнее о государственных преступлениях правительства Гондураса и участии в них США – см. see Gary Cohn and Ginger Thompson, *Baltimore Sun*, 11–18 June, 1985. Michael

Dobbs, Washington Post, 12 April, 2005. Larry Rohter, New York Times, 21 December, 1995. Carla Ann Robbins, Wall Street Journal, April 27, 2004.

97. Charles Bergquist, Labor and the Course of American Democracy, p. 5. Gordon Connell-Smith, The Inter-American System, Oxford, Royal Institute of International Affairs, 1966, pp. 23 и далее, 343.

98. Carothers, Critical Mission, p. 262.

99. См. ссылки в примечании 14. Подробные сведения из Отдела по контролю за иностранными активами и из других государственных источников – см. мою работу Democracy Restored.

100. Thomas Griffin, Haiti Human Rights Investigation, Center for the Study of Human Rights, University of Miami School of Law, December, 2004.

101. Daniel Grann, Atlantic Monthly, June, 2001, и другие работы.

102. Warren Strobel, Knight-Ridder, San Diego Union-Tribune, November 5, 2003. Indira Lakshmanan, Boston Globe, October 27, 2005.

103. Stephen Rabe, Diplomatic History, November, 2004.

104. Thomas Walker, Nicaragua: Living in the Shadow of the Eagle, 4th edition, Westview, 2003. Carothers, Exporting Democracy.

105. Envio, Universidad Centroamericana [UCA], Jesuit University, Managua, November, 2003. Исследование, профинансированное немецким отделением организации «Bread for the World», Nicaragua News Service, 23 August, 2005; 2004 Public Health Sector Summary, La Prensa, December, 2004; Nicaragua News Service, Nicaragua Network 12.3, 21–27 December, 2004. Adolfo Acevedo (экономист), Envio, March, 2005. Об исключительном положении Коста-Рики – см. мою работу Necessary Illusions, pp. 111 и далее, приложение 5; Deterring Democracy, pp. 221 и далее, 273 и далее.

106. Adolfo Acevedo, Envio, June, 2005.

107. Редакционная статья в *Boston Globe*, March 15, 2005; Thomas Gagen, *Boston Globe*, March 15, 2005. См. с. 81 данной работы.
108. Warren Strobel, *Knight-Ridder*, *San Diego Union-Tribune*, November 5, 2003.
109. Larry Rohter, *New York Times*, June 10, 2003.
110. James Dobbins, *Foreign Policy*, January–February, 2005.
111. Carothers, *Critical Missions*, p.51. Передовица в *Financial Times*, March 5, 2005 Richards, *Middle East Policy*, Summer, 2005. Farnah Fassihi, *Wall Street Journal*, 22 January, 2004; Patrick Cockburn, *Counterpunch*, 21 July, 2005. Анализ попыток США избежать выборов, предпринятых в середине 2004 г., почерпнутый из официальной прессы – см. «Гегемония или борьба за выживание», послесловие.
112. John Burns, *New York Times*, July 24, 2005. Elaine Sciolino and Don Van Natta, *New York Times*, July 25, 2005.
113. Stephen Weisman, *New York Times*, January 30, 2005. О бомбардировках – см.: Anthony Shadid, *Night Draws Near*, Holt, 2005, p. 114.
114. Weisman, *New York Times*, January 30, 2005.
115. Steve Lee Myers, *New York Times*, August 3, 2005. См. мою работу *Necessary Illusions*, стр. 123 и далее, приложение 5.
116. Marc Danner, *New York Review of Books*, 28 April, 2005. Robert Fisk, *Independent*, January 31, 2005.
117. Scott Peterson and Dan Murphy, *Christian Science Monitor*, January 28, 2005. Yochi Drizen, *Wall Street Journal*, January 25, 2005. Farnaz Fassihi, Philip Shishkin and Greg Jaffe, *Wall Street Journal*, October 17, 2005.
118. Andrew Gowers, Philip Stephens and James Blitz, *Financial Times*, January 26, 2005. Richard Burkholder, *Gallup Organization*, 28 April, 2004.
119. Опрос общественного мнения *Zogby International*, опубликован 28 января 2005 г. *Oxford Research International*,

December, 2003. Andrew Cordesman, *Playing the Course*, Center for Strategic and International Studies, 22 November, 2004. Nancy Youssef, Knight-Ridder, San Jose Mercury News, 13 September, 2005. Gareth Smith, *Financial Times*, 28 September, 2005. IslamOnline.net, 17 November, 2005. (Arabic), перевод – Gilbert Achcar. Hassan Fatah, *New York Times*, November 22, 2005.

120. Билл Денверс (сотрудник Совета национальной безопасности при Клинтоне) и Майкл О'Хейллон (Институт Брукингса), *Christian Science Monitor*, 2 November, 2005. Стивен Кулл, директор Программы по изучению мнений о международной политике (PIPA), *Institute for Public Accuracy*, September 23, 2005. Sean Rayment, *Sunday Telegraph*, October 23, 2005. Ned Temko, *Observer*, 23 October, 2005. Nina Camp, Michael O'Hanlon and Amy Unikewicz, *New York Times*, December 14, 2005.

Глава 5

БЛИЖНЕВОСТОЧНАЯ ПОЛИТИКА: СВИДЕТЕЛЬСТВА

1. Последние комментарии – см.: Douglas Little, *Diplomatic History*, November, 2004. Подробнее об этом – см. мою работу *Pirates and Emperors* и мою статью в сборнике: George, ed., *Western State Terrorism*.

2. См. мою работу *Pirates and Emperors* и мою статью в сборнике: George, ed., *Western State Terrorism*.

3. Justin Huggler and Phil Reeves, *Independent*, April 25, 2002. Amira Hass, *Ha'arez*, 19 April, 2002, статья воспроизведена в книге: Hass, *Reporting from Ramallah*, Semiotext, 2003 (распространяется издательством MIT Press).

4. Michael Bohn, *The Achille Lauro Hijacking*, Brassey's, 2004.

5. Ian Williams, *Middle East International*, April 29, 2005.

6. Stephen Zunes, *National Catholic Reporter*, 1 July, 2005. О ходе событий вплоть до окончательного вывода войск – см. мою работу *Fateful Triangle*.

7. О возникновении и деятельности движения «Кифайя» – см. *Al-Ahram Weekly*, 23–29 June, 2005. Об интифаде – см. «Геремония или борьба за выживание», с. 180 и далее.

8. См. с. 100 данной книги.

9. Ian Williams, *Middle East International*, May 13, 2005.
10. Adeed Dawaisha, *Middle East Journal*, Winter 2005. Глубокий анализ ситуации можно найти в работе: Batatu, *The Old Social Classes and the Revolutionary Movements of Iraq*.
11. Stephen Erlanger, *New York Times*, November 14, 2004.
12. Joel Brinkley, *New York Times*, September 17, 2005. Впоследствии Израиль остановил строительство на том основании, что оно было бы «непрактичным», по словам высокопоставленного чиновника. Stephen Erlanger, *New York Times*, October 24, 2005.
13. Gilbert Achcar, *Le Monde diplomatique* (English edition), July, 2005.
14. James Bennett, *New York Times*, March 17, 2003.
15. Stephen Erlanger, *New York Times*, November 12 and 13, 2004.
16. Shlomo Gazit, *Trapped Fools*, Frank Cass, 2003, глава 15.
17. Harald Frederiksen, *Middle East Policy*, Spring 2005. David Ratner, Ha'arev, April 4, 2005.
18. Benny Morris, *Righteous Victims*, Vintage, 2001, p. 341. Недавние сообщения о варварских поступках солдат — см. Yonatan Geffen, Ma'ariv, 23 September, 2005, данные поступили от организации военных «Шоврим Штика» («Нарушенное молчание»). *Middle East International*, 29 September, 2005. Подобные деяния имеют давнюю историю.
19. См. мои эссе тех лет, перепечатанные в книге: *Peace in the Middle East?* (Pantheon, 1975); вместе с другими эссе они воспроизведены в книге: *Middle East Illusions* (Rowman and Littlefield, 2003).
20. David Kretzmer, *American Journal of International Law*, January, 2005. См. также: Michael Galchinsky, *Israel Studies* (Ben-Gurion University), Fall 2004. О Бергенале — см. с. 72 данной книги.
21. Elaine Sciolino, *New York Times*, December 2, 2002.

22. Judith Miller, *New York Times*, November 11, 2004. См. *Necessary Illusions*, приложение 5.
23. См. мою работу *Letters from Lexington: Reflections on Propaganda, Common Courage*, 1992, (дополненное переиздание: *Paradigm*, 2003), глава 1. О коалиции с Израилем и о плане Бейкера, а также о скудной и фальсифицированной подаче новостей — см. "World Orders Old and New, pp. 231-32.
24. Резолюция № 44/42 ООН, 6 декабря 1989 г.
25. David Bar-Illan, interview with Victor Cygielman, *Palestine-Israel Journal*, Summer-Autumn 1996. Norman Finkelstein, *Beyond Chutzpah*, California, 2005, p. 296.
26. Shlomo Ben-Ami, *A Place for All* (на иврите), *Hakibbutz Hameuchad*, 1998. Книга цитируется в работе: Efraim Davidi, *Palestine-Israel Journal*, volume 7, nos. 1 and 2, 2000. Израильский историк Бенни Моррис называет Барака «одним из главных сторонников мира в Израиле». Benny Morris, *New Republic*, 8 November, 2004, рецензия на книгу: Dennis Ross, *The Missing Peace*, Farrar, Straus and Giroux, 2004.
27. Ron Pundak and Shaul Arieli, *The Territorial Aspect of the Israeli-Palestinian Final Status Negotiation*, Peres Center, September, 2004 (Hebrew). Карты: Ron Pundak, *From Oslo to Taba: What Went Wrong*, Survival, International Institute for Strategic Studies, Autumn 2001. Пундак — генеральный директор Миротворческого центра имени Шимона Переса (Shimon Peres Center for Peace Тель-Авив); принимал активное участие в переговорах, которые привели к соглашениям в Осло, и в последующих событиях.
28. Jeremy Pressman, *International Security*, Fall 2003. Прессман добавляет, что «Барак представил Клинтону письмо на 20 страницах с описанием поправок и оговорок Израиля, в том числе и весьма важные»: «Lost Opportunities,» review of Dennis Ross, *The Missing Peace*, in *Boston Review*, December, 2004.
29. Pundak and Arieli, *The Territorial Aspect of the Israeli-Palestinian Final Status Negotiation*. Akiva Eldar, *Ha'arev*, February 15 and 18, 2002. Amos Oz, *Guardian*, January 5, 2001 (до Табы).
30. David Matz, *Palestine-Israel Journal*, volume 10, nos. 3 and 4, 2003 (с цитатами с пресс-конференции и высказываниями Ба-

пака). Ahron Bregman, *Elusive Peace: How the Holy Land Defeated America*, Penguin, 2005, p. 145 (слова Барака). Pundak, *Survival*, Autumn 2001. О документе Моратиноса и распоряжении Барака свернуть переговоры, см.: Akiva Eldar, *Ha'arez*, February 15 and 18, 2002; автор разделяет оптимистические прогнозы.

31. Pundak, *Survival*, Autumn, 2001.

32. Ross, *The Missing Peace*. Jerome Slater, *Tikkun*, May–June, 2005.

33. Akiva Eldar, *Ha'arez*, June 11, 2004.

34. Benny Morris, *New York Times*, November 12, 2004.

35. Benny Morris, *Revisiting the Palestinian Exodus of 1948*, в сборнике: Eugene Rogin and Avi Shlaim, eds., *The War for Palestine*, Cambridge, 2001; Benny Morris, *Israel's Border Wars, 1949–1956*, Oxford, 1993, p. 410. Ари Шавит, интервью с Моррисом, *Ha'arez*, January 8, 2004. См. письма в следующих выпусках газеты.

36. Небезынтересны сказки, которые рассказывают детям в приложении *Kids Post* газеты «Вашингтон пост» (12 ноября 2004 г.): «Чтобы создать палестинское государство, [Арафату] требовались земли, которые сегодня являются частью Израиля», и он «совершил несколько нападений на израильский народ, которые заставили многих возненавидеть его». Передерживания в вопросах злодеяний, совершенных друзьями и врагами, – привычное дело, однако признание оккупированных территорий частью Израиля следует отнести к новшествам.

37. *Ha'arez*, November 14, 2003; Molly Moore, *Boston Globe*, November 15, 2003; Greg Myre, *New York Times*, November 15, 2003, с фотографией четырех лидеров, стоящих перед плакатом, на котором на иврите написано: «Мы движемся к катастрофе». Moshe Negbi, *Kisdom Hayinu* («Мы превратились в Содом») (Keter, 2004). Об экономических потерях (и прибылях) оккупации для Израиля – см. Shlomo Swirski, *Palestine-Israel Journal* 12.1, 2005. О судебных постановлениях – см. David Kretzmer, *The Occupation of Justice* (SUNY, 2002); Lisa Hajjar, *Courting Conflict*, California, 2005.

38. Reuven Pedatzur, *Ha'arez*, February 21, 2005 (на иврите), рецензия на книгу: Akiva Eldar and Idit Zartel, *Adonei Ha'arez*

- («Хозяева страны»), Kinneret, 2005. Цитаты из книги Эльдара и Зартель приводятся по рецензии.
39. Pedatzur, Ha'arev, February 21, 2005. Morris, Righteous Victims, p. 341.
40. Amira Hass, Ha'arev, July 6, 2005.
41. Amira Hass, Ha'arev, September 22, 2005.
42. Amir Oren, Ha'arev, November 29, 2002. Ze'ev Schiff, Ha'arev, 27 и 29 July, 2005.
43. О последствиях этого убийства – см. с. 37 данной книги.
44. Elisabeth Bamiller, New York Times, April 15, 2004. Meron Benvenisti, Ha'arev, April 22, 2004. Saree Makdisi, London Review of Books, March 3, 2005.
45. B'Tselem, информация октября 2005 г. Моше Даян, цитата по изданию: Yossi Beilin, Mehiro shel Ihud, Revivim, 1985, p. 42. Эти слова отражают общую позицию Даяна «в качестве архитектора и арбитра политики, проводимой на оккупированных территориях». Эта политика имеет целью «ползучую аннексию» и «ползучее перемещение» максимально возможного количества населения территорий, создавая ему невыносимые условия жизни. Morris, Righteous Victims, pp. 337 и далее. Среди всех лидеров Партии труда Даян был одним из самых горячих сторонников создания тяжелых условий для палестинцев.
46. Amira Hass, Ha'arev, October 30, 2005, с картами. Ариэль Шарон: цитата по агентству «Рейтер», December 1, 2005. Report on Israeli Settlement, November – December, 2004.
47. Chris McGreal, Guardian, October 20, 2005.
48. Gideon Levy, Ha'arev, October 24, 2005.
49. John Ward Anderson, Washington Post, February 7, 2005. О планах Рабина-Переса, см.: World Orders Old and New, эпизод; Pirates and Emperors, глава 7; Middle East Illusions, глава 6. О Маалех-Адумиме – см. мое эссе и эссе других авторов в сборнике: Roane Carey, ed., The New Intifada, Verso, 2001.

50. Maskit Bendel, *The Disengagement Plan and Its Repercussions on the Right to Health in the Gaza Strip* (Physicians for Human Rights-Israel, 2005), p. 9. См. отчет о начале размежевания: B'Tselem, *One Big Prison, March*, 2005.

51. Ravi Nessman, AP, April 19, 2004. Aluf Benn, Ha'arev, August 11, 2004. О выборе времени для размежевания и сооружения «разделительной стены» и о краткосрочных и дальнейших целях Израиля — см. эпилог к работе: Tanya Reinhart's epilogue in her *Israel/Palestine: How to End the War of 1948, Seven Stories*, 2005. Общая логика событий — см. также: Baruch Kimmerling, *Politicide: Ariel Sharon's War Against the Palestinians*, Verso, 2003.

52. Sara Roy, *Journal of Palestine Studies*, Summer, 2005.

53. Bendel, *The Disengagement Plan and Its Repercussions*. Amira Hass, Ha'arev, 28 August, 2005.

54. Ha'arev, 27 April, 1982 Amnon Kapeliouk, *New Statesman*, 7 May, 1982. См. *Fateful Triangle*, глава 4.3.

55. Orit Shohat, Ha'arev, August 26, 2005.

56. Baruch Kimmerling, Ha'arev, August 21, 2005.

57. Joel Brinkley, *New York Times*, September 17, 2005.

58. Amira Hass, Ha'arev, August 14, 2005.

59. AP, *Boston Globe*, July 12, 2005. Ha'arev, December 4, 2003. *Jerusalem Post*, December 4, 2003. О голосовании Буша в 2002 г. есть сообщения AP и «Франс-Пресс» (3 декабря). Подробнее о резолюциях, заблокированных Бушем — см. «Гегемония или борьба за выживание», глава 7. О Бараке — см. Yoaz Yuval, Ha'arev, 7 July, 2005.

60. Meron Benvenisti, Ha'arev, July 14, 2005. Rubinstein, Ha'arev, March 31, 2005.

61. Greg Myer, *New York Times*, August 25, 2005. Karin Laub, AP, 2 September, 2005 (*Boston Globe*, 3 September, 2005, в архиве отсутствующий). Ha'arev, Service и AP, 19 September, 2005.

62. *Report on Israeli Settlement in the Occupied Territories*, Foundation for Middle East Peace, March, 1996, January, 1996.

Многочисленные подробности – см. World Orders Old and New, эпилог. Jerusalem and Ramallah Heads of Mission (European Union), Report on East Jerusalem, November, 2005. Chris McGreal, Guardian, November 25, 2005. Stephen Erlanger, New York Times, November 25, 2005.

63. Chris McGreal, Guardian, 18 October, 2005.

64. Benedict Carey, New York Times, обзор за неделю, July 10, 2005.

65. Jeane Kirkpatrick, Commentary, November, 1979.

66. Tom Shanker, New York Times, November 24, 2004.

67. Об Эйзенхауэре и Совете национальной безопасности – см. World Orders Old and New, pp. 79, 201 и далее. Yaqub, Containing Arab Nationalism, pp. 225 и далее, 228, 240 и далее.

68. Peter Waldman et. al., Wall Street Journal, 14 September, 2001.

69. David Gardner, Financial Times, 8 July, 2005. См. с. 227 данной книги.

Глава 6

Продвижение демократии в США

1. О позорной истории злоупотребления администрацией Буша президентской властью и нарушения ею прав человека – см., в частности: Barbara Olshansky, Democracy Detained, Seven Stories (находится в печати).

2. Robert Dahl, How Democratic Is the American Constitution, Yale, 2002. Thomas Ferguson, Golden Rule, Chicago, 1995; Robert McChesney, The Problem of the Media. Monthly Review, 2004; Robert Reich, New York Times, March 18, 2001, цитируется Макчесни. Цитата из Вудро Вильсона приводится по книге: John Manley, Theorizing the Unexceptional, 2005 (рукопись); здесь же – цитаты из сборника: R. Baker and W. Dodd, eds., The Public Papers of Woodrow Wilson, Harper and Brothers, 1925-27, volume 1, p. 78. Robert Westbrook, John Dewey and American Democracy, Cornell, 1991. Более глубокая и основательная критика и предложения – см. Stephen Shalom, Z Magazine, October, 2004.

3. Morton Horwitz, *The Transformation of American Law, 1870–1960*, Oxford, 1992. Благодаря судебным решениям 70-х гг., корпорации получили множество новых прав. См. также классическое исследование Роберта Брейди: Robert Brady, *Business as a System of Power*, 1943 (переиздано Transaction, 2001). О суде штата Делавэр – см. Scott Bowman, *The Modern Corporation and American Political Thought*, Pennsylvania State University, 1996, p. 133. Профессионально написанное и доступное введение в эту проблематику – см. Joel Bakan, *The Corporation*, Free Press, 2004.
4. Источники можно найти в моей работе *Consent Without Consent: Reflections on the Theory and Practice of Democracy*, *Cleveland State Law Review*, Fall 1996; Adam Smith, *The Wealth of Nations*, Chicago, 1976, volume 2, p. 236.
5. Aristotle, *Politica (Politics)*, book 4, chapters 2, 11; book 5, chapter 8; book 6, chapter 5; book 7, chapter 10; Richard McKeon, ed., *The Basic Works of Aristotle*, Random House, 1941.
6. Robert Wiebe, *Self-Rule*, Chicago, 1996, pp. 96 и далее. Norman Ware, *The Industrial Worker, 1840–1860*, Chicago: Ivan Dee, 1990 (воспроизведение издания 1924 г.).
7. Цитата из Вудро Вильсона по работе: Martin Sklar, *The Corporate Reconstruction of American Capitalism, 1890–1918*, Cambridge, 1988, pp. 413-14; Wiebe, *Self-Rule*, p. 134.
8. См. стр. 15-16, 65-66 данной работы. О Шлезингере – см. /«Гегемония или борьба за выживание», с. 12–13. Fritz Stern, *Foreign Affairs*, May–June, 2005.
9. Амос Элон (Amos Elon), интервью с Ари Шавитом, *Ha'arez*, December 23, 2004.
10. Peter Cromwell, *The Propaganda Problem*, *Horizon*, January, 1941.
11. См. исследования, проводимые раз в два года Институтом экономической политики «Состояние рабочей Америки» (Economic Policy Institute, *The State of Working America*); последнее из них, которое провели Лоуренс Мишель, Джаред Бернштейн и Сильвия Алегретто, охватывает 2004–2005 гг. Marc and Marque-Luisa Miringoff, *The Social Health of the Nation* (Oxford, 1999), *Index of Social Health*, Отчет Института нова-

ций в социальной политике Фордхема, где отслеживаются социальные показатели (в других промышленно развитых странах это делают государственные ведомства).

12. Edward Wolff, *Milken Institute Review*, 3rd quarter, 2001; Eduardo Porter, *New York Times*, деловой раздел, July 14, 2005. О Бюро переписи населения — см. David Leonhardt, *New York Times*, August 31, 2005; Robert Guy Matthews, *Wall Street Journal*, 31 August, 2005. Jessica Vascelaro, *Wall Street Journal*, September 13, 2005. Dean Baker, Center for Economic and Policy Research, October 17, 2005.

13. Libby Quaid, AP, October 29, 2005.

14. Алан Гринспен, выступление в Банковском комитете Сената, февраль 1997, приводится в издании: *Multinational Monitor*, March, 1997. Edward Herman, *Z Magazine*, March, 2005.

15. По поводу «некоторой странности» «религиозного мировосприятия» — см. Walter Dean Burnham, работа в сборнике: Thomas Ferguson and Joel Rogers, eds., *The Hidden Election*, Pantheon, 1981, и также с. 344-345 данной работы. Обзор предшествующего периода, иногда наряду с Англией — см. Clifford Langley, *Global Dialogue*, Winter—Spring, 2003.

16. Bruce Franklin, *War Stars*, Oxford, 1988.

17. См., например: Ferguson, *Golden Rule*, pp. 389-90. Об исследованиях Чикагского совета по международным отношениям и Программе PIRA в Университете Мэриленда — см. главу 1, примечание 34.

18. Guy Dinmore, *Financial Times*; November 9, 2004. Результаты опроса Гэллага приводятся в статье: Paul Abramson, John Aldrich, and David Rohde, *Political Science Quarterly*, Spring, 2005.

19. Ferguson and Rogers, eds., *Hidden Election*.

20. Источники указываются в моей работе *Turning the Tide*, South End, 1985, глава 5. Общие сведения о выборах 1984 г. — см. Thomas Ferguson and Joel Rogers, *Right Turn*, Hill & Wang, 1986.

21. Сэмюэль Хантингтон, в работе: M.J. Crozier, S. P. Huntington, and J. Watanuki, *The Crisis of Democracy*, New

York, 1975. См. Alex Carey, Taking the Risks out of Democracy, New South Wales, 1995; Illinois, 1997, и Elizabeth Fones-Wolf, Selling Free Enterprise, Illinois, 1995 – о пропаганде корпораций.

22. Jose Antonio Ocampo, Rethinking the Development Agenda, 2001 (рукопись на основе документа, представленного на ежегодном собрании Американской экономической ассоциации, январь, 2001); Marc Weisbrot, Dean Baker, and David Rosnik, Centre for Economic Policy Research, September, 2005.; Robert Pollin, Contours of Descent, chapter 5; Robert Wade, Challenge, September–October, 2005.

23. О мерах, благодаря которым правительству и прессе удалось «продать» Североамериканское соглашение о свободной торговле, – см. мою работу World Orders Old and New, глава 2.5.

24. International political economist Robert Wade, Challenge, January–February, 2004.

25. Barry Eichengreen, Globalizing Capital: A History of the International Monetary System, Princeton, 1996.

26. Gary Jacobson, Political Science Quarterly, Summer, 2005.

27. Торстейн Веблен, приводится по изданию: Michael Dawson, The Consumer Trap, Illinois, 2003, p. 154. Эта книга стала важным прибавлением к многочисленной литературе по теме. О рекламе как о свидетельстве упадка рынка и о влиянии СМИ – см. McChesney, The Problem of the Media, глава 4. Smith, Wealth of Nations, book 1, chapter 11, p. 278.

28. K. Lokuge and R. Denniss, Trading In Our Health System, Australia Institute, Discussion Paper no. 55, May, 2003.

29. Dean Baker, The High Cost of Protectionism: The Case of Intellectual Property Claims (рукопись), Economic Policy Institute, 1996; основные выводы – см.: Dean Baker, In These Times, 22 August, 1999. Lokuge and Denniss, Trading In Our Health System.

30. Lokuge and Denniss, Trading In Our Health System?

31. Thomas Patterson, New York Times, November 8, 2000; Boston Globe, December 15, 2000.

32. Опрос общественного мнения Гэллага, опубликован 16 декабря 2004 г., материалы доступны на сайте www.gallup.com.

33. Jacob Schlesinger and Jackie Calmes, *Wall Street Journal*, October 8, 2004; Liz Marlantes, *Christian Science Monitor*, September 22, 2004; Daniel Jankelovich, *Foreign Affairs*, September–October, 2005; опрос сводится к поверхностным вопросам, наподобие следующих: всегда ли Соединенные Штаты «совершают правильные действия, которыми многие могли бы гордиться?».

34. Seth Jacobs, Sink or Swim with Ngo Dinh Diem, 81st University of Connecticut Foreign Policy Seminar, 2005; Уолтер Бернэм, в работе: Ferguson and Rogers, *Right Turn*. Chris Hedges, *The Christian Right and the Rise of American Fascism*, (доступна на сайте www.theocracywatch.org (цитаты из Адамса). О Стерне — см. с. 322-325 данной работы. Chris McGreal, *Guardian*, 20 October, 2005.

35. Программа по изучению мнений о международной политике (PIPA), *Public Perceptions of the Foreign Policy Positions of the Presidential Candidates*, September 29, 2004; *The Separate Realities of Bush and Kerry Supporters*, October 21, 2004. Gardiner Harris, *New York Times*, October 31, 2004.

36. Albert Hunt, *Wall Street Journal*, June 26, 1998; Ceci Connolly and Claudia Deane, *Washington Post*, 20 October, 2003. Lee Walczak et. al., *Business Week*, May 16, 2005; Pew Research Center, *Public Divided on Origins of Life*, August 30, 2005; Wiebe, *Self-Rule*, p. 239. Об истории опросов за более долгий период — см. Vicente Navarro, *Why the United States Does Not Have a National Health Program*, Baywood, 1992; *Dangerous to Your Health*, *Monthly Review*, 1993; *The Politics of Health Policy*, Blackwell, 1994, pp. 210 и далее.

37. Harris, *New York Times*, October 31, 2004; Adam Clymer, *New York Times*, October 17, 1993.

38. Frank Newport, Gallup News Service, *Americans Want Leaders to Pay Attention to Public Opinion*, October 12, 2005.

39. Dan Roberts and Edward Alden, *Financial Times*, November 4, 2004.

40. Chris Giles, *Financial Times*, December 1, 2004; John Hilsenrat, *Wall Street Journal*, April 4, 2005.

41. Edward Lazowska and David Patterson, *Science*, May 6, 2005. Авторы отмечают, что финансирование информационных технологий, как и большей части электронной отрасли, осуществлялось под эгидой Пентагона, а наиболее передовые исследования вело Управление перспективных исследовательских программ (DARPA).
42. Glen Johnson, *Boston Globe*, 27 November, 2004; приводятся данные опросов, проведенные Zogby International и для Pax Christi. Peter Steinfels, *New York Times*, 2 August, 2003.
43. Fareed Zakaria, *Newsweek*, 11 October, 2004. См. Gerald Seib and Carla Anne Robbins, *Wall Street Journal*, 2 November, 2004 г. – передовица, ссылающаяся на исследование, проведенное Чикагским советом по международным отношениям, но неточно передающая его содержание. Источники см. глава 1, примечание 34.
44. Chicago Council on Foreign Relations (CCFR), *Global Views* 2004.
45. John Crook, *American Journal of International Law*, July, 2005. Редактор Майкл Рейсман отмечает, что добавленная формулировка может вступить в противоречие с Уставом ООН и с Римским статутом, согласно которому был учрежден Международный уголовный суд. Chicago Council on Foreign Relations (CCFR), *Global Views* 2004; *Boston Globe*, 18 March, 2005; Victor Mallet and Guy Dinmore, *Financial Times*, 17 March, 2005; Новостной бюллетень Human Rights Watch, 7 March, 2005.
46. Frances Williams, *Financial Times*, 20 October, 2005; Tom Wright, *International Herald Tribune*, 30 September, 2005. О совместной кампании правительства и прессы против ЮНЕСКО и о необычайных фальсификациях и обманах, см.: William Preston, Edward Herman, and Herbert Schiller, *Hope and Folly*, Minnesota, 1989 – книгу, очевидно, проигнорировали.
47. AP, 23 October, 2005; Agence France-Presse, 23 October, 2005. *Independent (Лондон)*, 12 October, 2005.
48. Ian Seiderman (юридический советник Международной комиссии юристов), письмо в *New York Times*, 21 April, 2005. О Всемирном саммите – см. с. 126 данной работы.
49. Farah Stockman, *Boston Globe*, 1 March, 2005; Paula Dobriansky, US Department of State, *Current Policy* No. 1091,

1988; комментарии – см. Philip Alston, *American Journal of International Law*, April, 1990. Джин Киркпатрик, цитата по работе: Joseph Wronka, *Human Rights*, в сборнике: R. Edwards, ed., *Encyclopedia of Social Work*, National Association of Social Workers, 1995. Морис Абрам, заявление Комиссии ООН по правам человека о «праве на развитие», 11 февраля 1991 г.

50. Программа по изучению мнений о международной политике (PIPA), *The Separate Realities of Bush and Kerry Supporters*, 21 October, 2004. PIPA; *Saddam's Intent to Build WMD Not Seen as Sufficient Reason*, электронные отчеты, 28 October, 2004, См. с. 40 данной работы.

51. PIPA, *Americans on America's Role in the World After the Iraq War*, 29 April, 2003; 7 in *10 Now Say UN Should Take Lead*, 3 December, 2003. О том, как искаженное восприятие событий оказывается тесно связано с определенными источниками новостей, – см. Steven Kull, Clay Ramsay, and Evan Lewis, *Misperceptions, the Media, and the Iraq War*, *Political Science Quarterly*, Winter, 2003-4.

52. Об «иракских» программах вновь избранного правительства Сапатеро – см. *El Mundo*, 19 April, 2004.

53. PIPA, *Public Would Significantly Alter Administration's Budget*, media release, 7 March, 2005. О приблизительных расходах на войну – см. Linda Bilmes, *New York Times*, 20 August, 2005.

54. Jason DeParle, *New York Times*, 11 October, 2005; Jonathan Weisman, *Washington Post*, 21 September, 2005. См. также с. 327 данной работы.

55. В ходе поиска в средствах массовой информации за март 2005 г., который провел Дэвид Питерсон, не было обнаружено ни одного упоминания об отчете или о сделанных им находках.

56. Jacobs and Page, *American Political Science Review*, February, 2005.

57. Chicago Council on Foreign Relations, *Program on International Policy Attitudes, Americans on Promoting Democracy*, 29 September, 2005. См. также с. 214-215 данной работы.

58. Jeffrey Birnbaum, *Washington Post Weekly*, 27 June–10 July, 2005.
59. Elizabeth Drew, *New York Review of Books*, 23 June, 2005.
60. George Lardner, *Washington Post*, 17 August, 2001.
61. Jim VandeHei, *Washington Post Weekly*, 30 May–5 June 2005.
62. Kaitlin Bell, *Boston Globe*, 8 August, 2005; A Win for “Academic Bill of Rights,” *Inside Higher Ed*, 7 July, 2005; Kathy Lynn Gray, *Columbus Dispatch*, 27 January, 2005.
63. Michelle Goldberg, *Salon.com*, 6 November, 2003; Baruch Kimmerling, www.dissidentvoice.org, 29 March, 2005; Sara Roy, *London Review of Books*, 17 February, 2005.
64. Corey Robin, *Fear: The History of a Political Idea*, Oxford, 2004, p. 40.
65. Laurie Goodstein, *New York Times*, 31 August, 2005.
66. Frank James and Andrew Martin, *Chicago Tribune*, 3 September, 2005; Thom Shanker et. al., *New York Times*, 2 September, 2005; Robert Block et. al., *Wall Street Journal*, 6 September, 2005.
67. Sandra Postel (специалист по водной политике и экосистемам), *Christian Science Monitor*, 7 September, 2005; Edward Alden, *Financial Times*, 4 September, 2005; Edward Alden et. al., *Financial Times*, 2 September, 2005; Dean Baker, Center for Economic and Policy Research, *Economic Reporting Review* (online), 12 September, 2005; Paul Krugman, *New York Times*, 2 September, 2005.
68. John Wilke and Brody Mullins, *Marketplace*, column, *Wall Street Journal*, 15 September, 2005. По подсчетам Дина Бейкера, поощрения для частных школ составит почти 50 %. (Center for Economic and Policy Research, *Economic Reporting Review*, online, 26 September, 2005; см. также выпуск 12 September, 2005.) О поддержке продуктами питания и голоде – см. стр. 328 данной работы.
69. Tom Reifer, *Focus on Trade*, no. 113, *Focus on the Global South*, September; 2005; Seymour Melman, *After Capitalism*,

Кпорф, 2001 – в этой книге автор подытоживает и разрабатывает значительную часть своих предыдущих работ, устанавливая принципы для совершенно другого, более демократического будущего.

70. См. с. 226 данной работы.

71. Alan Murray, Wall Street Journal, August 3, 2005; Michael Schroeder and Suein Hwang, Wall Street Journal, 6 April, 2005; обсуждение и ссылки на многочисленные источники – см. Robin Hahnel, Panic Rules! South End, 1999, а также мою книгу Rogue States, глава 8. Об альтернативах – см. Robert Blecker, Taming Global Finance, Economic Policy Institute, 1999.

72. Timothy Egan, New York Times, August 21, 2005; David Himmelstein et al., Health Affairs, February 2, 2005. Краткое изложение – см. Kaytu Himmelstein, Dollars & Sense, July–August, 2005. См. также: David Himmelstein and Steffie Woolhandler, Mayhem in the Medical Marketplace, Monthly Review, December, 2004.

73. Опрос общественного мнения Гэллана Costs Hurt Those Who Need Healthcare Most, May 3, 2005; U.S. Trails Canada, Britain in Healthcare Ratings, 8 June, 2004, материалы доступны на сайте www.gallup.com.

74. Данные по теме – см. Phineas Baxandall, Dollars & Sense, May–June, 2001; Public Citizen, January 14, 2004 – сообщение об исследовании, опубликованном в «Международном журнале здравоохранения» (International Journal of Health Services). UN Development Report 2005, глава 2, доступна онлайн на сайте Программы развития ООН (United Nations Development Program).

75. Katie Hafner, New York Times, October 13, 2005; Vanessa Fuhrmans, Wall Street Journal, October 27 and 28, 2005; Centers for Medicare and Medicaid Services, Medicare and You (справочник), 2006.

76. Johnathan Weisman and Ceci Connolly, Washington Post Weekly, March 26–April 3, 2005.

77. Paul Krugman, New York Times, August 15, 2005. Анализ и освещение проблемы – см., в частности, еженедельные аналитические обзоры Дина Бейкера, публикуемые Центром экономических и политических исследований (Center for

Economic and Policy Research), и многочисленные статьи в рубрике Пола Кругмана в *New York Times*. Помимо многих других работ — см. Alicia Munnell, *Challenge*, March–April, 2005. Развитие событий — см.: Dean Baker and Mark Weisbrot, *Social Security: The Phony Crisis*, Chicago, 2001.

78. Chris Giles, *Financial Times*, May 2, 2005.

79. 2004 Annual Report of the Board of Trustees of the Federal Old-Age and Survivors Insurance and Disability Insurance Trust Funds, Table V.A2, Dependency Ratios.

80. Опрос общественного мнения Гэллага *Americans Insecure About Social Security*, April 5, 2005, материалы доступны на сайте www.gallup.com; Mark Weisbrot, Center for Economic and Policy Research release, February 3, 2005; Holly Yeager, *Financial Times*, April 20, 2005.

81. График анализа Главного контрольно-финансового управления США основывается на данных от государственных актуариев, а также из Бюджетного офиса Конгресса, с использованием статьи: Linda Feldman, *Christian Science Monitor*, January 5, 2006.

82. Опрос общественного мнения Гэллага *American Public Opinion About Retirement*, June 21, 2005, материалы доступны на сайте www.gallup.com.

Послесловие

1. Robert Pastor, *Condemned to Repetition*, Princeton, 1987.
2. Ali Abdullatif Ahmida, *Forgotten Voice*, Routledge, 2005.
3. Selig Harrison, *Financial Times*, January 18, 2006.
4. Ellen Knickmeyer and Omar Fekeiki, *Washington Post*, January 24, 2006; Charles Levinson, *Christian Science Monitor*, January 30, 2006. Об Осираке — см. «Гегемония или борьба за выживание», с. 25.
5. См. с. 122 данной работы, а также: «Гегемония или борьба за выживание», с. 157–158.

6. Anthony Bubalo, *Financial Times*, October 6, 2005; Shai Oster, *Wall Street Journal*, 23 January, 2006.

7. Aijaz Ahmad, *Frontline (India)*, October 8, 2005; Katrin Bennhold, *International Herald Tribune*, October 5, 2004. См. также: Victor Mallet and Guy Dinmore, *Financial Times*, March 17, 2005; Daniel Dombey et. al., *Financial Times*, January 26, 2006; David Sagner and Elaine Sciolino, *New York Times*, January 27, 2006.

8. Siddharth Varadarajan, *Hindu*, January 24, 2006; *Hindu*, January 25, 2006; *International Herald Tribune*, January 25, 2006; Fred Weir, *Christian Science Monitor*, October 26, 2005. См. Declaration of Heads of Member-States of Shanghai Cooperation Organisation (China, Russian Federation, Kazakhstan, Kyrgyz Republic, Tajikistan, Uzbekistan), July 5 2005, Astana, Kazakhstan; *World Affairs*, New Delhi, Autumn, 2005.

9. О предыстории ситуации см. — «Гегемония или борьба за выживание», глава 6.

10. NIC, *Global Trends*. Joel Brinkley, *New York Times*, October 25, 2005; Dan Molinski, *AP*, October 24, 2005. Политика Буша оттолкнула от США даже австралийцев, которые традиционно их поддерживали. Опрос, проведенный в 2005 г., показал: большинство опрошенных считали, что «внешняя угроза заключается как во внешней политике США, так и в исламском экстремизме», в двух одинаково острых и равноценных опасностях, тогда как по поводу Китая была обеспокоена лишь одна треть. Всего 58 % «оценивали США положительно, по сравнению с 94 % Новой Зеландии, 86 % Великобритании, 84 % Японии и 69 % Китая». Половина опрошенных приветствовала соглашение о свободной торговле с Китаем и только треть – соглашение с США. Tom Allard and Louise Williams, *Sidney Morning Herald*, 29 March, 2005.

11. Marc Frank, *Financial Times*, October 21, 2005; John Cherian, *Frontline (India)*, December 30, 2005 – с выдержками из главной ежедневной газеты Пакистана «Dawn».

12. Gwynne Dyer, *Guardian*, 25 October, 2005; Adam Thomson, *Financial Times*, December 11, 2005; Марк Вейсброт (Marc Weisbrot), экономист, содиректор Центра экономических и политических исследований (CEPR, Вашингтон), пресс-релиз Центра, 28 January, 2006.

13. Andy Webb-Vidal, *Financial Times*, January 3, 2005; Diego Cevallos, IPS, December 19, 2005; Weisbrot, CEPR release, January 28, 2006; *Water, Rogue States*, pp. 77–78.

14. Andy Webb-Vidal, *Financial Times*, March 13, 2005; Justin Blum, *Washington Post*, November 22, 2005; Michael Levinson and Susan Milligan, *Boston Globe*, November 20, 2005.

15. David Bacon, *Z magazine*, January, 2006; *Multinational Monitor*, September–October, 2005.

16. Scott Wilson and Glenn Kessler, *Washington Post*, January 22, 2006; Stephen Erlanger, *New York Times*, January 23, 2006.

17. Walt Bogdanich and Jenny Nordberg, *New York Times*, January 29, 2006. См. ссылки в примечании 14 к главе 4, а также с. 154 данной книги. Gregory Wilpert, комментарий в *Znet*, декабрь, 2005.

Указатель

MI-5, 32

Аббаси, Фероз, 71

Аббас, Махмуд, 268, 269, 279

Абрам, Моррис, 359

Абрамс, Эллиот, 197, 301

Абу-Грейб, 103

Авинери, Шломо, 270

Австралийская система здравоохранения, 342

Агентство международного развития США USAID, 240, 404

агрессия, определения, 103

Адамс, Джеймс Лютер, 346

Адамс, Джон Куинси, 140—146

Азербайджан, 222

Азиатский союз энергетической безопасности, 228, 394

Айялон, Ами, 286

Акт об ответственности Сирии, 48, 49

Албания, 106

Алиев, Ильхам, 222

Аллави, Ияд, 251, 254

Аль-Адад, Али, 256

Аль-Азхар, университет (Каир), 36

Аль-Ани, Эйман, 78

Альбек, Плия, 290

Альварес Мартинес, Густаво, 236

«Аль-Джазира», 77, 251, 265

Аль-Джумайли, Сами, 77—78

Альенде, Сальвадор, 175

«Аль-Каида», 35, 36, 37, 359

Аль-Мотассадек, Мунир, 55

Аль-Муфти, Нермин, 74—75

Аль-Систани, Али, 81, 250, 253

Аль-Хаким, Абдул Азиз, 229

Аль-Шибх, Рамзи бин, 55

Американская академия наук и искусств, 16

Американская ассоциация содействия развитию науки, 28, 351

американская революция, 180

американские индейцы, 9, 142, 143

Американский институт научных исследований, 47

Американский институт развития свободного труда AIFLD, 240

Американское общество международного 129, 149—156, 157

Бон, Майкл, 261

Боннхедер, Дитрих, 346

Босния, 36, 139, 153, 156

«Бостон глоуб», 123, 157, 355

Боуэн, Стюарт, 96

Бош, Орландо, 12, 56

Бразилия, 237, 398

Браун, Гарольд, 18

Брегман, Арон, 283

Брежнев, Леонид, 163

Бремер, Пол, 95

Бреттонвудская система, 338

Бринкли, Джоэль, 268, 305

Брук, Алан, 193

Брукс, Дэвид, 206

Бут, Макс, 13

- Буш, Джордж Герберт Уокер, и администрация Буша-первого, 89, 169, 197—198, 241, 301, 374—375
- Буш, Джордж Уокер, и администрация Буша-второго, 12; бюджет на 2005 г., 362—363; политика в сфере образования, 351, 373; глобальное потепление, 28; ядерная политика, 15—16, 19—20, 118—121; риторика администрации, 8, 196; администрация и «государства, укравшие террористов», 13—14; скандалы с пытками, 65—71
- бюджета дефицит, 350
- «Б'Целем», 295
- Бюро переписи населения США, 327
- Ван Кревельд, Мартин, 116
- «Вашингтон пост», 209, 348, 382, 392
- Веблен, Торстейн, 328, 333, 341
- Вейсберг, Джейкоб, 137
- Вейсброт, Марк, 385
- Великобритания, 121, 137; как имперская держава, 165, 166, 171; Великобритания и Ирак, 223—226; Великобритания и вторжение в Ирак — см. *Вторжение в Ирак в 2003 г.*; Объединенный центр разведывательных служб, 179; Великобритания и ядерное оружие, 110, 124, 194; нефтяные ресурсы, контроль над миром, 58; русские, представление о них, 193, 195; взятие Вашингтона в 1814 году, 141, 142; в качестве мишени терроризма, 32—33; во Второй мировой войне, 193—194
- Венесуэла, 10—11, 58, 180, 214—216, 397, 400, 402, 407
- Венская конвенция о консульских отношениях, 106—107
- Верховный суд США, 71
- Вибе, Роберт, 322
- Видал, Гор, 153
- Вилениц, Ами, 240
- Вильсон, Вудро, 140, 161, 180, 181, 189, 239, 318, 322; «красная угроза», 323, 334
- Военно-морской флот США, 93
- Военный колледж сухопутных войск, 112
- возобновляемые источники энергии, 363
- война в Персидском заливе 1991 г., 119, 143, 198, 276
- война во Вьетнаме, 86, 115, 184—199, 231
- «война» с наркотиками, 168, 169, 171, 189
- война с семинолами, 141, 142, 143
- война с террором, 50—57, 172, 246, 354
- Вонг, Эдвард, 229
- вооружения, продажа, 13, 293
- Восточная Германия, 44
- Восточный Иерусалим, 308, 309, 311
- Восточный Тимор, 137, 156, 212, 213
- «Врачи Израиля за права человека», 303
- Всемирный банк, 210—212, 245, 378
- Всемирный торговый центр, 36
- Всеобщая декларация прав человека, 69, 358, 359
- Вторая мировая война, 131, 133, 164, 190—194, 396, 403
- вторжение в Ирак в 2003 году, 78, 86, 104, 110, 158, 202, 228; Временная коалиционная администрация, 94—96, 255; расходы на вторжение, 362; количество погибших, 82—83, 86, 247; продвижение демократии, 24, 161, 197, 204—208, 249—258, 265—266; экономические условия после вторжения, 84—85; «стратегия выхода», 232, 361; нападение на Фаллуджу 2004; военные преступления, 74—80, 82—83, 161; иракское общественное мнение, 206, 232, 253, 254—258; грабежи после вторжения, 46—47, 85; планирование вторжения, 88—89; бомбардировки до войны, 42—43; частные охранные фирмы, 219; реконструкция, 95, 211, 148, 165; беженцы, 86; репарации за вторжение, 232; общественное мнение в США, 353, 359—361; война с террором и вторжение, 30—39, 44, 47, 48, 247; вывод оккупационных войск, 231, 253—256, 257; вторжение и оружие массового поражения, 30, 38—42, 43, 45—47, 204—205, 208, 359, 248
- вторжение в Ирак, 30—39, 45, 47—48, 247
- Вулфовиц, Пол, 116, 184, 205, 209—213
- Вулфф, Эдвард, 326
- высокотехнологичные отрасли, инвестиции в них Пентагона, 198—200
- Высший совет исламской революции (ВСИР), 229, 256

Вьетнам, 194, 346
Вюрр, Джульетт, 207

Гаага, 355
Газит, Шломо, 271
Гаити, 69, 100, 122, 140, 172, 180, 189, 239—242, 260, 311
Галлахер, Нэнси, 16—17
Гарвард Дивинити, школа, 56
Гарвардский проект «Исчезающий избиратель», 344
Гарднер, Дэвид, 314
Гватемала, 226, 237, 239, 243
Гергес, Фаваз, 36
Германия, 23, 193, 194
Гибсон, Магуйар, 47
Гитлер, Адольф, 41, 158, 203, 324
глобализация, 202—203, 335, 403
глобальное потепление, 27—29, 110
Гоббс, Томас, 372
Голдберг, Мишель, 371
Голдсмит, Питер Генри, лорд, 41—42
Голдстоун, Ричард, 149, 154
Гомес, Хуан Висенте, 58
Гондурас, 10, 56, 236
Гонсалес, Альберто, 65—67, 74
Гор, Эл, 344
Горбачев, Михаил, 22, 163, 168
Гордон, Джой, 93
Горовитц, Дэвид, 370, 372
Госс, Портер, 54
государства-изгои, 63—124, 170, 171, 173
Государственный департамент США, 10, 105, 151, 169, 177, 221
ежегодный доклад о состоянии прав человека, 358—359; перечень государств, поддерживающих терроризм, 48, 163, 168; Исторический отдел, 243
Гренелл, Ричард, 120
Греция, 183, 368
Гринспен, Алан, 199, 328, 284
Грозный, Чечня, 77
Грэй, А.М., 201
Грэхем, Томас, 121, 124
«грязные бомбы», 16
Гуантанамо, заключенные, 66, 68, 69, 71
«гуманитарная интервенция», эссе о ней Милля, 165
«Гуш Эмумин», 272
Гэддис, Джон Льюис, 140—141, 146, 148, 181—182, 192
Гэлбрейт, Джон Кеннет, 186
Гэлбрейт, Питер, 229

Гэллапа опросы общественного мнения, 331, 379, 385
Давиша, Адид, 266
Даллес, Джон Фостер, 224
Даль, Роберт, 317
Дарфур, убийства, 355
Дауэр, Джон, 187
Даян, Моше, 269
движение капитала, международное, 338
Декларация Южного саммита 2000 г., 129, 148
Делакура, Катарина, 250
Делэй, Том, 340, 382
демонизация врагов, 163, 329 ✓
демоническое мессианство, 323—330
Дениц, Карл, 131
Десаи, М. Дж., 186
Джейкоб, Лоуренс, 364
Джейкобс, Сет, 346, 367
Джексон, Роберт, 104, 105
Джексон, Эндрю, 141, 142—144
Джонсон, Линдон Бэйнс, его администрация, 368
«Джерусалем пост», 347
Дикер, Ричард, 356
Диллон, Дуглас, 178
Добрянски, Пола, 358—359
Договор о всеобщем запрещении ядерных испытаний, 121
Договор о нераспространении ядерного оружия, 110, 392—394; обзорная конференция 2005 г., 8, 110, 114—115, 120, 122—124
Договор о противоракетной обороне (ПРО), 121
Додж, Тоби, 42
докладные записки для Даунинг-стрит, 41, 42, 43, 44
«Доклад о развитии арабских стран», 265
доллар США, 228
Доминиканская Республика, 189
домино теория, 183—189
Дризен, Йочи, 254
Дьем, Нго Дин, 346
Дью, Элизабет, 366
Дьюи, Джон, 318
Дэшл, Том, 340
Дювалье, Жан Клод «Бэби Док», 90
Дюльфер, Шарль А., 92, 93, 360
Египет, 122, 263, 271
Женевские конвенции, 64, 65, 66, 67, 72, 76, 80, 87

- заболоченные земли, 375
Закон о банкротстве, 377—378
Закон о военных преступлениях, 65, 74
«Закон о вторжении в Нидерланды», 355
Западный берег реки Иордан, 28, 272, 279—280, 299, 311; израильские поселения, 268, 290—293, 295, 299—303, 305—312; сеть дорог, 397
Зартель, Идит, 289—290
здравоохранение, 348, 352, 354, 358, 379—383, 387
Зеликоу, Филип, 8
Зия-уль-Хак, Мухаммед, 26
Зогби опросы общественного мнения, 255, 385
Зунс, Стивен, 49, 72—73, 262

Игнатъефф, Майкл, 87
Иерусалим, 299, 307—309, 310
«избирательная география», пере-краивание выборных округов, 339—340, 367
изменение климата, 27—29, 110
Израиль, 11, 121, 137, 230, 267—312, 369, 392, 405; арабо-израильские войны, 270, 292, 307; правые христиане и Израиль, 346; проект Е-1, 299, 310; судебная система, 289—290; Израиль и Ливан, 49, 259—260; вторжение в Ливан, 1982, 44, 263; ядерное оружие, 115—116, 122; оккупированные территории, 49, 50, 72, 73, 79, 270, 271, 274; план размежевания, 299—307, 311; сеть дорог, 297; поселения на территориях, 268, 271, 275, 278, 279, 284, 289, 291—292, 295, 299—303, 305—312; см. также: Сектор Газа, Палестинцы; Разделительная стена на Западном берегу, 72—73, 272, 294, 295—296, 301, 307—308, 310; помощь США Израилю, 117, 263; отношения США с Израилем, 292—293; водные ресурсы, 73, 272, 291, 295, 303
Израильский политический форум, 282
изучение миротворчества, 371
Индия, 165, 228, 315, 335, 395; Индия и ядерное оружие, 22, 25, 119
Индокитай, войны, 185—189
Индонезийская армия, 212—213
Индонезия, 31, 194, 210, 226; страх распространения коммунизма, 183—184, 186, 187; вторжение в Восточный Тимор, 137, 156, 212—213; деятельность Вулфовица в качестве посла, 210—213
Инженерный корпус армии США, 375
Институт Брукинга, 257
интересы корпораций и государственная политика, 173—174, 239—240, 317—319, 349—350, 364, 374—388; реклама, 340—342; корпорации как юридические лица, 319; закрепление государственно-корпоративного контроля, 365—374; лоббисты, 333, 366; «новый дух времени», 322, 388
Интернет, 356
информационные технологии (IT), политика их государственного финансирования, 351
Иордания, 225, 276, 288; продажа иракской нефти в Иорданию, 92, 97
Ирак; британское управление, 223, 266; голосование по проекту конституции, 81; выборы в Ираке, 77, 203, 250—253, 255, 392, 403; Ирано-иракская война, 45—46; Национальный комитет по суверенитету, 256; запасы нефти, 28, 47, 48, 59, 60, 159, 224, 225, 229; режим Касима, 224; санкции против Ирака, 81, 88, 89—93, 100, 231, 265—266, 314; иракские шииты, 51, 227—230, 251, 253, 256; программа ООН «Нефть в обмен на продовольствие», 91, 92—93, 94, 96—100; помощь правительству Ирака от США в 1980-х гг., 45—46
Иракская комиссия по подсчету убитых, 83
Иракская Национальная гвардия, 78
Иракское отделение Красного Полумесяца, 78
Иран, 237, 368, 394; Иран и продвижение демократии в Ираке, 203—204, 227; крепнувшие связи с Ираком, 227—229; кризис с заложниками 1979 года, 107, 112, 265; скандал Иран-контрас, 2361; Ирано-иракская война, 45—46; программы разработки ядерного оружия, 46, 114—120, 122, 391—392; запасы нефти, 116, 228; свержение шаха, 63, 115, 264; иранс-

кие реформисты, 265; американские санкции, 100, 117
«Исключений, договоренностей, деклараций» статус, 102
исключительность, 164—167, 248, 315
исламисты, 26, 30—39
Испания, 55, 93, 99, 141, 142—143, 209, 361
исследовательские центры, 216
Исследовательский центр Пью, 348
историческая память народа, 22—223
Италия, 99, 182, 208
Каган, Роберт, 55
Каддафи, Муаммар, 106
Кадир-Хан, Абдул, 27
Кадоген, Александр, 194
Казахстан, 221
Камбоджа, американские бомбардировки страны, 138
Камп, Карлхайнц, 152
Канада, 146, 397
Кандиль, Абдель-Хаким, 264
канцлерский суд штата Делавэр, 319
Капелюк, Амнон, 260, 303
Карибский ракетный кризис, 15, 109
Каримов, Ислам, 219
Карлуччи, Фрэнк, 151
Карозерс, Томас, 233, 234, 238, 239, 249, 250, 258, 389
Карр, Джо, 79
Картер, Джимми, и администрация Картера, 333, 390; ядерная политика администрации, 18—19, 123—124
Картрайт, Джеймс, 9, 19
Касим, Абдул-Карим, 223, 224, 225
Кастри, Роберт Стюарт, лорд, 145
Кастро, Фидель, 178—180
Катар, 251
«Катрина», ураган, 363, 374—377
кафедры Ближнего Востока, в университетах, 371
Кей, Дэвид, 360
Кейнс, Джон Мэйнард, 338
Кейси, Ли, 70—71
Кеннан, Джордж, 58, 183, 187
Кеннеди, Джон Фитцджеральд, 109, 168, 178, 179—181, 225; Кеннеди и Вьетнам, 184—185
Кеннеди, Роберт, 178
Керри, Джон, 72, 339, 345, 347, 359
Кертис, Марк, 129
Кимболл, Уоррен, 191—192
Киммерлинг, Барух, 305, 372

Кин, Томас, 50
Кинсли, Майкл, 10
Киотский протокол, 29, 130, 347, 354, 407
Кипр, 260
Киркпатрик, Джин, 136—137, 359
Киссинджер, Генри, 116, 138, 175, 195, 271
Китай, 165, 228, 335, 355, 393—396; Израиль, продажа оружия, 293; вторжение Японии, 158, 164—165; Китай и ядерное оружие, 13, 17, 20, 21, 22, 24
«Кифайя» («Довольно!»), египетское движение, 259, 263
Кларк, Уэсли, 151, 154, 157
Клингхоффер, Леон, 261
Клинтон, Билл, и администрация Клинтона, 94, 98, 99, 128, 168—170, 184; интервенция в Гаити, 154, 172; администрация и вторжение Индонезии в Восточный Тимор, 137; ближневосточная политика, 263, 279, 280—282, 285, 309—310; ядерная политика, 17—18, 22—23, 38, 39; администрация и космическое оружие, 17—18; одностороннее применение военной силы, 18, 135, 149
Колберн, Патрик, 84, 89, 250
Колумбия, 312, 404
Комиссии по установлению истины, 243
Комиссия ООН по международному праву, 64
Комиссия по расследованию событий одиннадцатого сентября, 50
Коммунистическая партия Индонезии, 188
Конвенция о геноциде, 102
Конвенция по биологическому и токсинному оружию (BTWC), 46
Констан, Эммануэль, 56, 242
Корб, Лоуренс, 119
Кордсмен, Эндрю, 256
Корнблук, Питер, 236
Королевский институт международных отношений (Чатем-Хаус), 32, 221
космоса милитаризация, 17, 18, 19, 20—21, 70, 121
Косово, 44, 87, 139, 149—151, 155, 156
Коста-Рика, 244, 245
Коумер, Роберт, 225
Кох, Харольд, 101
Коэн, Уильям, 157

- креационизм, преподавание, 373
кредитные карты, отрасль, 378
Кретцмер, Давид, 274
Крок, Артур, 133
«Хроникл оф Хайер Эдьюкейшн», 372
Кроуфорд, Тимоти, 192
Кругман, Пол, 376
Куба, 52, 53, 69, 146, 177—180, 197, 397—400
Кувейт, 147, 198, 225
Кук, Робин, 124
Кулл, Стивен, 256, 360
Куртцер, Дэвид, 309
Кэмп-Дэвид, переговоры 2000 г., 278, 279—282, 283—285, 296
Кэмп-дэвидские соглашения, 1979 г., 271, 272
Кэри, Бенедикт, 312
- Лави, Эфраим, 286
«Ланцет», 82, 83, 84, 86
«Ла Пренса», 244
«Латинобарометр», опрос общественного мнения, 215
Латинская Америка, 107, 110—112, 149—158; *см. также по отдельным странам* 168, 174—176, 233—248
Леви, Гидеон, 298
Левинсон, Сэнфорд, 65, 66
Лейбовиц, Иешайяху, 289
Летельер, Орландо, 176
Либерия, 180
Ливан, 224, 260—262; израильское вторжение, 1982, 44, 263; Сирия и Ливан, 49, 262
Ливия, 106, 225
Линд, Майкл, 57
Липман, Уолтер, 364
Ллойд-Джордж, Дэвид, 114
Лонгли-Кук, Эрик, 195
Лондон, взрывы на общественном транспорте в 2005 году, 32, 33, 36, 375
Лондон, Джек, 329
Лорд, Лэнс У., 20
Лугар, Ричард, 16
Люттуок, Эдвард, 82
- Маалех-Адумим, 301, 309, 310
«Маарив», 297
Майер, Арно, 170
Макгрил, Крис, 297, 298
Макгауйр, Майкл, 22, 109—113, 120
Макнамара, Роберт, 15, 120—121, 194
Макчесни, Роберт, 317
- Малка, Амос, 286
Мампер, Ларри, 370
Маньчжурия, 158, 164
Маркос, Фердинанд, 90, 211
Марсинковски, Джим, 53
Мартин, Пол, 123
Маршалл, Джордж К., 133 ✓
Массачусетский технологический институт (MIT), 116
Махли, Камиль, 90—91
«Медикэр» и «Медикэйд» программы, 332, 382, 386
медицинские сберегательные счета, 381
Межамериканская комиссия по правам человека, 71
«Международная амнистия», 68—69, 357
международная помощь, 8—9
Международное агентство по атомной энергии (МАГАТЭ), 112, 114, 115, 122, 254
Международное право, самоосвобождение от него, 36, 60—124, 129, 149; как особенность несостоятельных государств, 4, 61, 173
Международный валютный фонд (МВФ), 184, 378, 399, 402
Международный комитет Красного Креста (МКК), 70—71, 78, 275
Международный республиканский институт, 257
Международный суд, 56, 102, 106—107, 119, 159, 255, 275, 355, 407; о разделительной стене в Израиле, 72; террористическая война США против Никарагуа, 10, 44, 56—57, 102—107, 245—246
Международный уголовный суд, 354, 407
Мейр, Голда, 270
Мексика, 14, 106, 107, 140, 146, 147, 405
Меллори, Лестер, 178
Мелман, Сеймур, 377
«Миллениум Челлендж Корпорэйшн», 8
Миллер, Джеффри, 68
Миллер, Джудит, 275, 277, 279, 280, 285
Милль, Джон Стюарт, 165
Милошевич, Слободан, 138, 151
Министерство внутренней безопасности, 375
Министерство обороны США, 7, 22, 52, 107; бюджеты, 198; планы вторжения в Ирак, 88—89; систе-

мы безопасности ядерного оружия, 25—26; планы после эпохи «холодной войны», 200—202; космические вооружения, 9, 19—20
Министерство Труда США, 327
Министерство финансов США, 338; Отдел по контролю за иностранными активами, 52
Министерство Юстиции США, 12, 56, 70, 323; Отдел правовых консультаций, 65
Мирсхаймер, Джон, 119
Миссия ОБСЕ по контролю в Косово, 151
Мойнихен, Дэниел Патрик, 136—137
Моллаби, Себастиан, 209—210
Монро, Джеймс, 141, 143
Монт, Риос, 235
Монтен, Джонатан, 248
«Моральные ценности», 349, 350—352, 358
Моратинос, Мигель, 283
Моррис, Бенни, 272, 276, 286—288, 290
Моррис, Роджер, 225
Мосли, Майкл, 42—43
Мофаз, Шауль, 293, 300
Мубарак, Хосни, 263
Муссолини, Бенито, 158
Мэдисон, Джеймс, 319
Мэннинг, Дэвид, 43
Мюллер, Роберт, 11
Мюррей, Крэйг, 219, 221

Нанн, Сэм, 16, 24
Насер, Гамаль Абдель, 224
Натан-Зада, Эден, 299
НАТО (Организация североатлантического договора), 396; бомбардировки Сербии, 102, 119, 128, 129, 149—156, 157; расширение НАТО, 22, 23; безъядерные зоны, 23
научно-исследовательская деятельность, 199, 342, 373—374
Научно-исследовательская лаборатория ВМФ, 52
национализм, страх США перед независимостью, 174—190; «заразительные примеры», 175, 179, 182—188, 143—144
национальная автономия, 336
Национальная академия наук, 27
национальная стратегия безопасности, 129, 135, 136, 198
Национальные архивы безопасности, 15, 236

Национальный арктический парк, 59
Национальный институт здравоохранения, 199
Национальный координатор по информационным технологиям в здравоохранении, 381
Национальный музей Ирака, 47
Национальный совет разведывательных служб, 30
Национальный фонд развития демократии, 205, 206, 240
нацистская Германия, 66, 83, 99, 104, 121—122, 342—325, 347
Невинс, Джозеф, 212
Негби, Моше, 289
Негропонт, Джон, 56, 236
«недочеловеки», 123—124, 201, 312—316
Независимая международная комиссия по Косово, 149
неолиберализм, 334—339, 400
неравенство, 327
несостоятельные государства, 141; «дефицит демократии», 4, 109, 330; неспособность защитить граждан от насилия, 3—5, 61, 173; самоосвобождение от внутреннего или международного права, 4, 61, 173; представление о них США, 170, 171—174
Нетаньяху, Биньямин, 278, 283, 285, 300
нефтяные ресурсы, контроль основных мировых источников, 57—61, 183, 220, 221—224, 228, 230, 313, см. также по отдельным странам
Никарагуа, 189, 239, 243—246, 252—253; выборы 1984 г., 218, 406; выборы 1990 г., 245; режим Сомосы, 56, 243; террористическая война США против Никарагуа, 11, 103—104, 218, 243—247, 301; иск в Международный суд, 56, 71, 102—107, 246
Никсон, Ричард, 138
Нимитц, Честер, 131
Нитце, Пол, 196
Новый Орлеан, ураган «Катрина», 363, 373—377
Норвежский Институт прикладных социальных наук, 85
Нортон, Огастес Ричард, 204, 207
Норьега, Мануэль, 107, 198
«Нью-Йорк таймс», 75, 83, 106, 114—115, 134, 140, 188, 217, 222, 227, 245, 267, 275, 276, 286, 313, 314

- «Ньюсуик», 353
 Нюрнбергский трибунал, 64, 67, 103, 105, 126, 129—131
 образовательная политика, 351, 354, 369—374
 общественное мнение; в Ираке, 206, 232, 253, 254—258; среди мусульман, 313—315; в США, 3, 130, 149, 330, 344, 349, 352, 353—365, 379, 385; о здравоохранении, 347—348; о Киотском протоколе, 29, 130, 354
 Объединенный комитет начальников штабов США, 184—185
 одиннадцатое сентября, 2001 г., 50, 132, 314; реакция мусульман, 36, 312—314
 Оз, Амос, 282
 Окампо, Хосе Антонио, 334—337
 «Оксфорд Рисерч Интернэшнл», 255
 Октябрьская революция в России, 114, 115
 Олбрайт, Мадлен, 136, 184
 Олдрич, Ричард, 194
 Олифант, Томас, 51
 Ольмерт, Эхуд, 308
 ООН, «Отчет о развитии человечества за 2005 год», 280—381
 ООН, 107—108, 354, 360—363; полномочия, оспариваемые США, 135—136
 ООН, Всемирная продовольственная программа, 84—85
 ООН, Всемирный саммит 2005 г., 126, 148, 215, 354
 ООН, Генеральная Ассамблея, 104, 121, 277, 307
 ООН, Декларация о праве на развитие, 359
 ООН, Комиссия высокого уровня по переменам, угрозам и вызовам, 126, 127—128, 148, 149, 354
 ООН, Комитет по разоружению, 121
 ООН, Конвенция о запрещении пыток и другого жестокого, бесчеловечного или унижительного обращения или наказаний UN, 66, 101, 102
 ООН, Конвенция о правах ребенка, 357
 ООН, Многонациональные временные силы, 94
 ООН, Программа развития, 265
 ООН, Совет Безопасности, 10, 56, 71, 114, 123, 246, 260, 261, 274, 307, 354, 355, 356; уполномочивание на применение силы, 125, 149; программа для Ирака «Нефть в обмен на продовольствие», 62, 63, 92, 96; СБ и сирийско-ливанский конфликт, 49; вето США в связи с Израилем, 293
 ООН, Устав, 103, 104, 125—126, 148, 149, 157, 354, 407; Статья 81, 126
 Операция «Кондор», 176
 опросы общественного мнения Энби-си и «Уолл-стрит джорнел», 348
 Организация американских государств (ОАГ), 63, 70, 103, 247
 Организация освобождения Палестины (ООП), 44, 260, 274
 Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), 151
 Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), 350
 «Ось зла», 170
 Офис по надзору за информационной безопасностью, 367
 О'Шонесси, Хью, 215
 Пайк, Джон, 19
 Пакистан, 22, 25, 26, 398
 палестинцы, 49, 73, 159, 161, 261, 267—312; Бейкера план, 277; западный берег Иордана, 273, 299; выборы, 267, 268; интифады, 264, 272, 284; беженцы, 284, 287, 296; двугосударственное урегулирование, 273—284; водные ресурсы, 73, 272, 291, 295, 303; *см. также: Сектор Газа, Израиль, Оккупированные территории, Западный берег.*
 Панама, 107, 197
 Паунэлл, Генри, 194
 Пауст, Джордан, 67—68
 Пауэлл, Колин, 136, 209, 220, 246—247, 330
 Педатзур, Рёвен, 13, 16, 187, 289
 Пейдж, Бенджамин, 364, 367
 Пейп, Роберт, 35
 Пендергаст, Том, 193
 Пентагон: См. Министерство обороны США,
 «Пентагон Пейперс», 189—190
 перевод заключенных, 34, 67
 переговоры в Табе, 2001 год, 282—284
 Перес, Луис, 178
 Перес, Шимон, 260, 276, 309
 Перри, Уильям, 15
 Пехлеви, Мохаммед Реза, шах, 29, 63, 73, 170

Пиночет, Аугусто, 68, 175—176
Пинтер, Гарольд, 153
Пирсон, Лестер, 184
План размежевания, 300—306, 311
Плейм, Валери, 53
«Политика» (Аристотель), 320
Полк, Джеймс, 144
Поллин, Роберт, 335
Посада Каррилес, Луис, 10—11, 56
Постел, Сандра, 375
права человека, 149, 358—359
Прадос, Джон, 40, 204
превентивная война, 20, 39, 127
президентские выборы в США,;
1980, 330—332; 1984, 332; 2000,
205318, 323, 339, 344; 2004, 322,
330—332, 339, 344, 346—349, 388
президентские помилования, 12, 56,
98
приватизация сферы услуг, 337
применение силы, 129, 154—155,
156—159, 172
Программа по изучению мнений о
международной политике (PIPA),
359
программы реструктуризации дол-
га, 378
продвижение демократии за рube-
жом, 105 161—162, 197, 203; Ча-
вес, 214—216; Ближний Восток,
259—316; выраженная преем-
ственность в политике США в
эпоху после «холодной войны»,
233—258, 263, 314—316, 386—
387; послужной список Вулфови-
ца, 205, 209—214; продвижение
демократии в Америке, 317—388,
408—409; «кризис демократии»
1960-х годов, 333; демоническое
мессианство, 323—330; отцы-ос-
нователи, 319—322; неолибера-
лизм, 337
продовольственные талоны, 328
Проект «Кей-стрит», 366
Проект «публичные дискуссии по
одинадцатому сентября», 50
процент заключенных, 108, 356—
357
Пундак, Рон, 279, 282, 284, 286
Путин, Владимир, 77
пытки, 65—70, 82—83, 101
Рабин, Ицхак, 278
разумная последовательность во
внешней политике США, 174—
180
Ран, Милан, 83

Райкрофт, Мэттью, 43
Райс, Кондолиза, 69, 106, 129, 135—
137, 221,
Рамон, Хаим, 307
Рамсфельд, Дональд, 16, 20, 34, 46,
54, 68, 95, 116
Рассел, Бертран, 7, 23, 159
«Расул и другие против Буша», 71
Рашид, Джамаль, 261
Рейган, Рональд, и администрация
Рейгана, 168, 176, 356, 368; про-
движение демократии за рубежом,
161, 233—238, 242; выборы 1980
и 1984 гг., 331—333; администра-
ция и Хусейн, 49, 169; админист-
рация и Никарагуа: см. *Террористическая война США против Ни-
карагуа*; террористическая война
против радикальных исламистов,
22, 26; Самоосвобождение от дей-
ствия международного права, 7
«Рейтер», 78
Рейфер, Том, 377
Рейч, Роберт, 318
религия и политика в США, 345
Ривкин, Дэвид, 70
риторика нравственности, 8—9, 145
Рифф, Дэвид, 152
Рич, Марк, 98
Ричардс, Алан, 250
Ро Му Хен, 118
Робеспьер, Максимилиан, 66
Робин, Кори, 373
Роджерс, Джоэл, 331
Рой, Сара, 302, 372
Росс, Деннис, 285
Россия, 181, 222, 252; системы ран-
него оповещения о ядерном уда-
ре, 24; ядерная политика США и
Россия, 20, 24, 25; см. также *Со-
ветский Союз*
Роулс, Джон, 63
Рубинштейн, Дэнни, 308
Рузвельт, Франклин Делано, 133,
191—192
«Рэнд Корпорэйшн», 248
Садат, Анвар, 270—271
Саймон, Стивен, 35
Сакс, Джеффри, 8
Сальвадор, 216, 218, 219, 235, 243,
312
«Сандей таймс» (Лондон), 41
санкции против Ирака — см. Ирак,
48, 100, 117
Санчес, Риккардо, 68
Саудовская Аравия, 143, 230, 393;

- нефтяные ресурсы, 60, 228; война в Персидском заливе и Саудовская Аравия, 198; шииты, 227, 315; американские военные базы, 36, 253—254
- свобода научная, 369—373
- Севан, Бенон, 96, 97, 99—100
- Северная Корея, программа по созданию ядерного оружия, 114, 118
- Североамериканское соглашение о свободной торговле (NAFTA), 337, 397
- секретность правительства, 368
- секретные правительственные документы, 368
- Сектор Газа, 80, 187, 294
- Сербия, 44; бомбардировки НАТО, 102, 119, 128, 129, 149—157
- Сербы, 74, 155
- Сесе-Секо, Мобуту, 211
- Сионизм, 287, 296
- Сирия, 44, 49, 97, 177, 260—262
- Скауэрофт, Брент, 126
- Скиаво, Терри, 382
- Слейтер, Джером, 286
- Слотер, Энн-Мэри, 158
- Смит, Адам, 9, 166, 320, 337, 341
- Совет национальной безопасности, 313, 314; меморандумы, 182—183, 196—197
- Совет по оборонным исследованиям, 313—314
- Советский Союз (СССР); гонка вооружений с США, 180—181; «холодная война» — см. *«Холодная война»*; распад СССР, 112, 197; создание ложного впечатления с целью навязать применение силы, 110, 120, 163, 167; во Второй мировой войне, 191—194; см. также *Россия*
- «соглашения о свободной торговле», 336—337, 341, 364, 399
- Соглашения Осло, 277—279
- сокращение налогов, 51, 362—363, 376—377
- Сомосы режим, 56, 243, 390
- Софаер, Абрам, 71, 105
- «Социальное обеспечение», 229, 332, 383—388
- Справедливой войны теория, 87
- Сребреница, массовые убийства, 74, 139, 156, 157
- Сталин, Иосиф, 191, 203
- Старый и Новый Свет, различия между ними, 208
- Стейнберг, Матти, 268
- Стейнбрунер, Джон, 16—17
- Стивенсон, Адлай, 185
- Стратегическое командование, STRATCOM, 18
- Сухарто, 90, 184, 195, 203, 210, 211, 212
- Сэд, Эдвард, 87
- Тайлер Джон, 146
- «Таймс» (Лондон), 41
- «Талибан», 132
- Тантави, шейх, 36—37
- Тацит, 145
- Тейлор, Телфорд, 105, 130
- Теллес, Дора Мария, 56
- Тенет, Джордж, 30, 42
- Территория Орегон, 92, 94
- терроризм, 168, 367; определения, 57; ядерное оружие и терроризм, 9, 25, 50—51; война с террором — см. *Война с террором*.
- террористы-смертники, 34
- «Тексако», 99, 241
- «теория разумного начала» (креационизм), преподавание, 373
- Техаса аннексия, 146
- «Тиссен-Крупп», 117
- Токвиль, Алексис де, 9
- Токийского трибунала определения, 130
- Толстой, Лев, 36
- торговый дефицит, 350
- Торричелли, Роберт, 178
- «Транспэрэнс Интернэшнл», 210
- Трауб, Джеймс, 153
- Трехсторонняя комиссия, 333
- Трибунал по бывшей Югославии, 131, 138
- Трумэн, Гарри, 192, 333
- Трумэна доктрина, 163, 183
- Тунис, бомбардировки Израилем, 260—261, 262
- Туркменистан, 222
- Турция, 92, 93, 94, 97, 209
- Тэтчер, Маргарет, 176, 381
- Уайт, Гарри Декстер, 338
- Узбекистан, 219, 220, 221
- Уикс, Уильям Эрл, 141—145
- Уилер, Николас, 156
- Уилсон, Джозеф, 53
- Уильямс, Йен, 265
- Уинтерс, Джеффри, 210
- Уитмен, Уолт, 147
- Украина, 23
- универсальности принцип, 8—9, 57, 105, 127; отказ от него, 129—133
- Уокер, Томас, 217, 243

Уолл, Дэвид, 221
«Уолл-стрит джорнел», 55, 81, 97,
250, 254, 314, 348, 350, 374, 377,
382

Уолшер, Майкл, 87

Уолш, Джеймс, 27

«упреждающий удар», 7, 20, 95, 118,
129, 130, 134—140, 354, 359; пре-
цеденты, 140—148

уровень детской смертности, 381

Уэбстер, Дэниел, 126

Уэйд, Роберт, 335

Фадхиль, Али, 78

Файнару, Стив, 85

«Файнэншл таймс», 28, 94, 209, 375

Фаллуджа, Ирак, 37, 74—80, 103,
252

Фаллуджи главная больница, 75, 76,
77—79

фармацевтические компании, 342,
343, 349

фармацевтические компании, 342,
343, 349

Федеральное агентство по чрезвы-
чайным ситуациям (FEMA), 374

Фелдман, Ноа, 205

Фергюсон, Нилл, 152

Фергюсон, Томас, 317, 331

Фигуэрес, Хосе, 218

«Философия революции» (Насер),
224

финансовая либерализация, 338

Фиск, Роберт, 84

Фишер, Йошка, 221

Флориды завоевание, 141, 142—145

Фолк, Ричард, 87—88, 133

Фолькер, Пауль, 93, 98

Фон Гумбольдт, Вильгельм, 351

Фон Хиппел, Франк Н., 112

Фон Шпонек, Ханс, 91, 92

Фонд ближневосточного мира, 297

«Форин Афферс», 135, 136, 222, 327

Франклин, Брюс, 329

Франция, 137, 180, 241; мировое
мнение о Франции, 14; в роли им-
периалистической державы, 166;
война в Ираке, мнение спецслужб,
33—34; Франция и Вьетнам, 184,
185, 190

Фридман, Томас, 24, 276

Фрил, Говард, 133

Фрист, Билл, 40

Хаджариан, Саид, 100

«Хаджи-Мурат» (Толстой), 36

Хайдеггер, Мартин, 164

Халл, Корделл, 133

«Халлибертон», 95

«Хамас», 267, 268, 392, 405

Хантингтон, Сэмюель, 162, 164, 168,
174, 203, 333

Харири, Рафик, 259

Харриман, Эд, 43, 95

Хасс, Амира, 291, 303, 306, Хоук Боб,
212

Хеджес, Крис, 347

«Хезболла», 262

Хиетала, Томас, 146

химическая промышленность, 51

Хирохито, император Японии, 164

хлопок, монополия, 146

Хо Ши Мин, 189, 190

Ходжа, Энвер, 106

Холлидей, Дэнис, 91

холодная война, 103, 124, 167, 174,
181—190, 238, 243; окончание
«холодной войны», 196—202

Хомейни, аятолла Рухолла, 229

Хомский, Ноам, 153

Хоуг, Уоррен, 97

христианские фундаменталисты,
347

Хрущев, Никита, 181

Хулагу-хан, 84

Хусейн, Саддам, 36, 53, 89, 96, 201,
203, 225, 232; Хусейн и Кувейт,
147, 198; Хусейн и администрация
Рейгана, 49, 163; Суд над Хусейн-
ном, 163; Хусейн и санкции ООН,
90—91

Хьюз, Карен, 207

«Хьюман Райтс Уотч», 68, 222, 357

цензура, 252—253

Центр стратегических и междуна-
родных исследований (CSIS), 33,
34

Центр экономических и политичес-
ких исследований, 335

Центральное разведывательное уп-
равление (ЦРУ), 11, 55—56, 188,
225, 242, 259; ЦРУ и Балканские
войны, 44; ЦРУ и Гондурас, 236;
ЦРУ и вторжение в Ирак, 30—31,
54; ЦРУ и Норвега, 107, 198; ин-
цидент с Плейм, 53

Циглер, Жан, 80, 85

Цугхайер, Кемаль, 261

Чавес, Уго, 214—215, 399—401

Чаушеску, Николае, 90

Чейес, Абрам, 102—103

Чейни, Дик, 54, 95, 116

Черчилль, Уинстон, 194
Чехословакия, вторжение в страну
Гитлера, 158
Чечня, 25, 36, 77, 161
Чили, 175, 237, 398
Чон Ду Хван, 90

Шадид, Энтони, 85
Шалом, Авраам, 288
Шамир, Ицхак, 276
Шанхайская организация сотрудни-
чества, 228
Шарон, Ариэль, 268—269, 297, 299,
301, 305, 309, 311
Шейер, Майкл, 37
Шейх-Саад, 296
Шенно, Клэр Ли, 133
Шенон, Филип, 50
Шифф, Зеев, 293
Школа права Университета Майа-
ми, 241
Шлезингер, Артур, 15, 178, 179, 185
Шмит, Карл, 66, 105
Шохат, Орит, 304
Штерн, Фриц, 324, 325, 347, 372
Шульц, Джордж, 168, 260

эволюция, преподавание, 373
«Эй-би-си ньюс», 252, 348
Эйзенхауэр, Дуайт Дэвид, и админи-
страция Эйзенхауэра, 44, 184, 313;
политика в отношении Кубы, 178,
179; администрация и Насер, 224;
администрация и Вьетнам, 346
Эйнштейн, Альберт, 7, 14, 159
Эйхенгрин, Барри, 339
экологическая катастрофа, 1; гло-
бальное потепление, 27—29, 110
«Эксон-Мобил», 60
экспансионизм, американский, 93—
94, 141
экстрадиция, 10—13, 55, 242
Эллисон, Грэм, 12—13, 16, 113
Элон, Амос, 324
Эль-Барадей, Мохаммед, 112, 113,
114, 118, 120
Эльдар, Акива, 290
Эмерсон, Ральф Уолдо, 147
энергетическая политика США на
2005 г., 59

«Энергетические перспективы:
взгляд на 2030 год» («Эксон-Мо-
бил»), 60—61
Эрец, Хаим, 304
Этран, Скотт, 31
Эфиопия, 158

Южноафриканская Республика, 100
Южное командование (Southcom),
169
ЮНЕСКО, 356

ядерное оружие и ядерная война,
13, 14—26, 38—39, 123; случай-
ный пуск ядерных ракет, 15, 24,
26; гонка вооружений с СССР,
181; Инициатива гарантированно-
го доступа к ядерному топливу и
услугам (ANFSI), 113; расходы на
уничтожение, 110; Карибский
кризис, 14—16, 109; расщепляе-
мые материалы, 119; Договор о
прекращении производства расще-
пляющихся материалов
(FISSBAN), 112, 121, 122; обеспе-
чение безопасности, 16; Договор
о нераспространении ядерного
оружия — см. *Договор о нераспро-
странении ядерного оружия*; ядер-
ное разоружение, 111, 112, 113—
121; ядерное оружие в космосе,
17—20, 110, 121—122; террорис-
ты и ядерное оружие, 15—16, 25,
50—51; угроза ядерной войны, 3,
14—15, 109—111, 123, 125; пере-
возка оружия, 25; агрессивный
милитаризм США и ядерная вой-
на, 27, 115—118

Яковлев А.В., 97
Ямит, 270, 303—304
Янг, Найджел, 78
Янкелович, Дэниел, 345
Япония, 183, 187, 223, 315, 323, 390,
394; вторжение в Маньчжурию,
158, 164; Иран и Япония, 117; во
Второй мировой войне, 132—133,
164, 193—194
Ясин, Ахмед, 37, 294
Ясир, Арафат, 267, 269, 274, 275—
279, 285, 286, 287, 404

Оглавление

Предисловие	3
Глава 1	
Острый, пугающий и неизбежный выбор	7
Угроза тотального уничтожения	14
«Грядущий апокалипсис»	23
Ирак и «война с террором»	30
Ирак и демократия свободного мира	39
Расстановка приоритетов: террор и подлинные интересы	45
Глава 2	
Государства-изгои	63
Пыточные скандалы	65
Военные преступления и преступления против человечества	74
«Держи вора!»	88
«Самоосвобождение»	101
Закон как фундамент, на котором зиждется выживание	109
Глава 3	
Незаконная легитимность	125
Принцип универсальности	127
Право применения силы: прецеденты	140
Нормативная революция	148

Глава 4

Продвижение демократии за рубежом	161
«Принцип собственной исключительности»	164
Как создаются ложные впечатления	167
«Рациональная последовательность»	174
«Неоспоримое могущество»	190
«Примкнувшие к демократизации»	203
«Выраженная преемственность»	233

Глава 5

Ближневосточная политика США: свидетельства	259
Израиль и Палестина	267
Недочеловеки и их взгляд на события	312

Глава 6

Продвижение демократии в США	317
«Новый дух нового времени»	318
Демоническое мессианство	323
Выборы 2004 года	330
«Обманывать и подавлять общество»	339
Общественное мнение и государственная политика	353
Закрепление государственно-корпоративного контроля	365
«Свободный путь для бизнеса»	374
Послесловие	389
Примечание	411
Указатель	463

Ноам Хомский
НЕСОСТОЯТЕЛЬНЫЕ ШТАТЫ

Главный редактор И. Новиков
Выпускающий редактор Е. Шагина
Художественный редактор Л. Меркулова
Корректор А. Максимова
Компьютерная верстка Е. Шагиной

Налоговая льгота — общероссийский классификатор
продукции ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Подписано в печать 10.09.07 г. Формат 84 x 108/32.
Бумага офсетная. Гарнитура «Georgia».
Печать офсетная. Усл.-печ. л 25,2. Тираж 2000 экз.
Заказ № 4691.

ООО «Издательство СТОЛИЦА-ПРИНТ»
125252 Москва, 2-я Песчаная ул., д. 4. Тел. (495) 411-51-57
E-mail: stolitsa-print@yandex.ru

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Дом печати — ВЯТКА»
610033, г. Киров, ул. Московская, 122

По вопросам приобретения книг издательства
«СТОЛИЦА-ПРИНТ»
обращаться в книготорговую фирму
«СТОЛИЦА-СЕРВИС»
по тел.: (495) 375-36-73, 375-24-33, 375-32-11;

Читайте в серии «Точка зрения»

НОАМ ХОМСКИЙ

**Гегемония или борьба
за выживание**

Издательство «Столица-Принт» представляет новую серию

Книга Ноама Хомского «Гегемония или борьба за выживание», моментально ставшая бестселлером в США, наглядно показывает, как на протяжении более полувека Америка активно проводит в жизнь свою грандиозную имперскую стратегию во всем мире.

Американское руководство проявило свою готовность – как во время Карибского кризиса – идти на любые риски для достижения мирового господства. Интеллектуал

с мировым именем, Ноам Хомский, в данной книге исследует причины и истоки того, что привело нас на грань мировой катастрофы, что движет руководителями наших стран, когда они сознательно подвергают всех нас смертельной опасности.

«НЕСОСТОЯТЕЛЬНЫЕ ШТАТЫ» –

убедительная, живо написанная и тщательно документированная книга, предлагает читателю содержательное исследование мировой сверхдержавы, которая уже давно провозглашает за собой право переустраивать другие государства: свергать правительства, которые она считает незаконными, вторгаться в государства, которые, по мнению Америки, угрожают ее интересам, и вводить санкции против режимов, с которыми она вступает в противостояние. Между тем, ее собственные демократические институты поразили тяжелый кризис, а политика и действия США то и дело ставят мир на грань ядерной и экологической катастроф. Книга «Несостоятельные Штаты» Ноама Хомского, последовательно разоблачающая претензии США на роль мирового арбитра демократии, предлагает самую конкретную, подробную и актуальную критику США на данный момент.

Хомский – это мировой феномен... вероятно, это самый читаемый автор по внешней политике на планете.

The New York Times Book Review

Социальный интеллектual номер один в мире.

Prospect/Foreign Policy poll. 2005

Если Соединенные Штаты пойдут по пути Великобритании XIX века, то через сто лет версия событий от Хомского станет стандартом среди историков.

The New Yorker

Хомский, с его неизменной логикой, заставляет нас прислушиваться к словам наших руководителей, и выявлять то, о чем они умалчивают... С ним можно соглашаться или не соглашаться, но мы окажемся в проигрыше, если не прислушаемся к нему.

Business Week

Как мы дошли до того, что стали империей? Работы Ноама Хомского, самого полезного американского гражданина, являются лучшим ответом на этот вопрос.

The Boston Globe

ISBN 978-5-98132-423-8

9 785981 321238